

ISSN 1992–7940

ФИЛОЛОГИЯ И ЧЕЛОВЕК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

№ 4

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2025

Учредители

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»
ФГБОУ ВО «Горно-Алтайский государственный университет»

Редакционный совет

А.А. Чувакин, д.ф.н., проф. — председатель (Барнаул), О.В. Александрова, д.ф.н., проф. (Москва), К.В. Анисимов, д.ф.н., проф. (Красноярск),
Е.Н. Басовская, д.ф.н., проф. (Москва), В.В. Красных, д.ф.н., проф. (Москва),
Л.О. Бутакова, д.ф.н., проф. (Омск), Т.Д. Венедиктова, д.ф.н., проф. (Москва),
О.М. Гончарова, д.ф.н., проф. (Санкт-Петербург), Т.М. Григорьева, д.ф.н.,
проф. (Красноярск), Е.Г. Елина, д.ф.н., проф. (Саратов), Е.Ю. Иванова,
д.ф.н., проф. (Санкт-Петербург), Ю. Левинг, PhD, проф. (Канада, Галифакс),
О.Т. Молчанова, д.ф.н., проф. (Польша, Щецин), М.Ю. Сидорова,
д.ф.н., проф. (Москва), И.В. Силантьев, д.ф.н., проф. (Новосибирск),
К.Б. Уразаева, д.ф.н., проф. (Казахстан, Астана), И.Ф. Ухванова,
д.ф.н., проф. (Белоруссия, Минск), Э. Хоффман, Dr. Philol, доц. (Австрия, Вена),
А.Д. Цветкова, к.ф.н., доцент (Казахстан, Павлодар),
А.П. Чудинов, д.ф.н., проф. (Екатеринбург).

Главный редактор

Т.В. Чернышова

Редакционная коллегия

П.В. Алексеев (зам. главного редактора по литературоведению
и фольклористике), Л.А. Козлова (зам. главного редактора по лингвистике),
К.И. Бринев, М.П. Гребнева, В.В. Десятов, В.Н. Карпухина,
Л.М. Комиссарова, А.И. Куляпин, Е.В. Лукашевич, В.Д. Мансурова,
С.А. Осокина, Ю.В. Трубникова, Л.Н. Тыбыкова

Секретариат

О.А. Ковалев, С.Б. Сарбашева

Адрес редакции: 656049, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66;
Алтайский государственный университет, Институт гуманитарных наук, о/ф. 405а.
Тел.: 8 (3852) 296617. E-mail: sovet01@filo.asu.ru
Адрес на сайте АлтГУ: <http://journal.asu.ru/pm/>
Адрес в системе РИНЦ: https://www.elibrary.ru/title_about_new.asp?id=25826
Адрес в Open Journal System: <http://journal.asu.ru/pm/index>

ISSN 1992-7940

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

В. С. Савельев. Часть речи, представляющая движение духа человеческого кратко	7
Т. В. Сивова. Цветовая визуализация косточковых растений: цвет сливы (опыт полидискурсивного исследования).....	22
А. Д. Урюпина, А. Ю. Ильина. Способы образования архитектурных терминов на материале английского и русского языков.....	42
М. Г. Ромашин. Образность и метафоричность терминологии в английских научно-технических текстах нефтегазовой отрасли	55
Т. И. Щелок, И. А. Чернова. Семантико- pragmaticальные особенности заимствований тематической рубрики «Kino&Serien» в контексте медиалингвистической парадигмы.....	71
Н. Ф. Акимова. Неофраземы французского молодежного социолекта	90
Ю. И. Щербинина. Языковые средства типизации персонажей в англоязычной литературе (на примере архетипа «мудрый старец»)	111
Ю. В. Малицкий. Белорусский публицистический текст: диахронно-синхронный аспект.....	135
В. А. Черванёва. Мифологический рассказ в системе мифологической прозы: подходы к определению жанра.....	150
Г. М. Маматов. «Ангел севера» Н. П. Гронского: анализ одного стихотворения	170
М. В. Ларина. «Лишний человек» как «новый святый» (герой романа А. Иванова «Географ глобус пропил»)	185
О. В. Каркавина. Особенности и роль синестетических включений в художественном мире Дж. Харрис	197

Научные сообщения

О. С. Григорьева. Научный и учебный дискурсы в аспекте семантической изотопии	211
С. В. Лопухов. Семиотические типы интернет-мемов.....	220

Проблемы филологического образования

Е. Ю. Сафонова, Е. П. Селезнева. Художественный образ в преподавании русского языка как иностранного: от перцепции к творчеству	230
--	-----

Люди. Факты. События

Н. В. Бубнова. Там, где Волга впадает в Каспийское море: обзор XXIII Международной научной конференции «Ономастика Поволжья»	253
---	-----

Резюме	259
Содержание журнала за 2025 год	274
Наши авторы	279

CONTENTS

Articles

V. S. Savelyev. Part of Speech Presenting Movement of the Human Spirit Briefly.....	7
T. V. Sivova. Color Visualization of Stone Fruits: Plum Color (Polydiscursive Research).....	22
A. D. Uryupina, A. Yu. Ilyina. Methods of Forming Architectural Terms Based on the Material of the English and Russian languages.....	42
M. G. Romashin. Imagery and metaphoricity terminology in English scientific and technical texts of the oil and gas industry.....	55
T. I. Shchelok, I. A. Chernova. Semantic-Pragmatic Features of Borrowings of the Thematic Section “Kino & Serien” in the Context of Media-Linguistic Paradigm	71
N. F. Akimova. Neophrasemes of the French youth sociolect	90
Yu. I. Scherbinina. Linguistic Means of Character Typification in English-Language Literature (a Case Study of the Wise Old Man Archetype).....	111
Yu. V. Malitsky. Belarusian Journalistic Text: Diachronic-Synchronous Aspect.....	135
V. A. Chervaneva. Mythological Story in the System of Mythological Prose: Approaches to Defining the Genre	150
G. M. Mamatov. The Spatial-Temporal Structure of N. P. Gronsky’s Poem “Angel of the North”: between Eternity and Being	170
M. V. Larina. A “Superfluous Man” as a “New Saint” (the Character of the A. Ivanov’s Novel “The Geography Teacher Drank His Globe Away”)	185
O. V. Karkavina. Peculiarities and Role of Synesthetic Inclusions in the Artistic World of Jo-anne Harris	197

Scientific reports

O. S. Grigorieva. Scientific and Educational Discourses in the Aspect of Semantic Isotopy.....	211
S. V. Lopuhov. Semiotic Types of Internet Memes: Classification and Comparative Analysis	220

Problems of philological education

- E. Yu. Safronova, E. P. Selezneva.** Imagery in Teaching Russian as a Foreign Language: from Perception to Creativity 230

People. Facts. Events

- N. V. Bubnova.** Where the Volga Flows into the Caspian Sea: Review of the XXIII International Scientific Conference “Onomastics of the Volga Region” 253

Summary 259

Issues content for 2025 274

Our authors 279

СТАТЬИ

ЧАСТЬ РЕЧИ, ПРЕДСТАВЛЯЮЩАЯ ДВИЖЕНИЕ ДУХА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КРАТКО

В.С. Савельев

Ключевые слова: междометие, М.В. Ломоносов, грамматики русского языка XVIII в.

Keywords: interjection, M.V. Lomonosov, grammar of the Russian language of the 18th century

DOI: [https://doi.org/10.14258/filichel\(2025\)4-01](https://doi.org/10.14258/filichel(2025)4-01)

Bведение

Одной из частей речи, традиционно выделяемых отечественными грамматистами, является междометие. Несмотря на наличие значительного количества монографических исследований, ей посвященных (например, [Германович, 1966], [Шаронов, 2008], [Шкапенко, 2017]), ее изучение продолжает оставаться актуальным. В частности, в научных трудах не обнаруживается однозначного ответа на вопрос, на который необходимо ответить, приступая к изучению любой группы слов, относимых к одной части речи: что объединяет все эти слова с точки зрения их функций?

В авторитетных современных источниках обнаруживаются следующие определения: «Междометием называется неизменяемая и не имеющая специальных грамматических показателей часть речи, служащая для выражения чувств и волевых побуждений» [Грамматика русского языка, 1960, с. 672], «Междометия — это класс неизменяемых слов, служащих для нерасчлененного выражения чувств, ощущений, душевных состояний и других (часто непроизвольных) эмоциональных и эмоционально-волевых реакций на окружающую действительность» [Русская грамматика, 1980, с. 731], «Междометия — лексико-грамматический класс неизменяемых слов, не относящихся ни к служебным, ни к знаменательным словам и служащих для выражения (но не называния) чувств, экспрессивных оценок, волевых побуждений, призыва» [Русский язык. Энциклопедия, 1997, с. 230], «Междо-

метиями называют относительно непродуктивную часть речи, которая <...> выражает (но не называет!) эмоции» [Современный русский язык, 2007, с. 352].

Как мы видим, общим в этих определениях является отрицание номинативной функции междометий¹, но указывая, что междометия что-то выражают, грамматисты высказывают разные точки зрения относительно того, что именно они выражают.

Между тем данное положение дел — расхождение в определении объекта, «скрытого» за междометиями, — обнаруживается уже в первых грамматиках русского языка, написанных в XVIII в. Какие термины в них использовались? Как менялось их употребление? На эти вопросы мы попытаемся ответить в рамках данной статьи.

Методы и материалы исследования

В качестве материала исследования были использованы грамматики русского языка XVIII — первой трети XIX в. Обращение к научным текстам данного периода связано с тем, что их анализ позволяет увидеть особенностях научные представления о грамматическом строе русского языка на первом этапе его изучения. Главный грамматический труд этого периода — «Российская грамматика» М.В. Ломоносова (1755). На наш взгляд, исследование научных текстов XVIII — первой трети XIX в. позволяет, с одной стороны, установить предпосылки написания этого труда, а с другой стороны, определить вектор развития грамматической мысли после его издания. Формирование грамматической традиции в этот период привело в итоге к появлению исследований Н.Н. Греча (1828) и А.Х. Востокова (1831), знаменующих новый этап научного описания русского языка.

Создание грамматик в XVIII — первой трети XIX в. было связано не только с научным изучением русского языка, но и с учебными целями. В связи с этим в качестве материала исследования наряду с грамматиками мы использовали азбуки, в которых упоминаются междометия.

¹ Междометия — одно из главных вербальных средств выражения эмоций, а потому являются объектом изучения эмотиологии (лингвистики эмоций). Относительно них высказываются различные точки зрения. В частности, дискуссионным видится вопрос о понятийности / непонятийности междометий (см. [Шаховский, 2009, с. 52–54]), однако примечательно, что основанием для обсуждения в этом случае служит общее признание того, что междометия в принципе считаются средством выражения человеческих эмоций.

Наряду с упомянутыми источниками мы обращались к текстам, написанным латинскими грамматиками, а также европейскими грамматистами в XVI–XVII вв., что позволило нам высказать предположения об источниках терминологии, использованной в грамматических описаниях русского языка XVIII — первой трети XIX в.

При анализе материала были использованы описательный и сравнительный методы исследования: их применение позволило установить особенности различных толкований понятия «междометие», отражающих представления лингвистов XVIII — первой трети XIX в. о данном объекте, а также определить сходства и различия в определении его функций.

Прежде всего, следует сказать, что описание междометий встречается далеко не во всех грамматиках русского языка XVIII — первой трети XIX в. Их упоминание в доломоносовских грамматиках² ограничивается изданным на немецком языке приложением к «Немецко-латинскому и русскому лексикону» Э. Вейсмана (1731) «Anfangs-Gründe der Russischen Sprache», написанным В.Е. Адодуровым, в главе XI которого указывается: «*Interiectiones* sind endlich solche Wörter womit ich Leidenschaften des Gemüths ausdrücke: als beym Schmertzen kommen vor **увы** **weh**, **охъ** **ach**. Bey der Verwunderung, **ба** ey wie schön, **что это** was da, bey der Furcht exprimirt man sich durch **ахъ** und **ай**. Beym Lachen gebraucht man **ха**, **ха**, **ха** und beym Weinen sind die gewöhnlichsten Particuln **ой**, u. s. w.» [Вейсман, 1731, с. 46] («Междометия — это такие слова, с помощью которых я могу выразить душевные порывы: так, при ощущении боли появляется **увы** (*weh*), **охъ** (*ach*). При удивлении — **ба** (*ey wie schön*), **что это** (*was da*); страх выражается с помощью **ахъ** и **ай**. Когда смеются, то используют **ха**, **ха**, **ха**, а когда плачут, то используют обычно частицу **ой** и т. д.» [Адодуров, 2014, с. 181]³).

В «Российской грамматике» М.В. Ломоносова (1755) встречаем следующее определение: «Междометіе представляет движение духа человѣческаго кратко» [Ломоносов, 1755, с. 24, 25].

То огромное влияние, которое оказал труд М.В. Ломоносова на развитие грамматической мысли в России, проявилось, в частности, и в том, что данные великим ученым определения повторялись многими его последователями: «Междометіе кратко изображает различныя движения человѣческаго духа» [Барсов, 1773, с. 82], «Междометія

² Обзор доломоносовских грамматик русского языка см. в [Unbegau, 1958], [Успенский, 1992], [Карева, 2011].

³ Сочетание Leidenschaften des Gemüths дословно можно перевести как 'стремления души'.

суть такія частицы, кои къ смыслу рѣчи не относятся, но означають только разныя движенія духа» [Краткая российская грамматика, 1793, с. 31], «Междометie. Для краткаго изображенія различныхъ движеній человѣческаго духа» [Решетников, 1801, с. 47], «Междометie есть часть рѣчи, несклоняемая и выражаяющая различныя движенія духа» [Вербицкий, 1813, с. 115], «Междометія суть частицы или слова, означающія разныя движенія духа» [Драгоценный подарок детям, 1816, с. 178], «Междуметie есть часть рѣчи, различная движенія человѣческаго духа кратко изображающая» [Краткие правила ко изучению грамматики, 1816, с. 152].

Однако в грамматических трудах того же периода кроме сочетания *движения духа* встречаются и другие номинации, которые можно разделить на две группы:

1) в качестве объекта упоминаются *движения души* (или *душевые движения*): «Междуметie есть послѣдняя часть рѣчи, въ окончаніи своеи неперемѣняемая, кратко различная движенія души выражаяющая» [Соколов, 1788, с. 64], «Междометія суть слова, которыя кратко выражают различныя души движенія» [Подарок для детей, 1810, с. 45], «Междометie есть часть рѣчи, изображающая различныя движенія души» [Орловский, 1814, с. 47];

2) в качестве объекта упоминаются *страды (пристрастия)*⁴: «Междомѣтие есть часть слова, изображающая разныя страды» [Сырейщиков, 1787, с. 47], «Междометie есть часть слова, изображающая разныя страды» [Богородский, 1802, с. 51], «Междомѣтие есть часть рѣчи, изображающая разныя страды» [Модрю, 1808, с. 84], «Междометie есть часть рѣчи, изображающая разныя страды» [Самоучитель, 1827, с. 48]⁵.

Чем объясняется обнаруженная вариативность в выборе номинации?

Прежде всего, обращает на себя внимание то, что сочетания *движения духа* и *движения души* в значительной степени похожи друг на друга. В «Словаре Академии Российской» (1790) некоторые толкования значений слов *духъ* и *душа* свидетельствуют об их синонимичности в восприятии современников: «Духъ <...> 7) То же что и душа» [Словарь Ака-

⁴ Согласно одному из толкований «Словаря Академии Российской» (1794), *страсть* представляет собой «сильное чувствованіе охоты или отвращенія, соединенное съ необыкновеннымъ движеніемъ крови и жизненныхъ духовъ» [Словарь Академии Российской, 1794, с. 845]

⁵ Примечательно дословное совпадение обнаруживаемых в разных источниках определений со словом *страды*.

демии Российской, 1790, с. 803] и «Душа <...> 1) Вообще духъ вліяній въ тѣло животное» [Словарь Академии Российской, 1790, с. 822]⁶.

В современном «Словаре русского языка XVIII века» описываются оба рассматриваемых сочетания: «Дух <...> 10. Внутренний психический мир человека — сознание и чувства; состояние, расположение чувств и мыслей <...> ◀ Движение духа (ср. фр. *émotion d'esprit*). Движение духа, или души, печаль, или испужение. ЛВ¹ I 79. Понеже дух его размышлениеми приведен был в великое движение, то едва заснуть он мог. Хр. Бес II 224» [Словарь русского языка XVIII века, 1992, с. 37, 38] и «Душа <...> 2. Внутренний психический мир человека — сознание и чувства; состояние, расположение чувств и мыслей <...> ◀ Движение (движения) души (ср. фр. *émotion d'esprit*). Разум ни чему нас не научает, чувства то дѣлают. Всѣ движения души от них. Сум. СС VI 304. [Клердон:] Блѣдное и измѣняющееся его лицо, изъявляло мнѣ бурныя души его движения. Безбожн. 48» [Словарь русского языка XVIII века, 1992, с. 42, 43]. Примечательно, что в обоих случаях они оцениваются как кальки французского *émotion d'esprit*, а в качестве примеров приводятся переводные тексты — с французского, английского и немецкого языков.

Если обратиться к европейским грамматикам, обнаруживается, что при описании междометий в них начиная с XVI в. регулярно используются сочетания, которые на русский язык можно перевести как *движения духа (души)*. Так, в разделе трактата «О причинах латинского языка» (1540), посвященном междометиям, И.Ю. Скалигер использует сочетание *animi motus*⁷; в «Грамматике Пор-Рояля» А. Арно и К. Лансло (1660) обнаруживается сочетание *les mouvements de notre ame*⁸; в первой фундаментальной грамматике немецкого языка Ю.Г. Шоттеля (1663) обнаруживается слово *Bewegung*⁹.

⁶ При этом, разумеется, другие толкования значений этих слов в значительной степени различаются.

⁷ «<...> mirificus enim ornatus orationis est, & augustiores efficit animi motus, quemadmodum in libris Poetices a nobis exactissime dictum est» [Scaliger, 1597, с. 410].

⁸ «Les interjections sont des mots qui ne signifient aussi rien de nous; mais ce sont seulement des voix plus naturelles qu'artificielles, qui marquent les mouvements de notre ame, comme, ah! o! heu! helas! etc.» [Grammaire generale et raisonnee, 1803, с. 384].

⁹ «Das Zwischenwort (Interjectio) ist gleichfalls ein unwandelbares Wort/ und wird also genant /weil es hauptsachlich der Wortmehnung / und der Rede feine tuht /sonderen nur zwischen gesessen /und dadurch des Redners vorhabende Bewegung mit angedeutet wird /» [Schottel, 1663, с. 666].

Таким образом, выбор между сочетаниями *движения духа и движения души* можно оценить как результат поиска более точной передачи термина, используемого европейскими грамматистами.

Что касается *страстей*, изображаемых междометиями, то выясняется, что это словоупотребление в русской грамматической традиции имеет более долгую историю. В грамматическом описании церковнославянского языка М. Смотрицкого «Грамматики Славенскія правильное синтагма» (1619) обнаруживается следующее определение: «Междометіе есть часть слова нескланяема содержаща в себе словеса смысла страсть из'являюща и между проча словы части вмѣтаема» [Смотрицкий, 1619, с. 370], дословно повторяющееся в грамматике доломоносовского периода «Технология то есть художное беседование о грамматическом художестве» Ф. Поликарпова (1725)¹⁰. В. Е. Адодуров в «Anfangs-Gründe der Russischen Sprache» также упоминает *Leidenschaften* ‘страды’ (а не *Bewegung* ‘движения’). В учебнике латинского языка В.И. Лебедева (1746) также обнаруживается слово *страсты*¹¹.

Таким образом, М. В. Ломоносов, составляя раздел, посвященный междометиям, имел возможность выбрать слово *страды*, использованное М. Смотрицким, грамматический труд которого он высоко ценил¹². Несмотря на это, М. В. Ломоносов выбирает сочетание, чаще используемое европейскими грамматистами, что хорошо соотносится с научными взглядами великого ученого: «Описание Ломоносовым современного русского языка не лишено весьма явственно пропущенного влияния грамматиков классической традиции в том виде, как она преломилась на европейской почве. Это влияние прослеживается и в общих воззрениях на язык, и в методе описания грамматических

¹⁰ «Междометіе есть часть слова нескланяемая, содержаща в себе словеса, смысла страсть из'являюща, и между прочими слова частми вмѣтаемая» [Бабаева, 2000, с. 272].

¹¹ «Междометія называются слова значащія иногда одинъ токмо звонъ, которымъ изъявляются особливыя человѣческія страсти» [Лебедев, 1746, с. 243].

¹² Примечательно, что, работая над своей грамматикой, М. В. Ломоносов в качестве уже существующих описаний русского языка упоминал два труда: «Сю грамматику не выдаю я заполненную, но только опытъ, ибо еще никакой нѣть, кроме славенской и малинькой в лексиконѣ, весьма несовершенной и во многихъ мѣстахъ не <<справедливой>> исправной» [Ломоносов, 1952, с. 690, 691], имея в виду грамматические труды М. Смотрицкого и В. Е. Адодурова (см. [Ломоносов, 1952, с. 934]).

категорий, и в характеристике самих этих категорий» [Амирова, Ольховиков, Рождественский, 2005, с. 168].

В частности, М. В. Ломоносов оценивает междометие (наряду с местоимением и наречием) как часть речи, которой свойственна анафорическая функция и которая служит целям экономии речевых усилий: «Множество понятий и поощреніе къ скорому и краткому ихъ сообщенію привело человѣка нечувствительно къ способамъ, какъ бы слово свое сократить и выключить скучные повторенія одного реченія. Оные способы суть части слова, знаменательныя, кратко заключающія въ себѣ нѣсколько идей разныхъ, и называются *Мѣстоименіе, Нарѣчіе, Междометіе*» [Ломоносов, 1755, с. 24], и приводит пример использования междометия вместо целого предложения: «Семпроній увидѣвъ нечаянно Тиція, молвилъ: ба! вмѣсто сего: *я удивляюсь, что тебя здѣсь вижу*» [Ломоносов, 1755, с. 25]. Схожий способ описания междометия обнаруживается в известном труде К. Бюфье «Новый взгляд на французскую грамматику» (1741): «Toutes les interjections sont de cette nature pour suppléer à diverses sortes de phrases ou de périodes qui exprimeroient de la douleur, du mépris, de l'étonnement ou quelque autre mouvement de l'ame que ce soit: par exemple *ouf* supplée à ces termes, *voilà que je reffens une vive et subite douleur* (Все междометия имеют такую «природу и заменяют различные виды фраз или периодов, которые могли бы выразить боль, презрение, удивление или любое другое движение души: например, *ouf* заменяет следующее выражение: *вот я чувствую острую и внезапную боль*)» [Buffier, 1741, с. 87, 88].

Возвращаясь к выбору номинации *страсти*, отметим, что появление данного слова в грамматиках также неслучайно: его можно соотнести со словом *affectus* (= *adfectus*), используемым европейскими грамматистами наряду с терминами *animi motus, les mouvements de ame, Bewegung*. Так, у И. Ю. Скалигера встречается сочетание *animi affectus*¹³, у Ю. Г. Шоттеля — *animi affections*¹⁴, в «Очерке французской грамматики» Ренье-Демарэ (1706) используется сочетание *les mouvements & les affections de l'ame*¹⁵.

¹³ «Quot igitur animi affectus, tot erunt interiectiones» [Scaliger, 1597, с. 410].

¹⁴ «Interjectio est dictio invariabilis, quae orationi interjecta, aliquem animi affectionem exprimit» [Schottel, 1663, с. 666].

¹⁵ «<...> Jules Cesar Scaliger, qui la regardoit comme la premiere & la principale de toutes les parties du discours, parce que c'est celle qui marque le plus les mouvements & les affections de l'ame» [Regnier-Desmarais, 1706, с. 562].

Использование двух терминов в европейских грамматиках вполне соотносится с тем, что обнаруживается у латинских грамматиков, употреблявших при описании междометий оба сочетания: так, Флавий Сопипатр Харисий упоминает *adfectus animi* и *motus animi* ([Grammatici latini, 1857, с. 238, 239]), Диомед — *adfectus animi* и *motus animi* ([Grammatici latini, 1857, с. 419]), Проб — *motus animi* и *adfectus animi nostri* ([Grammatici latini, 1864, с. 146]).

Таким образом, нет ничего удивительного в том, что вслед за латинскими и европейскими авторами многие российские грамматисты XVIII — первой трети XIX в. используют одновременно два способа номинации в разных комбинациях: «Междометіе есть слово несклоняемое и разныя душевныя движенія или пристрастія кратко изъявляюще» [Курганов, 1769, с. 49], «Междометіе есть неизмѣняемая часть рѣчи, показывающая какую нибудь страсть, или движеніе духа, въ томъ кто говорить» («Российская грамматика» А.А. Барсова (1788); цит. по изд. [Российская грамматика, 1981, с. 151]), «Междометіе есть часть рѣчи для изображенія душевныхъ движеній во время страстей служащая» [Российская грамматика, 1802, с. 249], «Междометіе есть часть рѣчи несклоняемая; она употребляется для изображенія разныхъ движеній, дѣйствиемъ страстей въ душѣ произвѣдимыхъ» [Российская грамматика, 1809, с. 80], «Междометіе изображаетъ страсти или разныя движенія души» [Кошанский, 1816, с. 53], «Междометіе есть часть рѣчи, употребляемая для изображенія движеній страстей, происходящихъ въ душѣ нашей» [Краткая российская грамматика, 1828, с. 39]¹⁶.

Коренным образом описание функций междометий меняется в грамматиках Н.Н. Гречи и А.Х. Востокова, в значительной степени определивших становление грамматической терминологии XIX–XX вв.: «Междометія суть звуки голоса, коими, какъ бы невольно, выражается какое либо ощущеніе» [Греч, 1828, с. 86], «Междометіе есть разрядъ словъ, употребляемый вмѣсто глагола, для невольнаго выраженія чув-

¹⁶ Еще одним примечательным свидетельством того, что упомянутые вариативные номинации воспринимались грамматистами как равнозначные, являются словарные статьи в «Немецко-латинском и русском лексиконе» Э. Вейсмана (1731): «Bewegung, motus, agitatio движеніе, подвиженіе, des Gemuths, affectus, страсть, пристрастіе, страство-ваніе, прихоть» [Вейсман, 1731, с. 93] и «Gemuths Bewegung, affectus, motus animi, похот nіе, возпаленіе, пристрастіе ума» [Вейсман, 1731, с. 235].

ствованій» [Востоков, 1831, с. 221]¹⁷ — вместо упоминания *движения духа* (*души*) и *страстей* грамматисты говорят об *ощущениях* и *чувствованиях*, используя термины, которые обнаруживаются и в современных грамматических описаниях. Однако, как это ни удивительно, в современных определениях обнаруживаем и термин, который неявным образом восходит к грамматикам XVIII — первой трети XIX вв.: термин *эмоция* представляет собой заимствование из французского языка, в котором используется слово *émotion*, выражающее, в частности, значение '(душевное) движение'¹⁸ и образованное от латинского глагола *movere* 'двигать'¹⁹.

Заключение

Исследование грамматик русского языка XVIII — первой трети XIX в. позволяет сделать следующие выводы:

1. Междометие оценивается грамматистами как часть речи, которой не свойственна номинативная функция: междометие не называет, а изображает (показывает) определенный объект.
2. В качестве объекта, изображаемого (показываемого) междометиями, упоминаются *движения духа*, *движения души* и *страсты*.
3. Употребляемые в грамматиках русского языка термины опосредованно через европейские грамматики восходят к используемым в латинских грамматиках сочетаниям: *движения духа* и *движения души* — *motus animi*, *страсты* — *affectus* (= *affectus*) *animi*.
4. Грамматисты могут следовать одной из трех стратегий: а) используется только сочетание *движения духа* (*движения души*), б) используется только слово *страсты*, в) используются оба термина.
5. Использование термина *страсты* имеет долгую историю и восходит к грамматике М. Смотрицкого (1619); появление в грамматиках со-

¹⁷ А.Х. Востоков выделяет также группу звукоподражательных междометий: «Междометія звукоподражательные суть изображаючія звукъ паденія: бухъ! шмякъ! — Звукъ удара: бацъ! хлопъ! — Изображаючія голосъ разныхъ животныхъ, напр. пѣуха: кукуреку! кошки: мяу! собаки: гамъ гамъ! и пр.» [Востоков, 1831, с. 221].

¹⁸ «Émotion, sf. возбуждение, волнение, душевное движение, эмоция; || смущение, трепеть; || тревога; || движение, возмущение, народное волнение» [Макаров, 1904, с. 412].

¹⁹ «Эмоция фр. *émotion* от лат. *emovere* возбуждать, волновать e- (ex-) из, от + *movere* двигать научн., книжн. Чувство, переживание, душевное волнение (гнев, страх, радость)» [Червинский, Надель-Червинская, 2012, с. 626].

четаний *движения духа* (*движения души*) связано с «Российской грамматикой» М.В. Ломоносова (1755).

6. Выбор между сочетаниями *движения духа* и *движения души* мотивирован поиском более удачной с точки зрения автора грамматики номинации, соотносимой с обозначением *motus animi*.

7. Сочетания *движения духа*, *движения души* и *страсты* выходят из употребления на рубеже 20–30-х гг. XIX в. после издания грамматик Н.Н. Гречи и А.Х. Востокова, в которых используются термины *ощущения* и *чувствования*, сохранившиеся и в современных грамматиках.

8. Своеобразным терминологическим наследием грамматик XVIII — первой трети XIX в. в современных научных текстах является слово *эмоция*, соотносимое с фр. *émotion* ‘(душевное) движение’.

Библиографический список

Амирова Т.А., Ольховиков Б.А., Рождественский Ю.В. История языкоznания. 2-е изд. М.: Изд. центр «Академия», 2005. 672 с.

Германович А.И. Междометия русского языка: пособие для учителя. Киев: Изд-во «Радянська школа», 1966. 172 с.

Грамматика русского языка. Т. И. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 720 с.

Карева Н.В. Становление традиции грамматического описания русского языка (1730–1750-е гг.) // Литературная культура России XVIII века / под ред. П.Е. Бухаркина, Е.М. Матвеева, А.Ю. Тираспольской. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. Вып. 4. С. 90–109.

Макаров Н.П. Полный французско-русский словарь. 11-е изд. СПб.: Наследники Макарова, 1904. 1150 с.

Русская грамматика. Т. И. М.: Изд-во «Наука», 1980. 789 с.

Русский язык. Энциклопедия. Издание 2-е, переработанное и дополненное / гл. ред. Ю.Н. Караполов. М.: Науч. изд-во «Большая Российская энциклопедия», 1997. 703 с.

Словарь Академии Российской. Ч. II. От Г. до З. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1790. 1200 с.

Словарь Академии Российской. Ч. V. От Р. до Т. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1794. 1084 с.

Словарь русского языка XVIII века. Вып. 7. Древо — Залежь. СПб.: «Наука», 1992. 264 с.

Современный русский язык / под ред. П.А. Леканта. М.: Дрофа, 2007. 559 с.

Успенский Б.А. Доломоносовские грамматики русского языка (итоги и перспективы) // Доломоносовский период русского литературного

языка. The Pre-Lomonosov period of the Russian literary language. Материалы конференции на Фагеррудде, 20–25 мая 1989 г. Stockholm: Slavica Suecana. Series B — Studies. 1992. Vol. 1. С. 63–169.

Червинский П., Надель-Червинская М. Толково-этимологический словарь иностранных слов русского языка. Тернополь: Крок, 2012. 640 с.

Шаронов И.А. Междометия в речи, тексте и словаре. М.: РГГУ, 2008. 296 с.

Шаховский В.И. Эмоции. Долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 128 с.

Шкапенко Т.М. Основы интеракционально-прагматической теории междометия : монография. Калининград: Изд-во Балтийского федерального университета им. И. Канта, 2017. 167 с.

UnbegauB.O. Russian Grammars before Lomonosov // Oxford Slavonic Papers. Vol. 8. Oxford, 1958. P. 98–116.

Источники

Бабаева Е.Э. Федор Поликарпов. Технология. Искусство грамматики. СПб.: ИНА-Пресс, 2000. 374 с.

Барсов А.А. Краткие правила российской грамматики. М.: При Имп. Моск. Ун-те, 1773. 103 с.

Богородский В. Новая российская азбука. М.: В Губ. тип. у А. Решетникова, 1802. 120 с.

Василий Евдокимович Адодуров: «Anfangs-Gründe der Russischen Sprache», или «Первые основания российского языка». СПб.: Наука, Нестор-История, 2014. 253 с.

Вейсман Э. Немецко-латинский и русский лексикон. St. Petersburg: Gedr. in der Kayserl. Acad. der Wissenschaften Buchdruckerey, 1731. 788 с.

Вербицкий А.А. Краткая российская грамматика. Харьков: Унив. тип., 1813. 141 с.

Востоков А.Х. Русская грамматика, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная. СПб., 1831. 408 с.

Греч Н.И. Начальные правила русской грамматики. СПб.: В Тип. Имп. Воспит. Дома, 1828. 152 с.

Драгоценный подарок детям. М.: В Тип. Н.С. Всеволожского, 1816. 190 с.

Кошанский Н.Ф. Начальные правила русской грамматики. 3-е изд. М.: Унив. тип., 1816. 73 с.

Краткая российская грамматика. 2-е изд. М.: Унив. тип., 1828. 65 с.

Краткая российская грамматика. М.: В Унив. тип., 1793. 40 с.

Краткие правила ко изучению грамматики. СПб., 1816. 190 с.

Курганов Н.Г. Российская универсальная грамматика, или Всеобщее писмословие. СПб., 1769. 424 с.

Лебедев В.И. Сокращение грамматики латинской, в пользу учащагося латинскому языку российского юношества. СПб.: Имп. Акад. наук, 1746. 335 с.

Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений в 10 т. Т. 7. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952. 996 с.

Ломоносов М.В. Российская грамматика. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1755. 212 с.

Модрю Ж.-Б. Основательное сокращение российской грамматики. М.: Унив. тип., 1808. 118 с.

Орловский Н. Краткая российская грамматика. СПб.: При 1-м Кад. корп., 1814. 74 с.

Подарок для детей, или Новая российская азбука. 3-е изд. М.: В Губ. тип. у А. Решетникова, 1810. 88 с.

Решетников А.Г. Новая российская азбука для обучения детей чтению. М.: При Губ. Прав. у А. Решетникова, 1801. 88 с.

Российская грамматика Антона Алексеевича Барсова / под ред. и с пред. Б.А. Успенского. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. 777 с.

Российская грамматика, изданная от Главного правления училищ для преподавания в нижних учебных заведениях. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1809. 125 с.

Российская грамматика, сочиненная Императорской Российской академией. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1802. 355 с.

Самоучитель, или Полная российская азбука. М.: В Тип. Н. Степанова, 1827. 211 с.

Смотрицкий М. Грамматики славенския правилное Синтагма. Евье: Тип. Братская, 1619. 490 с.

Соколов П.И. Начальные основания российской грамматики. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1788. 147 с.

Сырейщиков Е.Б. Краткая российская грамматика. СПб.: Тип. Гека, 1787. 57 с.

Buffier Cl. Grammaire francale sur un plan nouveau. Paris, 1741. 502 с.

Grammaire generale et raisonnee de Port-Royal, par Arnauld et Lancelot. Paris, 1803. 470 с.

Grammatici latini ex recensione Henrici Keilii. Vol. 1. Lipsiae, 1857. 610 p.

Grammatici latini ex recensione Henrici Keilii. Vol. 4. Lipsiae, 1864. 615 p.

Regnier-Desmarais F.-S. Traite de Grammaire Francale. Paris, 1706. 780 с.

Scaliger I.C. De causis linguae Latinae libri tredecim. Apud Petrum Santandreamum. 1597. 450 с.

Schottel J.G. Ausführliche Arbeit Von der Teutschen HaubtSprache. Braunschweig: Zilliger, 1663. 1466 c.

References

Amirova T.A., Ol'govikov B.A., Rozhdestvenskij Yu.V. History of linguistics, Moscow, 2005, 672 p. (In Russian).

Germanovich A.I. Interjections of the Russian language. A manual for teachers, Kyiv, 1966, 172 p. (In Russian).

Russian grammar, vol. I, Moscow, 1960, 720 p. (In Russian).

Russian grammar, vol. I, Moscow, 1980, 720 p. (In Russian).

Kareva N.V. Formation of the tradition of grammatical description of the Russian language (1730–1750s). *Literaturnaya kul'tura Rossii XVIII veka* = Literary culture of Russia in the 18th century, 2011, vol. 4, pp. 90–109. (In Russian).

Russian language. Encyclopedia, Moscow, 1997, 703 p. (In Russian).

Dictionary of the Russian Academy, vol. II. from Г. to З, St. Petersburg, 1790, 1200 p. (In Russian).

Dictionary of the Russian Academy, vol. V, from Р. to Т, St. Petersburg, 1794, 1084 p. (In Russian).

Dictionary of the Russian language of the 18th century, vol. 7. Древо — Залежь, St. Petersburg, 1992, 264 p. (In Russian).

Makarov N.P. Complete French-Russian dictionary, 11th ed, St. Petersburg, 1904, 1150 p. (In Russian).

Modern Russian language, Moscow, 2007, 559 p. (In Russian).

Uspenskij B.A. Dolomonosov's grammars of the Russian language (results and prospects). *Dolomonosovskij period russkogo literaturnogo jazyka* = The Pre-Lomonosov period of the Russian literary language. Stockholm, 1992, pp. 63–169. (In Russian).

Chervinskij P., Nadel-Chervinskaya M. Explanatory and Etymological Dictionary of Foreign Words of the Russian Language, Ternopil, 2012, 640 p. (In Russian).

Sharonov I.A. Interjections in speech, text and dictionary, Moscow, 2008, 296 p. (In Russian).

Shahovskij V.I. Emotions. Prelinguistics, linguistics, linguacultural studies, Moscow, 2010, 128 p. (In Russian).

Shkopenko T.M. Fundamentals of the Interactional-Pragmatic Theory of Interjection, Kaliningrad, 2017, 167 p. (In Russian).

Unbegaun B.O. Russian Grammars before Lomonosov. Oxford Slavonic Papers, vol. 8, Oxford, 1958, pp. 98–116.

List of Sources

- Babaeva E.E. Fyodor Polikarpov. Technology. The Art of Grammar, St. Petersburg, 2000, 374 p. (In Russian).
- Barsov A.A. Brief rules of Russian grammar, Moscow, 1773, 103 p. (In Russian).
- Bogorodskij V. New Russian alphabet, Moscow, 1802, 120 p. (In Russian).
- Vasily Evdokimovich Adodurov: «Anfangs-Gründe der Russischen Sprache», or "The First Foundations of the Russian Language", St. Petersburg, 2014, 253 p. (In Russian).
- Vejsman E. German-Latin and Russian Lexicon, St. Petersburg, 1731, 788 p. (In Russian).
- Verbickij A.A. Brief Russian grammar, Kharkov, 1813, 141 p. (In Russian).
- Vostokov A.H. Russian grammar, according to the outline of his abbreviated grammar, more fully presented, St. Petersburg, 1831, 408 p. (In Russian).
- Grech N.I. Basic rules of Russian grammar. St. Petersburg, 1828, 152 p. (In Russian).
- A precious gift for children, Moscow, 1816, 190 p. (In Russian).
- Koshanskij N.F. Basic Rules of Russian Grammar, 3rd ed., Moscow, 1816, 73 p. (In Russian).
- Brief Russian Grammar, 2nd ed., Moscow, 1828, 65 p. (In Russian).
- Brief Russian Grammar, Moscow, 1793, 40 p. (In Russian).
- Brief rules for learning grammar, St. Petersburg, 1816, 190 p. (In Russian).
- Kurganov N.G. Russian Universal Grammar, or Universal Writing, St. Petersburg, 1769, 424 p. (In Russian).
- Lebedev V.I. Reduction of Latin grammar for the benefit of Russian youth learning Latin, St. Petersburg, 1746, 335 p. (In Russian).
- Lomonosov M.V. Complete Works, vol. 7, Moscow-Leningrad, 1952, 996 p. (In Russian).
- Lomonosov M.V. Russian grammar. St. Petersburg, 1755, 212 p. (In Russian).
- Modryu Z.H.-B. A Thorough Reduction of Russian grammar, Moscow, 1808, 118 p. (In Russian).
- Orlovskij N. Brief Russian grammar, St. Petersburg, 1814, 74 p. (In Russian).
- A Gift for Children, or the New Russian Alphabet, 3rd ed., Moscow, 1810, 88 p. (In Russian).
- Reshetnikov A.G. New Russian alphabet for teaching children to read, Moscow, 1801, 88 p. (In Russian).

Russian Grammar by Anton Alekseevich Barsov, Moscow, 1981, 777 p.
(In Russian).

Russian grammar, published by the Main Board of Schools for teaching
in lower educational institutions, St. Petersburg, 1809, 125 p. (In Russian).

Russian grammar, compiled by the Imperial Russian Academy,
St. Petersburg, 1802, 355 p. (In Russian).

Self-study guide or the complete Russian alphabet, Moscow, 1827, 211 p.
(In Russian).

Smotrickij M. Slavonic Grammar Correct Syntagma, Evye, 1619, 490 p.
(In Russian).

Sokolov P.I. Basic foundations of Russian grammar, St. Petersburg, 1788,
147 p. (In Russian).

Syrejshchikov E.B. Brief Russian grammar, St. Petersburg, 1787, 57 p.
(In Russian).

Buffier Cl. Grammaire francaise sur un plan nouveau, Paris, 1741. 502 p.

Grammaire generale et raisonnee de Port-Royal, par Arnauld et Lancelot,
Paris, 1803, 470 p.

Grammatici latini ex recensione Henrici Keilii, vol. 1, Lipsiae, 1857, 610 p.

Grammatici latini ex recensione Henrici Keilii, vol. 4, Lipsiae, 1864, 615 p.

Regnier-Desmarais F.-S. Traite de Grammaire Francaise, Paris, 1706, 780 p.

Scaliger I.C. De causis linguae Latinae libri tredecim, Apud Petrum
Santandream. 1597, 450 p.

Schottel J.G. Ausfuhrliche Arbeit Von der Teutschen HaubtSprache,
Braunschweig, 1663, 1466 p.

ЦВЕТОВАЯ ВИЗУАЛИЗАЦИЯ КОСТОЧКОВЫХ РАСТЕНИЙ: ЦВЕТ СЛИВЫ (ОПЫТ ПОЛИДИСКУРСИВНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Т.В. Сивова

Ключевые слова: лингвистика цвета, термин цвета, фитоним, языковое сознание, ассоциативный эксперимент, корпусные исследования

Keywords: linguistics of color, color term, phytonym, linguistic consciousness, associative experiment, corpus studies

DOI: [https://doi.org/10.14258/filichel\(2025\)4-02](https://doi.org/10.14258/filichel(2025)4-02)

Bведение

Статус цвета как одного из главных признаков растения, как «непременного атрибута цветка и любого другого растения» [Кульпина, 2001, с. 269] обуславливает актуальность и значимость много-векторных исследований цветовой концептосферы флористического пространства русского языка. Научный интерес лингвистов вызывают, например, цветовые характеристики флористических объектов и их функциональная нагруженность [Кульпина, 2001]; когнитивные модели цветообозначения, восходящие к когнитивной макромодели «цвет < растение»: «цвет < цветок», «цвет < плод растения (ягода, фрукт, орех, овощ)», «цвет < трава», «цвет < дерево» [Щитова, 2018, с. 84]; роль цветообозначений в ботанической терминологии [Аушева, 2013] и др.

Целью нашего исследования является реконструкция на примере колористических дескрипций сливы сегмента цветовой концептосферы флористического пространства русского языка¹. Выбор фитонима обусловлен, с одной стороны, его аксиологическим потенциалом, с другой — возможной вариативностью трактовки цветового значения как в русском языке, так и в других языках, потенциалом в продуцировании терминов цвета (здесь и далее — ТЦ). Н.Б. Бахилина датирует функционирование и описывает сферу денотации ТЦ *сливной* следующим образом: «можно думать, что существовали и другие цветообозначения для названия смешанного **красно-синего цвета**², так, например, в деловых памятниках XVII в. есть несколько примеров упо-

¹ См.: [Сивова, 2025]: работа посвящена вопросу цветовой визуализации вишни, также включаемой Н.Ю. Шведовой в группу «Косточковые, их плоды»).

² Здесь и далее выделено нами. — **T.C.**

требления прилагательного *сливной*, которое, видимо, было известно и в XVIII в.: *Однорядка сливной цветъ* (Плат. ц. Мих. Фед. — Савв. 1865, 53). А на государе было платья: *однорядка сливной цветъ* (Выходы цар., 21). *Мнъния о цветахъ. Розовой, нѣжности, глупости. Сливной, коварство* (Курганов, Письмовник I, 274)» [Бахилина, 1975, с. 247]. М.В. Румянцева на материале русской художественной литературы XX в. осуществляет «лингвокультурологический анализ метафорических сравнений с эталоном цвета на предмет выявления регулярных моделей метафоризации, частотности выбора того или иного агента сравнения, обозначающего предмет мысли, не имеющий конвенционального цветообозначения в языке» [Румянцева, 2021, с. 42]. Исследователь отмечает, что несмотря на то что «**«синий цвет**, к которому примыкают оттенки голубого, сиреневого и сизого, — это цвет мудрости, вечности, бесконечности (небо, вода), <...> натурморф *небо* занимает только второе место по частоте употребления в сравнениях-колоративах (при этом лексема *вода* в этой роли вообще не встретилась)» [Румянцева, 2021, с. 54]. По наблюдениям М.В. Румянцевой, «на первом месте здесь тоже находятся фитоморфы, представленные целым рядом лексем, именующих конкретные растения, их цветы и плоды: *цветочки, колокольчики, васильки, незабудки, фиалки, медуница, прострел, сливы*» [Румянцева, 2021, с. 54]. Е.А. Юрина и А.В. Боровкова, раскрывая способы толкования образных цветообозначений, мотивированных наименованиями пищевых продуктов, описывая «образные наименования оттенков цвета через аналогию с продуктами питания», отмечают, в частности: «**«синий цвет** находит отражение в метафоре *черничный*, а **оттенки фиолетового** обозначены в 3 языковых метафорах: *смородиновый, баклажаный / баклажановый, слиновый, слиновый*» [Юрина, 2014, с. 109].

«Цвет разлит в природе, — подчеркивает В.Г. Кульпина, — но в первую очередь он — принадлежность нашего сознания, в том числе этнического, этнолингвистического сознания, и он — часть мира наших эмоций» [Кульпина, 2012, с. 79]. Исследователь, сравнивая цветообозначение *śliwka* (польск., букв. ‘сливка’ т.е. ‘слива’) со *сливовый* (русс.), отмечает: «ошибкой было бы отнести <его> к категориям русского слинового <...> несмотря на идентичность денотатов, послуживших прототипом для образования терминов цвета. Для носителей русского языка стереотип слинового цвета — это все-таки темно-синий цвет. По-польски это всегда нечто фиолетово-сиреневое» [Кульпина, 2001, с. 179]. В.Г. Кульпина подчеркивает, что «...опора на цвет-прототип, цветовой эталон не всегда надежна, причем нередко даже в пределах одного языка. Цветообозначение, термин цвета — это отнюдь не всегда точ-

ка на цветовой шкале. Нередко это цветовой сегмент с обозначенными нашим этноязыковым сознанием пределами, цветовыми границами» [Кульпина, 2012, с. 79].

По наблюдениям А.И. Чиварзиной, изучавшей систему цветообозначений в балкано-славянских языках в сопоставлении с албанским и румынским в этнолингвистическом аспекте, «сравнение со сливой является устойчивым при характеристике нездорового цвета кожи и встречается во всех рассматриваемых балкано-славянских языках с разными лексемами в качестве основания сравнения: болг. *син като слива*, мак. *син како слива*, *модар како слива*, *модар како трнинка*, серб. *плав као шљива*, *модар као шљива*» [Чиварзина, 2022, с. 122]. Е.Ю. Воробьева, исследуя динамику коннотативного потенциала цветообозначений во французском языке XX–XXI вв., отмечает, в частности: «...в названиях краски для волос *Garnier* цветовые оттенки *фиолетово-го* возникают через типичные сравнения с предметами растительного мира, которые имеют аналогичный оттенок (*aubergine* баклажан, *prune* слива), а также с красителями (*violine profond* насыщенный ярко-фиолетовый)» [Воробьева, 2020, с. 182]. Цветы сливы, по наблюдениям Е.Н. Филимоновой, в произведениях корейских авторов «выступают как цветовой образ: “На голых ветвях деревьев белел, словно цветы фруктового дерева мэхва, пушистый иней” (Ли Ги Ен 1958, 231)» [Филимонова, 2003, с. 36]. Вместе с тем Ж.А. Мукабенова, выявляя лингвокультурную специфику цветообозначений в языковой картине мира корейцев, в связи с **красным цветом** в корейской лингвокультуре на материале словарей делает заключение о том, что «ассоциативным ядром цветообозначения “красный” является “кровь”, менее часто упоминаются “перец”, “слива” и “яблоко”» [Мукабенова, 2024, с. 83].

Методы и материалы исследования

Материалом носящего полидискурсивный характер исследования послужили: 1) лексикографические данные: толковые словари [БТС, 2000; РСС, 2002], ассоциативный словарь [РАС, 2002], словари цвета [Цвет и названия цвета..., 2005; Харченко, 2021]; 2) данные проведенного нами направленного ассоциативного эксперимента (611 респондентов); 3) проза К.Г. Паустовского (Константин Паустовский. 1981–1986); 4) данные основного корпуса НКРЯ (ОК НКРЯ) и поэтического подкорпуса НКРЯ (ПК НКРЯ); 5) рекламные тексты, размещенные на сайте объявлений «Авито».

Для достижения цели исследования на разных его этапах были применены описательно-аналитический, функционально-семантический

методы, метод контекстуального анализа, элементы сопоставительного анализа текстовых единиц, а также метод направленного ассоциативного эксперимента.

Результаты исследования

К вопросу о классификации. Согласно предложенной Е.В. Дзюбой классификации, слива относится к малотипичным образцам категории ФРУКТЫ в разных вариантах и вариациях языковой картины мира (далее — КМ). Ср.: «Лексикографическая КМ — плод дерева / кустарника семейства розоцветных. Ботаническая КМ — костянка, костянковидный плод древесного растения семейства розоцветных. Агрономическая КМ — плод косточковой культуры. Торгово-экономическая (ГОСТ / ОК) — фрукт. Таможенная КМ — фрукт. Кулинарная КМ — фрукт» [Дзюба, 2015, с. 188–189]. Согласно классификации Н.Ю. Шведовой, слива относится к группе «Деревья, кустарники, полукустарники, кустарнички, полукустарнички → Дающие съедобные плоды; сами такие плоды; цветки → Фруктовые, ягодные, орехоплодовые культуры, их плоды. Маслины → Косточковые, их плоды. Маслины» ...) (наряду со следующими членами группы: алыча, вишня, персик, слива, терновник, терн, черешня, а также маслина, олива) [РСС, 2002, с. 524].

Цвет сливы. Лексикографическая презентация (*желтый, лиловый, темно-красный, фиолетовый* и др.). Толковые словари русского языка фиксируют многоцветность растения: *слива*: ‘плодовое дерево или кустарник сем. розоцветных’; ‘плод этого дерева, кустарника лилового, желтого и др. цвета с крупной косточкой’ [БТС, 2000, с. 1209]; *слива*: ‘дерево или кустарник сем. розоцветных со сладкими округлыми или овальными темно-красными, фиолетовыми или желтыми плодами с сочной мякотью и крупной косточкой’, ‘сам такой плод’ [РСС, 2002, с. 524].

Цвет сливы. Ассоциативное пространство (фиолетовый). Проведенный нами направленный ассоциативный эксперимент³ (2021 г.; 611 респондентов; студенты ГрГУ им. Янки Купалы; возраст: 17–20; пол: 314 жен., 297 муж.), в ходе которого респондентам было предложено привести ‘цветовую’ реакцию на стимул-фитоним ‘слива’, призван выявить актуальное цветовое представление о растении у носителей обыденного языкового сознания.

³ Автор выражает глубочайшую признательность студентам, профессорско-преподавательскому составу и руководству факультетов ГрГУ им. Янки Купалы за содействие в проведении ассоциативного эксперимента.

Статистика. Всего цветовых реакций на стимул «слива» — 590, различных цветовых реакций на стимул «слива» — 42, одиночных цветовых реакций на стимул — 26, отказов — 21.

Результаты: фиолетовый 360: 183 (ж), 177 (м); синий 101: 49 (ж), 52 (м); темно-фиолетовый 23: 18 (ж⁴), 5 (м); темно-синий 16: 6 (ж), 10 (м); сливовый 15: 11 (ж), 4 (м); лиловый 9: 7 (ж), 2 (м); зеленый 7: 1 (ж), 6 (м); сиреневый 7: 6 (ж), 1 (м); желтый 6: 4 (ж), 2 (м); бордовый 4: 2 (ж), 2 (м); темный фиолетовый 4: 3 (ж), 1 (м); голубой 3: 1 (ж), 2 (м); красный 3: 3 (м); оранжевый 2: 1 (ж), 1 (м); светло-фиолетовый 2: 1 (ж), 1 (м); фиолетовый, синий 2: 1 (ж), 1 (м); желтоватый 1: 1 (м); желто-синий 1: 1 (м); желтый темный 1: 1 (м); желтый, фиолетовый 1: 1 (ж); зеленый, фиолетовый 1: 1 (ж); коричневый, зеленый, синий, фиолетовый 1: 1 (м); насыщенно-фиолетовый 1: 1 (ж); нежно-синий 1: 1 (ж); нежно-фиолетовый 1: 1 (ж); оранжево-темный 1: 1 (м); пурпурный 1: 1 (м); пыльно-фиолетовый 1: 1 (ж); розовый 1: 1 (м); синий, зеленый 1: 1 (ж); синий, темно-синий 1: 1 (ж); синий, фиолетовый 1: 1 (ж); сливовый, фиолетовый 1: 1 (ж); темно-красный 1: 1 (м); темно-лиловый 1: 1 (ж); темно-фиолетовый, синий 1: 1 (ж); фиолетово-синий 1: 1 (м); фиолетово-темный 1: 1 (м); фиолетовый, бордовый 1: 1 (ж); фиолетовый, желтый 1: 1 (ж); (белор.) ѡёмна-фіялэтавы «темно-фиолетовый» 1: 1 (ж); черный 1: 1 (м); нет ответа 21: 5 (ж), 16 (м). Ср.: «PAC» не фиксирует цветовую реакцию на искомый стимул; лишь единичный стимул, вызывающий реакцию «слива»: синий 1 [PAC, 2002].

Таким образом, цветовой спектр, значимый в визуализации растения, включает 15 ТЦ: бордовый, голубой, желтый, зеленый, коричневый, красный, лиловый, оранжевый, пурпурный, розовый, синий, сиреневый, сливовый, фиолетовый, черный. Доминанта цвета фиолетовый (360), далее по ранжиру — синий (101).

Цветовое впечатление о растении передается респондентами также с помощью 1) композитов различного состава (13), например: а) желто-синий, фиолетово-синий, б) **насыщенно-фиолетовый, нежно-синий, пыльно-фиолетовый, светло-фиолетовый, темно-лиловый**, в) оранжево-темный, фиолетово-темный; 2) цепочек цвета различной модификации (11), напр., а) желтый, фиолетовый; фиолетовый, синий; б) синий, темно-синий; темно-фиолетовый, синий; также четырехкомпонентных: в) коричневый, зеленый, синий, фиолетовый. В процессе семантизации респонденты используют и другие способы толкования значения, например: **желтоватый; желтый темный; темный фиолетовый**.

⁴ Буквы «м» и «ж», приведенные в скобках, обозначают пол респондента.

Цвет сливы. Авторская цветовая концептосфера. Проза К.Г. Паустовского (*сизый*). Колористические дескрипции сливы создаются писателем на основе ТЦ *сизый* (2) и *белый* (1), а также лексем со значением ‘не имеющий блеска’ (1). В контекстах: *пушистые персики и большие сливы, покрытые сизым налётом* (Константин Паустовский. Повесть о жизни. 1982б. С. 129); *В ней были груши, яблоки, бананы и матовые белые сливы* (Константин Паустовский. 1983б. С. 164). Помимо конструирования цветового пространства природы, дескрипции принимают участие в создании цветового пространства человека [соматический код]: *Музыканты почти все, как на подбор, были низенькие, толстые, усатые, с сизыми, как сливы, носами* (Константин Паустовский. Повесть о жизни. 1982в. С. 327).

Цвет сливы. Основной корпус НКРЯ (*синий*). Колористические дескрипции растения фиксируются в произведениях более 70 писателей и журналистов, среди которых В. Алейников, В. Астафьев, С. Болмат, Ю. Вяземский, Ю. Домбровский, Б. Екимов, К. Кожевникова, Д. Липскеров, Ю. Нагибин, Б. Окуджава, М. Палей, В. Пьецух и др.

Спектр, значимый в визуализации растения, включает 18 ТЦ: *синий* (бледно-синий, синева, сине-красный, синеть, синий, темно-синий) — 12; *черный* (чернеть, черноглазо, черный) — 10; *лиловый* (лиловый) — 8; *красный* (краснолистный, красно-фиолетовый, красный, сине-красный, ярко-красный) — 7; *белый* (белить, белоснежный, белый), *желтый* (желтоплодный, желтый, пожелтеть) — 6; *зеленый* (зеленый, зелень) — 5; *розовый* (розовинка, розовый), *фиолетовый* (красно-фиолетовый, фиолетовый) — 4; *сизый* (сизеть, сизоватый, сизый) — 3; *золотой* (золотой), *коричневый* (буро-коричневый, коричневый) — 2; *алый* (алый), *бирюзовый* (бирюзовый), *бурый* (буро-коричневый), *голубой* (голубоватый), *дымчатый* (дымчатый), *янтарный* (янтарный) — 1. Например: *сливами, сизоватыми с розовинкой, синими, дымчатыми, спелой тяжестью своей прогибающими плетеные корзины* (Владимир Алейников); *девушка благодарно улыбнулась Чунке, потянувшись, достала большую лиловую сливу* (Фазиль Искандер) (ОК НКРЯ).

Спектр расширяется: 1) металлексемами (*цвет*); 2) лексемами со значением интенсивности окраски (*полупрозрачный*, *прозрачный*); 3) со значением ‘спелый’ (*переспелый*, *спелый*); 4) [доминируют] со значением ‘быть в цвету’ (*зацвести, расцвести, цветсти, цвет, цветение*); 5) ‘свет’ (*блеск*), ‘тьма’ (*темнеть*).

Примеры в контекстах: *Это обеспечит хорошее опыление сливы, а на разных ветвях дерева появятся плоды разного цвета...; поку-*

паю крупные ярко-красные помидоры, <...> покрытые светлым пушком абрикосы и сочные, полупрозрачные сливы... (ОК НКРЯ).

Выявленные ТЦ проявляют сочетаемость преимущественно с фитонимом слива, а также: с 1) фитонимическими лексемами ветвь, ветка, кора, плод, пыльца, ствол, цветок, черенок и др.; 2) соматизмами глаза, кулак, нос, подбородок; 3) сад. Например: ...подтверждит подмерзание внешний признак — **буро-коричневый цвет коры древесины у яблони, вишни, сливы** (ОК НКРЯ).

ОК НКРЯ фиксирует 11 ТЦ, основанных на цветовой дескрипции сливы (прототипическая функция): сливовый (сливовый; сливеть, сли-воглазый) — 15; цвет слива / сливы — 3; недозрелой сливы, сливово-сизый, сливово-черный — 2; «сумасшедшая слива», медленно-сливовый, очень спелой, очень вкусной сливы, перезрелой сливы, темно-сливовый — 1. Например: в глубокое, еще не черное, а **сливовое небо** поднимался столб мошкиры (Дина Рубина) (ОК НКРЯ).

Цвет сливы. Поэтический подкорпус НКРЯ (синий). Цветовые описания сливы фиксируются в поэтических текстах более чем 40 авторов, среди которых Э. Багрицкий, П. Бутурлин, М. Волошин, З. Гиппиус, А. Григорьев, В. Жуковский, Н. Клюев, С. Кржижановский, И. Крылов, М. Лермонтов, В. Луговской, А. Мариенгоф, В. Набоков, Б. Пастернак, Я. Полонский, Д. Самойлов, Б. Слуцкий, М. Цветаева, Г. Шенгели и др.

Значимый в визуализации растения спектр включает 15 ТЦ: **синий** (синева, синеть, синий) — 7; **зеленый** (зеленеть, зеленый, изжелтавшийся, зеленоватый), **золотой** (золотой, позолота), **румяный** (румянец, румянить, румяный) — 4; **белый** (белый) — 3; **желтый** (желтеть, изжелтавшийся, зеленоватый), **лиловый** (лиловый), **сизый** (сизый), **черный** (черный), **янтарный** (янтарный) — 2; **лазоревый** (лазоревый), **лазурный** (лазурный), **малиновый** (малиновый), **розовый** (розовый), **сивый** (сивый) — 1. В контекстах: Тиши и зной, везде **синеют сливы** (Цветаева); За то, что на порог упала Для нас **желтеющая слива** (Чиннов); И прячется в саду **малиновая слива** Под тенью сладостной зеленого листка (Лермонтов) (ПК НКРЯ).

Выявленные ТЦ коррелируют преимущественно с фитонимом слива, а также с фитонимическими лексемами лепесток, ветка, кожа. Например: Весна в цветах; и яблони, и **сливы** / Все разодеты в белых лепестках (Случевский); Стоя под яблоней или под **сливой**, Плод выбирает с янтарной кожей (Блаженный) (ПК НКРЯ).

Спектр расширяется 1) лексемами со значением интенсивности окраски (блеклый); 2) с имплицитным цветом (снег); 3) со значением ‘спелый’ (зреть, наливаться, поспелый, спелый); 4) ‘быть в цвету’ (расцве-

сти, цветсти, цветенеье, цветущий); 5) ‘свет’, ‘тьма’ (блестеть, огненный, солнце; темный). Например: Валяется **блеклая слива** / В грязных остатках бывшего ливня (Чиннов); Зреют нивы знайным солнцем, **Спелют сливы знайным солнцем** (Потемкин) (ПК НКРЯ).

Поэтический подкорпус фиксирует 3 номинации в значении ТЦ (см.: прототипическая функция): цвет сливы, сливовый (сливеть), слива созревшая — 1. Например: **Сливеют / губы** / с холода, но губы / шепчут в лад: «Через четыре / года здесь / будет / город-сад!» (Маяковский) (ПК НКРЯ).

Функциональный потенциал колористических дескрипций сливы, согласно НКРЯ, реализуется в:

1) онтологической функции: *из слив зелеными черенками можно размножать Скороспелку красную, Венгерку московскую, Тульскую черную* (ОК НКРЯ);

2) изобразительно-выразительной: *В саду этом росли яблоки «белый налив», золотые громадные сливы и овальные груши необыкновенной величины* (Газданов); *Они черноглазо глядели вокруг томными маринованными сливами* и буквально зазывали к себе (Горланова); *Вдруг зацвела, еще не выпустив ни листка зелени, огромная дикая слива, вся в белых цветах, охапками, точно вся занесенная снегом* (Куприна) (ОК НКРЯ);

3) видовой: *Граб, желтолистные вязы, краснолистные сливы, различные виды можжевельников, плодовые культуры дополняют общую картину* (Князева) (ОК НКРЯ);

4) функции создания цветового хронотопа (см. [Сивова, 2018]):

4.1. Цветового пространственного измерения а) пространства природы[флора]: *хотел войти в кущи, нарвать яблок или кругло налитых, белых, переспелых слив* (Астафьев) (ОК НКРЯ); [фауна]: *пригнали лошадей, Золотокопытных, красногривых, И в жемчужной, вспененной воде Их глаза как огненные сливы* (Тихонов) (ПК НКРЯ); [небесное пространство]: *И синее солнце, как спелая слива, В студеное озеро каштуть готово* (Штейнберг) (ПК НКРЯ); *Сегодня звезды сини, словно сливы*, Такие звезды выдумала ты (Луговской) (ПК НКРЯ);

б) пространства человека [соматический код]: [нос] *Нос его словно напух и сизел большой спелой сливою* (Екимов) (ОК НКРЯ); *тетка с огненно-рыжей шевелюрой и красным как спелая слива носом* (Постников)(ОК НКРЯ); [щеки] *И зреющей сливы Румянец на щечках пушистых* (Лермонтов) (ПК НКРЯ); [глаза] *у тебя сейчас такие глаза страшные сделались, <...> как сливы раздавленные, синее с зеленым, и будто червь по ним ползal* (Елизаров) (ОК НКРЯ); *Лиловые глаза-*

сливы, блестящие и непроницаемые (Хазанов) (ОК НКРЯ); [синяк] эти *синяки, зеленые и твердые, похожие на неспелые сливы, и лиловые, с мякотью, похожие на сливы перезревшие*, делали лицо Ивана старообразным, бабьим (Славникова) (ОК НКРЯ); а также: без синяка на заднице, *похожей на золотую от спелости крупную сливу*, разделенную бороздкой на две равно прекрасные половинки (Буйда) (ОК НКРЯ); Я лежала на больничной кровати, *как синяя раздавленная слива* (Грошек) (ОК НКРЯ); [эмоциональный код]: Пью весеннее имя, Словно борозды ливень, С ним тепло и в Нарыме Сердцу — розовой сливе! (Клюев) (ПК НКРЯ); [ментальный код]: *мысли становились ярче, вызревая сливами, и он ощущал себя веткой, на которой темнеют, стремительно напиваются сладким соком эти южные плоды; и вот наступил момент, когда первый плод оторвался от пожелтевшей ветки и стремительно ухнула вниз* (Рассадников) (ОК НКРЯ); Слава — слово злое, согленое шлют вдогонку, зла желая. *Слава — слива. Сперва зеленая, после черная, после гнилая* (Слуцкий) (ПК НКРЯ);

в) пространства вещного мира: взял *детский маленький мешок, вышитый Галькиной рукой, — с желтой грушей, розовой сливой* (Доронина) (ОК НКРЯ); *фонарные лампочки нависли над ним, словно гроздья переспелых слив* (Данилюк) (ОК НКРЯ); *Казались янтарными сливами Тяжелые бусы твои* (Чиннов) (ПК НКРЯ);

г) пространства кулинарии: *Варенье из синих слив* (Воробьева) (ОК НКРЯ); *Машенька съела целое блюдо спелых желтых слив* (Буйда) (ОК НКРЯ); *Второй напиток — это сливовое вино, японское, традиционное, с плавающими внутри зелеными сливками* (Черных) (ОК НКРЯ);

д) пространства населенного пункта: *Поселок в полтора десятка жилых домов утопал в зелени, в основном в фруктовых садах: цветли вишни, сливы, яблони* (Царев) (ОК НКРЯ); помню эту *станицу*, вытянувшуюся вдоль Чамлыка с белостенными хатами и *синей* в знойной дымке *зеленью садов, сливовых, вишневых* (Дантупов) (ОК НКРЯ);

е) культуры: [Китай] *Ветка цветущей сливы* символизирует наиболее ценимую китайцами черту их национального характера — жизнерадостность среди невзгод (Овчинников); и в сегодняшней Поднебесной есть *дни «Желтого листа» или «Цветущей сливы»*, когда все выезжают за город, чтобы насладиться красотой растений (ОК НКРЯ);

ж) искусства: [живопись] особенно интересно увидеть две *картины Ван Гога*, датированные 1888 г., — «Мост под дождем» и «*Цветение сливы*» (Овчинников) (ОК НКРЯ); [китайская литература]: <на народном поэтическом языке> символизирует *сливу, упрямо зацветающая, даже если вокруг лежит снег, — жизнерадостность среди невзгод* (Ов-

чинников) (ОК НКРЯ); *Об этом свидетельствует обширная эротическая литература (например, «Цзинтинмэй» — «Цветы сливы в золотой вазе») (Овчинников); [ландшафтный дизайн]: из живого растительного материала флористы выбрали ветки цветущей сливы с белыми мелкими махровыми цветками и розовые гвоздики (Владыкина) (ОК НКРЯ);*

3) рекламы: [Япония] они особенно ярко видны в рекламе «сезонных» товаров, но и кампании продуктов, популярных на протяжении всего года, не обходят стороной весенне цветение сакуры и чая, только что выпавший снег в сочетании с едва распустившимися цветами сливы (ОК НКРЯ);

и) символического пространства: пион символизирует у народов Дальнего Востока весну и юность, <...> а слива, расцветающая под снегом, — зиму и необходимую в старости жизнерадость среди невзгод (Овчинников) (ОК НКРЯ);

к) религии: [Китай] в Фанзе нет расписных стен и иконостаса — импровизированный престол, несколько икон расставлено по столам, подсвечник, да и тот один, на горнем месте вместо лика Спасителя — свиток с изображенной на нем цветущей веткой сливы (Поздняева) (ОК НКРЯ).

4.2. Цветового темпорального измерения: а) ТК «Время года» (3): [весна] Особой любовью пользуются растения, подчеркивающие красоту времен года: миниатюрный японский клен, резные листья которого становятся осенью ярко-красными, цветущие весной слива и сакура (Каков сад) (ОК НКРЯ); [лето] А вот и стивовое дерево. Длинные, голые ветки, а какие на них бывали летом толстые, в голубоватой пыльце плоды (Фазиль Искандер) (ОК НКРЯ); Навел — в садах — румянец си-зый На кожу яблоков и слив (Тиняков. Август) (ПК НКРЯ); [зима] А слива, упрямо зацветающая в феврале, когда вокруг еще лежит снег, — жизнерадость среди любых невзгод (Овчинников) (ОК НКРЯ); б) ТК «Фаза вегетации»: в пыльных садах чертова уйма спелых липовых слив, покрытых бирюзовым налетом, груши, яблок, грецких орехов (Катаев) (ОК НКРЯ); ср. с изложенным В. Г. Кульпиной: «функция указания на спелость потребляемого в пищу плода — знак того, что они готовы к потреблению, или наоборот, знак недозрелости и, соответственно, того, что они не готовы к потреблению» [Кульпина, 2001, с. 181];

5) прототипической функции. ОК и ПК НКРЯ фиксируют функционирование 11 ТЦ, включая 4 композита (в алфавитном порядке): цвет «сумасшедшая слива», недозрелой сливы, очень спелой, очень вкусной сливы, перезрелой сливы, слива / сливы, слива созревшая, сливовый (сли-

вовый; сливеть, сливоглазый), а также композиты: медленно-сливовый, сливово-сизый, сливово-черный, темно-сливовый.

В контекстах: Софья Андреевна убедилась, что почти у всех веселых, горланящих баб имеются такие же отметины — а у одной нестрой, завитой барабашком, целых пол-лица было *цвета перезрелой сливы*, и она осторожно сосала водку здоровым углом искривленного рта (Славникова) (ОК НКРЯ); Я очнулся на полу от ломающей затылок боли, приподнялся на локтях, из носа потекла *медленно-сливовая*, словно из печени, кровь (Елизаров) (ОК НКРЯ).

Широка сочетаемость ТЦ *сливовый* (16), он коррелирует с флористическими лексемами: тальник, побег, напр.: Волга, *тальник сливового цвета* по этому берегу и остро-зеленые озимые по тому (Пьецух) (ОК НКРЯ); с лексемами небо, туча, напр.: Он посмотрел на небо и включил вспышку: огромная *сливовая туча* висела низко и неподвижно (Болмат) (ОК НКРЯ); с соматизмами волосы, глаза, голова, напр.: Акушер Ротшильд, повидавший на своем веку добрую тысячу младенцев, тотчас оповестил мамашу, что пацан вряд ли выживет, но предпринял попытку божественного вмешательства — взял младенца за ноги и опустил его *сливовой головкой* в холодную воду (Липскеров) (ОК НКРЯ); с вестонимом галстук, напр.: поджарый старик в сером костюме в по-лоску, в *галстуке сливового цвета* и черной фетровой шляпе (Маркиш) (ОК НКРЯ). Ср.: Сливовый, -ая, -ое. С. сад. С. лист. С-ая косточка. С. сок. С-ая пастыла. С. джем [БТС, 2000].

НКРЯ фиксирует образованные на основе ТЦ *сливовый* авторские цветовые неологизмы *сливеть* (Маяковский) и *сливоглазый* (Нагибин) (ОК НКРЯ).

В контекстах: Темно свинцовоночие, и дождик толст, как жгут, сидят в грязи рабочие, сидят, лучину жгут. *Сливеют губы* с холода. Но губы шепчут в лад: «Через четыре года здесь будет город-сад!» (Чегодаева) (ОК НКРЯ); стоит, красиво выставив ногу, элегантный мальчик, *сливоглазый брюнетик* с прической, которую называли «буби-копф» (Нагибин) (ОК НКРЯ).

ОК НКРЯ фиксирует функционирование «рекламного» ТЦ, в котором информативная, цветовая составляющая уступает место эмоциональной, в связи с чем значение его, по мнению автора материала, требует уточнения: как постепенно и поступательно стирается чудом не спазанный с верхней губы лоскуток помады цвета «сумасшедшая слива» (ничего сумасшедшего, сиреневый, с искрой) (Гаррос) (ОК НКРЯ).

Цвет сливы. Рекламный дискурс («Авито»). «Продающие» тексты фиксируют, по нашим наблюдениям, 42 ТЦ, основанных на коло-

ристической дескрипции растения (свыше 100 000 контекстов), среди которых 15 композитов (в алфавитном порядке): цв. бархатная слива, вишнёво-сливовый джем, дикая слива, красная слива, морозная слива, недоспелой сливы, пыльная слива, розовая слива, сахарная слива / *Sugar Plum* / *Candied Plum*, слива софт, цв. слива / *Plum*, сливовая лаванда, сливовая ночь / *Night In Plum*, сливово-вишнёвый ликёр, сливовое вино, сливовый венге, сливовый десерт / *Plum Dessert*, сливовый пирог, сливовый хамелеон, сливовый, сочная бархатная слива, спелая слива, тёмная слива, тёмно-сливовый пудра, тёмно-сливовый хамелеон, тёплая бархатная слива, яркая слива; двухкомпонентные композиты (12): красно-сливовый, малиново-сливовый, пыльно-сливовый, розово-сливовый, светло-сливовый, сливово-баклажанный, сливово-бордовый, сливово-коричневый, сливово-свекольный, сливово-чёрный, тёмно-сливовый, фиолетово-сливовый, трехкомпонентные композиты (3): сливово-бордово-вишнёвый, тёмно-красно-сливовый, тёмно-сливово-фиолетовый. Например: Горшок цветочный *Ingreen Amsterdam*, пластик, **цвет морозная слива**; Толстовка *Adidas*, лимитированная коллекция, **цвет малиново-сливовый**; Фиалка *Лайонз Найт Оув*. Крупные простые и полуахровые звёзды насыщенного **тёмно-красно-сливового цвета** с гофрированной каймой на высоких и сильных цветоносах («Авито»).

Выявленные ТЦ коррелируют с номинациями товаров, относимых к категориям (согласно «Авито»): «Автомобили», «Детская одежда и обувь», «Запчасти и аксессуары», «Коллекционирование», «Красота и здоровье», «Мебель и интерьер», «Одежда, обувь, аксессуары», «Планшеты и электронные книги», «Посуда и товары для кухни», «Растения», «Ремонт и строительство», «Спорт и отдых», «Телефоны», «Товары для детей и игрушки», «Товары для животных», «Часы и украшения». Например: Костюм мужской бренда *Salvatini*, **цвет тёмная слива**; Продам накладки (двери, крылья, пороги) на левую сторону *Chevrolet Niva Bertoni*. Осталось от комплекта. Продавалось в комплекте с правой стороной. И одна ресничка под фару (**цвет дикая слива**, фиолетовая); Поднос для суши *Tupperware* из коллекции «Азия», большой, **цвета спелой сливы** («Авито»). Ср. с зафиксированными в словарях цвета ТЦ (15): сливовый ‘цвета кожицы спелого плода сливы ‘венгерки’, тёмно-фиолетовый, фиолетово-синий’ [Цвет и названия цвета..., 2005, с. 123]; сливовая ночь [Цвет и названия цвета..., 2005, с. 138]; *страстная слива* ‘сливовый с лиловым оттенком’ [Цвет и названия цвета..., 2005, с. 155]; недоспелая слива (цвет~) ‘лиловато-синий’ [Цвет и названия цвета..., 2005, с. 176]; сливной ‘тёмно-синий с отливом, сливовый’ (по наиболее распространённому в словарях определению).

нённому сорту слив) [Цвет и названия цвета..., 2005, с. 176]; *сливовый, недозрелая слива, спелая слива, сливовое вино, сливовый мусс, гибрид граната и сливы* [Цвет и названия цвета..., 2005, с. 205]; а также *медово-сливовый* ‘красивый, желтовато-лиловатый’ [Харченко, 2021, с. 293]; *слива*. О лиловатом оттенке синего цвета; *сливово-сизый* ‘сиренево-синий с переливами, отсветами’; *сливовый* ‘цвета сливы, лилово-синий’ [Харченко, 2021, с. 525]; *сливяной* ‘цвета сливы, сиреневато- или голубовато-синий’ [Харченко, 2021, с. 526]; *тёмно-сливовый* ‘фиолетово-синий, цвета тёмных слив’ [Харченко, 2021, с. 568].

Специфика создания и функционирования выявленных ТЦ проявляется в 1) актуализации значимости корректной (и опосредованной) цветопередачи: *Полупальто зимнее, цвет слива (фиолетовый), полное совпадение с цветом на фото* («Авито»); значительно чаще: *Отрез ткани. Очень красивый цвет — сливово-коричневый (фото совсем не передаёт)*; *Продаю отрезы, остатки разных тканей. Очень сложно фотографируется, цвет сливово-бордовый. На фото получается очень яркий, в жизни спокойный припылённый цвет; Красивый и качественный кардиган на пуговицах известного немецкого бренда. Цвет тёмная слива, deep purple, на фото совершенно не выходит, засвечивается* (((«Авито»)). Корректность передачи цветового впечатления осуществляется:

а) уточнением цвета: *Продам сумку, натуральная кожа. Цвет: тёмная слива, что-то между коричневым и тёмным фиолетовым, красивый глубокий цвет* («Авито»); также от противного: *Ботильоны итальянской фирмы «Грациана». Очень красивый цвет, тёмно-сливовый! Не коричневые!* («Авито»);

б) самостоятельной трактовкой значения: *Обувь Christian Louboutin. У замшевых очень красивый благородный цвет. Название цвета написано было — слива. Видимо, имеется в виду цвета красной сливы, поскольку он такой сливово-бордовый* («Авито»);

в) подбором синонимов: *Продам женскую норковую шапку, цвет розовый, сливовый; Пальто женское, цвет сливовый, бордовый, очень красивый; Зимние сапожки фирмы «Котофей», цвет сливовый (фиолетово-розовый), с рисунком единорога; Отрез ткани (драп), цвет пыльная слива (сиренево-малиновый); Мужские повседневные брюки Dondup, цвет сливово-баклажанный (розовато-лиловый); Кожаная куртка, цвет тёмная слива, тёмно-синий* («Авито»); вплоть до синонимического ряда: *Платье для девочки на годик. Смотрится очень красиво и очень пышное. Цвет ежевичный, тёмно-пурпурный, глубокий фиолетовый, сливовый; Флисовые штаны-поддёва марки Jonathan.*

Цвет липовый, свекольный, сливовый, тёмная фуксия («Авито»); также основанных на колористической дескрипции растений (прототип цвета), напр.: *Сапоги демисезонные для девочки фирмы Totta, цвет баклажан / слива; Туфли, натуральная кожа, Югославия, цвет тёмная вишня или слива; Куртка женская Craghoppers Caldbeck Termic, мембрана 10000 / 25000. Цвет сливовый или даже свекольный; Туфли бренда Fabi, натуральная кожа, цвет виноградный (сливовый)* («Авито»); других цветовых образцов: *Свитер Massimo Dutti, цвет сливы или ягодного киселя*). Цвет: фиолетовый («Авито»);

г) обращением к каталогу производителя: Продаю матовую помаду *Kiko Milano Lasting Matte Veil Liquid Lip Colour*. Жидкая матовая помада для губ со стойким покрытием **в оттенке 15 Яркая слива**; Оттеночный бальзам для волос «Русалочка». Цвета в наличии: 25 зимняя вишня, 26 бархатная слива, 49 горная лаванда; Помада *Maybellin Hydra Extreme Matte, тон 920 (сахарная слива — Candied Plum)* («Авито»); а также: Чехол (колпак) на запасное колесо для Шевроле Нива, Лада Нива, Нива Тревел. Цвет «Дикая слива», название цвета в ПТС — «Тёмно-коричневый металлик». Код краски 918 («Авито»);

д) «отстройкой» от принятого цветового обозначения: Элегантный женский костюм, подойдёт как для офиса, так и для мероприятий вне его. Цвет (написано) слива, по мне, скорее, винно-вишнёвый; Сумка *Burberry* из плотной кожи красивого цвета тёмной сливы — как написано на этикетке, как по мне, — марсала («Авито»);

2) вариативности трактовки цветового значения, например, цв. слива / сливы / *plum*: а) ‘фиолетовый’: Брючный костюм *Eola*, благородный цвет слива. Цвет: фиолетовый; б) ‘бордовый’: Комплект нижнего белья *Donafen*, цвет слива. Цвет: бордовый; в) ‘синий’: Крыло левое на автомобили Лада Калина 1, цвет синий (слива); г) ‘тёмно-фиолетовый’: Платы для беременных и кормящих бренда *I Love Mum*, цвет слива (тёмно-фиолетовый); д) ‘коричневый’: Сумка бренда *Thomas Minz*, цвет «Слива». Цвет: коричневый; е) ‘розовый’: Футболка для мальчика *Gloria Jeans*, цвета сливы. Цвет: розовый («Авито»);

3) фиксации значимости фактора света при восприятии цвета: Сапоги женские зимние *ALDO*, натуральная кожа телёнка. Цвет сливовый, винный, бордо (зависит от освещения); Роскошная норковая шуба, густой мех, цельная, на свету аж горит, шикарный цвет спелая слива («Авито»);

4) широкой оценочности (благородный, глубокий, изумительный, интересный, красивый, крутое, насыщенный, неяркий, очень благородный, очень интересный, очень красивый, очень необычный, очень редкий, очень

яркий, потрясающий, приглушенный, приятный, редкий, роскошный, самый модный, сложный, трендовый, универсальный, шикарный и др.): Вашему вниманию предлагаются туфли Bottega Veneta из лакированной кожи *пыльно-сливового цвета*. Потрясающий цвет, смотрится очень необычно; Джинсы фирмы *Fabiani*, очень красивый цвет — спелой сливы. Цвет неизбитый, очень привлекательный («Авито»);

5) фиксации интенсивности цвета: Сапоги зимние фирмы *Calipso*, натуральная кожа, натуральный мех, цвет тёмно-сливовый (почти чёрный). Цвет: чёрный («Авито»);

6) гендерной соотнесенности цвета: Продам коляску в хороши состояния, цвет тёмная слива, брали для мальчика, но и для девочки тоже подойдёт («Авито»);

7) эмоциональном восприятии цвета: Очень удобная водолазка, приятный трикотаж, цвет сливово-бордово-вишнёвый)) («Авито»); Пуховик *Belli Modelli*, цвет сливово-бордовый, красивый)) («Авито»);

8) апелляции к гастрономическому коду (см. роль в создании цветового пространства кулинарии (согласно НКРЯ)): Джемпер. Роскошная капсула в цвете «вишнёво-сливовый джем»; Свитер-туника. Трендовая вещь сезона, фактурная вязка, цвет сливово-вишнёвый ликёр; Тени для век *Estée Lauder*, винтаж 90-х гг. Два цвета: ледяная дыня и сахарная слива; Нарядное платье для девочки, цвет сливовое вино; Полиэфирный шнур «Caramel». Актуальное наличие: Пыльная мята, Сливовый пирог, Сухая роза, Тёмный баклажан, Фисташка, Яблоко («Авито»);

9) актуализации других каналов восприятия (например, тактильного): Помады Гуччи! Нереальный нюд и Сочная бархатная слива («Авито»); Карандаши для губ *Luxvisage*. № 45 — это тот самый модный и трендовый оттенок (этакая тёплая бархатная слива), которым все сейчас «выходят» за бантик верхней губы («Авито»);

10) фиксации сочетаемости цветов: Шикарный пиджак *Zara*! Тренд сезона. Глубокий бордовый цвет (спелая слива). Отлично смотрится в любом сочетании! («Авито»);

11) динамики цвета: Демисезонная курточка *Orsa Couture*, цвет сливовый хамелеон. Отделка норкой («Авито»); Отличный женский пуховик, цвет тёмно-сливовый хамелеон. Красивый пышный воротник (песец). Цвет: синий («Авито»);

12) фиксации впечатления, которое производит цвет: Характер кухни «Валерия» отличает лаконичность форм и совершенство исполнения. Это позволяет играть с цветовой гаммой, задавая с её помощью настроение всему интерьеру. Активные цвета сочной зелени, спелой вишни, сливы и марокканского мандарина подарят чувство радости

и желание наслаждаться каждым днём. Кухни «Валерия» — отличное решение, когда хочется раскрасить будни в яркие цвета. Яркие цвета заражают позитивом и влюбляют в себя с первого взгляда («Авито»);

13) актуализации экспрессивной составляющей, доминирующей по сравнению с информативной (колористической): *Помада Givenchy Le Rouge Night Noir 05 Night in Plum / Сливовая ночь* («Авито»).

Заключение

Таким образом, в результате проведенного исследования:

1) установлен состав ТЦ (28), значимых в колористической визуализации растения (в алфавитном порядке): альый, белый, бирюзовый, бордовый, бурый, голубой, дымчатый, желтый, зеленый, золотой, коричневый, красный, лазоревый, лазурный, лиловый, малиновый, оранжевый, пурпурный, розовый, румяный, сивый, сизый, синий, сиреневый, сливовый, фиолетовый, черный, янтарный;

2) выявлены доминанты цвета: фиолетовый (согласно НАЭ), сизый (проза К.Г. Паустовского), синий (ОК и ПК НКРЯ);

3) установлен спектр уникальных (единичных) цветоопределений растения, например, пыльно-фиолетовый, фиолетово-синий и др. (НАЭ), сивый (ПК НКРЯ);

4) описаны способы расширения цветового спектра лексемами со значением интенсивности окраски, металлексемами, с имплицитным цветом, со значением ‘спелый’, со значением ‘быть в цвету’ (преобладают), со значением ‘свет’ и ‘тьма’;

5) описаны способы передачи цветового впечатления, среди которых цветовые композиты различной модификации (19), цепочки цвета (11);

6) выявлена сочетаемость ТЦ: преимущественно с фитонимом слива, а также с фитонимическими лексемами, в образном значении — с соматической лексикой;

7) раскрыт функциональный потенциал колористических дескрипций растения, который реализуется в онтологической, изобразительно-выразительной функции, в видовой, в функции создания цветового хронотопа (10 цветовых пространственных измерений, среди которых превалируют пространство природы, человека (соматический код) и культуры; а также 2 темпоральных измерений), в прототипической функции;

8) выявлено 42 функционирующих в современных рекламных текстах ТЦ, основанных на колористической дескрипции сливы; на фоне

искомых фиксируемых лексикографически 15 ТЦ состав расширен до 50 единиц; описана сфера их денотации и специфика функционирования.

Полученные результаты вносят вклад в понимание современного состояния цветовой концептосферы флористического пространства русского языка, направлены на создание по возможности полного комплексного ее описания; могут быть использованы как лингвистами, так и специалистами, работающими в области информации и коммуникации, в сфере брэндинга и рекламы.

Библиографический список

Аушева А.А. Цветообозначения в составе ботанических и зоологических терминов ингушского языка // Лингва-универсум. 2013. № 2. С. 85–87.

Бахилина Н.Б. История цветообозначений в русском языке. М.: Наука, 1975. 146 с.

Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.

Воробьева Е.Ю. Динамика коннотативного потенциала цветообозначений во французском языке ХХ–XXI вв.: на примере номинаций товаров повседневного спроса : дис. ... канд. филол. наук. М., 2020. 261 с.

Дзюба Е.В. Лингвокогнитивная категоризация в русском языковом сознании. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2015. 286 с.

Кульпина В.Г. Лексикографическая история терминов цвета как шаг к переводным словарям цветолексем // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2012. № 3. С. 74–84.

Кульпина В.Г. Лингвистика цвета. Термины цвета в польском и русском языках. М.: Московский лицей, 2001. 470 с.

Мукабенова Ж.А. Лингвокультурная специфика цветообозначений в языковой картине мира калмыков и корейцев : дис. ... канд. филол. наук. Элиста, 2024. 245 с.

Румянцева М.В. Метафорические сравнения с эталоном цвета (на материале русского художественного дискурса) // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2021. Т. 7. № 2 (26). С. 42–59. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2021-7-2-42-59>.

Русский ассоциативный словарь / под ред. Ю.Н. Карапулова. М.: ACT-Астрель, 2002. Т. 1: От стимула к реакции. 2002. 784 с. Т. 2: От реакции к стимулу. 2002. 992 с. Электронный ресурс: <http://thesaurus.ru/dict/>

Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений: в 4 т. / под ред. Н.Ю. Шве-

довой. М., 2002. Т. 1: Слова указующие (местоимения). Слова именующие: имена существительные (Всё живое. Земля. Космос). М.: РАН Ин-т рус. яз., 2002.

Сиврова Т.В. Взаимосвязь цвета, света и хронотопа в языке произведений К.Г. Паустовского : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 2018. 32 с.

Сиврова Т.В. Цвет вишни в цветовой концептосфере русского и белорусского языков // Материальная, духовная культура и искусство в развитии гуманитарного сотрудничества Беларуси и Китая: материалы Международной междисциплинарной научной конференции. Минск — Хэфэй, 2024. Минск: Право и Экономика, 2025. С. 144–154.

Филимонова Е.Н. Символика растений в переводных произведениях. «Благородные» растения (на материале переводов с корейского и китайского языков) // Язык, сознание, коммуникация: сборник статей / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2003. Вып. 25. С. 26–53.

Харченко В.К. Словарь цвета: полная версия. Белгород: ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2021. 656 с.

Цвет и названия цвета в русском языке / под общ. ред. А.П. Василевича. М.: КомКнига, 2005. 216 с.

Чиварзина А.И. Система цветообозначений в балкано-славянских языках в сопоставлении с албанским и румынским: этнолингвистический аспект : дис. ... канд. филол. наук. М., 2022. 223 с.

Щитова О.Г., Щитов А.Г., Хуа Кай. Когнитивное моделирование цветообозначения в русском и китайском языках // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. Вып. 6 (195). С. 81–87.

Юрина Е.А., Боровкова А.В. Способы толкования образных цветообозначений, мотивированных наименованиями пищевых продуктов, в «Словаре русской кулинарной метафоры» // Вопросы лексикографии. 2014. № 2 (6). С. 106–121.

Источники

Авито. Сайт рекламных объявлений. Электронный ресурс: <https://www.avito.ru>

ОК НКРЯ — Национальный корпус русского языка. Основной корпус. Электронный ресурс: с <https://ruscorpora.ru/>

ПК НКРЯ — Национальный корпус русского языка. Поэтический подкорпус. Электронный ресурс: <https://ruscorpora.ru/search?search=CgQyAggJ>

Паустовский К.Г. Собрание сочинений: в 9 т. М.: Худож. лит., 1981–1986. Т. 4: Повесть о жизни. Кн. 1–3. 1982б. 734 с. Т. 5: Повесть о жизни. Кн. 4–6. 1982в. 591 с. Т. 7: Сказки. Очерки. Литературные портреты. 1983б. 575 с.

References

- Ausheva A.A. Color designations in the composition of botanical and zoological terms of the Ingush language. *Lingva-universum = Lingva-universum*, 2013, no. 2, p. 85–87. (In Russian).
- Bakhilina N.B. The history of color designations in the Russian language, Moscow, 1975, 146 p. (In Russian).
- Large explanatory dictionary of the Russian language, ed. by S. A. Kuznetsov, St. Petersburg, 2000, 1536 p. (In Russian).
- Vorobyova E.Yu. Dynamics of the connotative potential of color designations in the French language of the 20th-21st centuries: on the example of nominations of everyday goods. Thesis of Philol. Cand. Diss, Moscow, 2020, 261 p. (In Russian).
- Dzyuba E.V. Lingvocognitive categorization in Russian linguistic consciousness, Ekaterinburg, 2015, 286 p. (In Russian).
- Kulpina V.G. Lexicographic History of Color Names as a Step towards Translation Dictionaries of Color Terms. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Teoriya perevoda = Bulletin of Moscow University. Ser. 22. Theory of Translation*, 2012, no. 3, p. 74–84. (In Russian).
- Kulpina V.G. Linguistics of color: terms of color in Polish and in Russian, Moscow, 2001, 470 p. (In Russian).
- Mukabenova Zh.A. Linguocultural specificity of color designations in the linguistic picture of the world of Kalmyks and Koreans. Thesis of Philol. Cand. Diss, Elista, 2024, 245 p. (In Russian).
- Rumyantseva M.V. Metaphorical comparisons with the standard of color (based on Russian artistic discourse). *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates = Tyumen State University Herald. Modern Humanitarian Research. Humanitates*, 2015, vol. 1, no. 4 (4), p. 83–92. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2021-7-2-42-59>. (In Russian).
- Russian Associative Dictionary, ed. by Yu.N. Karaulov, Moscow, 2002, 784 p. Retrieved from: <http://thesaurus.ru/dict/> (In Russian).
- Russian Semantic Dictionary. Explanatory dictionary, systematized by classes of words and meanings, ed. by N. Yu. Shvedova, Moscow, 2002. (In Russian).

Sivova T.V. The relationship between color, light and chronotope in the language of K. Paustovsky's works. Abstract of Philol. Cand. Diss, Minsk, 2018, 32 p. (In Russian).

Sivova T.V. Color of cherry in the color conceptual sphere of the Russian and Belarusian languages. *Material'naya, dukhovnaya kul'tura i iskusstvo v razvitiu gumanitarnogo sotrudnichestva Belarusi i Kitaya* = Material, spiritual culture and art in the development of humanitarian cooperation between Belarus and China. Proceedings of the International interdisciplinary scientific conference, Minsk, 2025, p. 144–154. (In Russian).

Filimonova E.N. Symbolism of Plants in Translated Works. “Noble” Plants (Based on Translations from Korean and Chinese). *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* = Language, Consciousness, Communication, 2003, no. 25, p. 26–53. (In Russian).

Kharchenko V.K. Color Dictionary: Full Version, Belgorod, 2021, 656 p. (In Russian).

Color and color names in Russian, ed. by A.P. Vasilevich, Moscow, 2005, 216 p. (In Russian).

Chivarzina A.I. The system of color designations in the Balkan-Slavic languages in comparison with Albanian and Romanian: an ethnolinguistic aspect. Thesis of Philol. Cand. Diss, Moscow, 2022, 223 p. (In Russian).

Shhitova O.G., Shhitov A.G., Hua Kaj Cognitive modeling of color notation in Russian and Chinese languages. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* = Tomsk State Pedagogical University Bulletin, 2018, no. 6 (195), pp. 81–87. (In Russian).

Yurina E.A., Borovkova A.V. The ways of interpreting figurative color terms motivated by food names in the dictionary of Russian culinary metaphors. *Voprosy leksikografii* = Journal of Lexicography, 2014, no. 2 (6), pp. 106–121. (In Russian).

List of Sources

- Avito. Advertisements website. Retrieved from: <https://www.avito.ru>
The Russian National Corpus. Main. Retrieved from: <https://ruscorpora.ru>
The Russian National Corpus. Poetry. Retrieved from: <https://ruscorpora.ru/search?search=CgQyAggJ>
Paustovskiy K.G. Collected Works, Moscow, 1981–1986. (In Russian).

СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ АРХИТЕКТУРНЫХ ТЕРМИНОВ НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

А.Д. Урюпина, А.Ю. Ильина

Ключевые слова: термин, способы терминообразования, архитектурная терминология, терминосистема архитектуры, язык для специальных целей (LSP)

Keywords: term, methods of terminology formation, architectural terminology, architectural terminology system, language for special purposes (LSP)

DOI: [https://doi.org/10.14258/filichel\(2025\)4-03](https://doi.org/10.14258/filichel(2025)4-03)

Bведение

Изучение и анализ языка для специальных целей (*Language for Specific Purposes*, LSP) приобретает особую актуальность в современной филологии и лингвистике, поскольку именно специализированная лексика отражает динамику и специфику отдельных профессиональных и научных сфер [Gollin-Kies, 2015]. В условиях активного развития науки, технологий и междисциплинарного взаимодействия исследование терминологических систем становится необходимым для понимания особенностей передачи специализированных знаний и эффективного профессионального общения [Coxhead, 2012]. Однако со стремительным развитием научно-технического прогресса и появлением новых научных понятий появляется проблема определения языковых единиц, призванных обозначить явления, изучаемые в конкретной науке [Гринев-Гриневич, Сорокина, Молчанова, 2022, С. 712].

Терминология, являющаяся ключевым компонентом языка для специальных целей, служит индикатором культурно-исторических, социальных и технологических изменений, демонстрируя механизмы адаптации языка к новым реалиям. Один из ведущих отечественных ученых-терминоведов В.А. Татаринов понимает терминологию как устоявшуюся совокупность терминов определенной области знаний, формирующуюся стихийно и затем упорядочиваемую в рамках специализированного профессионального дискурса [Татаринов, 1996]. Анализ терминологических систем, принадлежащих к конкретной специализированной области знаний, не только расширяет представления о при-

роде и функциях профессиональных дискурсов, но и позволяет разрабатывать эффективные методы стандартизации и унификации терминологических систем, что особенно важно в условиях глобализации и интеграции научного и профессионального сообщества.

Терминологическая система архитектурного дискурса, как и любая другая специализированная подсистема языка, является отражением текущего уровня научных и технологических знаний соответствующей области и активно влияет на ее развитие [Угурина, 2024, р. 242–243]. Процесс создания и расширения терминологии в этой сфере осуществляется не только путем привлечения внешних заимствований, но и посредством использования внутренних лингвистических механизмов.

Термины в большинстве своем, как и обычные слова, образуются на базе существующих слов и корней общелiterатурной и специальной лексики [Бахарлу, 2017, с. 5]. Однако стоит отметить, что терминологическое словообразование отличается строгой дефинитивностью, функциональной специализацией, использованием специализированных словообразовательных моделей и средств, а также активным вовлечением как внешних (заимствования), так и внутренних (семантическое преобразование) источников формирования терминов.

Согласно В.П. Даниленко, наиболее типичными особенностями именно терминологического словообразования в современной русской терминологии выступают следующие аспекты:

1. Семантическая специфика терминов, так как термины всегда относятся к конкретными специализированными понятиями, отражающими определенные категории знаний. В отличие от общеупотребительной лексики, термины имеют высокую степень точности и однозначности.

2. Функциональная ограниченность ввиду того, что термины имеют четко заданную сферу применения и функционируют главным образом в научно-профессиональном общении. При этом они отличаются строгой дефинитивной функцией, т.е. требуют обязательного определения и фиксации значения в пределах своей научной области.

3. Наличие специализированных моделей и ресурсов словообразования. Хотя в основе терминологического словообразования лежат общелiterатурные языковые источники (заимствования, семантические трансформации), в терминологии активно используются специализированные модели, такие как интернациональные терминоэлементы (чаще всего греко-латинского происхождения) и особые аффиксальные способы, предназначенные именно для создания терминов.

4. Вторичная семантическая переработка. Для терминологии типично приспособление общелитературных слов к специализированной сфере путем семантического преобразования и сужения значения. Часто это ведет к появлению семантических неологизмов и межсистемных омонимов.

5. Интернационализация терминологии. Одной из типичных особенностей является заимствование и адаптация иностранных терминов, в особенности греко-латинских корней, которые активно используются во всех европейских научных традициях [Даниленко, 1977].

В русском языке существует несколько основных способов образования терминов, которые можно разделить на три большие группы: семантический, синтаксический и морфологический. Помимо них, важную роль играют заимствование и аббревиация, которые в современных отечественных и зарубежных исследованиях все чаще выделяют в самостоятельные способы словообразования.

Каждая терминосистема характеризуется собственными наиболее продуктивными способами и средствами словообразования, в зависимости от потребностей той области знаний, к которой она относится, а также от специфики и сложности выражения терминов. В этом можно убедиться на примере сравнения способов терминообразования в рамках различных терминосистем. Так, по мнению А.А. Григорян, наибольшую продуктивность в терминологии документоведения имеет синтаксический способ, за ним следуют морфологический и семантический, а затем заимствование [Григорян, 2009, с. 37]. Именно данные способы обеспечивают точность, однозначность и функциональность документоведческой терминологической системы. Подобные результаты показал анализ основных способов терминообразования в русской авиационной технической терминологии в работе Х. Бахарлу и др. [Бахарлу, 2016, с. 1659]. В исследовании Д.Г. Кукасовой, посвященном анализу специфики образования английских и русских терминов нефтегазовой геологии, отмечается, что в данной терминосистеме, как и в общелитературном языке, одним из наиболее продуктивных способов образования терминологических единиц выступает суффиксация, в частности таким способом чаще всего образуются производные термины с субстантивной словообразовательной базой [Кукасова, 2018, с. 351].

Целью данного исследования выступает выявление и сопоставление ключевых, а также наиболее продуктивных способов терминологического образования в терминосистеме архитектуры на материале английского и русского языка.

Задачами исследования является:

1. Определить теоретико-методологические основы классификации способов терминообразования с опорой на труды отечественных и зарубежных лингвистов.
2. Выделить и описать основные группы способов образования архитектурных терминов в русском и английском языках (морфологические, синтаксические, семантические).
3. Сформировать лексический корпус архитектурных терминов на русском и английском языках с целью последующего анализа.
4. Провести сравнительный анализ морфологических моделей терминообразования, выявив продуктивные суффиксальные, префиксальные и другие конструкции.
5. Исследовать особенности синтаксических структур архитектурных терминов, включая многокомпонентные словосочетания и терминологические конструкции.
6. Рассмотреть семантические способы терминообразования, в том числе сужение значения, метафоризацию и метонимизацию, с приведением примеров из обеих языковых систем.
7. Выявить сходства и различия в продуктивности и структурных типах терминов в архитектурной терминосистеме английского и русского языков.

Методы и материалы исследования

Материалом данного исследования выступил корпус, состоящий из 150 базовых и частотных архитектурных терминов на русском и 150 на английском языке. Частота их употребления была определена анализом таких источников, как:

1. Специальные словари:
 - Новый англо-русский и русско-английский словарь по архитектуре, строительству и недвижимости Л.Н. Широковой.
 - Англо-русский краткий архитектурный иллюстрированный словарь В.Д. Белогуба и Ю.В. Чурова.
 - Dictionary of Architecture and Building Construction by N. Davies and E. Jokiniemi.
 - Dictionary of architectural and building technology by J.H. Cowan and P. Smith.
2. Авторитетные учебные пособия по специальности:
 - Ткачев В.Н. Архитектурный дизайн (функциональные и художественные основы проектирования).
 - Francis D.K. Ching, Architecture Form, Space and Order.

— Francis D.K. Ching, James F. Eckler *Introduction to Architecture*.

Анализируемый корпус содержит термины, отобранные методом сплошной выборки (всего 300 терминов из 7 источников).

Результаты исследования

Анализ произведен из допущения, что способы и средства терминообразования не различаются от средств и способов общего словообразования. В исследуемой нами терминосистеме архитектурного дискурса не были найдены никакие другие специфичные для литературного языка способы и средства терминообразования.

К основным способам и средствам образования терминологических единиц в терминосистеме архитектуры относятся:

1. Синтаксический способ. Термины образуются путем сочетания двух и более слов, чаще всего в виде устойчивых словосочетаний. Среди англо- и русскоязычных архитектурных терминов встречается большое количество терминологических единиц, образованных таким способом. Наиболее распространены сочетания существительного с прилагательным (например, *architectural order* — архитектурный ордер, *curved pediment* — арочный фронтон, *hinged arch* — шарнирная арка), а также сочетания существительных (*barrel vault* — бочарный свод, *knuckle joint* — шарнирное соединение, *lantern light* — фонарь верхнего света). Этот способ является наиболее продуктивным в современных терминах, особенно в технической и научной сфере.

Синтаксический способ образования терминов, как показал анализ, является преобладающим и в рамках терминосистемы архитектуры. Следовательно, терминологические словосочетания (или многокомпонентные термины) особенно широко распространены в выборках. Было установлено, что в исследуемом корпусе преобладают двух- и трехкомпонентные термины. Двухкомпонентными являются 59 (*balcony beam* — балконная балка), трехкомпонентными — 38 (*emergency water supply* — аварийное водоснабжение), четырехкомпонентными — 14 (*construction works quality control* — метод контроля качества строительных работ) и единичными примерами представлены пятикомпонентные термины (*reinforced concrete structural beam system* — система балок из железобетона; *проект планировки территории жилой застройки*).

Наиболее продуктивными являются следующие модели образования терминологических единиц:

1) прилагательное (или причастие) + существительное (42 из 150 англоязычных терминов; 38 из 150 русскоязычных терминов), напри-

мер, такие англоязычные термины, как *structural style* (конструктивный стиль); *lateral section* (поперечный разрез / профиль); *halfaround niche* (полукруглая ниша); *prefabricated structure* (сборная конструкция), и такие русскоязычные термины, как *рекреационный объект, деревянный ордер, входная группа, вертикальная планировка, подпорная стенка* и др.;

2) существительное + существительное (40 из 150 англоязычных терминов; 32 из 150 русскоязычных терминов), например, такие англоязычные термины, как *frieze step* (фризовая ступень); *building nomenclature* (номенклатура типов зданий); *air permeability* (сопротивление воздухоницанию); *lightning protection* (молниезащита); *compression mould* (пресс-форма), и такие русскоязычные термины, как *направление дизайна, перепады рельефа, плоскость фасада, система перекрытий, концепция постмодернизма* и др.;

3) существительное + прилагательное + существительное (26 из 150 англоязычных терминов; 30 из 150 русскоязычных терминов), например, такие англоязычные термины, как *pedestal architectural moulding* (архитектурный карниз цоколя); *gypsum wall board* (гипсовая стеновая плита), и такие русскоязычные термины, как *имитация естественного водоема, диапазон размерных параметров* и др.;

4) существительное + существительное + существительное (28 из 150 англоязычных терминов; 21 из 150 русскоязычных терминов), например, такие англоязычные термины, как *emergency water supply* (аварийное водоснабжение); *elevation facing yard* (дворовой фасад); *building construction failure* (авария конструктивных элементов сооружения), и такие русскоязычные термины, как *границы участков окраски, насыщение среды обитания, точность построения объекта* и др.

Таблица 1

Продуктивные средства терминообразования при синтаксическом способе в английском и русском языках

Английский язык		Русский язык	
1	Прилагательное + существительное	1	Прилагательное + существительное
2	Существительное + существительное	2	Существительное + существительное
3	Существительное + существительное + существительное	3	Существительное + прилагательное + существительное
4	Существительное + прилагательное + существительное	4	Существительное + существительное + существительное

Сравнительный анализ продуктивности терминообразования при синтаксическом способе отмечен в таблице 1. Было выявлено, что многокомпонентные термины образуются из однопонятийных терминологических единиц. При этом для русского языка наиболее характерна модель *прилагательное + существительное*, а для английского языка наиболее продуктивным способом терминообразования является как сочетание *прилагательное + существительное*, так и *существительное + существительное*.

2. Морфологический способ. Образование терминов происходит с помощью словообразовательных морфем — суффиксов, префиксов, сложения основ и других морфемных средств. Среди морфологических способов выделяются:

- 1) суффиксация (например, *купольный* (суффикс -льн); *lighting* (light + -ing) — система освещения);
- 2) префиксально-суффиксальное образование (например, *подсветка* (приставка под- и суффикс -к); *prefabrication* (pre + fabricate + -ion) — предварительное изготовление строительных элементов);
- 3) словосложение (например, *колоннообразный* (корни «колонн» и «образ»); *kerystone* (kerb (бордюр) + stone (камень) — бордюрный камень).

3. Семантический способ. Этот способ связан с использованием уже существующих в языке слов, которые приобретают новое специализированное значение. Особый интерес представляет такой семантический способ словообразования, как семантическая деривация. Данный механизм исторически являлся ведущим на начальном этапе формирования технической лексики, особенно в период активного ремесленного и промышленного освоения отрасли. Тем не менее он не утратил своей значимости и сегодня, активно функционируя в виде нескольких подтипов, среди которых выделяются переход общеупотребительной лексики в категорию терминов (терминология), создание терминов на основе метафорических и метонимических переносов, а также семантическое сужение ранее широко используемых слов.

Например, из общеупотребительного языка были заимствованы такие понятия, как *window* — окно, *roof* — крыша, *building* — здание и т.д. В некоторых случаях термин полностью совпадает по значению с общеупотребительным словом (мотивированность). В других примерах происходит перенос значения (метафоричность), в частности, русскоязычный термин *ферма* в архитектурном контексте обозначает несущую строительную конструкцию для покрытия больших пролетов,

а англоязычный термин *jerry-builder* означает фирму, выполняющую строительные работы на низком уровне. Новые термины образуются на основе когнитивного переноса лексем в специализированную отрасль за счет внешнего или функционального сходства предметов, явлений и процессов.

Под метонимизацией понимается такой способ семантического словообразования, при котором термин формируется за счет переноса значения с одного предмета или явления на другой по признаку смежности [Лейчик, 2009]. Среди архитектурных терминов встречаются понятия, образованные данным способом, например, *wing* — крыло здания (часть здания, названная по аналогии с крылом птицы, обозначающим боковую пристройку); *footing* — фундамент (основание здания, перенос от «ступня»); *ребенъ крыши* (верхняя линия крыши, по аналогии с гребнем птицы).

Еще одним средством лексико-семантического терминообразования выступает сужение (или специализация) значения, предполагает перенос названия общеупотребительного понятия на специальное на основании общей совокупности признаков с добавлением специфических признаков, релевантных именно для данного специализированного понятия [Прохорова, 1996, с. 79]. В архитектурной терминологии такой способ является весьма продуктивным. Например, термин *галерея*, первоначально обозначающий в общеупотребительном языке длинное крытое помещение или проход, сузился до архитектурного термина, обозначающего длинное помещение или коридор, примыкающий к зданию с одной стороны и открытый с другой, или особый тип выставочного зала. Другой пример — термин *купол*, общеупотребительное значение которого включает «верхнюю часть чего-либо». В контексте терминосистемы архитектуры его значение сузилось до конкретного архитектурного понятия, обозначающего верхнюю часть колонны, имеющую особое декоративное оформление и несущую функцию. Таким образом, сужение значения приводит к образованию специализированных терминов, четко определенных и функционально нагруженных в архитектурной области.

4. Заемствование. В русском языке значительную роль в терминообразовании играют заимствования из латинского, французского, английского и других языков, особенно в научно-технической и, в частности, в архитектурной терминологии. Например, в русской терминологии архитектуры встречаются следующие заимствованные термины: *фронтона* (от лат. *frons* — лоб, передняя часть); *анфилада* (от фр.

enfilade — ряд, цепь комнат) и *коттедж* (от англ. *cottage* — небольшой загородный дом), а в английской: *basilica* (от лат. *basilica* — здание для собраний и судов, позднее — тип церкви); *pavilion* (от фр. *pavillon* — отдельно стоящее здание); *portico* (от итал. *portico* — крытая галерея с колоннами) и *kakemono* (от япон. «висячая вещь» — настенная картина-рулон).

5. Аббревиация. Сокращение слов или словосочетаний для образования терминов, также является продуктивным способом терминологического словаобразования в современных областях знаний, особенно распространенным в терминосистеме архитектуры [Умарова, 2025, р. 23]. Например, русскоязычные термины-аббревиатуры: *ГПЗУ* — Градостроительный план земельного участка; *AP* — Архитектурные решения (стадия проектирования); *СНиП* — Строительные нормы и правила; и англоязычные термины-аббревиатуры: *CAD* (*Computer-Aided Design*) — автоматизированное проектирование; *BIM* (*Building Information Modeling*) — информационное моделирование здания; *HVAC* (*Heating, Ventilation and Air Conditioning*) — системы отопления, вентиляции и кондиционирования. Чаще всего это инициальные аббревиатуры, но также встречаются и другие примеры сокращений, в частности *гениплан* — генеральный план.

Продуктивность терминов-аббревиатур в архитектурной терминологии проявляется не только в краткости и лаконичности, но и в ряде других важных аспектов, в том числе экономии языковых средств (сокращение длины терминов, экономия места в проектной документации, нормативных документах, на чертежах и схемах), удобстве профессионального общения (ускорение обмена информацией, упрощение устной и письменной коммуникации между специалистами), международной унификации (некоторые англоязычные аббревиатуры, такие как *BIM*, *CAD*, *HVAC*, и др., стали международными стандартами), а также в динамичности и адаптивности (аббревиатуры легко адаптируются к новым техническим реалиям в сфере архитектуры и строительства).

В таблице 2 отражены результаты сопоставления способов терминообразования в английском и русском языках:

Таблица 2

Способы терминообразования в английском и русском языках в терминосистеме архитектуры на примере анализируемого корпуса

Англоязычный термин	Способ терминообразования	Русскоязычный термин	Способ терминообразования
Lighting	Морфологический	Купольный	Морфологический
	Суффиксальный		Суффиксальный
Prefabrication	Морфологический	Подсветка	Морфологический
	Префиксально-суффиксальный		Префиксально-суффиксальный
Kerbstone	Морфологический	Колоннообразный	Морфологический
	Словосложение		Словосложение
Building	Семантический	Крыша	Семантический
	Мотивированность		Мотивированность
Jerry-builder	Семантический	Ферма	Семантический
	Метафоричность		Метафоричность
Footing	Семантический	Крыло (здания)	Семантический
	Метонимизация		Метонимизация
Frieze step	Синтаксический	Карниз цоколя	Синтаксический
	Сущ. + сущ.		Сущ. + сущ.
Lateral section	Синтаксический	Полукруглая ниша	Синтаксический
	Прил. + сущ.		Прил. + сущ.
Elevation facing yard	Синтаксический	Авария конструктивных элементов сооружения	Синтаксический
	Сущ. + сущ. + сущ.		Сущ. + прил. + сущ.
Basilica	Заимствование из латинского языка	Анфилада	Заимствование из французского языка
CAD (Computer-Aided Design)	Аббревиация	ГПЗУ (Градостроительный план земельного участка)	Аббревиация
	Инициальная		Инициальная

Заключение

В заключение проведенного исследования можно отметить, что архитектурные термины представляют собой динамично развивающуюся и структурно сложную подсистему лексики, формируемую с использованием различных способов терминообразования. В ходе сопоставительного анализа терминологических единиц в английском и русском языках было выявлено, что обе терминосистемы активно используют

морфологический, синтаксический и семантический способы, однако степень их продуктивности и структурные модели варьируются в зависимости от языковой специфики.

В терминосистеме архитектуры морфологический способ, включающий суффиксацию, префиксацию, словосложение и префиксально-суффиксальные конструкции, оказался особенно продуктивным как в английской, так и в русской архитектурной терминологии. Синтаксический способ также показал высокую степень продуктивности словаобразования и демонстрирует тенденцию к увеличению количества многокомпонентных терминов, особенно в английском языке, что связано с необходимостью высокой точности и описательности в профессиональной коммуникации. Семантический способ, представленный в виде метафоризаций, метонимизации и сужения значения, является важным источником терминов, отражающих визуально-пространственные и функциональные характеристики архитектурных объектов.

Таким образом, сравнительный анализ позволил установить как общие черты в структуре и способах образования архитектурных терминов, так и различия, обусловленные типологическими и языковыми особенностями английского и русского языков. Полученные результаты могут быть полезны для последующих исследований в области лингвистики, а именно в изучении терминологии языков для специальных целей (ЯСЦ), а также при создании двуязычных глоссариев, терминологических баз данных и учебных материалов для архитекторов, лингвистов и переводчиков.

Библиографический список

Бахарлу Х., Алияри Шорехдели М., Шоджай М. Сопоставительный анализ основных способов и средств образования технических авиационных терминов в русском и персидском языках // Филологические науки в МГИМО. 2017. № 9. С. 5-13.

Григорян А.А. Способы образования терминов группы «Документоведение» // Русистика. 2009. № 4. С. 33-38.

Гринев-Гриневич С.В., Сорокина Э.А., Молчанова М.А. Еще раз к вопросу об определении термина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 3. С. 710-729.

Даниленко В.П. Русская терминология: Опыт лингвистического описания. М.: Наука, 1977. 246 с.

Кукасова Д.Г. Специфика процессов образования английских и русских терминов нефтегазовой геологии: сравнительный аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 8 (86). Ч. 2. С. 350–354.

Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 256 с.

Прохорова В.Н. Актуальные проблемы русской лексикологии и терминоведения. М.: Изд-во Московского университета, 1996.

Прохорова В.Н. Русская терминология (лексико-семантическое образование). М.: Филол. фак. МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. 125 с.

Татаринов В.А. Терминоведение. Теория и практика. М.: Московский лицей, 1996. 74 с.

Толикина Е.Н. Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М.: Наука, 1970. 299 с.

Coxhead A. Vocabulary and Language for Specific Purposes // The Encyclopedia of Applied Linguistics. Edinburgh: Blackwell Publishing Ltd., 2012. P. 1–6.

Gollin-Kies S., Hall D.R., Moore S. H. Language for specific purposes. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015.

Umarova K.B. Specific Features of the Term Formation in English // Journal of Pedagogical Inventions and Practices. 2025. № 43. С. 23–25.

Uryupina A.D. Functioning and translation of English and Russian architectural terms in academic discourse // Litera. 2024. № 8. P. 241–250.

References

Grigoryan A.A. Methods of term formation in the group “Documentation studies”, *Rusistika = Rusistika*, 2009, no. 4, pp. 33–38. (In Russian).

Grinev-Grinevich S. V., Sorokina E. A., Molchanova M. A. Reconsidering the Definition of the Term. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov = Bulletin of the Peoples’ Friendship University of Russia*, vol. 13, no. 3, pp. 710–729. (In Russian).

Danilenko V.P. Russian terminology: Experience of linguistic description. Moscow, 1977. 246 pp. (In Russian).

Kukasova D.G. Specificity of formation processes of English and Russian terms of oil and gas geology: comparative aspect. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philology. Theory & Practice*, 2018, no. 8 (86), part 2, pp. 350–354. (In Russian).

Leychik V.M. Terminology: subject, methods, structure, Moscow, 2009, 256 p. (In Russian).

Prokhorova V.N. Current problems of Russian lexicology and Terminology, Moscow, 1996. (In Russian).

Prokhorova V.N. Russian terminology (lexico-semantic formation), Moscow, 1996. 125 pp. (In Russian).

Tatarinov V.A. Terminology studies. Theory and practice. Moscow, 1996, 74 p. (In Russian).

Tolikina E.N. Linguistic problems of scientific and technical terminology. Moscow, 1970, 299 c. (In Russian).

Baharloo H., Aliyari Shorehdeli M., Shojaee M. Comparative analysis of the main patterns and devices of technical aviation terms formation in Russian and Persian languages. *Filologicheskie nauki v MGIMO = Philological Sciences at MGIMO*, 2017, no. 9, pp. 5–13. (In Russian).

Coxhead A. Vocabulary and Language for Specific Purposes. The Encyclopedia of Applied Linguistics, Edinburgh, 2012, pp. 1–6.

Gollin-Kies S., Hall D.R., Moore S.H. Language for specific purposes, Basingstoke, 2015.

Umarova K.B. Specific Features of The Term Formation in English. *Journal of Pedagogical Inventions and Practices*, 2025, no. 43, pp. 23–25.

Uryupina A.D. Functioning and translation of English and Russian architectural terms in academic discourse, *Litera*, 2024, no. 8, pp. 241–250.

ОБРАЗНОСТЬ И МЕТАФОРИЧНОСТЬ ТЕРМИНОЛОГИИ В АНГЛИЙСКИХ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ НЕФТЕГАЗОВОЙ ОТРАСЛИ

М.Г. Ромашин

Ключевые слова: лексическая полисемия, метафора, метафоричность терминов, научно-техническая литература, нефтегазовая терминология, перевод терминов, терминологические системы, эквивалентность перевода

Keywords: lexical polysemy, metaphor, metaphoricity of terms, scientific and technical literature, oil and gas terminology, translation of terms, terminological systems, translation equivalence

DOI: [https://doi.org/10.14258/filichel\(2025\)4-04](https://doi.org/10.14258/filichel(2025)4-04)

B ведение

Метафорические термины все чаще можно встретить во многих терминосистемах научных исследований и дисциплин в целом. Стоит заметить, что изучение научной метафоры имеет ряд перспектив и это связано с появлением новых терминов во многих отраслях, среди которых важное место занимает нефтегазовая отрасль. Н.Д. Арутюнова отметила важность рассмотрения метафоры, поскольку «в ней стали видеть ключ к пониманию основ мышления и процессов создания... национально-специфического видения мира... и его универсального образа» [Арутюнова, 1990, с. 14]. Несмотря на заявленную нейтральность терминологии, специальным понятиям присущи также образность и метафоричность. Объектом исследования в настоящей статье является английская научно-техническая литература нефтегазового профиля. Предметом исследования служат терминология в английских научно-технических текстах и эквиваленты терминов при переводе на русский язык. Рассмотрение в статье ассоциативных связей предметов и явлений, а также поиск и акцентирование внимания на общих признаках и характеристиках предметов позволяет выявить основу языковых средств научно-технической литературы.

Методы и материалы исследования

В работе используются методы сплошной выборки, компонентного анализа, лингвистического наблюдения, интерпретационного и се-

мантического анализа. Изучение уникальности и особенностей специальной терминологии проводится на материале английских научно-технических текстов нефтегазовой тематики, рассматриваются эквивалентные единицы в русском языке.

Результаты исследования

Научно-технические тексты являются не только фундаментом в различных областях нефтегазовой отрасли, но и играют ключевую роль в развитии топливно-энергетического комплекса в целом. Работа с англоязычной литературой и нормативно-техническими документами позволяет получать опыт от зарубежных партнеров среди компаний дружественных стран, а также делиться своими идеями и наработками со специалистами из ведущих организаций по профильным направлениям деятельности.

Среди уникальных и специфичных характеристик англоязычных текстов следует выделить грамматические и лексические особенности, знание которых необходимо учитывать не только при работе с иностранной литературой на исходном языке, но и при работе с текстами, переведенными на другие языки. Одной из важных лексических особенностей научно-технической литературы является содержание в текстах специальных терминов, на которых основана терминологическая база и построены определения.

Рассматривая особенности научного стиля речи, В.Н. Комиссаров [Комиссаров, 1990, с. 110] выделяет следующие характерные черты, которые встречаются в текстах данного стиля в большей или меньшей степени: логическая последовательность, связь основной идеи текста с деталями, содержательность, ясность, точность и понятность. Кроме того, в текстах отмечено использование научно-технических терминов и специальной лексики. В то же время, несмотря на точность и объективность данного стиля речи, следует отметить использование в литературе специальных значений общенародных слов исключительно в рамках рассматриваемого жанра. В.Н. Комиссаров также обращает внимание на использование в специальных текстах в качестве терминов широко применяемых в повседневной (обыденной) речи слов [Комиссаров, 1990, с. 110]. Среди таких примеров можно привести лексические единицы “*ripple*” и “*rope*”. Отмечено отсутствие обратного употребления терминов из узкоспециализированных текстов той или иной отрасли. Следует обратить особое внимание на то, что «термину „противопоказаны“ эмоциональность, метафоричность, наличие каких-либо ассоциаций» [Комиссаров, 1990, с. 111]. Данное утверждение рассмотрим бо-

лее детально в нашей статье далее на примере терминологии английских научно-технических текстов нефтегазовой тематики.

Для более отчетливого понимания типов стилистических приемов, которые используются в научно-технической литературе нефтегазового профиля, а также с целью обоснования языковых средств, изначально заложенных автором, рассмотрим основные стилистические приемы. После чего перейдем к рассмотрению данных приемов применительно к литературе нефтегазового профиля. Это позволит отчетливее описать тот или иной тип выразительных средств, используемых в научно-технической литературе нефтегазового профиля, обосновать языковые компоненты стиля, изначально заложенные автором, а также провести тщательный и подробный анализ данных приемов.

В одном из своих исследований Д.И. Фатхуловой и Г.И. Акхямовой были рассмотрены три основные классификации стилистических приемов. В качестве основы для выполнения анализа послужили работы Дж. Лича, И.Р. Гальперина и Ю.М. Скребнева [Акхямова, Фатхулова, 2021, с. 95]. Данные классификации по-своему уникальны, и в них взяты за основу различные принципы и подходы. Более подробно остановимся на научных трудах советского лингвиста и лексикографа И. Р. Гальперина, классификация которого основана на поуровневом подходе. Обратим внимание на лексико-фразеологические стилистические средства как различные выразительные средства языка и стилистические приемы, сутью которых является применение особенностей слова как фразеологической единицы, например, семантические и стилистические приемы [Гальперин, 1958, с. 123]. Исследования показывают, что слово напрямую зависит от контекста и данное влияние особенно актуально при переводе текста с одного языка на другой [Seyidova, 2023, р. 8007]. Благодаря этому явлению слово имеет свойство получать новые, нехарактерные на первый взгляд предметно-логические значения.

В литературе выделяют следующие стилистические приемы с характерными особенностями, в основу которых входит взаимодействие словарных и контекстуальных предметно-логических значений, а также взаимодействие предметно-логических и назывных значений [Гальперин, 1958, с. 123]: метафора, метонимия, ирония, антономазия, эпитет, оксюморон, использование междометий, гипербола. Из перечисленного спектра стилистически окрашенных языковых средств научно-технической и специальной литературы Л.И. Борисова выделила следующие образные средства: метафора, метонимия и сравнение [Борисова, 2016, с. 64]. Среди выявленных разновидностей была обозначена их основа — ассоциативные связи предметов и явлений окружающей дей-

ствительности, а также общие характеристики и признаки. По данным английской научно-технической литературы, метафоры были отмечены как наиболее часто встречающееся образное средство.

В одном из научных исследований А.И. Деевой были рассмотрены следующие концептуальные метафорические модели, которые можно принять в качестве обоснований фрагмента нефтегазовой терминологической системы английского языка [Деева, 2014, с. 48]:

- антроморфная модель («оборудование — это человек», где выделяются фреймы, помогающие распознать особенности новой интерпретации знаний носителей английского языка);
- артефактная модель (образованию терминов способствовала концептуализация признаков внешнего вида, а также прослеживается аналогия закономерностей функционирования и реализации);
- зооморфная модель (прослеживается параллель с набором фреймов животного мира, преимущественно по признаку внешнего вида);
- вещественная модель (термин открывается читателю как «вещество»);
- анималистическая модель (источник зарождения термина — «живой организм»);
- фитоморфная модель (соотношение концептуальных «сфер-мишеней» — оборудование и скважина);
- природная модель (содержит структуру знаний с целью номинирования оборудования, месторождения нефти и газа).

С.Б. Козинец в научной статье «Зоонимы в образном пространстве языка: метафора, сравнение, фразеологизм» рассматривает метафору как отдельный вид тропа, заключающийся в переносе названия одного образа на другой. Одновременно с этим представлена классификация метафор по основному и вспомогательному субъектам [Козинец, 2022, с. 255]. Так, например, основой классификации метафор по основному субъекту считается объединение различных образных значений в семантические поля, а в случае со вспомогательным субъектом за базу уже принимается тематическая принадлежность слова в прямом значении.

О.М. Лосева и Т.А. Фуфурина, рассматривая информационные научные тексты и используемые в них стилистические приемы, особо выделили образные метафоры как имеющие преимущественно отношение к качествам человека и характеристикам живых существ [Лосева, Фуфурина, 2024, с. 176]. В то же время отмечается, что значительное количество метафорических выражений в научно-технической литературе извлекается из языка повседневной жизни. В литературе данный тип метафоры получил наименование «анималистической (зоометафо-

ры)», для которого характерны соответствующие специфические лексические единицы — зоонимы. С.Б. Козинец объединил употребление зоонимов в текстах в несколько тематических групп, среди которых: «животные», «птицы» и «рыбы» [Козинец, 2022, с. 257].

В англоязычных научно-технических текстах нефтегазовой тематики широко используется вышеупомянутая тематическая группа «животные», что подтверждается распространенным применением зоонимов. Употребление номенклатуры с «оттенками» животного мира придает терминам в сфере нефти и газа образность. Так, в работе Н.В. Терских [Терских, 2011, с. 192] был рассмотрен не только зооним как общая словарная единица, способная принять «облик» зоосемизма (непосредственно животного), но и зооморфизма (некоего метафорического образа с проекцией на человека). При рассмотрении зоонимов особое внимание уделяется и смежным примыкающим группам лексики — автономным лексико-семантическим группам, состоящим из терминов узконаправленной отрасли промышленности. Прежде всего, хотелось бы обратить внимание специалистов нефтегазовой отрасли на часто употребляемые терминосочетания. Приведем несколько примеров из англо-русского словаря по нефти и газу [Коваленко, 2010]. Для наглядности термины представлены по трем тематическим группам в зависимости от ключевого слова:

- *dog, holding dog, pipe dog, dog house, dog shift* (с. 271);
- *cat, cat bead, cat blend, cat cracker, cat head, bear cat, boom cat, wild cat* (с. 129);
- *fish, fish plate, fisherman, fishing equipment, fishing tool* [Коваленко, 2010, с. 369].

Из вышеперечисленных групп специальных терминов обратим особое внимание на концепт «*cat*», в зависимости от семантического поля встречающийся в контексте процесса добычи нефти и газа непосредственно на буровых платформах. Одиночный термин *cat* в роли существительного или глагола может соответствовать следующим значениям: ‘узел из загнутых нитей троса’ (для заправки в канатный замок), ‘гусеничный трактор-вездеход’ (для подготовки площадки буровой установки), а также ‘процесс перемещения тяжелого оборудования с помощью лебедки бурового станка’. Обратимся к англо-русскому словарю по нефти и газу [Коваленко, 2010, с. 271] и рассмотрим лексические значения данного термина на материале специальных текстов, где употребляется данное слово:

- 1) изучение геологического строения недр земли с целью определения наличия и качества полезных ископаемых: *wild cat* — ‘разведочная

скважина, поисковая скважина' (на малоисследованной площади) [Коваленко, 2010, с. 130];

2) сфера добычи углеводородов: *cat bead* — 'шпилевая катушка' (для затягивания инструментов и труб в буровую вышку, подъема хомутов и элеваторов, свинчивания и развинчивания бурильных труб), 'дополнительная катушка станка алмазного бурения' [Коваленко, 2010, с. 130]; *cat head* — 'шпилевая катушка' (для затягивания инструментов и труб в буровую вышку, подъема хомутов и элеваторов, свинчивания и развинчивания бурильных труб) [Коваленко, 2010, с. 130]; *bear cat* — 'скважина с трудными условиями эксплуатации' [Коваленко, 2010, с. 130];

3) процесс переработки нефти: *cat blend* — 'смесь мазутов каталитического крекинга и прямой гонки' [Коваленко, 2010, с. 130]; *cat cracker* — 'каталитическая крекинг-установка' [Коваленко, 2010, с. 130];

4) строительство трассы линейной части магистральных нефте- и газопроводов: *boom cat* — 'трубоукладчик'¹, 'трактор-трубоукладчик со стрелой' [Коваленко, 2010, с. 130].

Таким образом, концепт *cat* в зависимости от контекста может употребляться для обозначения автомобильной техники, непосредственно оборудования, задействованного в процессах добычи, процессах перемещения специализированного оборудования и поиска запасов извлекаемого газа и нефти из недр земли.

Теперь обратимся к англо-русскому словарю [Мюллер, 1995] и рассмотрим значение слова «*cat*» в нейтральных контекстах. В наиболее частом употреблении этого слова в текстах общей тематики термин имеет значение «кот, кошка, животное семейства кошачьих» [Мюллер, 1995, с. 303].

Обратимся к переводу некоторых вышеупомянутых терминов в форме словосочетаний в контекстах:

— «*wild cat*» — 'дикая кошка'². Пример термина в нейтральном контексте и его перевод: *There are actually around 37 species of wild cat living today / На сегодняшний день на Земле насчитывается около 37 видов диких кошек.*

На основе данных словаря³ были получены переводы этого термина в различных областях науки и сфер жизнедеятельности человека, среди которых: биология («лесная кошка, европейская кошка»), морская тематика («храповое колесо, цепной барабан»), железнодорожный

¹ <https://translate.academic.ru>

² <https://context.reverso.net>

³ <https://www.multitran.com/dictionary/english-russian>

транспорт («поезд, идущий не по расписанию»), золотодобыча («доразведочная скважина»).

— «*cat bead*» — употребление данного словосочетания в нейтральных контекстах встречено не было, в том числе в составе каких-либо общеупотребительных примеров. Словарь⁴ представляет нам перевод данного словосочетания как «кошачья бусинка». Обращение к другим видам словарей позволяет перевести данный термин как «шпилевая катушка (подъема хомутов и элеваторов, свинчивания и развинчивания бурильных труб)» и «дополнительная катушка станка алмазного бурения»⁵. Данный термин употребляется также в контексте упоминания измерительных приборов и имеет значение «катализический шариковый», в словаре⁶ приводится перевод данного термина в составе словосочетания *cat bead sensor* — «катализический шариковый датчик»;

— «*cat blend*» — дословный перевод «кошачья смесь»⁷. Словарь⁸ приводит пример использования данного словосочетания в нейтральном контексте: *This combination of colors allows the cat to blend with the mountain environment to avoid detection when hunting or from being detected by other larger animals which could attack them /* Эта комбинация цветов позволяет кошке сливаться с горной средой, чтобы не быть замеченной охотниками или другими крупными животными, которые могут напасть на нее. Использование данного словосочетания в других сферах деятельности при рассмотрении англоязычных текстов и англо-русских словарей не встречается;

— «*boom cat*» — употребление данного словосочетания в нейтральных контекстах не было встречено, в том числе в составе каких-либо общеупотребительных примеров. Но основной перевод данного словосочетания, встречающийся в английских текстах и словарях,— «трактор со стрелой»⁹, «гусеничный кран»¹⁰. Если обратиться к одному из зарубежных словарей¹¹, то данный термин поясняется как «1. A *derrick mounted on a caterpillar tractor*; 2. *One who operates a power shovel at a strip mine to remove overlying ground and load coal into cars*». Выполненный

⁴ <https://translate.yandex.ru>

⁵ <https://translate.academic.ru>

⁶ <https://www.multitran.com/dictionary/english-russian>

⁷ <https://woordhunt.ru>

⁸ <https://context.reverso.net>

⁹ <https://translate.academic.ru>

¹⁰ <https://www.multitran.com/dictionary/english-russian>

¹¹ <https://www.merriam-webster.com>

нами на основе словаря¹² перевод дал следующие результаты: «1. Кран, установленный на гусеничную платформу; 2. Специалист, работающий на открытой добыче угля и выполняющий контроль по перемещению излишне образованного грунта в автомобили».

Далее перейдем к рассмотрению образных терминов. Одним из широко употребляемых в текстах нефтегазовой тематики примеров создания технических терминов является терминологическое словосочетание *Christmas tree*, перевод которого можно представить как «фонтанная арматура, фонтанное устьевое оборудование (для фонтанной или компрессорной эксплуатации скважины)» [Коваленко, 2010, с. 152]. Рассмотрение данного термина в контексте научной статьи [Мюллер, 1995, с. 120] показало, что частотность термина *Christmas tree* составила 0,0015, или 0,15% (10 словоупотреблений термина на 6654 общего количества словоупотреблений). Частотность русскоязычного эквивалента «фонтанная арматура» в основном корпусе русского языка¹³ составляет 0,0103 ipm. Если данное словосочетание встретится в нейтральном контексте, то любому читателю не составит труда перевести его как «Рождественская елка»¹⁴. Приведем пример употребления данного термина в нейтральном контексте английского языка и его русскоязычный эквивалент: *The Christmas tree was laden with gifts* / Новогодняя елка была увешана подарками¹⁵.

Теперь попытаемся провести параллель между классическим (нетерминологическим) переводом данного словосочетания и техническим термином нефтегазовой отрасли. Для этого прежде всего обратимся к описательной части термина, рассмотрев техническую сторону вопроса. Фонтанная арматура — «система механизмов и устройств, предназначенных для герметизации устья насосных и фонтанных скважин»¹⁶. Общий вид фонтанной арматуры¹⁷ представлен на рисунках 1, 2.

Рассматривая устройство фонтанной арматуры¹⁸ более детально, можно выделить следующие составляющие (рис. 2):

¹² <https://www.merriam-webster.com>

¹³ <https://ruscorpora.ru>

¹⁴ <https://translate.academic.ru>

¹⁵ <https://woordhunt.ru>

¹⁶ Деловой журнал Neftegaz.ru: <https://neftegaz.ru/tech-library>

¹⁷ Общий вид фонтанной арматуры: <https://piontera.ru/upload/iblock/351/351409dc/d911ef5417f3b5d711ab1ff4.pdf>

¹⁸ Устройство фонтанной арматуры: <https://neftegaz.ru/tech-library/burovye-ustanovki-i-ikh-uzly/141913-armatura-fontannaya>

- 1 — колонная головка;
- 2 — трубная головка;
- 3 — фонтанная елка;
- 4 — регулируемый штуцер;
- 5 — пневмоуправляемая задвижка.

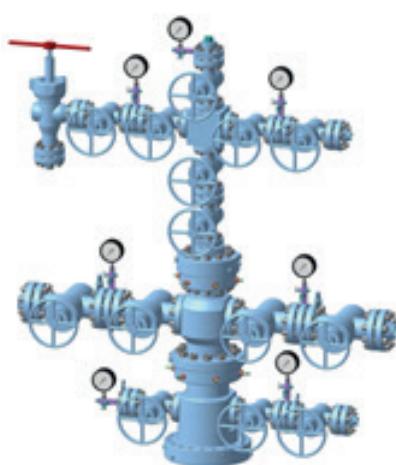

Рис. 1. Общий вид фонтанной арматуры

Рис. 2. Устройство арматуры

Внешнее сходство оборудования скважины и хвойного дерева прослеживается в том числе из-за симметричного расположения элементов запорной арматуры относительно его центральной оси (рис. 1, 2). В специальной литературе нефтегазового профиля одну из составляющих фонтанной арматуры специалистами в области добычи нефти принято называть «фонтанной елкой» (см. рис. 2) [Мордвинов, 2004; Скребнев, 2003].

Приведем пример употребления специального термина в контексте научно-технической литературы на примере англоязычной научной статьи [Giovanna Guimarães Gielfi et al., 2013]: “*Christmas tree* — set of valve that controls the production of the oil well — flexible pipes, turbines and large generators, and compressors, and the major services are the drilling and cementing of wells, the chartering of support vessels and the launching of submerged lines [Giovanna Guimarães Gielfi et al., 2013, p. 120]. Предложим следующий русскоязычный вариант данного фрагмента: «Фон-

танская арматура представляет собой систему механизмов и устройств, предусмотренных для герметизации устья скважины и управления потоком скважинной продукции. Предназначена для контроля гибких подводящих трубопроводов, турбин, генераторов большой мощности и компрессоров, а также для проведения таких основных работ по добыче, как бурение и цементирование скважин, фрахтование вспомогательных судов и запуск погружного оборудования» (перевод наш. — *M.P.*).

Теперь рассмотрим другой пример текста с употреблением английского термина *Christmas tree*: «*On the basis of the studies performed, the main directions of the further evolution of the vehicle were determined, including the diagnostics of the technical condition and the examination of industrial safety of the Christmas tree*» [Бабаев, 2022, с. 8]. Авторы научной статьи в составе аннотации представили следующий русскоязычный эквивалент: «На основе выполненных исследований определены основные направления дальнейшей эволюции ТС, в том числе диагностики технического состояния и экспертизы промышленной безопасности фонтанной арматуры» [Бабаев, 2022, с. 7].

Мы согласны с переводом данного термина в контексте, но, по нашему мнению, следует внести незначительные правки и представить вариант перевода на русский язык в следующем виде: «На основе проведенных исследований обозначены основные направления дальнейшего развития ТС (технических систем), в том числе диагностики технического состояния и экспертизы промышленной безопасности фонтанной арматуры» (перевод наш. — *M.P.*).

Рассматривая нефтегазовую метафорическую терминологию, Н. А. Мишанкина и А. И. Деева в своем исследовании в области терминоведения и лингвистики [Деева, 2014, с. 47] сделали акцент на важности изучения терминологической лексики ввиду актуальности и перспективы направления современной лингвистики. В рамках ранее проведенных исследований в области терминоведения были сделаны выводы, что наиболее распространенным и часто применяемым способом образования терминов нефтегазовой тематики является лексико-семантический способ. А метафорическое терминообразование следует рассматривать как эффективный способ образования специальных терминов и определений в рамках рассматриваемой отрасли [Милуд, 2023, с. 26].

Терминосистемы нефтегазовой промышленности, несмотря на свою довольно частую нейтральность и конкретику, могут создать для читателя или переводчика некоторые затруднения, если в тексте встреча-

ется анималистическая метафора [Терских, 2011, с. 195]. В ходе проведенного исследования в области терминологии нефтегазовой отрасли выявлены основные концептуальные признаки, на которых базируются метафорические модели терминологии нефтегазовой тематики. К таким отличительным и наиболее часто встречающимся признакам следует отнести: сходство по внешнему признаку, форме, функции, раз-меру и цвету [Степанова, 2020, с. 20].

Наиболее важными и значимыми критериями качества научно-технического перевода являются: краткость, точность и ясность передачи основного смысла и содержания исходного текста первоисточника, отсутствие любых неоднозначностей и двусмыслистостей. В зависимости от области знаний для научного текста будут предъявлены свои требования к стилю и форматированию материала [Кононова, Шутова, 2024, с. 196]. Для текстов нефтегазовой тематики в большинстве случаев характерны формальность, логичность и содержательность. Поэтому сам по себе стилистический прием метафоры с учетом свойственной многозначности может создавать некоторые сложности читателям. Авторы научно-технических текстов довольно часто употребляют метафору в своих научных трудах, используя как языковую, так и речевую (индивидуально-авторскую) ее разновидности. Решающим фактором, который обуславливает наиболее подходящий вариант перевода, является контекст [Борисова, 2016, с. 64].

Заключение

В результате изучения типов стилистически окрашенных языковых средств научно-технической и специальной литературы нами были получены следующие результаты: на примере терминосистемы нефтегазовой лексики более детально представлено образование метафоры; были приведены примеры специальных метафорических терминов на английском языке и проведен их анализ; рассмотрены варианты перевода специальных терминов с английского языка на русский.

Как было отмечено, при работе с различными стилистическими приемами, в частности, таким, как метафора, перевод терминологии может вызывать затруднения. Это связано не только со сложностью этимологии нефтегазовых терминов, но и с полисемией и образностью многих специальных понятий. Работая с английскими научно-техническими текстами, а также с технической литературой на русском языке, отдельно хотелось бы указать, что один и тот же специальный термин может быть переведен по-разному даже в смежных отраслях деятельности человека. Большую роль при переводе играет не только кон-

текст, но и узконаправленность рассматриваемой тематики. Поэтому подбор нужного термина-эквивалента при переводе, а соответственно, и общее качество и адекватность переведенного текста во многом зависят не только от отличного знания переводчиком языка, но и от опыта работы в выбранной тематике, и наличия глубоких знаний в рассматриваемой отрасли.

Библиографический список

Акхямова Г.И., Фатхулова Д.И. Основные классификации стилистических приемов в теории и стилистике языка // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. 2021. № 2 (59). С. 95–98.

Арутюнова Н.Д. Теория метафоры / общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журинской. М.: Прогресс, 1990. 512 с.

Борисова Л.И. Метафора в научно-техническом переводе // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. 2016. № 6. С. 63–71.

Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. М.: Библиотека филолога, 1958. 459 с.

Деева А.И. Содержательная структура и характерные особенности метафорического фрагмента нефтегазовой терминологической системы (на материале английского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 10 (40). Ч. I. С. 46–53.

Коваленко Е.Г. Новый большой англо-русский словарь по нефти и газу: в 2-х т. Около 250 000 терминов, сочетаний, эквивалентов и значений / под редакцией проф. А.И. Гриценко и Н.В. Морозова. М.: Живой язык, 2010. 568 с.

Козинец С.Б. Зоонимы в образном пространстве языка: метафора, сравнение, фразеологизм // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22. Вып. 3. С. 254–260. <https://doi.org/10.18500/1817-7115.2022.22-3-254-260>

Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. для институтов и факультетов иностранных языков. М.: Высшая школа, 1990. 253 с.

Кононова Т.Л., Шутова В.Н. Теоретические основы перевода специальных текстов // Вектор научной мысли: научный журнал. 2024. № 1 (6). С. 196–197.

Лосева О.М., Фуфурина Т.А. Выразительная метафора в информационных научных текстах // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. Филологические науки. 2024. № 3–4 (90).

С. 174–177. Электронный ресурс: <http://intjournal.ru/wp-content/uploads/2024/04/Mezhdunarodnyj-ZHurnal-3-4-bez-stati.pdf>

Милуд М.Р. Структурно-семантические особенности терминологии нефтегазовой промышленности // Современные технологии обучения иностранным языкам : сб. науч. трудов. Ульяновск: УлГТУ, 2023. С. 23–27.

Мордвинов А.А., Захаров А.А. и др. Устьевое оборудование фонтаных и нагнетательных скважин: метод. указания. Ухта: УГТУ, 2004. 31 с.

Мультитран. Англо-русский словарь. Электронный ресурс: <https://www.multitran.com/dictionary/english-russian>

Мюллер В.К. Англо-русский словарь. М.: Русский язык (электронная версия Палек), 1995. 2106 с.

Скребнев Ю.М. Основы стилистики английского языка. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. С. 221. Электронный ресурс: <https://djvu.online/file/ntCxNZ6evNlMs>

Степанова М.И. Метафоризация в нефтегазовом дискурсе на материале английского языка и переводов на русский язык // Вестник науки. 2020. № 4 (25). Т. 1. С. 19–21.

Терских Н.В. О зоонимах в английской нефтегазовой терминологии // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2011. № 1. С. 191–195.

Seyidova N. Влияние контекста на семантику слова // Path of Science. 2023. Vol.9. № 8. Pp. 8007–8011.

Источники

Академик. Словари и энциклопедии на Академике. Электронный ресурс: <https://translate.academic.ru>

Бабаев С.Г., Габибов И.А. Эволюция качества задвижек запорных арматур // The scientific heritage. 2022. № 82. С. 7–15.

Деловой журнал Neftegaz.ru. Электронный ресурс: <https://neftegaz.ru/tech-library/burovye-ustanovki-i-ikh-uzly/141913-armatura-fontannaya>

Интера. Производственное объединение ПВО и нефтегазовое оборудование. Устьевое и противовыбросовое оборудование. Электронный ресурс: <https://pointer.ru/upload/iblock/351/351409dcd911ef5417f3b5d711ab1ff4.pdf?ysclid=m73qufgtff828439961>

Энциклопедия Britannica. Merriam-Webster. Электронный ресурс: <https://www.merriam-webster.com>

Яндекс Переводчик. Электронный ресурс: <https://translate.yandex.ru>

Giovanna Guimarães Gielfi, Newton Müller Pereira et al. User-Producer Interaction in the Brazilian Oil Industry: The Relationship Between Petrobras and its Suppliers of Wet Christmas Tree // Journal of Technology. Management

& Innovation. 2013. Volume 8, Special ALTEC. Pp. 117–127. Электронный ресурс: <https://www.jotmi.org/index.php/GT/article/view/1194>

Neftegaz.ru. Техническая библиотека. Электронный ресурс: <https://neftegaz.ru/tech-library>

Reverso. Электронный ресурс: <https://context.reverso.net>

Ruscorpora.ru. Электронный ресурс: <https://ruscorpora.ru>

WooordHunt. Электронный ресурс: <https://wooordhunt.ru>

References

Akkhyamova G.I., Fatkhulova D.I. Basic classifications of stylistic approaches in the theory and stylistics of language. *Vestnik Bashkirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. M. Akmully* = Bulletin of Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla, 2021, no. 2 (59), pp. 95–98. (In Russian).

Arutyunova N.D. The theory of metaphor, Moscow, 1990. (In Russian)

Borisova L.I. Metaphor in scientific translation. *Vestnik MGOU* = Bulletin of the Moscow Region State University. Series “Linguistics”, 2016, no. 6, 512 p. (In Russian).

Galperin I.R. English style sketch, Moscow, 1958, 459 p. (In Russian).

Deeva A.I. Meaningful structure and peculiar features of a metaphorical fragment of oil and gas terminological system (by the material of the English language). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* = Philology. Theory & Practice, 2014, no. 10 (40), pt 1, pp. 46–53. (In Russian).

Kovalenko E.G. The new English-Russian dictionary on oil and gas, Moscow, 2010. (In Russian).

Kozinets S.B. Zoonyms in the figurative space of the language: Metaphor, comparison, phraseological unit. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika* = Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 254–260. <https://doi.org/10.18500/1817-71152022-22-3-254-260> (In Russian).

Komissarov V.N. The theory of translation (Linguistics), Moscow, 1990, 253 p. (In Russian).

Kononova T.L., Shutova V.N. Theoretical foundations of translation of special texts. *Vektor nauchnoy mysli: nauchnyy zhurnal* = Vector of scientific thought: scientific journal, 2024, no. 1(16), pp. 196–197. (In Russian).

Loseva O.M., Fufurina T.A. Expressive metaphor in informational scientific texts. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk. Filologicheskie nauki* = International Journal of Humanities and Natural

Sciences. Philological Sciences, 2024, no. 3–4 (90). (In Russian). Retrieved from: <http://intjournal.ru/wp-content/uploads/2024/04/Mezhdunarodnyj-ZHurnal-3-4-bez-stati.pdf> (In Russian).

Miloud M.R. Structural and semantic features of oil and gas industry terminology. *Sovremennye tekhnologii obucheniyaиностранным языкам* = Modern Technologies for Teaching Foreign Languages, Ulyanovsk, 2023, pp. 23–27. (In Russian).

Mordvinov A.A., Zakharov A.A. at al. Drilling equipment for flowing and injection wells: the guidance, Ukhta, 2004, pp. 23–27. (In Russian).

Multitran. English-Russian dictionary. Retrieved from: <https://www.multitran.com/dictionary/english-russian> (In Russian).

Myuller V.K. English-Russian dictionary, Moscow, 1995. (In Russian)

Skrebnev Yu.M. Basics of English Style, Moscow, 2003. Retrieved from: <https://djvu.online/file/ntCxNZ6evNIMs> (In Russian).

Stepanova M.I. Metaphorization in oil and gas discourse in English material and translations into Russian language. *Vestnik nauki* = Bulletin of Science, 2020, no. 4 (25), vol. 1, pp. 19–21. (In Russian).

Terskikh N.V. About zoonyms in English oil and gas terminology. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva* = Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev, 2011, no. 1, pp. 191–195. (In Russian).

Seyidova N. The influence of context on the semantics of a word. *Traektoriya nauki*, 2023, vol. 9. no 8, pp. 8007–8011 (In Russian).

List of Sources

Academician. Dictionaries and encyclopedias on the Academician. Retrieved from: <https://translate.academic.ru> (accessed: 05.01.2025)

Babaev S.G., Gabibov I.A. Evolution of the quality of shut-off valves. *The scientific heritage*, 2022, no. 82, pp. 7–15. (In Russian).

The business magazine Neftegaz.ru. Retrieved from: <https://neftegaz.ru/tech-library/burovye-ustanovki-i-ikh-uzly/141913-armatura-fontannaya> (In Russian).

Encyclopedia Britannica. Merriam-Webster. Retrieved from: <https://www.merriam-webster.com>

Intera. Production Association of Blow Out Prevention and oil and gas equipment. Stamping and Blow Out Prevention equipment. Retrieved from: <https://piontera.ru/upload/iblock/351/351409dc911ef5417f3b5d711ab1ff4.pdf?ysclid=m73qufgtff828439961> (In Russian).

Neftegaz.ru. Technical library. Retrieved from: <https://neftegaz.ru/tech-library> (In Russian).

Yandex Translate. Retrieved from: <https://translate.yandex.ru>

Giovanna Guimarães Gielfi, Newton Müller Pereira et al. User-Producer Interaction in the Brazilian Oil Industry: The Relationship Between Petrobras and its Suppliers of Wet Christmas Tree. *Journal of Technology, Management & Innovation*. 2013. vol. 8. Retrieved from: <https://www.jotmi.org/index.php/GT/article/view/1194>

Reverso. Retrieved from: <https://context.reverso.net> (In Russian).

Ruscorpora.ru. Retrieved from: <https://ruscorpora.ru> (In Russian).

WoordHunt. Retrieved from: <https://ruscorpora.ru> (In Russian).

СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАИМСТВОВАНИЙ ТЕМАТИЧЕСКОЙ РУБРИКИ «KINO & SERIEN» В КОНТЕКСТЕ МЕДИАЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ

Т.И. Щелок, И.А. Чернова

Ключевые слова: медиалингвистика, медиатекст, немецкий язык, заимствования, семантика, pragmatika

Keywords: media linguistics, media text, German language, borrowings, semantics, pragmatics

DOI: [https://doi.org/10.14258/filichel\(2025\)4-05](https://doi.org/10.14258/filichel(2025)4-05)

B ведение

Благодаря разного рода научным открытиям и достижениям мы живем в быстро развивающемся и быстро меняющемся мире, в котором получение и передача информации имеют огромное значение. При этом в качестве источников данных могут выступать как традиционные — радио, газеты, журналы, телевидение, — так и более современные — сетевые издания, распространяющие информационные материалы через веб-сайты сети Интернет. Соответственно информация может быть представлена как в звучащей, так и в письменной формах: каждый выбирает по своему усмотрению и на собственный вкус. По причинам открытости, доступности и актуальности содержания достаточно популярными в последнее время являются медиатексты — так называемый новый продукт коммуникации, отличающийся многообразием [Засурский, 2005, с. 6], имеющий pragматическую направленность и передающий массовой разнородной аудитории значимую неспециальную информацию [Кузнецова, 2010, с. 144]. Г.В. Пименова подчеркивает еще две важные особенности медиатекстов: их динамический характер «на трех уровнях: внутритекстовом, надтекстовом и гипертекстовом», а также их «многоплановость, многомерность, полифоничность, гетерогенность и интегральность», появившиеся в результате взаимодействия СМИ и новейших информационных технологий [Пименова, 2009, с. 220].

Независимо от нашего желания медиатексты окружают нас повсюду, создавая так называемую «медицинскую картину мира», рассматриваемую как «продукт вариативной интерпретации действительности» [Беловодская, 2017, с. 196]. Т.Г. Добросклонская отмечает, что тексты средств массовой информации «являются сегодня одной из самых рас-

пространенных форм бытования языка» [Добросклонская, 2008, с. 3]. При этом нельзя не подчеркнуть тот факт, что язык СМИ в определенной степени формирует современную языковую культуру и является источником «быстро проходящей моды на языковые „фишки“, новшества, неологизмы, по-своему влияя на вкусы и предпочтения всех словес социума» [Астапенко, 2021, с. 16].

Для построения медиатекстов используются вербальные механизмы, получившие новые возможности манипулировать читательской аудиторией: любой медийно-текстовый продукт направлен на то, чтобы вызвать у читающих медийный эффект, который имеет прямую связь с его «реализационными потенциями» [Пастухов, 2018, с. 189]. В текстах массовой информации возникают специфические типы связи между элементами «слово» и «медиа» и определяют их совместное воздействие на реципиентов [Добросклонская, 2020, с. 29]. Создатель медиатекста всегда представляет себе возможного адресата информационного сообщения, что определяет выбор и применение языковых конструкций и их речевого наполнения. Медиатекст выступает, таким образом, как средство для формирования у своей целевой аудитории различных мнений, идей и намерений, т.е. он должен побудить читателя как минимум к медийной рецепции. При этом воздействие, безусловно, может быть как положительным, так и отрицательным.

Одним из вербальных механизмов, призванных привлекать внимание читателей, является использование в медийных текстах иноязычной лексики, что также способствует ее быстрому проникновению в лексикон, поскольку Интернет выполняет функции «технологического посредника», самой важной «платформы», с помощью которой упрощается и ускоряется процесс перехода лексем из одного языка в другой [Касьянов, 2022, с. 52]. «Тенденции заимствования слов особенно заметны именно в интернет-среде» [Тюленева, Шушарина, 2018, с. 25] и могут привести к «беспрецедентному расширению» словарного состава языка-реципиента [Катермина, Липириди, 2021, с. 25], однако их наличие является необходимым фактором придания языку медиатекстов черт современности и гибкости, приспособленности к актуальным условиям существования.

Как известно, заимствованные лексические единицы приходят в принимающий их язык по разным причинам и в разные исторические периоды. Так, немецкий язык с самого начала своего существования постоянно заимствовал слова из других языковых систем, при этом современный этап его развития характеризуется присутствием множества «экспрессивных» английских лексем, наделенных «особенно ярко выраженной

эмоциональной окраской» [Мурясов, Нургалиева, 2012, с. 547]. Благодаря такой специфике англоязычные заимствования пользуются большой популярностью на страницах немецкоязычных ресурсов, размещенных в сети Интернет. Кроме того, как отмечает А.Г. Смирнова, англицизмы приходят в немецкий язык в качестве безэквивалентной лексики либо синонимов, обладающих по сравнению с имеющимися аналогами новыми оттенками значений и более краткими формами [Смирнова, 2018, с. 77]. В ряде случаев также можно обнаружить трансформации заимствований, обусловленные фиксацией их присутствия в определенном контексте и способствующие конкретизации или генерализации их семантического объема [Дегальцева, Сиротинина, 2022]. При этом с позиции частечной принадлежности наиболее часто на страницах электронных СМИ встречаются существительные, реже — прилагательные и глаголы [Щербакова, 2021], вынужденные для вхождения в лексико-семантический пласт и адекватного функционирования в языке-реципиенте приспосабливаться к его грамматическим, графическим и фонетическим правилам [Соколовская, Зарипова, 2020]. В первую очередь носители немецкого языка стремятся уподобить звучание заимствований привычным для них произносительным нормам. Однако данный процесс сопровождается определенными сложностями, поскольку обнаруживается отсутствие прямых соответствий некоторым звуковым явлениям языка-источника [Смирнова, Анохина, 2016]. Таким образом, включение английских заимствований в немецкий язык является в какой-то мере pragматически оправданным, но не простым, вызывающим неоднозначное к себе отношение. В частности, как отмечают Р.З. Мурясов и Н.Х. Нургалиева, использование заимствованной лексики должно не быть излишним и не концентрироваться только на англицизмах и англо-американизмах, поскольку в отличие от них, например, лексические единицы из французского языка наделяют текст «классическим, изысканным оттенком» [Мурясов, Нургалиева, 2012, с. 547].

В данном контексте представляется актуальным изучение особенностей функционирования иноязычных заимствований в немецких медиатекстах, ориентированных на молодежную читательскую аудиторию как на возрастную категорию, наиболее быстро реагирующую на новые лингвистические явления.

Материал и методы исследования

Цель настоящей работы заключается в выявлении и описании лингвокультурных характеристик заимствованных лексем, присутствующих в немецких медийных текстах.

Материалом исследования послужили заимствования, обнаруженные на страницах популярного в Германии интернет-портала Bravo.de (bravo.de) в рубрике «Kino&Serien».

Основными методами являются метод целенаправленной выборки, метод контекстуального анализа, словообразовательный и прагматический анализ.

Результаты исследования

На сегодняшний день Bravo.de — сетевой ресурс для немецких подростков, существующий независимо от журнала «Bravo», первые печатные экземпляры которого были опубликованы в 1956 году и расходились многочисленными тиражами. Несмотря на измененный формат, бренд сохранил в соответствии с изначальными традициями свою целевую аудиторию — молодежь от 14 до 18 лет — и основные тематические разделы. Соответственно, возраст основных читателей определяет его содержательную основу, связанную с такими темами, как: фильмы и сериалы, музыка, факты из жизни звезд, развлечения, школа и работа и т.п.

Художественные фильмы и сериалы привлекают внимание подростковой зрительской аудитории. Как и в других странах мира, в Германии показывают много, в том числе иностранных, фильмов, вследствие чего представляется небезынтересным рассмотреть, какие лексические единицы иноязычного происхождения используются создателями медиатекстов для предоставления информации о кинолентах. В связи со сказанным выше в приведенных ниже примерах анализируются и описываются заимствования, обнаруженные на портале Bravo.de в медиапространстве о киноиндустрии. При этом фрагменты медиатекстов позволили выделить на их основе следующую тематическую классификацию, отражающую специфику функционирования заимствованной лексики в разделе «Kino & Serien».

Главные герои фильмов и истории их появления

(1) *Es wird einen vierten „Spider-Man“-Film mit Tom Holland geben!* (bravo.de, 16.05.2025). / Наконец-то подтвержден выход четвертого фильма о Человеке-пауке с Томом Холландом в главной роли! (здесь и далее перевод наш. — Т.Щ., И.Ч.).

Многие зрители с нетерпением ожидают релиза следующей части фильма о приключениях Человека-паука, благородного героя, наделенного суперсилой. Будучи изначально персонажем комиксов из 1960-х годов прошлого века, со временем он приобрел огромную популярность

ность, вышел за пределы иллюстрированных рассказов и в качестве протагониста одноименного американского фильма полюбился многочисленной молодежной аудитории. В данном примере автор медиатекста использует трехчастный англоязычный композит „*Spider-Man*“-Film, конкретизирующий имя главного героя и творческий жанр, в рамках которого необходимо ожидать встречу с ним.

(2) *Der vierte Teil der Spider-Man-Reihe mit Tom Holland unterscheidet... seinen Vorgängern: Es gibt eine direkte Verbindung zu den Comics!* (ibid.). / Четвертая часть фильма о Человеке-пауке с Томом Холландом отличается от предшествующих своей прямой связью с комиксами!

Здесь присутствует трехосновное гибридное существительное *Spider-Man-Reihe*, первые две части которого — имя главного героя фильма в оригинальном написании, а третья — уточняемая им немецкая лексема, указывающая на то, что фильм состоит из нескольких частей.

Кроме того, в предложение включено слово *Comics*, принятое немецким языком с минимальной ассимиляцией, имеющее английское происхождение и обозначающее визуальные истории, в которых сюжет передается преимущественно через картинки.

(3) *Der Grund: Diese steht in Verbindung mit der berüchtigten „One More Day“-Story* (ibid.). / Причина тому — связь с печально известной историей «Еще один день».

Англоязычное существительное „*One More Day*“-Story отсылает к опубликованному издательством «Marvel Comics» в 2007–2008 годах комиксу-кроссоверу под авторским названием „*One More Day*“ и через компонент *Story* объясняет, что эта иллюстрированная история является частью связанной серии событий, повествующих о жизни Человека-паука. Любители комикса и фанаты этого супергероя, безусловно, уже знакомы с сюжетной линией в рамках печатного издания и будут с нетерпением ждать ее воплощения на экране, тем более что современные спецэффекты и технические достижения позволяют сделать происходящее там необычным и ярким. Займствование в полной мере раскрывает содержание фильма, прокат которого планируется в Германии в 2026 году, а с языковой точки зрения замещает собой целое словосочетание.

(4) *Die Verwendung könnte also ein starker Hinweis darauf sein, wie es für Tom Hollands Spider-Man im MCU weitergeht* (ibid.). / Отсылка к комикусам может быть сильным намеком на то, что ждет Человека-паука Тома Холланда в Киновселенной Marvel.

В очередной раз в медиатексте встречается имя заглавного героя *Spider-Man*, возможно, в суггестивных целях: постоянно удерживать

внимание читающего на данной ключевой фигуре и заложить в памяти информацию о том, что фильм непременно нужно посмотреть. Безусловно, такое манипулятивное воздействие эффективно как на читателей, уже знакомых с судьбой и приключениями этого необычного молодого человека, так и на тех, кто впервые знакомится с сообщением о фильме.

В фрагменте также использовано буквенное сокращение *MCU*, образованное инициальным способом от наименования медиафраншизы «Marvel Cinematic Universe» из Америки, представляющей собой придуманный фантастический мир, созданный на комиксах одноименного издательства и объединяющий печатные издания, фильмы о героях с суперспособностями спасать мир от злодеев, сериалы с общими действующими лицами, исполнителями ролей и персонажами. В данном случае реципиент должен быть достаточно хорошо знаком с деятельностью кинокомпании, чтобы раскодировка аббревиатуры осуществлялась на адекватном уровне.

(5) *Draco Malfoy und Harry Potter im selben Team* (bravo.de, 05.03.2025). / **Драко Малfoy и Гарри Поттер в одной команде.**

Draco Malfoy и *Harry Potter* — известные молодому поколению герои серии романов Джоан Роулинг, испытывающие враждебные чувства по отношению друг к другу. Однако с течением времени в их жизни меняются некоторые обстоятельства, и они выступают на одной стороне.

Лексема *Team* пришла из английского в немецкий язык примерно в 1900 году применительно к спорту. Со временем значение расширилось до общеупотребительного и стало касаться любой группы людей, состоящей минимум из двух человек, объединенных реализацией общих намерений. Так и известные киногерои теперь вместе. Это еще один повод для зрителей следить далее за их судьбой в новых сериях о приключениях Гарри Поттера и его друзей.

Подготовка и создание фильмов и сериалов

(1) *Die beiden haben mit diesem Casting nicht nur ihre ersten großen Schauspieljobs, für Nakoa-Wolf ist es sogar das Debüt als Schauspieler!* (bravo.de, 18.06.2025.). / Благодаря этому **кастингу** оба получат не только первую серьезную актерскую **работу**: для Накоа-Вольф это вообще **дебют** в качестве актрисы!

Англицизм *Casting* достаточно широко используется в кинематографической терминологии, поскольку кратко и точно обозначает процесс отбора актеров на определенные роли, выступая в немецком языке более современным и модным аналогом субстантиву *Vorsprechen*, основ-

ное значение которого фокусируется на ораторском искусстве. Актерская деятельность предполагает ведь еще и умение вести себя в соответствии с ролью. Именно это сочетание и раскрывает заимствование.

Job — лексема английского или англо-американского происхождения разговорного регистра (dwds.de), пришедшая в немецкий язык после 1945 года. В контексте композита *Schauspieljob* сохраняет первичную семантику, связанную с выполнением временной работы: любая роль рано или поздно заканчивается.

Присутствие существительного *Debüt* — результат тесного языкового взаимодействия между носителями немецкого и французского языков, наблюдавшегося в несколько этапов на протяжении нескольких веков. Лексема сейчас может встречаться в разных тематических областях с определенными вариациями оттенков значения, однако в анализируемой рубрике сохраняется исконная семантика, указывающая на первое публичное выступление артиста.

(2) *Also Gretchen... mag Action* (bravo.de, 27.02.2025). / Гретхен любит **постоянную смену событий**.

Action — еще один англицизм, обладающий более яркой и емкой семантикой по сравнению с немецким синонимом *Handlung*. Он обозначает одновременно и захватывающий сюжет, и бурные сцены, и постоянно происходящее действие. Для зрителей такая постановка всегда является центром притяжения, и некоторым киногероям, как в примере, она тоже приходится по душе. Соответственно, читателя также может заинтересовать описание фильма.

Иноязычное происхождение лексемы становится очевидным по способу ее написания и произношения.

(3) *Und zweitens: Sie mag Jogginghosen...* (ibid.). / И, во-вторых, ей нравятся **спортивные штаны**.

Заимствование *Jogging*, использовавшееся в Германии уже в прошлом столетии, — компонент англо-немецкого гибридного композита *Jogginghosen*, называющего часть гардероба, предназначенного для занятия спортом: бегом на выносливость в медленном или умеренном темпе в качестве фитнес-тренировки. Из-за определенного комфорта в процессе носки такие штаны приобрели широкое распространение у людей разных поколений и возрастов, в том числе и у киногероев.

Интересным представляется написание данного сложного слова: в отличие от других примеров, в которых также присутствуют сочетания элементов из разных языков, оно пишется слитно.

(4) *Obwohl man am Set immer konzentriert sein muss, gibt es natürlich auch einige spaßige Momente* (*ibid.*). / Хотя на **съемочной площадке** всегда нужно концентрироваться, случаются там, конечно, и забавные моменты.

Англицизм *Set* появился в немецком языке в первой половине XX века и в области киноиндустрии обозначает место съемок фильма, включая имеющиеся там декорации. По сравнению с немецким синонимом *Drehort* более прагматичен в употреблении по причине своей краткости и легкости в произнесении.

(5) *Erster Tag im Writer's Room von Staffel 4!!!* (bravo.de, 17.06.2025). / Первый день в **комнате сценаристов** сезона 4!!!

Заимствованным является англоязычное словосочетание *Writer's Room*. Оно выступает более кратким и экономным эквивалентом немецкому *Zimmer der Drehbuchautoren*. Кроме того, в данном контексте оно применяется для приоткрытия завесы тайны по созданию серий следующего сезона; читатель чувствует себя причастным к этому событию, как бы переносится к месту работы творческого коллектива. Как следствие, у него сохраняется интерес к сюжету сериала.

Реклама кинопродукции

(1) *Release-Days, Video-Trailer, spannende Sneak-Peaks, Infos zu den Hauptdarsteller*innen...* (bravo.de, 15.07.2025). / Даты релиза, видеотрейлеры, увлекательные анонсы, информация об исполнителях главных ролей.

Композит *Release-Days* заимствован из английского языка и применяется в контексте обозначения даты выхода кинофильма на экраны. При этом акцент делается на официальную информацию, соответствующую всем правовым и законодательным документам. Данное существительное, безусловно, удобнее в использовании, чем немецкий эквивалент *offizielle, erstmalige Veröffentlichung* (dwds.de).

Video-Trailer — иноязычное слово гибридного — латинско-английского — происхождения. Он применяется в области киноиндустрии и представляет собой рекламный анонс фильма в формате ролика из смонтированных сцен. Как правило, данный продукт содержит зрелищные моменты, фрагменты диалогов между персонажами, музыкальное сопровождение. Цель трейлера — пробудить интерес аудитории и в случае принятия положительного решения о просмотре заставить ее находиться в состоянии ожидания выхода рекламируемого продукта. В немецком языке отсутствуют подобные краткие аналоги.

В медиатекстах используется также английское существительное *Sneak-Peak* — это, как правило, видеоряд из нарезок наиболее эффективных и ярких сцен фильма, дающий возможность как бы тайно загля-

нуть в будущее, поскольку кинопродукт еще не готов либо не доступен широкой публике. Лексема закрывает лакуну в соответствующем семантическом поле немецкого языка, давая возможность его носителям точно передавать необходимый смысл.

Описанные заимствования приобрели лишь морфологическую асимиляцию: написание с заглавной буквы и грамматический род.

Infos — сокращение в форме множественного числа от существительного *Information*, функционирующего в немецком языке с XV века. Язык-источник данной лексемы — латинский.

(2) *Serienschöpferin Sarah Lampert hat ein Bild auf Instagram gepostet...* (bravo.de, 17.06.2025). / Создательница сериала Сара Лэмперт опубликовала фотографию в **Инстаграм**¹.

В качестве заимствования выступает название популярной социальной сети *Instagram*, созданной в 2012 году в Америке. Благодаря возможности загружать медиафайлы и обмениваться сообщениями сервис имеет много пользователей в разных странах. Автор сериала «Джинни и Джордзия» загружает фото на свою страницу, авторы статьи об этом пишут, а в результате осуществляется привлечение внимания зрителей к следующему сезону.

Еще один англизм — глагол *posten*. Он относительно недавно появился в немецком языке и используется для наименования действий на веб-сайте: загрузить изображение / видео или написать сообщение для публикации / в новостях либо сделать и то, и другое. Глагол ассирировался под морфологические нормы принятого языка, но сохранил при этом исходные фонетические особенности. Синонимы в словаре не зафиксированы (dwds.de).

(3) *In der dritten Staffel wird auch schon angeteasert, dass Georgias Mutter und Stiefvater in Zukunft eine Rolle spielen werden...* (ibid.). / В третьем сезоне уже **намекают**, что мать и отчим Джордзии сыграют свою роль в будущем.

Глагол *anteasern*, заимствованный из английского, относится к терминологической лексике в сфере аудио- и видеотехнологий и обозначает демонстрацию короткого видеофрагмента, в загадочной и интригующей форме информирующего о дальнейших событиях с целью привлечения внимания зрительской аудитории. Заимствование кратко и емко передает необходимый смысл и достаточно легко в употреблении, поскольку соответствует законам немецкой морфологии, функционируя как правильный глагол с отделяемым префиксом.

¹ Деятельность социальной сети запрещена на территории России.

Стриминговые сервисы, их продукция и новости

(1) *Hier findest du alle News, Staffel-Updates und Informationen zu Netflix, Disney+, Amazon und TV-Produktionen!* (bravo.de, 15.07.2025). / Здесь ты найдешь все **новости, новинки** сезона, информацию о **Netflix, Disney+, Amazon** и телепроектах!

Давая содержательный обзор рубрики «Kino & Serien», авторы используют ряд заимствований, пришедших из английского языка. Так, существительное *News* появилось в предложении по семантико-прагматическим причинам: по сравнению с немецким аналогом *Nachrichten*, обозначающим краткие информационные сообщения в первую очередь из области политики (dwds.de), оно носит более нейтральный, обобщающий характер и к тому же имеет меньшую графическую представленность. Лексема используется как в исходном языке, можно отметить только частичную морфологическую асимиляцию: написание с прописной буквы.

Слово *Updates*, выступающее второй основой в немецко-английском композите *Staffel-Updates*, появилось из сферы компьютерной техники и имеет жаргонный оттенок значения, подчеркивающий актуализацию информации посредством ее обновления либо переработки с целью привлечения внимания. Запись существительного соответствует современным орографическим нормам немецкого языка, когда элементы многокомпонентной лексической единицы объединяются посредством дефиса и пишутся с прописной буквы, особенно если речь идет о словах иноязычного происхождения или гибридных образованиях.

Далее следуют имена собственные, обозначающие крупнейшие в мире компании из сферы досуга, появившиеся в конце прошлого века в Америке и распространившие свое вещание на весь земной шар. Людям более старшего поколения названия могут ни о чем не говорить, но молодежи, проводящей много времени в электронном пространстве, они хорошо знакомы. *Netflix* — развлекательный стриминговый сервис, в эфире которого присутствует множество телешоу, художественных и документальных фильмов, аниме. *Disney+* — созданная таким же способом потоковая трансляция, специализирующаяся преимущественно на фильмах и сериалах производства киностудий Дисней, Марвел, Пиксар и других. *Amazon* — американская технологическая компания, в центре внимания которой находятся электронная коммерция, искусственный интеллект, онлайн-реклама и цифровой стриминг, включая фильмы и музыку. Эти организации получили свою популярность благодаря предлагаемой возможности в любое время просматривать интересующий контент, если под рукой есть устройство, подключенное к Интернету. Для

молодых это привычно и комфортно. С языковой точки зрения, как и подобает существительным такой лексико-грамматической категории, данные наименования пришли в немецкий вообще без изменений.

В сложном слове *TV-Produktionen* первый компонент — инициальная аббревиатура-интернационализм греко-латинского происхождения, вошедшая во многие языки благодаря открытию телевещания. Она стала достаточно привычной и может не восприниматься как иноязычная. Интересным представляется факт, что сокращение имеет две произносительные нормы: как буквы в английском — в приоритете — или в немецком алфавите. Вторая часть композита *Produktion* пришла из латинского языка и также относится к интернациональному словарному составу.

(2) *HBO gibt bekannt...* (bravo.de, 11.06.2025). / **HBO** объявляет...

Аббревиатура *HBO* хорошо известна любителям американского платного телевидения. Сервис *Home Box Office* появился в 1972 году и за дополнительную ежемесячную плату начал показывать своим зрителям программы без редактирования нежелательных сцен и без рекламы. Сейчас имеет более 40 миллионов подписчиков и занимается преимущественно созданием сериалов, трансляция которых проходит более чем в 150 странах. Поэтому неудивительно, что на страницах портала Bravo.de можно найти упоминание и компании, и ее телепродуктов.

Жанры фильмов, их характеристика и место демонстрации

(1) *Von spannenden Thrillern... bis hin zu den coolsten Daily-Soaps im Fernsehen ...n unserer Rubrik „TV & Serien“ findest du die besten Streaming-Tipps für Netflix, Disney+, Amazon Prime Video und die klassischen TV-Sender* (bravo.de, 15.07.2025). / От захватывающих дух триллеров до самых классных ежедневных мыльных опер... В нашей рубрике «TV & Serien» ты найдешь лучшие советы, что посмотреть на Netflix, Disney+, Amazon Prime Video и классических телеканалах.

Англо-американское заимствование *Thriller* очень точно характеризует жанр фильма, сюжет которого от начала до конца создает у зрителя напряжение, тревожное ожидание и захватывающие ощущения. Данная лексема появилась в немецком в 1925 году и приобрела с тех пор широкое распространение.

Прилагательное *cool* в данном примере используется в значении, принятом в молодежных кругах: *проявляющий положительные качества, считающийся хорошим, вызывающий восхищение*. Употребление данного слова — дань моде, результат сильного влияния английского на немецкий язык, особенно на уровне лексики.

Англоязычное существительное *Daily-Soap* также относится к жанровому описанию телепродукции и выделяет среди прочих развлекательные телесериалы с большей частью тривиальным содержанием, трансляция которых происходит ежедневно.

Субстантив *Rubrik* известен носителям немецкого языка с XV века и применяется сейчас для систематизации информации: обозначает столбец или раздел, в котором под одним заголовком классифицируются определенные тематические группы. Изначально существительное именовало красную краску, применяемую для письма, затем — выделенный красным цветом заголовок в рукописи или печатном издании либо название книги, главы, параграфа, откуда и возникло в XX веке современное значение.

Лексема *Serie* также имеет латинское происхождение, однако в отличие от вышеописанной не меняла своей семантики — это *ряд, последовательность переплетенных объектов*.

Композит *Streaming-Tipp* взят из английского языка и подразумевает информацию рекламно-рекомендательного характера относительно того, что можно посмотреть во время прямой трансляции путем передачи цифрового контента в реальном времени от сервисов, описанных в примере (1).

Klassisch — еще один пример тесных языковых контактов между немецким и латинским языками. Прилагательное используется с XVIII века в исходном значении: *типичный*. В контексте медиатекста указывает на каналы, вещание которых проходит по традиционной модели.

(2) Sind *Spin-Offs geplant?* (ibid.). / Планируются ли спин-офты?

Двухкомпонентная лексема *Spin-Off* возникла в данной терминологической области в результате pragматической деятельности работников кинематографа и обозначает телепостановку, созданную на основе другого успешного сериала, в которой второстепенные персонажи стали теперь главными героями. Английский имеет большой семантический объем при отсутствии полных немецких аналогов.

Создатели фильмов и сериалов

(1) *Regisseur Denis Villeneuve erzählte bereits zuvor...* (bravo.de, 18.06.2025). / Режиссер Дени Вильньёв уже сообщил...

Субстантив-интернационализм *Regisseur* появился в немецком языке в XVIII веке и параллельно с аналогом *Spielleiter* продолжает называть человека, ответственного за единое художественное оформление

фильма и руководство репетициями. Французское происхождение выдает суффикс, имеющий соответствующее написание и произношение.

По морфологическим параметрам слово полностью адаптировалось под принявшую его языковую систему.

(2) *Showrunnerin* Francesca Gardiner und *Produzent* Mark Melod sagen zu der Auswahl... (bravo.de, 11.06.2025). / **Шоураннер** Франческа Гардинер и **продюсер** Марк Мелод говорят о выборе актеров.

Английское двухосновное заимствование *Showrunnerin*, с помощью суффикса адаптированное для указания в немецком языке на персону женского пола, в американском телевидении обозначает человека, занимающегося всеми аспектами производства сериала — от идеи до реализации — и одновременно исполняющего обязанности автора сценария, продюсера и исполнительного продюсера. Лексема используется для заполнения лакуны в немецком словарном составе.

Существительное *Produzent* имеет латинские корни и называет персону, в задачи которой входит производство и финансирование фильма. Поскольку сериал о Гарри Поттере имеет огромную популярность, обе вышеназванные личности хорошо знакомы молодым зрителям, и решение творческого коллектива о подборе актеров, наверняка, будет им интересно.

Поклонники киноиндустрии

(1) Nach dem erfolgreichen ersten Teil von „Dune“ wurde auch Teil 2 mit Begeisterung von den Fans aufgenommen (bravo.de, 18.06.2025). / После успеха первой части «Дюны» вторая встречена **фанатами** с таким же воодушевлением.

В предложении функционирует англоамериканизм *Fan*, пришедший в немецкий язык примерно в середине прошлого века и продолжающий активно использоваться благодаря своей формальной краткости и семантической емкости. Примечательно, что в текстах, адресованных молодежи, эта лексема употребляется в своем исходном значении *jugendlicher begeisterter Anhänger* (dwds.de), апеллирующем именно к молодым поклонникам или болельщикам, в то время как произошла его генерализация: сейчас слово может называть любого человека, проявляющего сильный энтузиазм в отношении кого-либо или чего-либо в сочетании с активным участием в мероприятиях, связанных с субъектом или объектом его неравнодушия. Несмотря на достаточно долгое пребывание в принявшем языке, заимствование не подверглось полной ассимиляции.

Таким образом, предлагаемая классификация включает пять тематических рубрик, отражающих особенности использования заимствованных слов в выбранном для анализа сегменте медиапространства. Самыми продуктивными при этом являются группы, связанные с главными героями кинолент и историями их появления в кинематографическом мире, а также с процессом подготовки и создания различных кинопродуктов. Данная закономерность представляется обоснованной: имена любимых персонажей и описание разработки сюжетов и съемок об их дальнейших подвигах и приключениях вызывают неизменный интерес и внимание у молодежной читательской аудитории.

Иностранные лексемы — большей частью англоязычные — относятся к разным частям речи и помогают авторам медиатекстов точнее передать желаемый смысл, поскольку обладают более тонкими семантическими оттенками либо называют новые явления в мире киноиндустрии, постепенно входя в лексикон носителей немецкого языка и в определенной степени осложняя его использование, несмотря на неизбежную тенденцию к ассимиляции в первую очередь на морфологическом уровне. Очевидно, что графическая и произносительная стороны современных заимствований требуют специальной сфокусированности у немцев, особенно при наличии вариативного к ним подхода.

Заимствованные лексические единицы способствуют реализации принципа наименьшего усилия, позволяющего пишущему более быстро и легко распространить необходимую информацию.

Заключение

Портал Bravo.de содержит множество медиатекстов, предлагающих информацию о кинофильмах и телесериалах как немецкого, так и иностранного производства. При описании кинопродукции, процесса ее создания и рекламы используется заимствованная лексика. При этом в качестве языков-источников отмечены: английский / американский английский, французский, латинский, греческий.

Большая часть заимствований имеет английское или англоамериканское происхождение, что обусловлено появлением новых технологий именно в Америке с последующим их распространением в другие страны мира, популярностью американского кинематографа и в целом влиянием английского языка на немецкий. При этом все заимствованные слова сохраняют произносительные и орфографические нормы исходного языка. Полную грамматическую ассимиляцию прошли глаголы, поскольку они образованы по модели правильных или слабых, что является актуальной тенденцией в современном немецком языке,

опрощающей его использование. Проанализированные иноязычные прилагательные используются также в полном соответствии с немецкой грамматикой. Заимствования-существительные подверглись только частичному морфологическому уподоблению системе немецкого языка: склонению в единственном числе в соответствии с правилами и написанию с прописной буквы. При правописании композитов отмечается некоторая вариативность, проявляющаяся в присутствии или отсутствии дефиса между основами сложного слова.

Французские, латинские и греческие лексемы появились в немецком языке намного раньше англоязычных, в связи с чем подверглись ассимиляции на всех языковых уровнях и могут не восприниматься как чуждые принявшей их системе. Обнаруженные примеры носят интернациональный характер.

Присутствуют гибридные конструкции, в состав которых входят как заимствованные компоненты, так и немецкие. При этом нет строгих правил размещения их последовательности: иноязычный элемент может быть и в начале, и в конце композита. Количество основ также не ограничено.

Наряду с полными словами из других языков могут приходить и аббревиатуры, до определенного момента осложняющие восприятие содержания медиатекста. Читателю нужен богатый лингвокультурологический опыт для их правильного декодирования.

Заимствованная лексика относится к разным тематическим группам. Может обозначать жанровую принадлежность кинопродукта, компоненты кинематографического процесса, типы рекламных роликов, виды книжной продукции, названия стриминговых сервисов и т.п.

С позиции семантического анализа заимствованная лексика в ряде случаев обладает более емким значением по сравнению с немецкими синонимами, что служит причиной ее использования. Заимствования применяются также для решения проблем лексической лакунарности.

С точки зрения pragmatики особенно англоязычные заимствования способствуют реализации принципа экономии, помогая в наименьшую единицу времени с наименьшими усилиями — по сравнению со средствами немецкого языка — передать необходимый смысл.

Авторы медиатекстов ориентируются на свою целевую аудиторию и стремятся к получению медийного эффекта: привлечения читателей к просмотру кинопродуктов. Заимствования в виде имен заглавных героев и должностей создателей фильмов, названий известных сервисов, обозначений жанров фильмов и пр. играют в этом очень важную роль.

Библиографический список

Астапенко Е.В., Мамедова Н.В. Особенности современной медиалингвистики // Языковой дискурс в социальной практике : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Тверь, 2021. С. 12–17.

Беловодская А.А. Лингвистические характеристики медиатекста: лексико-семантический уровень // Медиалингвистика : мат-лы II Междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2017. С. 196–198.

Дегальцева А.В., Сиротинина О.Б. Проблемы употребления заимствованной лексики в современных СМИ // Филология и человек. 2022. № 4. С. 7–25. [https://doi.org/10.14258/filichel\(2022\)4-01](https://doi.org/10.14258/filichel(2022)4-01)

Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. М.: Флинта, 2008. 203 с.

Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: актуальные направления изучения медиаречи // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 4. С. 26–38.

Засурский Я.Н. Колонка редактора: медиатекст в контексте конвергенции // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2005. № 2. Электронный ресурс: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11750045&ysclid=mctgxwgkhe268675697>

Касьянов В.В. «Избыточные» англоязычные заимствования в современном русском языке: роль интернет-платформы // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 4 (859). С. 51–58.

Катермина В.В., Липириди С.Х. Прагматико-аксиологический потенциал сетевых английских неологизмов туристического дискурса. Краснодар, 2021. 230 с.

Кузнецова А.В. К определению понятия медиатекста // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2010. № 5. С. 141–145.

Мурясов Р.З., Нургалиева Н.Х. Заимствования в немецком языке СМИ // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17. № 1 (1). С. 547–548.

Пастухов А.Г. Медиалингвистика в Германии // Медиалингвистика. 2018. Т. 5. № 2. С. 174–198.

Пименова Г.В. К вопросу определения основных характеристик медиатекста как основной (базовой) единицы е-лингвистики // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 96. С. 218–221.

Смирнова А.Г., Анохина Т.О. Виды заимствований англоамериканизмов в немецких рекламных текстах // Филология и литература

роведение. 2016. № 3. Электронный ресурс: <https://philology.s nauka.ru/2016/03/1935>

Смирнова А.Г. Современные англоязычные заимствования в немецком рекламном дискурсе в аспекте гибридизации // Сборник научных трудов памяти доктора филологических наук, профессора Евгения Владимировича Пименова. Кемерово, 2018. С. 76–80.

Соколовская А.Ю., Зарипова А.Н. Формальная и функциональная ассимиляция англизмов в современном немецком языке // *Terra Lingae*. 2020. Вып. 7. С. 261–266.

Тюленева В.Н., Шушарина И.Я. Язык Интернета: характеристика, особенности и влияние на речь // Вестник Курганского государственного университета. 2018. № 1 (48). С. 20–25.

Щербакова П.С. Некоторые аспекты грамматической и семантической ассимиляции англоязычных заимствований в немецких медиатекстах // Журнал филологических исследований. 2021. Т. 6. № 1. С. 16–22.

Источники

Bravo.de. Kino & Serien. Электронный ресурс: <https://www.bravo.de/tv-und-serien>

Cambridge Dictionary. Электронный ресурс: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/update?q=Updates>

DWDS. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. Электронный ресурс: <https://www.dwds.de/wb/Staffel>

References

Astapenko E.V., Mamedova N.V. Features of modern medialinguistics. *Yazykovoy diskurs v sotsial'noy praktike* = Language discourse in social practice, Tver, 2021, pp. 12–17. (In Russian).

Belovodskaya A.A. The linguistic characteristics of media text: the lexical-semantic level. *Medialingvistika* = Medalinguistics, St. Petersburg, 2017, pp. 196–198. (In Russian).

Degal'tseva A.V., Sirotinina O.B. Problems of using borrowed vocabulary in modern media. *Filologiya i chelovek* = Philology & Human, 2022, no. 4, pp. 7–25. [https://doi.org/10.14258/filichel\(2022\)4–01](https://doi.org/10.14258/filichel(2022)4–01). (In Russian).

Dobroslklonskaya T.G. Medalinguistics: a systematic approach to studying the language of the media, Moscow, 2008, 203 pp. (In Russian).

Dobroslklonskaya T.G. Medalinguistics: modern trends in studying language in the media. *Vestnik Moskovskogo universiteta* = Bulletin of Moscow University, ser. 19, Linguistics and Intercultural Communication? 2020, no. 4, pp. 26–38. (In Russian).

Zasurskiy YA.N. Editor's Column: Media Text in the Context of Convergence. *Vestnik Moskovskogo universiteta* = Bulletin of Moscow University, ser. 10, Journalism, 2005, no. 2. Retrieved from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11750045&ysclid=mctgxwgkhe268675697> (In Russian).

Kas'yanov V.V. «Excessive» English-language borrowings in modern Russian: the role of the Internet platform. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* = Bulletin of Moscow State Linguistic University, 2022, iss. 4 (859), pp. 51–58. (In Russian).

Katermina V.V., Lipiridi S.Kh. The Pragmatic and Axiological Potential of Online English Neologisms in Tourism Discourse, Krasnodar, 2021, 230 p. (In Russian).

Kuznetsova A.V. Towards the definition of the concept of media text. *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskiy region* = News of universities. North Caucasus region, 2010, no. 5, pp. 141–145. (In Russian).

Muryasov R.Z., Nurgaliyeva N.Kh. Borrowings in the German language media. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* = Bulletin of Bashkir University, 2012, vol. 17, no. 1 (1), pp. 547–548. (In Russian).

Pastukhov A.G. Medialinguistics in Germany. *Medialingvistika* = Media linguistics, 2018, vol. 5, no. 2, pp. 174–198. (In Russian).

Pimenova G.V. On the problem of defining the main features of text in e-medialinguistics. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* = Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences, 2009, no. 96, pp. 218–221. (In Russian).

Smirnova A.G., Anokhina T.O. Types of Anglo-American borrowings in German advertising texts. *Filologiya i literaturovedenie* = Philology and literary criticism, 2016, no. 3. Retrieved from: <https://philology.snauka.ru/2016/03/1935> (accessed: 07.07.2025). (In Russian).

Smirnova A.G. Modern English-language borrowings in German advertising discourse in terms of hybridization. *Sbornik nauchnykh trudov pamyati doktora filologicheskikh nauk, professora Yevgeniya Vladimirovicha Pimenova* = Collection of scientific works in memory of Doctor of Philological Sciences, Professor Evgeny Vladimirovich Pimenov, Kemerovo, 2018. pp. 76–80. (In Russian).

Sokolovskaya A.Yu., Zaripova A.N. Formal and functional assimilation of Anglicisms in modern German. *Terra Lingae*. 2020, iss. 7, pp. 261–266. (In Russian).

Tyuleneva V.N., Shusharina I.Ya. Internet language: characteristics, features and influence on speech. *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of Kurgan State University, 2018, no. 1 (48), pp. 20–25. (In Russian).

Shcherbakova P.S. Some aspects of grammatical and semantic assimilation of English-language borrowings in German media texts. *Zhurnal filologicheskikh issledovaniy* = Journal of Philological Studies, 2021, vol. 6, no. 1, pp. 16-22. (In Russian).

List of Sources

Bravo.de. Cinema & Series. Retrieved from: <https://www.bravo.de/tv-und-serien>

Cambridge Dictionary. Retrieved from: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/update?q=Updates>

DWDS. Digital Dictionary of the German Language. Retrieved from: <https://www.dwds.de/wb/Staffel>

НЕОФРАЗЕМЫ ФРАНЦУЗСКОГО МОЛОДЕЖНОГО СОЦИОЛЕКТА

Н.Ф. Акимова

Ключевые слова: молодежный социолект, неофразема, код культуры, фразеолекса, социолингвистический подход

Keywords: youth sociolect, neophraseme, cultural code, phraseolex, sociolinguistic approach

DOI: [https://doi.org/10.14258/filichel\(2025\)4-06](https://doi.org/10.14258/filichel(2025)4-06)

Bведение

Стратификационная социальная вариативность — неотъемлемое свойство языка [Швейцер, 1983]. Одним из таких вариантов является молодежный сленг, называемый также «молодежным жаргоном» [Береговская, 1996, с. 3], а в терминологии социолингвистики — «молодежным социолектом» или «социолектом молодежи» [Домашнев, 2001]. Н.Н. Копытина в своей работе «Социолектные особенности французской молодежной речи» приходит к выводу, что «молодежный социолект, как сложная подсистема языка, отличается избирательностью семантических полей, сниженным стилем и ограниченностью круга носителей» [Копытина, 2001].

Данная статья посвящена комплексному исследованию неофразем французского молодежного социолекта. «Неофраземы — это новые фразеологизмы и устойчивые сочетания слов с формирующейся идиоматичной семантикой» [Попова, Рацбурская, Гутунова, 2022]. Фразеология вызывает исследовательский интерес, так как она с наибольшей интенсивностью отражает особенности культуры языкового сообщества.

Актуальность исследования обусловлена масштабностью постоянного обновления и использования сленгизмов современной молодежью в их обыденном дискурсе.

Целью статьи является определение и описание характерных особенностей неологического фразеологического состава французского молодежного социолекта на основе комплексного подхода, объединяющего антропоцентрический, лингвокультурологический, а также социолингвистический подходы к исследованию.

Для достижения данной цели в задачи исследования входят:

- выявление наиболее характерных структурно-грамматических особенностей неофразем молодежного социолекта;

- характеристика лексики, входящей в состав неофразем молодежного социолекта;
- определение форм семантического преобразования неофразем молодежного социолекта;
- определение тематики, характерной для неофразем молодежного социолекта, отражающей круг интересов современной французской молодежи;
- выявление стилистических и лексико-стилистических способов образования молодежных сленговых неофразем;
- рассмотрение кодов культуры, содержащихся в неологических молодежных фразеологизмах.

Теоретическая значимость работы состоит прежде всего в том, что исследование неологической фразеологии позволяет выявить современные тенденции в развитии фразеологии молодежного сленга, а вместе с ним отчасти и общеязыковой французской фразеологии.

При исследовании фразеологических единиц (далее — ФЕ) часто вместо термина «языковая картина мира» фигурирует термин «фразеологическая картина мира», который Р.Х. Хайруллина определяет как «часть целостной национальной ЯКМ, описанной средствами фразеологии, в которой каждая ФЕ является элементом строгой системы и выполняет определенные функции в описании реалий окружающей действительности» [Хайруллина, 1997, с. 8]. И.И. Синельникова и Ю.Г. Синельников раскрывают сущность фразеологической картины мира на материале французской фразеологии [Синельникова, Синельников, 2019].

Методология и материалы исследования

Научная новизна работы заключается в новизне самого анализируемого материала, а также в его комплексном исследовании, которое производилось с использованием трех основных подходов: социолингвистического, антропоцентрического и культурологического.

Социолингвистический подход к данному исследованию заключается в рассмотрении молодежного сленга как одного из социолектов социальной структуры французского языка. На таком подходе к языку французской молодежи построена диссертация Н.Н. Копытиной [Копытина, 2006]. Ключевыми социолингвистическими параметрами молодежного социолекта являются возрастной критерий — 14–25 лет [Береговская, 1996, с. 34] и социальная принадлежность (вид деятельности) — преимущественно учащиеся.

Начиная с рубежа XX–XXI веков при исследовании фразеологии многими лингвистами применяется лингвокультурологический подход,

и это, на наш взгляд, правомерно, так как фразеологизмы более, чем другие языковые единицы, соединяют в себе элементы языка и культуры. Лингвокультурология находится в русле антропологической тенденции. Основная цель лингвокультурологического направления состоит в определении способов воплощения культуры в содержание фразеологических единиц.

Лингвокультурологическому подходу к исследованию фразеологии посвящена монография М.Н. Ковшовой (относящейся к школе В.Н. Теля), в которой показано на материале русской фразеологии, как мотивационные источники фразеологических единиц (коды культуры) проявляются в образах данных языковых знаков [Ковшова, 2016]. Методика выявления кодов культуры, в которых закреплена в символической форме информация о мире, была применена Е.А. Хомяковым при сравнительно-сопоставительном анализе фразеологизмов французского и русского студенческих жаргонов. По мнению этих исследователей, национальное своеобразие фразеологических единиц находит проявление в их внутренней форме [Хомяков, 2014]. «Ядро внутренней формы, в котором заключен национальный компонент, образная составляющая фразеологизма» [Синельникова, Синельников, 2019, с. 54] было названо Д.О. Добровольским, а вслед за ним и рядом других лингвистов «фразеолексой». Так, во ФЕ *être bien dans sa peau* «быть в хорошем расположении духа» фразеолексой является слово *peau* [Синельникова, Синельников, 2019, с. 53–54].

Антропоцентрическая ориентация данного исследования заключается в том, чтобы проследить, как менталитет и образ жизни молодых людей Франции находят воплощение в создаваемых и используемых ими фразеологических единицах.

Комплексное исследование немецкой сленговой фразеологии на основе социолингвистического и лингвокультурологического подходов было сделано Н.В. Семеновой. В работе подтверждается вывод Е.М. Вещагина и В.Г. Костомарова [1990] о том, что национально-культурная информация, содержащаяся во фразеализме, может проявляться на трех уровнях: в значении фразеализма; в значениях составляющих его слов; в прямом значении выражения, используемого для формирования образа, иначе говоря, в коде культуры [Семенова, 2006, с. 12].

Что касается конкретных методов исследования, то в работе применялись: структурно-семантический метод; метод лингвистического описания, включающий в себя приемы наблюдения, сопоставления, интерпретации, обобщения и классификации; метод количественных подсчетов; метод фразеологической аппликации.

И.В. Богомолова сделала наблюдение, что молодежный сленг меняется через каждые 5–7 лет [Богомолова, 2011, с. 63]. Принимая во внимание это наблюдение и сделав уступку на то, что резкой смены все же быть не может, учитывая преемственность непосредственных поколений, но поставив задачу определить характер сленговой фразеологии нынешнего поколения, в данной работе в качестве **материала** исследования использованы устойчивые словосочетания, вошедшие в активное употребление с 2014 года и извлеченные (вместе с комментариями) большей частью из электронных списков слов и словосочетаний французских сайтов (указанных в данной работе в рубрике «Источники»), в количестве 200 единиц.

Результаты исследования

Во Франции молодежный жаргон существовал всегда, но до 80-х годов прошлого века его удельный вес в общенациональном разговорном языке был невелик. К этому времени выросли дети иммигрантов, массово переселявшихся во Францию после деколонизации. Оставаясь под влиянием родных языков и не владея в полной мере французским литературным языком, они создали в сообществе с молодыми людьми — детьми коренных французов, проживавших в тех же кварталах французских пригородов, — свой социолект, получивший название *français de banlieue* «французский пригородов». Эта лексика была собрана и описана, в частности, французскими исследователями Ж.-П. Гудайе, Ф. Пьер-Адольфом, М. Мамудом, Ж.-О. Тзаносом [Goudaillier, 1995; Pierre-Adolphe Ph., Mamoud M., Tzanos G.-O., 1995]. Излюбленным способом образования лексических единиц этого социолекта стала верланлизация (своеобразная метатеза) — перестановка слогов, использовавшаяся ранее в старом французском арго, хотя и далеко не в таких масштабах. Часть единиц этого социолекта стала использоваться широкими кругами молодежи, он дал толчок к образованию новых слов и выражений, к неологическому буму. Этому способствовало также развитие интернет-сленга, требующего краткости передачи информации, что соответствует стремлению молодежи к быстроте и краткости высказывания, поэтому сокращенные письменные единицы стали использоваться и в устной речи. Еще одним фактором, стимулирующим развитие молодежного сленга, явились тексты песен рэп-исполнителей, известно американских, содержащих множество англоязычных сленгизмов, а несколько позднее — и французских (Fatal Bazooka, Booba, Gims и др.). Рэп изобилует сленгизмами и, как следствие, вводит их в молодежный обиход. Т.П. Кожелупенко выводит свойственные рэпу черты,

которые в определенной мере характерны и для молодежного дискурса, его лексики и фразеологии: множество переименований оценочного характера, жесткость выражений, высокая степень эмоциональности, противоречивость, алогичность [Кожелупенко, 2008, с. 86–87].

Фразеологическая неология, а тем более на материале молодежного сленга, на настоящий момент исследована довольно мало. Л.К. Парсиева и Л.Б. Гацалова определили две универсальные особенности неофразем. Первая заключается в том, что они по-новому обозначают понятия, уже имеющие в данном языке названия, т.е. во «вторичности», а иногда и в «третичности» номинации. Вторая особенность неофразем — их понятность и быстрая распространяемость [Парсиева, Гацалова, 2014].

Языковая и, соответственно, фразеологическая картина мира современной молодежи, способы образования неофразем во многом определяются ее психологическими особенностями, ее системой ценностей и идеалов, ее интенциями. Для нее свойственны стремление выражать протест против заформализованной и устаревшей, с ее точки зрения, литературной нормы, словесных штампов, желание выделяться, выразить свою мысль, оценку, эмоцию наиболее экспрессивным и часто кратким образом; острить; пытаться рассмешить собеседников; высмеять кого-либо; быть на гребне моды во всем, в том числе в манере выражаться; проявлять отнесенность к своей молодежной среде; в определенных ситуациях выражаться так, чтобы взрослые не все поняли. С указанными свойствами и интенциями молодых людей связаны функции современного молодежного социолекта: коммуникативная, номинативная, репрезентативная, когнитивная, экспрессивная, эмоционально-оценочная, эмоциональной разрядки, криптологическая (засекречивания), языковой экономии, юридическая. Согласимся с Э.М. Береговской (ссылающейся, в свою очередь, на Е.Д. Поливанова) в том, что главная функция молодежного жаргона — репрезентативная [Береговская, 1996, с. 37], так как при выборе лексической или фразеологической единицы его носитель, находясь в своем социуме, руководствуется прежде всего своей принадлежностью к этому социуму.

В структурном отношении обращает на себя внимание прежде всего простота и краткость неофразем. Практически нет двучастных форм. Подавляющее большинство из них состоят из двух (51%) и из трех слов (34%), в том числе вспомогательных, напр., *fais belek*; *c'est rincé*. Для сравнения был сделан подсчет количества слов в 200 французских фразеологизмах, расположенных подряд в словаре разговорно-фамильярных выражений Ш. Бернэ и П. Резо [Bernet, Rézeau, 1989, p. 160–210], в ре-

зультате чего было выявлено, что в общем фразеологическом фонде французского разговорного языка ФЕ, состоящие из двух слов, составляют лишь 3%. Количество слов в одной ФЕ общефранцузского фразеологического фонда доходит до 12, а в молодежном сленге — лишь до 6%.

Что касается **структурно-грамматических моделей** молодежных неофразем, то половина всех сленговых молодежных неофразем являются коммуникативными, т.е. имеют структурную организацию предложения, тогда как в общефранцузском фразеологическом фонде большинство ФЕ являются непредикативными, а следовательно, некоммуникативными. Это связано, очевидно, в немалой степени с тем, что некоторые сленговые глаголы используются молодыми людьми обычно в каком-либо одном лице, времени и залоге, и именно эта форма, вместе с местоимением, становясь неоднословной и превращаясь в неофразему, и бывает зафиксирована в списках новых молодежных выражений в интернете, например, *t'as imprimé?* (2 лицо, ед. число) ‘ты понял?’ (букв. ‘ты напечатал?’). Часто встречается неопределенno-личное местоимение *on*, заменяющее местоимение *nous*, характерное для современной молодежной речи: *on se pète* ‘созвонимся’. Такая форма не требует произносимого личного окончания глагола, а потому сокращает и упрощает высказывание.

Основную массу коммуникативных неофразем составляют фразеорефлексы, описанные в свое время В.Г. Гаком: «Речь идет прежде всего о вербальной реакции говорящих на различные ситуации» [Гак, 1995, с. 47]. А именно этим и характеризуется речь подростков и молодежи — живой, непосредственной и эмоционально-экспрессивной реакцией на все, что происходит вокруг них. Наиболее характерной структурой для фразеорефлексов является предложение, начинающееся с оборота *c'est: c'est calé* ‘клево’, на втором месте — выражения, начинающиеся с демонстратива *ça: ça pique* ‘больно’.

Неологические сленговые фразеорефлексы выполняют преимущественно две функции:

- 1) оценки: *c'est éclaté* ‘это просто ничто’; *c'est de la balle* ‘это клево, имба’;
- 2) эмоциональной реакции на какую-либо ситуацию: *ça m'enlise* ‘это меня раздражает’.

Как и в общеязыковой французской фразеологии, среди некоммуникативных ФЕ самым многочисленным лексико-грамматическим разрядом в молодежном сленге являются глагольные фразеологизмы (35%): *être blasé* ‘быть пьяным’, *faire genre* ‘притворяться’. Субстантивные неофраземы составляют лишь 7%, при этом почти все они обозначают людей: *gars sûr* ‘надежный чувак’; *ma daronne* ‘моя мать’.

Самыми продуктивными структурно-грамматическими моделями неофразем являются:

- глагол + существительное, причем в подавляющем большинстве неофразем это глагол (*se*) *faire*: *faire le canard* 'быть при ком-то как собачка';
- *c'est* + прилагательное: *c'est bien* 'это классно';
- *c'est* + существительное, с артиклем или даже без артикла: *c'est un thug* 'это фейк'.

Несмотря на краткость сленговых неофразем, их структуры довольно разнообразны. Поскольку они принадлежат к разговорной речи, их образование слабо зависит от литературной нормы языка, многие из них не соответствуют нормативным моделям, и их структуры могут носить единичный характер. Исследователи сленга называют это явление «антиформой» [Федорова, 2000]. Чаще всего антиформа связана со стремлением к сокращению высказывания, которое может принимать разные формы. Это может быть нарушение синтаксической нормы, называемое А. В. Сергеевой «синтаксической неологией» [Сергеева, 2012]. Среди таких сленговых неофразем встречаются «неологизмы по конверсии», в частности, прилагательные, используемые в качестве наречий, поскольку они короче по форме: *je suis grave bleu* 'я сильно бухой' (вместо *gravement bleu*). Может нарушаться синтагматическое поле глагола. Так, выражение *croquer les photos* имеет значение 'тратиться на друзей'. Глагол *croquer* в значении «тратить, транжирить» должен иметь прямое дополнение, выраженное неодушевленным существительным (скорее всего, *de l'argent*), тогда как в неофраземе *croquer les photos* оно выражено одушевленным существительным, вопреки логике, а существительное с партитивным артиклем *de l'argent* и предлог *pour* опущены. Мы наблюдаем здесь эллипсис, очень характерный для сленгового фразообразования, как еще один способ сокращения выражений.

Стремление к краткости как проявлению языковой экономии всегда было особенно характерно для французской разговорной речи, где часто опускаются некоторые второстепенные члены предложения, однако это не отражалось, как правило, на письме. Но сегодня и письменная речь в социальных сетях изобилует разговорными эллиптическими структурами, в том числе ФЕ. В списках современных молодежных выражений находим: *ya moyen* (вместо *il y a moyen*), *fais pas ta Vanesse!* (вместо *ne fais pas ta Vanesse!*). В выражении *ça passe crème* 'дело идет как по маслу' опущены перед фразеолексой *crème* предлог и артикль.

Как еще один пример антиформы отметим широкое манипулирование современной молодежью наречием *trop*, которое в нейтральном

языке обозначает «слишком», «излишне», а значит, используется для отрицательной характеристики. Но в молодежной среде сегодня это наречие обозначает высокую степень качества, причем чаще всего положительного: *c'est trop stylé!* ‘это супер!’. Наречие *trop* может стоять не только перед прилагательным или наречием, но и перед существительным: *c'est trop un thug ce mec* ‘этот пацан — настоящий хулиган’. Несоблюдение нормы допускается молодыми людьми не по незнанию, а наоборот, намеренно демонстрируя свое пренебрежительное отношение к литературной норме как к банальной условности.

Влияние интернет-сленга на современный устный молодежный сленг выражается больше всего в том, что 8% молодежных неофразем содержат в своем составе буквенные сокращения (*être au BDR* < *être au bout du rouleau* ‘исчерпать все возможности’) или полностью являются таковыми (*osef* < *on s'en fout* ‘плевать мне на это’). Неофраземы-альфабетизмы не всегда состоят из начальных букв исходного выражения, они могут состоять из любых букв, создающих в комплексе благозвучную лексическую единицу, например, *OKLM* < *au calme* ‘спокойно’ (адвербиальный альфабетизм). Часть альфабетизмов образована от английских выражений, например: *OMG* < *Oh my god!* ‘О господи!’, ‘О боже!

Наиболее характерным **семантическим** способом сленгового фразообразования остается, как и в общенародном языке, образность (более трети всех неофразем). Обнаруживается несколько моделей метафорического переноса:

— физическое воздействие > моральное или эмоциональное воздействие: *j'lai mis en PLS* (= *position latérale de sécurité*): «я его уложил в восстановительную позу» > ‘я его унизил’; *cliqué au sol* «придавленный к земле» > ‘как в воду опущенный’;

— сильный удар > резко положительная или резко отрицательная оценка: *c'est de la peufra* «это удар» > ‘это улет, это здорово’; *c'est de la boullette* «это пуль» > ‘это просто улет’; *éclaté contre un mur* «разбитый об стену» > ‘стремный, никуда не годный’;

— домашнее животное > никчемный человек: *être une chèvre* «быть козой» > ‘быть неумехой в своем деле’; *chien de la casse* «разбойничья собака» > ‘наглец, по головам пойдет, чтобы своего добиться’;

— вид транспорта > образ действия: *en soum-soum* «на подводной лодке» > ‘по-тихому’; *être charrette* «быть тележкой» > ‘запаздывать с каким-то делом’;

— обозначение чего-либо очень смешного нередко бывает построено на гиперbole, связанной со смертью: *MDR* (*mort de rire*) — букв.

«мертвый со смеху»; *c'est pour me tuer* — букв. «это чтобы меня убить»; *c'est pour m'achever* — букв. «это чтобы меня прикончить».

Встречаются метафоры, где образы строятся на очень малом сходстве, на основе потенциальных сем. Такие выражения характерны для разговорной эмоционально-экспрессивной речи, так как они привлекают внимание, вызывают удивление. Например: *être à la rue* ‘не враться, не понимать сути’, букв. «быть на улице»; *être trop chimique* ‘иметь странные реакции, странные предпочтения’, букв. «быть слишком химическим».

При метонимическом переосмыслении в сленге, как, впрочем, и в других слоях разговорно-экспрессивной лексики, смежность бывает часто необязательной или предположительной, например: *en sueur* ‘в некомфортной обстановке, в неприятной ситуации’, букв. «в поту»; *je suis grave bleu* ‘я пьяный, бухой’, букв. «я здорово синий».

Встречаются сложные метафоро-метонимические образы. Так, *se taper les barres* ‘хочотать’ дословно переводится «хлопать себя по брусьям», т.е. «по ребрам» (метафора), а хлопанье себя по бокам и заливистый смех — действия смежные. Выражение *le sang de la veine* ‘лучший друг’ имеет буквальный перевод «кровь вены», т.е. «родной человек» (метафора), но при этом называют его веществом, из которого он состоит (синекдоха — один из видов метонимии).

Часть семантических процессов, так же как и формальных, происходящих при формировании сленговых неофразем, можно охарактеризовать как «антинорму». Амбивалентные лексические и фразеологические единицы — явление нередкое в современном французском разговорном языке. Встречаются они и в молодежном сленге: выражение *t'es peur* может обозначать как ‘супер, улет’, так и ‘отстой’. Такие же значения имеет и выражение *c'est dar*.

Есть неофраземы, построенные на абсурдных образах, например, *aimer les patates* ‘быть мотивированным на что-л.’, букв. «любить картошку». Апеллятив *Eh, gros!* ‘Эй, приятель!’ буквально обозначает: «Эй, толстый!», хотя совершенно не подразумевается, что он полный.

Есть неофраземы очень широкого значения, которые превратились в языковые привычки (*tics de langage*). Выражение *du coup*, которое имеет нейтральное значение «сразу; на этот раз», широко вошло в молодежную моду в значениях ‘итак, отныне, как результат’. Еще один «языковой тик»: *j'ai juré* ‘клянусь’, букв. «я поклялся». Выражение употребляется, когда жалуются на что-либо или угрожают кому-либо.

При анализе **лексического состава** молодежных неофразем выясняется, что в соответствии с тенденцией современного французского раз-

говорного языка есть ФЕ (приблизительно 5%), содержащие сокращенные слова по типу апокопы, т.е. удаления конечной части слова [Филатов, 2022]. В большинстве сленговых выражений такие сокращения использованы в измененном или модифицированном значении, участвуя в создании экспрессивного образа. Так, выражение *être deg* обозначает ‘быть избалованным, пресыщенным’, тогда как исходное полное слово *dégoûté* обозначает «недовольный; раздосадованный», и, таким образом, здесь прослеживается отношение смежности, т.е. метонимии.

10% молодежных неофразем содержат в качестве одного из компонентов верланизированное образование. При том что это всегда «слова-перевертыши», их модели несколько отличаются друг от друга [Филатов, 2022]. Но если такие образования изначально создавались как стилистические варианты нейтральных слов, то в неофраземах они, так же как и апокопы, чаще используются в измененном или модифицированном значении для создания фразеологического образа. Например, верланизированная форма слова *frère — reuf* ‘брать’ использована в выражении *avoir un reuf* ‘иметь друга’. Слово *frappe* ‘женщина-бомба’ (прямое значение — «удар») имеет верланизированный вариант *peufra*, а неофразема с партитивным артиклем *c'est de la peufra* выражает положительную оценку любого события или явления. Фразеологический вариант с верланизированным словом может несколько изменить также и свою структурно-грамматическую форму. Так, вариант нейтрально-го выражения *avoir honte* ‘стыдиться’ в молодежном социолекте принимает артикль и имеет форму *avoir la tehon*. Верлан может быть использован в качестве эвфемизма: деформированное ключевое слово ослабляет неприятное значение выражения, например, *se faire tej* вместо *se faire jeter* ‘быть брошенным (партнером)’. Результатом верланизации может стать антифраза: в неофраземе с резко положительной оценкой *il est chantré* компонент *chantré* является верланизированным образованием от слова *méchant* ‘злой; плохой’. Встретилась также неофразема с верланизированным образованием, построенным на звучании цифры и части слова: *en 2-spi*, вариант *en despi* ‘живо, быстро’ (от английского заимствования *speed*). Такие образования с цифрами — не редкость в современном молодежном интернет-сленге.

Обращает также на себя внимание тот факт, что характерные для французского арго и просторечия образования с ложными суффиксами (называемыми еще «паразитическими» суффиксами) практически отсутствуют в сленговой фразеологии, встретилось лишь одно выражение с таким новообразованием: *être chokbar* (< *choqué*). При этом если в арго и просторечии псевдосуффикс привносит в слово лишь стили-

стический компонент, то в данном случае он усиливает денотативное значение, и слово *chokbar* в этой неофраземе обозначает 'сильно, дико шокирован'. Отсутствие псевдосуффиксов в молодежном социолекте можно, очевидно, объяснить тем, что они не сокращают, а, наоборот, удлиняют слова.

Обнаружена одна неофразема с компонентом, образованным по одному из кодов деформации слов (эпентезе), характерных для старого французского арго, — *javanais*, когда в слово вставляется элемент *-av*: *c'est bayon* (< *bon*).

Международное общение, особенно благодаря интернету, большое количество иммигрантов, слушание англо-американского рэпа, стремление к экспрессивности и необычности выражения, дань моде являются причинами того, что в молодежном сленге 20% неофразем представляют собой **займствования** из английского языка или содержат заимствованные слова из разных языков. Полностью заимствованными являются только 3% неофразем, среди которых: *glow up* 'улучшение внешности'; *Netflix and Chill* (приглашение на интимное свидание); *captain obvious* — вариант французского *capitaine évidence* 'кто убежденно доказывает то, что всем очевидно'; *my god, oh my god* — тоже вариант французского *mon dieu* (в обоих случаях современная молодежь предпочитает английский вариант). Из 200 французских сленговых неофразем 20 содержат в своем составе одно английское слово (*être down* 'быть согласным'; *c'est fake* 'это фальшивка, туфта'); 5 — арабское (*en sah* 'серезно'); 5 — цыганское. Займствования из цыганского языка приходят, как правило, из французского жаргона городских окраин. Грамматическими особенностями глаголов, заимствованных из цыганского языка, является окончание *-av* и их неизменяемость по лицам и числам, напр.: *ça bécave* 'это гениально'; *se faire rodav* 'быть увиденным, захваченным врасплох'. Из других языков — в меньшем количестве. Некоторые заимствованные слова проходят через процесс грамматической адаптации. Например, в неофраземе *c'est de la boulette* слово *boulette* заимствовано из английского, где оно имеет форму *boulet* (и обозначает 'пуля'). Во французском языке слово получило уменьшительный суффикс *-ette* и категорию женского рода по аналогии с фразеологическим вариантом чисто французского происхождения *c'est de la balle*. Замена артикла перед заимствованным словом может изменить значение выражения: *avoir le swagg* — 'быть хорошо одетым'; *a avoir du swagg* — 'иметь свой стиль', причем не только в одежде и не только говоря о человеке.

Как правило, сленговые неофраземы, целиком заимствованные из английского языка, не меняют свое значение, переходя во француз-

ский язык: *on fleek* ‘клевый, улетный’ (из английского сленга). Если заимствованным является лишь слово-компонент неофраземы, то в 81% случаев оно модифицирует свое значение, которое может стать уже (как в английском слове *bad* ‘плохой’ во французском выражении *être en bad* ‘быть в плохом настроении’) или хуже (как в английском слове *prank* ‘розыгрыш’ во французской неофраземе *faire un prank à qn* ‘разыграть кого-л зло, не по-доброму’). В большинстве случаев заимствованные слова создают совместно с французскими компонентами экспрессивные образы, далеко не всегда прозрачные, например, *être on* ‘проявить живой интерес (к чему-л, к кому-л)’; *être off* ‘не проявить никакого интереса’.

Заимствование может быть использовано в качестве эвфемизма, когда нет желания произнести нечто неприятное на родном, всем понятном языке, например: *se faire friendzoner* ‘быть во френдзоне’.

Тематическая палитра современного молодежного жаргона весьма разнообразна. Но самым наполненным тематическим полем оказывается логическая оценка (на уровне денотата), причем чаще всего обозначающая не просто «хорошо» или «плохо», а «превосходно» или «отвратительно» и, как правило, с оттенком эмоциональности: *c'est poche* ‘это ужасно, это бредово’. Наполненность данного тематического поля довольно велика, она достигает 25%. Его особенностью является то, что в нем преобладают неофраземы, выражающие положительную оценку,— 63% (*on fleek* ‘идеальный, просто отпад’, *c'est cool* ‘это клево’), что входит в противоречие с универсальной языковой тенденцией, отмеченной В.Д. Девкиным, и характерной особенно для разговорного языка, к преимущественному обозначению отрицательных явлений и к выражению отрицательной оценки [Девкин, 1979, с. 160]. Очевидно, что в языковой картине мира молодежи оптимизм находит свое выражение в большей степени, чем в языковой картине мира среднестатистических носителей языка, и она находится в постоянном поиске новых выражений для характеристики тех ценностей, которыми она дорожит, поэтому среди оценочных выражений немало синонимов: *c'est carré*, *c'est ice*, *c'est frais* ‘это супер, это классно’.

На втором месте — характеристика ситуации — 9% (*ça part* ‘дело пошло’; *faire un bide* ‘потерпеть неудачу’). На третьем месте — характеристика состояния человека — 8% (*je suis rapta* ‘я пьян, я бухой’; *être en bad* ‘чувствовать себя плохо’). На четвертом месте — эмоции — 7% (*avoir le seum* ‘быть разочарованным’). Далее — «дружба» — 6% (*gars sûr* ‘друг’, *avoir un reuf* ‘иметь друга’), что свидетельствует о довольно высокой ценности концепта «друг» для молодых людей. Тематическое

поле «любовь и сексуальные отношения» представлено 5 процентами неофразем: *avoir un crush pour qn* ‘быть влюблённым в кого-л.’, *ma gow* ‘моя девушка’. Остальные тематические поля представлены значительно слабее. Анализ состава тематических полей показывает размытость их границ и отсутствие узких конкретных тем, за исключением «дружбы» и «любовных и сексуальных отношений». Фразеология сленга отражает склонность молодых людей к всякого рода оцениванию окружающей их действительности и людей, а также к характеристике ситуаций, в которых они оказываются, и описанию собственных эмоций и состояний.

Естественно, что стремление к повышенной экспрессивности выражений ведет к созданию фразеологических единиц с помощью стилистических средств. Особенно часто встречаются гиперболы: *ça prend sa vie* ‘на это требуется время’, букв. «это забирает его жизнь’; *faire TB (terre brûlée)* ‘перевернуть все вверх дном’, букв. «сделать выжженную землю».

Антифраза, как это часто бывает в языке, лежит в основе иронии, например: *on va se faire un petit tête-à-tête* — это не приглашение на свидание или небольшую беседу, это — угроза «разобраться», и нередко с применением физической силы. Но чаще в молодежном сленге антифраза имеет обратное направление — номинация отрицательного явления используется для выражения положительной оценки или положительной эмоции: *c'est déclassé* ‘это высший класс’, букв. «это переведено в низший разряд» (очевидно, в молодежном сообществе слово *déclassé* было переосмыслено и воспринимается, в отличие от его нормативного значения, как «выше всякого разряда»); *ah, tu me dead* (букв. «ах, ты меня убиваешь») имеет значение ‘ах, как ты меня радуешь’!

Для сленговой фразеологии, богатой образными выражениями, характерно также наличие перифраз, как, например, выражение с испанским существительным *avoir la boca* ‘кричать, болтать’, букв. «иметь большой рот», для которого во французском языке есть однословные синонимы *gueuler, bavarder*; для перифрастического выражения, построенного на грубом образе, *faire péter le cerveau* ‘надоесть’, есть целый арсенал синонимичных глаголов, в том числе разговорно-фамильярный *bassiner*.

Склонность молодых к игре словами, к шутке выражается, например, таким каламбуром (пришедшем из TikTok): на задаваемый вопрос *Quoi?* ‘Что?’, в шутку воспринимаемый, согласно произношению, как *Cou A* («Шея А»), дается шуточный ответ *Cou B* («Шея Б»). В результате эта мини-игра получила название *quoicoubeh*. Выражение *c'est bave* (сокращение от *bavon* ‘хороший, классный’) передает высокую по-

ложительную оценку — ‘супер, класс’, хотя в нейтральном французском языке у этого слова есть значение «злобная, ядовитая речь». Таким образом, это выражение представляет собой одновременно каламбур и антифразу.

Экспрессивность сленгового выражения может усиливаться фонетическими средствами, такими как:

— рифма: *c'est rincé* ‘это фуфло’; *faire la mala* ‘незаслуженно обидеть словами’: повтор слога *la* в испанском существительном с артиклем *la mala* в сочетании с уничижительным значением, очевидно, придает экспрессивный характер этому выражению;

— аллитерация: *c'est rien, c'est la rue* ‘это ничего, на нашей улице всякое бывает’. Здесь, кроме аллитерации (повторения звука [r] в начале слов двухчастной формы), еще имеет место такое лексико-стилистическое средство фразообразования, как повтор (оборота *c'est*);

— ассонанс (повторение одного гласного звука): *c'est trop guetto*;

— мультиплекция звуков, согласных или гласных, для усиления значения: *être déterr* ‘решиться, быть готовым’; *c'est louuuuuu!* ‘это супер!’, а также многократный повтор слогов: *être popoposey* ‘быть спокойным, благодушным’, для усиления значения.

При анализе экспрессивно-эмоциональной окраски молодежных неофразм обнаруживается, что большинство из них (68%) содержат выраженный эмоционально-оценочный компонент, причем уничижительных почти в два раза больше, чем мелиоративных. Кажется, что есть противоречие с тем, что было сказано выше, но здесь речь идет не об общей оценке как тематическом поле на уровне самого денотата (хорошо или плохо), а об эмоциональной оценке на коннотативном уровне. Очевидно, что в общении друг с другом молодым людям свойственно покритиковать, и не всегда по-доброму, выразить насмешку, в том числе по отношению к самому себе, с помощью образного фразеологизма, например, *être à la rue* ‘запутаться, быть неспособным понять что-л.’

Шутливый тон всегда в приоритете у молодых людей, поэтому в их сленге можно обнаружить как шуточные образы (*être dans la sauce* ‘влипнуть в историю’, букв. ‘быть в соусе’), так и вошедшие в моду бессмысленные выражения, выполняющие чисто людическую функцию: например, в разгаре беседы один из участников вдруг произносит: «А ты видел, что...» и дальше произносится одна из бессмысленных фраз: *ta les crampter?*, которая вызывает ожидаемый эффект растерянности собеседника и затем общий смех.

Неподчиненность литературной норме — антинорма — влечет за собой наличие грубых выражений. Это, во-первых, единицы, вы-

держаные в агрессивном тоне (*Dégage de mon ter-ter!* ‘Вон отсюда!’), во-вторых, выражения, содержащие вульгаризмы: *se la péter* ‘делать вид’; *bandeur de gadji* ‘бабник’.

Исследование молодежных социолектных неофразем было бы неполным без лингвострановедческого подхода, который заключается в интерпретации их слов-компонентов и выявлении их культурных кодов, т.е. тех сфер, которые являются их мотивационными источниками. В современном молодежном социолекте было выявлено 25 культурных кодов (большинство названий кодов заимствовано из статьи Е.А. Хомякова [Хомяков, 2014]). К наиболее характерным из них относятся (в порядке убывания):

- акциональный код: *ça fait serrer* ‘я весь в напряге’, букв. «это сжимает»; *ah tu me plie!* ‘ты меня радуешь!’, букв. «ты меня 1) сгибаешь 2) покоряешь!»;
- код состояния: *être blasé* ‘быть пьяным’, букв. быть пресыщенным; *avoir la déter de* ‘желать (сделать что-л)’, букв. «иметь решимость (сделать что-л)»;
- код качества: *sur côté* ‘не оцененный по достоинству’, букв. «недостаточно котированный»; *être saucé* ‘быть восторженным, воодушевленным’, букв. «быть покрытым тонким слоем серебра (о монете)»;
- артефактный код, т.е. основывающийся на предметах, произведенных руками людей — в первую очередь представителей данной культуры: *en soumsoum* ‘по-тихому’, букв. «как подводная лодка».

Остальные культурные коды представлены значительно слабее: пищевой, антропный, зоологический, учебный, места, речевой.

Молодежный слой фразеологизмов, стремясь к экспрессивности и оригинальности, характеризуется высокой подвижностью. Его единицы могут практически выйти из употребления, затем, какое-то время спустя, вновь войти в моду, как произошло, например, с выражениями *j'te natchave* ‘я сваливаю’ или *faire un bide* ‘получить облом’. Одни выражения выходят из моды, другие приходят им на замену. Так, на смену выражению: *On va faire la teuf!* пришло: *On va s'enjailler!* ‘Замутим вечеринку!’

Заключение

Исследование неофразем французского молодежного социолекта позволило выявить некоторые их черты, определяемые особенностями возраста, образа и условий жизни социальной группы, создающей эти единицы и пользующейся ими.

Непосредственная эмоционально-оценочная реакция на происходящее вокруг побуждает к созданию коммуникативных неофразем в виде множества фразеорефлексов, а наиболее наполненными тематическими полями являются оценка и характеристика чего-либо или кого-либо. Быстрота и краткость высказывания являются причиной почти полного отсутствия двучастных форм неофразем, наличия эллиптических форм, использования сокращенных слов. Сочетание краткости и неподчиненности литературной норме ведет к «антиформе», выражающейся в таких, в частности, явлениях, как синтаксическая неология, нарушение синтагматического поля, создание грубых выражений. Тяга к оригинальности, следованию моде ведет к заимствованию выражений или их компонентов, преимущественно из английского языка, а также к использованию верланализированных слов. Результатом стремления молодых к повышенной экспрессивности высказывания является создание гиперболических образов, а также фонетических средств создания неофразем и усиления их значения. Любовь к шутке, к игре словами привела к созданию неофразем, построенных на каламбуре, антифразе, парадоксе. А стремление к новизне ведет к периодическому обновлению социолектных фразеологических единиц. Наиболее задействованным кодом культуры при неологическом фразообразовании является акциональный код как свидетельство высокой внутренней энергетики молодого поколения, ориентирующегося на действие.

Следует также отметить взаимовлияние устного молодежного социолекта и интернет-сленга: последний, будучи письменной речью, вобрал в себя особенности устной речи (всевозможные эллипсисы), а в устную речь вошли буквенные сокращения бытовых выражений.

Библиографический список

Береговская Э.М. Молодежный сленг: формирование и функционирование // Вопросы языкоznания. 1996. № 3. С. 32-41. Электронный ресурс: https://issuesinlinguistics.ru/pubfiles/1996-3_beregovskaja_32-41.pdf

Богомолова И.В. Молодежный сленг в современном французском языке на радио // Язык в социокультурном пространстве и времени : мат-лы Всеросс. науч. конф. с междунар. участием. Астрахань, 2011. Электронный ресурс: <http://lib.mgppu.ru/OpacUnicode/app/index.php?url=/notices/index/IdNotice:354371/Source: default>

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного: метод. рук-во. М.: Рус. яз., 1990. 246 с.

Гак В.Г. Фразеорефлексы в этнокультурном аспекте // Филологические науки. 1995. № 4. С. 47–55.

Девкин В.Д. Немецкая разговорная речь: Синтаксис и лексика. М.: Международные отношения, 1979. 254 с.

Домашнев А.И. Проблемы классификации немецких социолектов // Вопросы языкоznания. 2001. № 2. С. 127–139. Электронный ресурс: <https://vja.ruslang.ru/ru/archive/2001-2/127-139>

Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. М.: URSS, 2016. 456 с.

Кожелупенко Т.П. Рэп как язык конфликта в субкультуре хип-хопа // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2008. № 4. С. 83–89. Электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/rep-kak-yazyk-konflikta-v-subkulture-hip-hop>

Копытина Н.Н. Социолектные особенности французской молодежной речи : дис. ... канд. филол. н. Белгород, 2006. Электронный ресурс: <https://www.dissertcat.com/content/sotsiolektnye-osobennosti-frantsuzskoi-molodezhnoi-rechi>

Парсиева Л.К., Гацалова Л.Б. Особенности фразеологических неологизмов // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2014. № 9–3. Электронный ресурс: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=5910>

Попова Т.В., Рацибурская Л.В., Гутунова Д.В. Неология и неография современного русского языка. М.: Флинта, 2022. 168 с.

Семенова Н.В. Фразеология молодежного сленга: на материале немецкого языка : дис. канд. филол. н. Иваново, 2006.

Сергеева А.В. О видах синтаксических инноваций в современном французском языке // Риторика-Лингвистика : сб. статей. Смоленск, 2012. Вып. 9. С. 159–167.

Синельникова И.И., Синельников Ю.Г. Фразеологическая картина мира как языковой феномен национально-культурного развития (на материале французского языка). Белгород, 2019. Электронный ресурс: http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/39492/1/Sinelnikova_Frazeologicheskaya.pdf

Федорова Л.Л. Современная молодежная речь: норма или антинорма? // Русский язык. 2000. № 4. Электронный ресурс: <https://rus.1sept.ru/article.php?ID=200000401>

Филатов А.М. Особенности словообразования сленга современной французской молодежи // Актуальные исследования. 2022. № 22 (101). Электронный ресурс: <https://apni.ru/article/4220-osobennosti-slovoobrazovaniya-slenaga-sovremen>

Хайруллина Р.Х. Картина мира во фразеологии: тематико-идеографическая систематика и образно-мотивационные основы русских и башкирских фразеологизмов : дис. ...докт. филол. н. М., 1997.

Хомяков Е.А. Коды культуры в жаргонной фразеологии // Гуманитарные науки. Филология. 2014. № 3 (31). С. 151-160. Электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/kody-kultury-v-zhargonnoy-frazeologii>

Швейцер А.Д. Социальная дифференциация языка. Онтология языка как общественного явления. М.: Наука, 1983. 312 с.

Goudaillier J.-P. Comment tu tchatches? Paris: Maisonneuve et Larose, 2001. 304 p.

Pierre-Adolphe Ph., Mamoud M., Tzanos G.-O. Le dico de la banlieue. Boulogne: La Sirène, 1995. 120 p.

Источники

Bernet Ch., Rézeau P. Dictionnaire du français parlé. Paris: Seuil, 1989.

Brice. Le langage des jeunes et des ados // Le Curionaute. 2016. Электронный ресурс: <https://www.lecurionaute.fr/langage-jeunes-ados-version-2016/>

Camus A. 100 expressions de jeunes qui font prendre un gros coup de vieux., 2024. Электронный ресурс: <https://www.lebonbon.fr/paris/news/37-expressions-jeune-coup-de-vieux/>

De Meersman M. 40 expressions de jeunes qui nous font prendre un (léger) coup de vieux, Flair, 2022. Электронный ресурс: <https://www.flair.be/fr/chillax/humour/40-expressions-de-jeunes-qui-nous-font-prendre-un-leger-coup-de-vieux/>

Kumar R. «Chokbar», «guez», «être yomb»... Ces expressions de jeunes que vous allez entendre en 2024 // Le Point, 2024. Электронный ресурс: https://www.lepoint.fr/societe/chokbar-guez-etre-yomb-ces-expressions-de-jeunes-que-vous-allez-entendre-en-2024-11-01-2024-2549481_23.php

«T'as peur», «c'est pour me tuer», «en sueur»... Dans les commentaires de TikTok, un vocabulaire se crée. Электронный ресурс: <https://www.20minutes.fr/arts-stars/culture/3136323-20210930-peur-tuer-sueur-commentaires-tiktok-vocabulaire-cree>

15 expressions des jeunes en France à connaître absolument! // Français avec Pierre. 2021. Электронный ресурс: <https://www.francaisavecpierre.com/15-expressions-des-jeunes-en-france-a-connaître-absolument/>

References

Beregovskaya E.M. Youth slang: formation and functioning. *Voprosy jazykoznanija = Questions of linguistics*, 1996, no. 3, p.p. 32-41. Retrieved

from: https://issuesinlinguistics.ru/pubfiles/1996-3_beregovskaja_32-41.pdf (In Russian).

Bogomolova I.V. Youth slang in modern French on the radio. *Yazyk v sotsiokul'turnom prostranstve i vremeni* = Language in socio-cultural space and time: materials of the All-Russian scientific conference with international participation, Astrakhan, 2011. Retrieved from: <http://lib.mgppu.ru/OpacUnicode/app/index.php?url=/notices/index/IdNotice:354371/Source:default> (In Russian).

Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. Language and Culture. Linguistic and Cultural Studies in Teaching Russian as a Foreign Language, Moscow, 1990. 246 p. (In Russian).

Gak V.G. Phraseoreflexes in ethnocultural aspect. *Filologicheskie nauki* = Philological Sciences, 1995, no. 4, pp. 47-55. (In Russian)

Devkin V.D. German colloquial speech: Syntax and lexicon. Moscow, 1979. 254 p. (In Russian).

Domashnev A.I. Problems of classification of German sociolects. *Voprosy linguoziarniya* = Questions of linguistics, 2001, no 6, pp. 127-139. Retrieved from: <https://vja.ruslang.ru/ru/archive/2001-2/127-139> (In Russian).

Kovshova M.L. Lingvocultural Method in Phraseology: Codes of Culture, Moscow, 2016. Retrieved from: <https://urss.ru/cgi-bin/db.pl?lang= Ru&lang=ru&page=Book&id=202519> (In Russian).

Kozhelupenko T.P. Rap as a language of conflict in the subculture of hip-hop. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov* = Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia, 2008, no. 4, pp. 83-89. Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/rep-kak-yazyk-konflikta-v-subkulture-hip-hopa> (In Russian).

Kopytina, N.N. Sociolectual Features of French Youth Speech. Thesis of Philol. Cand. Diss. Belgorod, 2006. Retrieved from: <https://www.dissertat.com/content/sotsiolektnye-osobennosti-frantsuzskoi-molodezhnoi-rechi> (In Russian).

Parsieva L.K., Gatsalova L.B. Features of phraseological neologisms. *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy* = International Journal of Applied and Fundamental Research, 2014, no. 9-3. Retrieved from: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=5910> (In Russian).

Popova T.V., Ratsiburskaya L.V., Gugunova D.V. Neology and neography of the modern Russian language, Moscow, 2022. 168 p. (In Russian).

Semenova N.V. Phraseology of youth slang: based on the material of the German language. Thesis of Philol. Cand. Diss. Ivanovo, 2006. (In Russian).

Sergeeva A.V. On the types of syntactic innovations in modern French. *Ritorika-Lingvistika. Sbornik statey = Rhetoric-Linguistics*, Smolensk, 2012, no. 9. 159–167. (In Russian).

Sinelnikova I.I., Sinelnikov Yu.G. Phraseological picture of the world as a linguistic phenomenon of national-cultural development (based on the material of the French language). Belgorod, 2019. Retrieved from: http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/39492/1/Sinelnikova_Frazeologicheskaya.pdf (In Russian).

Fedorova L.L. Modern youth speech: norm or antinorm? *Russkiy jazyk = Ras language*, 2000, no. 4. Retrieved from: <https://rus.1sept.ru/article.php?ID=200000401> (In Russian).

Filatov A.M. Features of slang formation of modern French youth. *Aktual'nye issledovaniya = Actual research*, 2022, no. 22 (101). Retrieved from: <https://apni.ru/article/4220-osobennosti-slovoobrazovaniya-slenga-sovremen> (In Russian).

Khairullina R.Kh. Picture of the world in phraseology: thematic-ideographic systematics and figurative-motivational foundations of Russian and Bashkir phraseologisms. Thesis of Doct. Philol. Diss. Moscow, 1997. (In Russian).

Khomyakov E.A. Codes of culture in slang phraseology. *Gumanitarnye nauki. Filologiya = Humanities. Philology*, 2014, № 3 (31) pp. 151–160. Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/kody-kultury-v-zhargonnoy-frazeologii> (In Russian).

Schweitzer A.D. Social differentiation of language. Ontology of language as a social phenomenon, Moscow, 1983, 312 p. (In Russian).

Goudaillier J.-P. Comment tu tchatches? Paris, 2001, 304 p.

Pierre-Adolphe Ph., Mamoud M., Tzanos G.-O. Le dico de la banlieue, 1995, 120 p.

List of Sources

Bernet Ch, Rézeau P. *Dictionnaire du français parlé*, Paris, 1989.

Brice. *Le langage des jeunes et des ados. Version 2016. Le Curionaute*. Retrieved from: <https://www.lecurionaute.fr/langage-jeunes-ados-version-2016/>

Camus A. 100 expressions de jeunes qui font prendre un gros coup de vieux. Paris, 2024. Retrieved from: <https://www.lebonbon.fr/paris/news/37-expressions-jeune-coup-de-vieux/>

De Meersman M. 40 expressions de jeunes qui nous font prendre un (léger) coup de vieux. *Flair*, 2022. Retrieved from: <https://www.flair.be/fr/chillax/humour/40-expressions-de-jeunes-qui-nous-font-prendre-un-leger-coup-de-vieux/>

Kumar R. «Chokbar», «guez», «être yomb»... Ces expressions de jeunes que vous allez entendre en 2024. *Le Point*, 2024. Retrieved from: https://www.lepoint.fr/societe/chokbar-guez-etre-yomb-ces-expressions-de-jeunes-que-vous-allez-entendre-en-2024-11-01-2024-2549481_23.php

«T'as peur», «c'est pour me tuer», «en sueur»... Dans les commentaires de TikTok, un vocabulaire se crée. Retrieved from: <https://www.20minutes.fr/arts-stars/culture/3136323-20210930-peur-tuer-sueur-commentaires-tiktok-vocabulaire-cree>

15 expressions des jeunes en France à connaître absolument! *Français avec Pierre*, 2021. Retrieved from: <https://www.francaisavecpierre.com/15-expressions-des-jeunes-en-france-a-connaitre-absolument/>

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ТИПИЗАЦИИ ПЕРСОНАЖЕЙ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ АРХЕТИПА «МУДРЫЙ СТАРЕЦ»)

Ю.И. Щербинина

Ключевые слова: архетип мудрого старца, тип персонажа, языковые средства репрезентации персонажа, лингвистическая персонология, жанр фэнтези

Keywords: The Wise Old Man archetype, character type, linguistic means of character representation, linguistic personology, fantasy genre

DOI: [https://doi.org/10.14258/filichel\(2025\)4-07](https://doi.org/10.14258/filichel(2025)4-07)

Ведение
Персонаж литературного произведения — это ключевой компонент художественного текста. При всей уникальности каждого персонажа, как и каждой личности, есть некие общие воспроизведимые черты, которые позволяют говорить о наличии определенных типов персонажей. Изучение литературных типов — одно из активно развивающихся направлений исследования в лингвистической персонологии, нарратологии, психолингвистике и других областях филологического знания, позволяющее выявить устойчивые модели репрезентации человеческого опыта в литературе. В литературоведении традиционно рассматриваются типы и архетипы в отдельных произведениях и в творчестве конкретных писателей (М.А. Булгакова, В.М. Шукшина, М.А. Шолохова и др.). При всем обилии работ, посвященных образам персонажей, их языковым личностям и речевым портретам, вопрос средств воплощения типов персонажей и архетипов в литературе остается не полностью изученным.

Для лингвистов особенно значимым аспектом является вопрос о том, какими именно языковыми средствами создается определенный узнаваемый тип персонажа. В настоящей статье внимание сосредоточено на типе мудреца-наставника или, в юнгианской терминологии, архетеипе «мудрого старца» [Юнг, 2019, с. 48], который ассоциируется с такими чертами, как авторитетность, мудрость, проницательность, внутренняя сила, способность направлять других и делиться особым знанием. Хотя этот архетип уже становился объектом исследований, например, в контексте творчества Ф.М. Достоевского (образ старца Зосимы в «Братьях Карамазовых») [Алекса, 2009], детской литературы

(образы бабушек и дедушек) [Гапонова, Никкарева, 2022] или компьютерных игр [Вермишев, 2011], подобных работ лингвистической направленности крайне мало, что обуславливает актуальность настоящего исследования.

Архетип мудреца, получивший широкое распространение в мифологических, религиозных и литературных текстах, часто воплощается в образах старших наставников, учителей и магических помощников. В настоящей статье мы рассмотрим средства воплощения этого архетипа в англоязычной литературной традиции на примере таких персонажей, как Гэндалльф (J.R.R. Tolkien. *The Lord of the Rings*), Аслан (C.S. Lewis. *The Chronicles of Narnia*) и Альбус Дамблдор (J.K. Rowling, серия романов о Гарри Поттере). Несмотря на жанровые и стилистические различия между произведениями, данные персонажи демонстрируют общие черты архетипа, реализуемые через воспроизводимые языковые средства.

Целью настоящего исследования является выявление и описание языковых средствreprезентации архетипа «мудрец-наставник» в англоязычной литературе, а именно лексических, морфологических, синтаксических, стилистических, прагматических особенностях его реализации в текстах произведений Дж. Р. Р. Толкина, К. С. Льюиса и Дж. К. Роулинг. Тем самым мы стремимся доказать, что типичность данных персонажей проявляется не только в наборе их характеристик, функций в тексте, роли в повествовании, но и в устойчивом наборе языковых средств, используемых авторами для создания внешней речи этих персонажей.

Материалом исследования послужили художественные тексты трех британских авторов, в которых архетип мудрого старца представлен особенно ярко. Выбор именно этих персонажей обусловлен не только их популярностью и узнаваемостью в англоязычной культуре, но и тем, что каждый из них представляет архетип мудреца в своем жанровом контексте: высокого фэнтези, религиозно-аллегорического повествования для детей и «городского» фэнтези для подростков (Young Adult fiction).

Методологическая база исследования включает: метод теоретико-лингвистического анализа научных концепций для формирования понятийно-терминологического аппарата исследования; аналитико-синтетический общенаучный метод; методы лингвистического анализа художественного текста (метод лингвостилистического анализа [Задорнова, 2024] и лингвопоэтического сопоставления [Липгарт, 2007], метод контекстуального анализа). Анализ осуществлялся с опорой на внешнюю (прямую) речь персонажей из вышеназванных текстов.

Теоретические основания исследования: проблема терминологии

Изучение персонажа в художественном тексте неизбежно связано с пересечением понятий из литературоведения, лингвистики, психологии и культурологии. В рамках настоящего исследования особую важность приобретает точное разграничение и понимание терминов, обозначающих различные аспекты изображения персонажа. В научных работах встречаются следующие термины: архетип, языковая личность персонажа, речевой портрет, лингвокультурный типаж, лингвопсихологический тип, стереотип, литературный тип, тип персонажа, художественный образ, характер, герой, действующее лицо и др. Несмотря на очевидную близость, каждый из этих терминов имеет специфическое значение.

1. Архетип

Архетип (от греч. *archetypos* — первообраз) — понятие, введенное К.Г. Юнгом, обозначающее универсальные символические структуры, присутствующие в коллективном бессознательном. Юнг выделял такие архетипы, как Герой, Тень, Маска, Анима, Анимус, Мудрый Старец, Ребенок, Великая Мать, Самость, при этом подчеркивая, что это универсальные образы, существующие с незапамятных времен, особенно ярко проявляющиеся в мифах и сказках [Юнг, 2019]. В литературоведении архетипами называют повторяющиеся во многих культурах и эпохах образы и роли (Герой, Мудрец, Трикстер и др.), которые часто лежат в основе типизации персонажей. Архетип выступает как концептуальная основа, которую авторы реализуют в конкретных персонажах средствами языка и сюжета.

Если говорить конкретно об архетеипе мудреца, то Юнг описывает его следующим образом: «Мудрый старец появляется в облике мага, доктора, священника, учителя, профессора, деда... любого человека, обладающего авторитетом» [Юнг, 2019, с. 259]. Ему свойственны такие черты, как проницательность, готовность понять другого, дать добрый совет, решительность и умение сподвигнуть на подвиг. Старик-мудрец появляется в тот решающий момент, когда герой теряет надежду. В сказках старец часто задает вопросы, чтобы вызвать саморефлексию и мобилизовать моральные силы. Он знает, какие дороги ведут к цели, и показывает их герою; предупреждает об опасностях на пути и снабжает средствами, которые позволят встретить их во всеоружии. В «Морфологии сказки» В.Я. Проппа данный архетип условно соответствует таким функциям действующих лиц, как даритель, волшебный помощник и отправитель (т.е. посыпает героя на испытания) [Пропп, 1969].

Таким образом, архетип — это глубинная структура нашего колективного бессознательного, а литературный тип может стать ее проявлением в литературной традиции.

2. Тип персонажа, литературный тип, типический характер / образ

Само слово «тип» применительно к литературным произведениям может употребляться в нескольких значениях. Оно может означать схематическое воплощение в персонаже одной человеческой черты, а может пониматься широко: как любое воплощение общего в индивидуальном, при условии, что оно ярко и полно выражено [Хализев, 2002, с. 46]. Как отмечает Л.В. Чернец, необходимо различать типический характер / образ (показатель художественного совершенства изображения, результат творческой типизации) и тип персонажа (выделяемый при типологии, классификации персонажей) [Чернец, 2016]. Тип персонажа — это инвариант, воплощенный в разных вариациях, коими являются конкретные персонажи. Это «образ в произведениях литературы и искусства, в индивидуальных чертах которого воплощены наиболее характерные признаки лиц определенной категории»¹. Важный показатель таланта автора — введение в литературу нового типа персонажа, в особенности изображение героя (или антигероя) своего времени (в отличие от архетипа, который вневременен). Как правило, за типом персонажа закрепляется устойчивая номинация. В русской литературе можно привести примеры таких типов, как «лишний человек», «маленький человек», «человек в футляре», «тургеневская девушка», «кисейная барышня» и пр. Литературный тип предполагает художественный образ, отражающий устойчивую совокупность черт, присущих определенной общественной группе, классу. Тип чаще привязан к определенной эпохе и обществу, тогда как архетип носит универсальный характер. Со временем тип персонажа эволюционирует в литературном процессе, либо приобретая новые смыслы, либо упрощаясь, превращаясь в стереотип, объект для пародий [Данилова, 2015, с. 4].

3. Художественный образ / образ персонажа, герой, персонаж, характер, действующее лицо, актант

Эти понятия принадлежат к литературоведческой традиции. Герой — главное действующее лицо в литературном произведении, который, как правило, наделен положительными качествами [Тимофеев, 1076, с. 64–66]. Действующее лицо и персонаж — термины, описываю-

¹ Словарь современного русского литературного языка. Т. 15. Стлб. 443. М.: Изд-во АН СССР, 1948–1965.

щие человека в произведении безотносительно к тому, насколько полно, ярко, убедительно он изображен писателем [Борисова, 2015, с. 104]. Термин «характер» подразумевает, что персонаж обрисован достаточно полно и за ним стоит некая норма общественного поведения. Художественный образ — это целостное эстетическое представление о персонаже, возникающее у читателя на основе авторского текста. Образ персонажа складывается на основе всех элементов, составляющих «характер, внешность, поступки, речевую характеристику, которые показаны с помощью определенного набора художественно-композиционных и языковых средств» [Борисова, 2015, с. 105]. Герой, персонаж, действующее лицо и характер могут использоваться как синонимы, но с различной степенью обобщенности: герой и персонаж подчеркивают участие в повествовании, характер — внутреннюю психологическую и/или социальную структуру, а действующее лицо — скорее функциональную роль в фабуле. Актант — термин структуралистской нарратологии (А. Греймас), обозначающий функцию персонажа в нарративной структуре (субъект, объект, помощник и т.п.). Эти термины важны для анализа структуры текста, но не акцентируют внимание на языковых средствах изображения, хотя образ персонажа предполагает, в том числе, анализ прямой (монологи, диалоги) и внутренней, несобственно-прямой речи персонажа. Интересно, что, как отмечает Е.Б. Борисова, в исследованиях по лингвокультурологии, психолингвистике и лингвоперсонологии литературный персонаж трактуется как один из способов конкретизации лингвокультурного типажа [Борисова, 2015].

4. Лингвокультурный типаж и стереотип

Лингвокультурный типаж — представитель культуры, обладающий специфическими языковыми и поведенческими признаками. Это «узнаваемые образы представителей определенной культуры, совокупность которых и составляет культуру того или иного общества» [Карасик, Дмитриева, 2005, с. 18]. Этот термин полезен при анализе персонажей как носителей определенных культурных установок. При этом важно понимать, что лингвокультурный типаж представляет собой обобщение как вымышленных персонажей, так и реально существующих лиц [Лутовинова, 2009, с. 227]. Стереотип — упрощенное и стандартизированное представление о представителе определенной группы, часто используемое в массовой культуре, обыгрываемое в карикатурах и пародиях. Будучи обобщением, лингвокультурный типаж непременно включает в себя стереотипные представления о типизируемой личности, что предполагает схематичность, упрощенное изображение какой-либо личности, частотно встречающейся в определенной соци-

альной среде. Лингвистическими типажами часто бывают представители какой-то профессии или рода деятельности, а также люди, относящиеся к определенной поведенческой парадигме [Чекурай, Кучмистый, Шустов, Прохоров, 2023]. Также важна идентификация в пределах конкретного лингвокультурного сообщества, например: «американский бизнесмен», «английский чудак», «английский дворецкий», «советский шпион», «новый русский» и пр. Отметим, что архетип, в отличие от лингвокультурного типажа, не имеет привязки к конкретной лингвокультуре. Поэтому, например, неоправданной можно считать обозначение трикстера как лингвокультурного типажа, поскольку этот персонаж является скорее архетипическим, одним из основополагающих персонажей человеческой культуры.

На данный момент описано более 100 лингвокультурных типажей [Дубровская, 2016]. Они подразделяются на реальные (современные и исторические) и фикционные [Карасик, 2009], имеющие этнокультурную и социокультурную значимость [Карасик, Ярмахова, 2006], социальные, характерные и идеологические, общезначимые, социумные и этнические [Резник, 2013]. Это очень перспективное направление лингвистической персонологии, которое, безусловно, продолжит развиваться.

5. Языковая личность персонажа, речевая характеристика и речевой портрет персонажа

Хотя термин «языковая личность» был применен еще В.В. Виноградовым в работе «О художественной прозе» в 1930 году, где исследователь разграничили личность автора и личность персонажа [Виноградов, 1930], активно разрабатывать теорию языковой личности начал Ю.Н. Карапулов и его последователи в 1980-х. Языковая личность понимается как субъект-носитель языка, осмысливающий мир и отражающий это в своей речи и текстах [Никандрова, 2010]. В.А. Маслова определяет языковую личность как «многослойную и многокомпонентную парадигму речевых личностей. При этом речевая личность — это языковая личность в парадигме реального общения, в деятельности» [Маслова, 2001, с. 119]. С точки зрения структуры языковой личности Ю.Н. Карапулов выделяет три уровня: нулевой (вербально-семантический), лингвокогнитивный / тезаурусный (концепты, фреймы) и мотивационно-прагматический, а В.А. Маслова — ценностный, культурологический и личностный.

Языковая личность персонажа — это совокупность его речевых характеристик, отражающих менталитет, социальный статус, образование, профессию, эмоциональное состояние и др. Это понятие позволя-

ет анализировать языковое поведение героя как проявление его внутреннего мира и социальной обусловленности. Речевой портрет — это вербальная текстовая реализация языковой личности персонажа [Васильева, 2021]. Также используется термин «дискурс персонажа», определяемый как «совокупность произведенных во внешней и внутренней речи высказываний одного персонажа прозаического художественного произведения» [Караулов, 1987, с. 238]. Необходимо подчеркнуть, что Ю.Н. Караулов отмечает важность рассмотрения языковой личности с лингвопсихологической, философско-мировоззренческой, социальной, этнонациональной, историко-культурной точек зрения. Эти мысли отсылают нас к работам М.М. Бахтина, который отмечал, что «говорящий человек в романе — существенно социальный человек» и «всегда в той или иной степени идеолог» [Бахтин, 1975, с. 145–146].

Речевой портрет представляет собой языковую модель, описывающую внешние и внутренние характеристики героя через его речь. Некоторые исследователи считают необходимым также разграничивать речевую характеристику и речевой портрет, отмечая, что речевой портрет «предполагает совокупность речевых особенностей героя, дающих яркое представление о персонаже, его речевом поведении и миропонимании», тогда как речевая характеристика «может включать черты не только характерологически значимые, но и случайные, эпизодические» [Колокольцева, 2015, с. 88].

6. Лингвопсихологический тип

Данный термин появился недавно, широкого распространения пока не получил и относится скорее к сфере психолингвистики. Термин был предложен И.В. Чекулаем и О.Н. Прохоровой в их статье 2011 года и означает комбинацию индивидуальных психологических характеристик личности и ее лингвистического потенциала [Чекулай, Прохорова, 2011]. Введение этого термина не представляется в полной мере оправданным, учитывая то, что исследователи рассматривают трикстер как лингвопсихологический тип, хотя в других работах трикстер уже исследовался как архетип либо как лингвокультурный типаж. А.С. Пойменова, исследующая лингвопсихологический тип «плут» на материале произведений П.Г. Вудхауса, отмечает, что в отличие от лингвокультурных типажей, лингвопсихологический типаж предполагает более пристальное рассмотрение именно психологических аспектов личности персонажа [Пойменова, 2025].

Таким образом, можно говорить о наличии терминов, применимых к анализу персонажей в рамках литературоведения, лингвокультурологии, лингвопсихологии. Если говорить о лингвистических исследо-

ваниях, в работах по анализу языковой личности и речевого портрета языковая составляющая выходит на первый план, но с упором на индивидуальные характеристики персонажа, тогда как нас интересует образ архетипический. В данной статье ставится задача выявить воспроизводимые языковые средства, используемые для презентации архетипа «мудрый старец» в англоязычных художественных произведениях разных периодов, относящихся к жанру фэнтези. Языковые средства типизации (т.е. языковой реализации архетипа в художественном тексте) охватывают лексико-семантические, грамматико-синтаксические, стилистические и прагматические характеристики, позволяющие автору создать узнаваемый образ мудреца-наставника, понятный читателю на основании мифологической, культурной и литературной традиции, не связанный с определенным историческим периодом или социальной группой.

Результаты исследования

В данном разделе мы рассмотрим конкретные примеры языковых средств реализации архетипа мудреца в произведениях Дж.Р.Р. Толкина, К.С. Льюиса и Дж.К. Роулинг. При всех отличиях таких произведений, как «Властелин колец», «Хроники Нарнии» и «Гарри Поттер», их объединяет принадлежность к жанру фэнтези, хотя и с оговорками: «Властелин колец» — эталонный пример «высокого» (эпического или героико-эпического) фэнтези; в «Хрониках Нарнии», при том что целевой аудиторией являются дети, силен религиозный компонент, аллегорическое начало; «Гарри Поттер» — это «городское» фэнтези, а также роман взросления, юношеский роман (*Young Adult fiction*).

Жанр фэнтези — один из самых популярных жанров в современной литературе. Корнями он уходит в архаические мифы, народную волшебную сказку, рыцарский роман, героический эпос, а также оккультно-мистическую литературу [Галкина, 2021]. Такая основа делает объяснением присутствие в текстах этого жанра архетипов, в частности, архетипа мудрого старца. Фэнтези возникло в 1930-х годах как один из подвидов фантастической литературы, включающей такие жанры, как научная фантастика, хоррор и мистика. Т.Е. Савицкая определяет фэнтези как «неомифологические повествования о волшебных приключениях разного рода условных героеv» [Савицкая, 2018, с. 71].

К основным характеристикам жанра относится высокая степень фантастичности и иррациональности; тщательное создание «иного» (вторичного, возможного) мира; существование вне времени (условное Средневековье), без привязки к конкретной исторической эпохе (хоть

и с оговорками, если речь идет о «городском» фэнтези); реинтерпретация мифов и архетипов. Притягательность фэнтези в том, что оно дарит человеку веру в чудо и удовлетворяет потребность в эскапизме, переносится читателя в тот мир, где есть четкое разграничение добра и зла, где герои преодолевают препятствия, совершают подвиги и проходят инициацию, свой личный «квест», в котором им помогает мудрец-наставник.

Проанализируем языковой материал, репрезентирующий архетипический образ мудреца в данных произведениях, с целью выявить инвариантные и вариативные средства, используемые авторами для создания узнаваемого типа персонажа.

1. Языковые средства репрезентации мудреца в трилогии

«Властелин колец» Дж.Р.Р. Толкина

Начнем с Гэндалфа из серии «Властелин колец» Дж.Р.Р. Толкина (трилогии, написанной в 1937–1949, вышедшей в 1954 г.). Это классический мудрец, направляющий героев (Братство Кольца) в их путешествии. Проведем лингвостилистический анализ и разберем языковые средства и ту роль, которую они играют в создании образа. Цитаты приводятся из первой книги трилогии «Властелин колец» по изданию «The Fellowship of the Ring» HarperCollins E-books, 2009.

Абстрактная лексика (вербализация таких ключевых концептов, как *truth, mercy, power, knowledge, good, evil*): “I wanted the **truth**. It was important.”; “but the **truth** was desperately important”; “Clearly the ring had an unwholesome **power**...”; “His **knowledge** is deep, but his **pride** has grown with it”; “That is a chapter of ancient history which it might be good to recall; for there was **sorrow** then too, and gathering **dark**, but great **valour**, and great deeds that were not wholly **vain**.”; “It was **Pity** that stayed his hand. **Pity**, and **Mercy**: not to strike without need.”; “There are many **powers** in the world, for **good** or for **evil**”.

Возвышенная, архаичная лексика: “...that would seem to explain your sudden **vanishment**”; “...they were **perilous**”; “he **takes ill** any **meddling**”; “It would be a **grievous blow** to the world...”; “He returned to his ancient **fastness**...” (in the meaning of ‘secure place’); “All that has been **wrought** with them will be **laid bare**.”; “...for they have never been lost, and they **endure no evil**”; “Few have ever come **hither** through greater **peril** or on an errand more urgent.”; “From the first my **heart misgave** me”; “He was **loth** to speak.”; “When I heard of the Black Shadow **a chill smote** my heart”; “I was **in an evil plight**”; “He set me down in the land of Rohan ere dawn; and now I have **lengthened my tale over long**”; “I fear he had ill **tidings** to record in a fair hand”.

Лексико-грамматические средства выражения неопределенности / vague language (в анализируемом тексте в основном представлены неопределенными местоимениями): “*I may be able to tell you something when I come back.*”; “*I might perhaps have consulted Saruman the White, but something always held me back.*”; “*I knew at last that something dark and deadly was at work.*”; “*Behind that there was something else at work, beyond any design of the Ring-maker.*”; “*Some other fear was on him greater than mine.*”; “*No, something else drew him away.*”; “*When he was found he had already been there long, and was on his way back. On some errand of mischief.*”; “*Something has crept, or has been driven out of dark waters under the mountains.*”; “*I have heard something that has made me anxious and needs looking into.*”

Модальные глаголы *may*, *might*, выражающие осторожное предположение относительно будущего, снятие категоричности высказывания: “*It may, and it may not [be useful].*”; “*...odd things may happen to people that have such treasures.*”; “*It may have other powers than just making you vanish when you wish to.*”; “*I may be able to tell you something when I come back.*”; “*I may be away for a good while.*”; “*...he possessed the ring for many years, and used it, so it might take a long while for the influence to wear off ... Otherwise, he might live on for years, quite happily.*”; “*But he may play a part yet that neither he nor Sauron have foreseen.*”

Модальные глаголы *долженствования* (используются для побуждения к действию, подчеркивают срочность): “*But you must not delay too long.*”; “*I think that will do — but it must not be any later.*”

Глаголы в повелительном наклонении, зачастую в восклицательных предложениях (передают роль лидера, дающего указания): “*Let it go!*”; “*Do as you promised: give it up!*”; “*Go away and leave it behind.*”; “*Take it! Hold it up! Look closely!*”; “*Don't let out any hint of where you are going!*”; “*Off you go, all of you, down the stairs!*”; “*Do as I say!*”

Страдательный залог (передает атмосферу таинственности, понимание высшего замысла): “*It [the ring] has been called that before.*”; “*All that has been wrought with them will be laid bare.*”; “*It [the ring] was taken from him.*”; “*Bilbo was meant to find the Ring, and not by its maker. In which case you also were meant to have it.*”; “*When he was found he had already been there long, and was on his way back.*”; “*These Rings have a way of being found.*”; “*Such questions cannot be answered.*”; “*But you have been chosen.*”; “*I was delayed.*”; “*I was held captive.*”; “*There are many powers in the world, for good or for evil. Some are greater than I am. Against some I have not yet been measured.*”; “*There is much else that may be told.*”; “*Some of the scouts have been sent out already.*”; “*I fear that the Redhorn Gate may be*

watched"; "Something has crept, or **has been driven** out of dark waters under the mountains".

Сложносочиненные и сложноподчиненные предложения, с большим количеством **однородных членов**, что придает речи весомость, неспешность (самый частотный союз в сложноподчиненных предложениях — "**for**"; **полисиндeton**, т.е. многосоюзие как частотная фигура речи).

"I guess they were of hobbit-kind; akin to the fathers of the fathers of the Stoors, **for** they loved the River, and often swam in it, or made little boats of reeds. There was among them a family of high repute, **for** it was large and wealthier than most, and it was ruled by a grandmother of the folk, stern and wise in old lore, such as they had".

"He was very pleased with his discovery **and** he concealed it; **and** he used it to find out secrets, **and** he put his knowledge to crooked and malicious uses".

"So they **called him Gollum, and cursed him, and told him** to go far away; **and his grandmother, desiring peace, expelled him from the family and turned him out of her hole**".

"I let him go; **for** I had much else to think of at that time, and I still trusted the lore of Saruman".

"I stood alone on an island in the clouds; **and** I had no chance of escape, **and** my days were bitter", "And the Eagles of the Mountains went far and wide, **and** they saw many things: the gathering of wolves **and** the mustering of Orcs; **and** the Nine Riders going hither and thither in the lands; **and** they heard news of the escape of Gollum".

Инверсия (высокий стиль, архаичность): "Soft as butter they can be, and yet sometimes as tough as old tree-roots"; "Seven the Dwarf-kings possessed, but three he has recovered, and the others the dragons have consumed"; "The Nine the Nazgûl keep. ... The Three we know of"; "Less welcome did the Lord Denethor show me then than of old"; "Light is his footfall!".

Ритмичность высказываний за счет двучленных союзных конструкций (синонимические коллокации как частный случай синонимической конденсации), часто сопровождающихся **аллитерацией**; речевые отрезки с однородными членами либо тяготеют к тому, чтобы относиться к одной и той же тематической группе, либо (чаще) имеют общие коннотации.

Например: "...his hand never **touched** them or **sullied** them"; "These horses are **born and bred** to the service of the Dark Lord in Mordor. Not all his **servants and chattels** are wraiths! There are **orcs and trolls**, there are **wargs and werewolves**"; "The Elves may **fear** the Dark Lord, and they may **fly** before him, but never again will they **listen to him or serve him**"; "Soon there will

be feasting and merrymaking to celebrate the victory...”; “This is the Hall of Fire,’ said the wizard. ‘Here you will hear many songs and tales — if you can keep awake. But except on high days it usually stands empty and quiet, and people come here who wish for peace and thought’; “There is much to hear and decide today”; “I looked then and saw that his robes, which had seemed white, were not so, but were woven of all colors, and if he moved they shimmered and changed hue so that the eye was bewildered”; “...the beauty of mithril did not tarnish or grow dim”.

Перифраза (создает эффект неспешности речи): “*If I were to tell you all that tale, we should still be sitting here when Spring had passed into Winter*”; “*The Ring passed out of knowledge and legend*” (i.e. disappeared); “*He was interested in roots and beginnings*” (i.e. inquisitive); “*Outside the late Moon is riding westward and the middle-night has passed*”.

Метафоры, сравнения (эффект поэтичности, возвышенности, экспрессивности высказываний): “*So my doubt slept — but uneasily*”; “*The shadow fell on me again*”; “*Soft as butter they can be, and yet sometimes as tough as old tree-roots*”; “*By day his coat glistens like silver; and by night it is like a shade, and he passes unseen*”; “*I galloped to Weathertop like a gale*”; “*Well, let folly be our cloak, a veil before the eyes of the Enemy!*”.

Ирония: “*If Elves could fly over mountains, they might fetch the Sun to save us*”; “*Knock on the doors with your head, Peregrin Took*”.

Афористичность высказываний:

1) “*I wish it need not have happened in my time*,” said Frodo.

‘*So do I*,’ said Gandalf, ‘*and so do all who live to see such times. But that is not for them to decide. All we have to decide is what to do with the time that is given us*’.

2) “*Many that live deserve death. And some that die deserve life. Can you give it to them? Then do not be too eager to deal out death in judgement. For even the very wise cannot see all ends*.

3) “*And he that breaks a thing to find out what it is has left the path of wisdom*.

4) “*One must tread the path that need chooses*.

Иносказательность: “*Look out for me, especially at unlikely times!*”; “*All that has been wrought with them will be laid bare*”; “*There was more than one power at work*”; “*We are sitting in a fortress. Outside it is getting dark*”.

Таким образом, репрезентация архетипа мудрого старца в образе Гэндалльфа опирается на совокупность четко вычленяемых языковых средств. В лексическом аспекте важно отметить использование абстрактной и возвышенной лексики, архаизмов и поэтизированной об разности (метафоры, сравнения), отражающих философскую глубину

и вековую мудрость героя. Гэндалльф говорит о категориях добра и зла, правды, власти и милосердия, что представляет его как носителя вечных нравственных ориентиров. Грамматически его речь отличает преобладание модальных конструкций, передающих как осторожность суждений (*may, might*), так и категоричность нравственного или стратегического наставления (модальность долженствования, повелительное наклонение). Широко используется страдательный залог, создающий атмосферу таинственности. Развернутые синтаксические структуры, сложносочиненные и сложноподчиненные предложения, многосоставие, инверсия, синонимические ряды формируют неспешный ритм речи, усиливая ее воздействие. Наконец, важными элементами являются аллегоричность, афористичность, придающая речи обобщающую силу и философскую завершенность, а также ирония, позволяющая очеловечить образ, добавить ему теплоты и внутренней динамики.

2. Языковые средства репрезентации мудреца в «Хрониках Нарнии» К.С. Льюиса

Как уже отмечалось, «Хроники Нарнии» (1950–1956) отличаются от других книг жанра фэнтези в нашем списке ориентацией на детскую аудиторию и христианским аллегорическим содержанием. Лев Аслан — явная аллегория Христа, так как он создает мир словом, жертвуя своей жизнью ради другого, воскресает после смерти и заботится обо всех, как добрый пастырь. Он наставник-спаситель, преподающий героям уроки через испытания. При этом для Аслана характерна простота и доступность языка, что логично, учитывая предполагаемых читателей. Проанализируем языковой материал и сравним его с теми средствами, которые были использованы Дж.Р.Р. Толкином, оговорившись, что у Аслана в «Хрониках Нарнии» не так много реплик, как у Гэндалльфа во «Властелине колец», и они обычно короткие, а потому корпус не такой объемный, как в предыдущем разделе. Цитаты приводятся по изданию «The Chronicles of Narnia» (HarperCollins E-books, 2001).

Абстрактная лексика: “*You have great hearts. Not for the sake of your dignity, Reepicheep, but for the love that is between you and your people, and still more for the kindness your people showed me long ago...*”; “*You come of the Lord Adam and the Lady Eve,*” said Aslan. “*And that is both honour enough to erect the head of the poorest beggar, and shame enough to bow the shoulders of the greatest emperor on earth.*”

Возвышенная, архаичная лексика: “*Ladies, take these Daughters of Eve to the pavilion and minister to them*”; “*She has renounced the claim on your brother's blood*”; “*You three, you Sons of Adam and Son of Earth, hasten into*

the Mound and deal with what you will find there”; “And so they fell, or rose, or blundered, or dropped right through, and found themselves in this world, in the Land of Telmar which was then unpeopled”; “There will be no more commerce between the worlds by that door” (i.e. social intercourse).

Модальные глаголы долженствования и уверенности (авторитетность высказываний Аслана, уверенность в правильности и неизбежности совершаемых действий): “All shall be done,” said Aslan. “But it may be harder than you think”; “That, O Man,” said Aslan, “is Cair Paravel of the four thrones, in one of which you must sit as King. I show it to you because you are the firstborn and you will be High King over all the rest”; “All names will soon be restored to their proper owners”; “We must move from this place at once, it will be wanted for other purposes”; “Oh, children, children. Here you must stop. And whatever happens, do not let yourselves be seen. Farewell”; “Those who can’t keep up must ride on the backs of those who can”; “Now all Narnia will be renewed”; “Your future in that world shall be good”; “You shall meet me, dear one”.

Глаголы в повелительном наклонении (Аслан дает указания остальным, его беспрекословно слушаются): “Hand it to me and kneel, Son of Adam”; “Rise up, Sir Peter Wolf’s-Bane. And, whatever happens, never forget to wipe your sword”; “Fall back, all of you”; “Let him approach”.

Страдательный залог: “All shall be done,” said Aslan. “But it may be harder than you think”; “All names will soon be restored to their proper owners”; “To know what would have happened, child?” said Aslan. “No. Nobody is ever told that”; “Now all Narnia will be renewed”.

Простой синтаксис (доступность, понятная детям): “Let the Prince win his spurs”; “His offense was not against you”; “It is very true. I do not deny it”; “You can all come back,” he said. “I have settled the matter. She has renounced the claim on your brother’s blood”.

Двучленные союзные конструкции, цепочки однородных членов: “But if she could have looked a little further back, into the stillness and the darkness before Time dawned, she would have read there a different incantation”; “There were many chinks and chasms between worlds in old times, but they have grown rarer”; “And so they fell, or rose, or blundered, or dropped right through, and found themselves in this world, in the Land of Telmar which was then unpeopled”.

Перифраза в обращениях: Son of Earth (=dwarf), Son of Adam, Daughter of Eve.

Афористичность высказываний: “Things never happen the same way twice”; “If you had felt yourself sufficient, it would have been a proof that you were not”; “For all find what they truly seek”.

Иносказательность:

- 1) “But you will be there yourself, Aslan”.
- “I can give you no promise of that,” answered the Lion.
- 2) She would have known that when a willing victim who had committed no treachery was killed in a traitor’s stead, Death itself would start working backward.
- 3) “Oh, Aslan! I knew it was true. I’ve been waiting for this all my life. Have you come to take me away?”.
- “Yes, dearest,” said Aslan. “But **not the long journey yet**”
- 4) I will not tell you how long or short **the way** will be; only that it **lies across a river**. But do not fear that, for **I am the great Bridge Builder**.
- 5) The term is over: the holidays have begun. The dream is ended: this is **the morning**” (i.e. mortal life is over, eternal life has begun).

Анализ языковых средств, используемых для репрезентации образа Аслана, демонстрирует специфику воплощения архетипа мудреца-наставника в контексте детской литературы с христианским подтекстом. Аслан предстает как мудрец-спаситель, наделенный величием, всеведением и нравственным авторитетом, но при этом выражаящийся в форме, доступной юному читателю. Как и в случае Гэндалльфа, образ создается через абстрактную и возвышенную лексику. Частое использование глаголов долженствования и повелительного наклонения подчеркивает его авторитет, а страдательный залог — понимание таинственного высшего замысла. Основные языковые отличия проявляются на уровне синтаксиса, а также в использовании Гэндалльфом лексико-грамматических средств для осторожного выражения суждений (*vague language*, модальные глаголы *may*, *might*), тогда как Аслан излучает веру и уверенность, что понятно, если мы вспомним о перекличках с образом Христа. Таким образом, языковые средства передачи архетипа мудреца-наставника отражают особенности жанра и целевой аудитории произведения, сохраняя устойчивый комплекс признаков: возвышенность, афористичность, иносказательность, авторитетность.

3. Языковые средства репрезентации мудреца в «Гарри Поттере» Дж.К. Роулинг

Из трех анализируемых нами циклов романы о Гарри Поттере написаны позже всего (1997–2007), что, безусловно, накладывает отпечаток на стиль и выбор языковых средств, позволяя нам проследить эволюцию репрезентации архетипа мудреца в диахронии. Профессор Альbus Дамблдор по своим сущностным характеристикам — классический на-

ставник, помогающий герою вырасти, найти свой путь и победить зло. При этом в его речевом портрете сочетаются уже знакомая нам возвышенность и торжественность с неформальностью, самоиронией и большей требовательностью к себе, чем к другим, а используемые им лексические и синтаксические средства зависят от коммуникативной ситуации и адресата. Рассмотрим конкретные примеры языковой реализации этого архетипического образа. Цитаты приводятся по изданию «Harry Potter: The Complete Collection» (Pottermore, 2015).

Абстрактная лексика: “*This mirror will give us neither knowledge nor truth*”; “*If there is one thing Voldemort cannot understand, it is love*. He didn’t realize that **love** as powerful as your mother’s for you leaves its own mark”; “*Quirrell, full of hatred, greed, and ambition, sharing his soul with Voldemort, could not touch you for this reason*”; “*You happen to have many qualities Salazar Slytherin prized in his handpicked students ... resourcefulness — determination — a certain disregard for rules*”; “*You helped uncover the truth. You saved an innocent man from a terrible fate*”; “*There will be three tasks, spaced throughout the school year, and they will test the champions in many different ways... their magical prowess — their daring*”.

Переключение регистров (формального и неформального). Для Дамблдора характерен шутливо-формальный стиль, без заносчивости и высокомерия; но порой он переходит и на серьезный формальный стиль, когда надо поставить собеседника на место.

Бот некоторые примеры **формального регистра**: “*Mr. Ronald Weasley and Miss Granger will be most relieved you have come round, they have been extremely worried*”; “*But I must impress upon both of you the seriousness of what you have done*”; “*He sank so deeply into the Dark Arts, consortied with the very worst of our kind ... that when he resurfaced as Lord Voldemort, he was barely recognizable*”; “*I think all this merits a good feast*”; “*Might I ask you to go and alert the kitchens?*”; “*I look to the prefects to make sure that no student runs afoul of the dementors*”.

Неформальный стиль общения способствует сокращению дистанции между Дамблдором и собеседником: “*Older and wiser wizards than she have been hoodwinked by Lord Voldemort*”; “*Which goes to show that the best of us must sometimes eat our words*”; “*Dig in! / Tuck in!*” (said to students to encourage them to start their meal); “*Well, shall we crack on, then?*”.

Лексико-грамматические средства выражения неопределенности / vague language: “*It certainly seems so*”; “*We can only guess. We may never know*”; “*It seems to me, however, that we have no choice but to accept it*”.

Модальные глаголы долженствования, уверенности и осторожного предположения (причем Дамблдор в основном говорит не “you

must”, но “I must”; часто смягчает категоричность высказываний с помощью “I’m afraid”): “While you **may** only have delayed his return to power, it **will** merely take someone else who is prepared to fight what seems a losing battle next time — and if he is delayed again, and again, why, he **may** never return to power”; “You **will** know, one day when you are ready, you **will** know”; “I **must** also warn you that if you do anything like this again, I will have no choice but to expel you”; “I **must** ask you, Harry, whether there is anything you’d like to tell me”; ... imagine,” Dumbledore went on, “what **might have happened** then. Who knows what the consequences **might have been** otherwise”; “I **must** make it plain that nobody is to leave school without permission”; “I’m afraid that, for your own safety, you **will have to** spend the night here”; “I’m afraid no dementor **will** cross the threshold of this castle while I am headmaster”; “You **must not** be seen.”; “I **must** once more ask for your attention, while I give out a few notices”.

Страдательный залог: “You will also find that help **will always be given** at Hogwarts to those who ask for it”.

Синтаксис: простые, сложносочиненные или сложноподчиненные предложения в зависимости от коммуникативной ситуации.

Инверсия: “No sooner had I reached London than it became clear to me that the place I should be was the one I had just left”; “Eager though I know all of you will be to bring the Triwizard Cup to Hogwarts,” he said, “the Heads of the participating schools, along with the Ministry of Magic, have agreed to impose an age restriction on contenders this year“.

Ирония и самоирония:

1) “You flatter me,” said Dumbledore calmly. “Voldemort had powers I will never have”.

“Only because you’re too — well — noble to use them”.

“It’s lucky it’s dark. I haven’t blushed so much since Madam Pomfrey told me she liked my new earmuffs”.

2) Scars can come in handy. I have one myself above my left knee that is a perfect map of the London Underground.

3) “One can never have enough socks,” said Dumbledore. “Another Christmas has come and gone and I didn’t get a single pair. People will insist on giving me books”.

4) “What happened down in the dungeons between you and Professor Quirrell is a complete secret, so, naturally, the whole school knows”.

5) “My brain surprises even me sometimes”.

6) “Hopefully your heads are all a little fuller than they were you have the whole summer ahead to get them nice and empty before next year starts”.

7) “I will be delighted to hear the reasoning behind the rudeness”.

Афористичность высказываний:

- 1) *"After all, to the well-organized mind, death is but the next great adventure".*
- 2) *"The trouble is, humans do have a knack of choosing precisely those things that are worst for them".*
- 3) *"Always use the proper name for things. Fear of a name increases fear of the thing itself".*
- 4) *"The truth." Dumbledore sighed. "It is a beautiful and terrible thing, and should therefore be treated with great caution".*
- 5) *"It is our choices, Harry, that show what we truly are, far more than our abilities".*

Анализ речевой презентации Альбуса Дамблдора позволяет выявить трансформацию архетипа мудреца-наставника в англоязычной литературе конца XX — начала XXI века. В образе Дамблдора сочетаются традиционные черты наставника (мудрость, моральный авторитет, прозорливость) с элементами самоиронии и игры (переключение регистров). Его речь гибка (недаром его сюжетная роль — учитель в школе волшебства): она варьируется от высокого формального стиля до неформальной, бытовой речи, что делает образ более живым, человеческим и современным.

Как и в предыдущих случаях, обращают на себя внимание абстрактная лексика, афористичные изречения, инверсия, использование модальных глаголов. При этом Дамблдор, в отличие от Гэндалльфа и Аслана, реже приказывает напрямую, предпочитая говорить от первого лица (*I must*), смягчая категоричность (*I'm afraid*) и демонстрируя личную ответственность.

Заключение

На основании проанализированного языкового материала можно выделить следующие черты сходства персонажей, реализующих архетип мудрого старца:

1. Все три персонажа используют абстрактную лексику, говоря о таких ценностях, как добро, знания, милосердие, истина и пр.
2. Все трое говорят высоким стилем, что подчеркивает торжественность их речей и важность высказываемых ими мыслей.
3. В их речи присутствуют глаголы в повелительном наклонении и/или модальные глаголы для наставлений и указаний, как побуждение к действию (позиция лидера), как проявление способности предвидеть будущее.

4. Речь всех троих персонажей характеризуется афористичностью, отражающей их мудрость.

5. Их реплики полны таинственности, что выражается через неопределенные местоимения, через формы страдательного залога либо через иносказательность.

7. Их речь отличается экспрессивностью, образностью и силой воздействия (метафоры, сравнения, инверсия, аллитерация, ритмическая организация за счет двучленных союзных конструкций).

При этом наблюдаются следующие индивидуальные черты персонажей, реализующих архетип мудреца в текстах разных (под)жанров и эпох:

1) **Гэндальф** говорит высоким архаическим и поэтическим языком. Его речь сложна синтаксически, насыщена метафорами, инверсией, аллитерацией, что придает ей эпичность, неспешность, весомость. При этом он не чужд сомнениям (*may, might*) и иронии;

2) **Аслан** выражается просто и кратко, что делает его понятным для детей. Его речь демонстрирует веру в правильность предназначенногого (*must, shall, will*);

3) **Дамблдор** занимает промежуточное положение: он сочетает высокую моральную позицию с человечностью и самоиронией. Его язык более гибок, адаптивен, он может снизить стиль, чтобы быть ближе к своим студентам.

Таким образом, можно говорить об инварианте и вариантах в языковых средствах реализации и об эволюции архетипа мудреца: от эпического Гэндальфа к аллегорическому спасителю и мудрому пастырю (Аслан) и далее — к самоироничному, неавторитарному наставнику (Дамблдор), отражающему ценности, близкие нашему времени.

Библиографический список

Алекса Э. Архетипическое значение старца в «Братьях Карамазовых» Ф.М. Достоевского // Мировая литература в контексте культуры. 2009. № 4. Электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/arhetipicheskoe-znachenie-startsa-v-bratyah-karamazovyh-f-m-dostoevskogo>

Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.

Борисова Е.Б. Образ литературного персонажа как центральный элемент структуры и содержания художественного текста // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. 2015. Т. 10, № 3. С. 103–108.

Васильева А.А. Языковая личность и речевой портрет художественного персонажа (на материале романа А.В. Иванова «Географ глобус пропил») : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2021.

Вермишев Г.А. Архетипическое мифологическое содержание в структуре компьютерных игр // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. № 11. Электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/arhetipicheskoe-mifologicheskoe-soderzhanie-v-strukture-kompyuternykh-igr>

Виноградов В.В. О художественной прозе. М.; Л.: Гос. изд-во (Госиздат), 1930. 186 с.

Галкина М.А. О жанровом своеобразии фэнтези // Театр. Живопись. Кино. Музыка. 2021. № 1. Электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-zhanrovom-svoeobrazii-fentezi>

Гапонова Ж.К., Никкарева Е.В. Репрезентация образов бабушки и дедушки в современной детской литературе // Филологический класс. 2022. № 4. Электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/reprezentatsiya-obrazov-babushki-i-dedushki-v-sovremennoy-detskoy-literature>

Данилова Е.А. Типологическое изучение персонажей (на материале русской литературы XVIII–XIX вв.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2015.

Дубровская Е.М. Типология лингвокультурных типажей: опыт систематизации // МНКО. 2016. № 2 (57). Электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipologiya-lingvokulturnyh-tipazhey-opryt-sistematisatsii>

Задорнова В.Я. Стилистика английского языка. М.: МАКС Пресс, 2024. 108 с.

Карасик В.И., Дмитриева О.А. Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Аксиологическая лингвистика : сб. науч. тр. / ред. В.И. Карасик. Волгоград: Перемена, 2005. С. 12–25.

Карасик В.И., Ярмахова Е.А. Лингвокультурный типаж «английский чудак». М.: Гнозис, 2006. 238 с.

Карасик В.И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009. 405 с.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987. 261 с.

Колокольцева Т. Н. Речевой портрет персонажа: синтаксический аспект // Известия ВГПУ. 2015. № 2 (97). Электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevoy-portret-personazha-sintaksicheskiy-aspekt>

Липгарт А.А. Основы лингвопоэтики. М.: URSS, 2007. 168 с.

Лутовинова О.В. «Лингвокультурный типаж» в ряду смежных понятий, используемых для исследования языковой личности // Ученые

записки ЗабГУ. Серия: Филология, история, востоковедение. 2009. № 3. Электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturnyy-tipazh-v-ryadu-smezhnyh-ponyatiy-ispolzuemyh-dlya-issledovaniya-yazykovoy-lichnosti>

Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. 204 с.

Никандрова И.А. Языковая личность персонажа: лингвистический аспект исследования // Вестник ВятГУ. 2010. № 2–2. Электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-lichnost-personazha-lingvisticheskiy-aspekt-issledovaniya>

Пойменова А.С. Реализация лингвопсихологического типа «плут» в цикле произведений П.Г. Вудхауса // Вопросы журналистики, педагогики, языкоznания. 2025. № 1. Электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-lingvopsihologicheskogo-tipa-plut-v-tsikle-proizvedeniy-p-g-vudhausa>

Пропп В.Я. Морфология сказки. М.: Наука, 1969. 168 с.

Резник В.А. Лингвокультурный типаж в системе смежных понятий // Известия Самарского научного центра РАН. 2013. Т. 15, № 2 (2). С. 481–484.

Савицкая Т.Е. Культура электронной эры. Екатеринбург: Издательские решения, 2018. 186 с.

Тимофеев Л.И. Основы теории литературы. М.: Просвещение, 1976. 464 с.

Хализев В.Е. Теория литературы. М.: Высшая школа, 2002. 437 с.

Чекурай И.В., Кучмистый В.А., Шустов Д.В., Прохоров Н.А. Лингвокультурный типаж «трикстер» как часть исследования феномена языковой личности // Вопросы журналистики, педагогики, языкоznания. 2023. № 3. Электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturnyy-tipazh-trikster-kak-chast-issledovaniya-fenomena-yazykovoy-lichnosti>

Чекурай И.В., Прохорова О.Н. «Трикстер» как лингвопсихологический тип и его презентация языковыми средствами в художественном пространстве // Вопросы журналистики, педагогики, языкоznания. 2011. № 6 (101). Электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/trikster-kak-lingvopsihologicheskiy-tip-i-ego-reprezentatsiya-yazykovymi-sredstvami-v-hudozhestvennom-prostranstve>

Чернец Л.В. О типологическом изучении литературных персонажей // Stephanos. 2016. № 1 (15). Электронный ресурс https://stephanos.ru/izd/2016/2016_15_10.pdf.

Юнг К.Г. Архетипы и коллективное бессознательное. М.: ACT, 2019. 496 с.

Источники

- Lewis C.S. *The Chronicles of Narnia*. HarperCollins E-books, 2001.
- Rowling J.K. *Harry Potter: The Complete Collection*. Pottermore, 2015.
- Tolkien J.R.R. *The Fellowship of the Ring*. HarperCollins E-books, 2009.

References

Aleksa E. The archetypical significance of the wise old man in “Brothers Karamazov” by F.M. Dostoyevsky. *Mirovaya literatura v kontekste kultury = World Literature in the Context of Culture*, 2009, no. 4. Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/arhetipicheskoe-znachenie-startsa-v-bratyah-karamazovyh-f-m-dostoevskogo> (In Russian).

Bakhtin M.M. Questions of literature and aesthetics. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1975. 504 pp. (In Russian).

Borisova E.B. The image of a literary character as the central element of the structure and content of a literary text. *Teoreticheskie i prikladnye aspekty izucheniya rechevoy deyatel'nosti = Theoretical and Applied Aspects of the Study of Speech Activity*, 2015, vol. 10, no. 3, pp. 103–108. (In Russian).

Vasil'eva A.A. Linguistic personality and speech portrait of a literary character (based on the novel *The Geographer Drank His Globe Away* by A. V. Ivanov). Abstract of Philol. Cand. Diss. Moscow, 2021. (In Russian).

Vermishev G.A. The archetypical mythological content in the structure of computer games. *Aktualniye problemy gumanitarnykh i yestsvennykh nauk = The Topical Issues of the Humanities and Natural Sciences*, 2011, no. 11. Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/arhetipicheskoe-mifologicheskoe-soderzhanie-v-strukture-kompyuternyh-igr> (In Russian).

Vinogradov V.V. On Fictional Prose, Moscow–Leningrad, 1930, 186 pp. (In Russian).

Galkina M.A. On the genre specificity of fantasy. *Teatr. Zhivopis'. Kino. Muzyka = Theatre. Painting. Cinema. Music*, 2021, no. 1. Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-zhanrovom-svoeobrazii-fentezi> (In Russian).

Gaponova Zh.K., Nikkareva Ye.V. The representation of the images of grandmother and grandfather in contemporary children's literature. *Philologicheskiy Class = Philological Class*, 2022, no. 4. Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/reprezentatsiya-obrazov-babushki-i-dedushki-v-sovremennoy-detskoj-literature> (In Russian).

Danilova E.A. Typological Study of Characters (based on Russian literature of the 18th–19th centuries). Abstract of Philol. Cand. Diss. Moscow, 2015. (In Russian).

Dubrovskaya E.M. Typology of linguocultural types: an attempt at systematization. *MNKO = International Research Journal*, 2016, no. 2 (57). Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipologiya-lingvokulturnyh-tipazhey-opty-sistematisatsii> (In Russian).

Zadoronova V.Ya. Stylistics of the English Language, Moscow, 2024. 108 pp. (In Russian).

Karasik V.I., Dmitrieva O.A. Linguocultural type: towards the definition of the concept. In: *Aksiologicheskaya lingvistika: Sbornik nauchnykh trudov = Axiological Linguistics: Collection of Scientific Papers*, ed. by V.I. Karasik, Volgograd, 2005, pp. 12–25. (In Russian).

Karasik V.I., Yarmakhova E.A. The Linguocultural Type “English Eccentric”, Moscow, 2006, 238 pp. (In Russian).

Karasik V.I. Linguistic keys, Moscow, 2009, 405 pp. (In Russian).

Karaulov Yu.N. The Russian language and the linguistic personality, Moscow, 1987, 261 pp. (In Russian).

Kolokoltseva T.N. The speech portrait of a character: syntactic aspect. *Izvestiya VGPU = Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University*, 2015, no. 2 (97). Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevoy-portret-personazha-sintaksicheskiy-aspekt> (In Russian).

Lipgart A.A. Fundamentals of linguopoetics, Moscow, 2007, 168 pp. (In Russian).

Lutovinova O.V. The concept of “linguocultural type” among related terms used for studying linguistic personality. *Uchyonyye zapiski ZabGU = Scholarly Notes of Transbaikal State University*, 2009, no. 3. Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturnyy-tipazh-v-ryadu-smezhnyh-ponyatiy-ispolzuemyh-dlya-issledovaniya-yazykovoy-lichnosti> (In Russian).

Maslova V.A. Linguoculturology: a textbook for university students, Moscow, 2001, 204 pp. (In Russian).

Nikandrova I.A. Linguistic personality of a character: a linguistic aspect of research. *Vestnik VyatGU = Bulletin of Vyatka State University*, 2010, no. 2–2. Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-lichnost-personazha-lingvisticheskiy-aspekt-issledovaniya> (In Russian).

Pojmenova A.S. Realization of the linguopsychological type “trickster” in the cycle of works by P.G. Wodehouse. *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznanija = Issues of Journalism, Pedagogy, Linguistics*, 2025, no. 1. Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-lingvopsihologicheskogo-tipa-plut-v-tsikle-proizvedeniy-p-g-vudhausa> (In Russian).

Propp V.Ya. Morphology of the folktale, Moscow, 1969, 168 pp. (In Russian).

Reznik V.A. Linguocultural type in the system of related concepts. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN* = Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2013, vol. 15, no. 2 (2), pp. 481–484. (In Russian).

Savitskaya T.E. Culture of the electronic era. Yekaterinburg, 2018. (In Russian).

Timofeev L.I. Fundamentals of the theory of literature, Moscow, 1976, 464 pp. (In Russian).

Khalizev V.E. Theory of literature, Moscow, 2002, 437 pp. (In Russian).

Chekulay I.V., Kuchmistry V.A., Shustov D.V., Prokhorov N.A. The linguocultural type “trickster” as part of the study of the linguistic personality phenomenon. *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznanija* = Issues of Journalism, Pedagogy, Linguistics, 2023, no. 3. Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturnyy-tipazh-trikster-kak-chast-issledovaniya-fenomena-yazykovoy-lichnosti> (In Russian).

Chekulay I.V., Prokhorova O.N. “Trickster” as a linguopsychological type and its representation through linguistic means in fictional space. *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznanija* = Issues of Journalism, Pedagogy, Linguistics, 2011, no. 6 (101). Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/trikster-kak-lingvopsihologicheskiy-tip-i-ego-reprezentatsiya-yazykovymi-sredstvami-v-hudozhestvennom-prostranstve> (In Russian).

Chernets L.V. On the typological study of literary characters. *Stephanos*, 2016, no. 1 (15). Retrieved from: https://stephanos.ru/izd/2016/2016_15_10.pdf (In Russian).

Jung C.G. Archetypes and the Collective Unconscious. Moscow, 2019, 496 pp. (In Russian).

List of Sources

Lewis C.S. The Chronicles of Narnia. HarperCollins E-books, 2001.

Rowling J.K. Harry Potter: The Complete Collection. Pottermore, 2015.

Tolkien J.R.R. The Fellowship of the Ring. HarperCollins E-books, 2009.

БЕЛОРУССКИЙ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ: ДИАХРОННО-СИНХРОННЫЙ АСПЕКТ

Ю.В. Малицкий

Ключевые слова: медиалингвистика, диахронно-синхронный подход, прагматика, белорусская публицистика, социальная проблематика

Keywords: media linguistics, diachronic-synchronous approach, pragmatics, Belarusian journalism, social issues

DOI: [https://doi.org/10.14258/filichel\(2025\)4-08](https://doi.org/10.14258/filichel(2025)4-08)

Введение

Определение сущности текста как лингвистической категории остается дискуссионным вопросом филологии на протяжении многих десятилетий. Ракурс научного взгляда на текст, как правило, зависит от предмета и задач конкретного исследования. Системность в понимании сущности текста в современном научном процессе, по нашему мнению, определяется понятием процессуальности, которое позволяет различать текст в его результативно-статической форме (как способ воплощения объективного содержания за счет семантико-когнитивных возможностей языковых знаков) и в форме динамической единицы межсубъектной коммуникации. Последняя выявляет, в том числе, организующую общественную роль текста. Взгляд на текст с позиций его социально-коммуникативных качеств отражает актуальные тенденции в лингвистической науке, сопряженные с развитием и расширением междисциплинарных связей, результатом чего стало возникновение таких языковедческих дисциплин, как лингвистика текста, прагматика текста, теория речевых актов, дискурс-анализ текста и других.

Методы и материалы исследования

Материалом исследования послужили белорусскоязычные тексты социальной тематики: авторские предисловия и послесловия изданий Ф. Скорины, материалы революционной газеты «Мужыцкая праўда», редакционные статьи газет «Наша Доля», «Наша Ніва», «Дзянніца», «За Савецкую Беларусь», актуальные нормативные документы, определяющие порядок взаимодействия средств массовой информации и государственных органов Республики Беларусь.

Для белорусского языкоznания прошлого столетия традиционным является дескриптивный подход к рассмотрению языковых явлений (например, фундаментальные работы членов-корреспондентов Национальной академии наук Беларуси А. Н. Булыко, А. И. Журавского, М. Р. Судника, академика А.И. Подлужного и др.). Приоритет именно такого направления научной мысли обусловлен прежде всего тем, что на протяжении XIX–XX веков был накоплен огромный массив разноуровневых языковых фактов, преимущественно народно-диалектного происхождения, и задача их систематизации и научного осмысления виделась на тот момент первоочередной. Основное внимание при этом уделялось лексико-семантическим и грамматическим характеристикам языковых форм.

Однако уже во второй половине 1960-х годов в белорусской филологии начал складываться иной подход к описанию классов языковых единиц и языка в целом. Его основоположником был известный лингвист и журналист М.Е. Тикоцкий. Новый для белорусского языкоznания ракурс взгляда на языковой материал был созвучен новаторским идеям западноевропейских ученых того времени и основывался на сочетании достижений классической лингвистики, литературоведения и журналистики. Теоретическую базу подхода составило понимание текста как процесса и результата когнитивно-коммуникативной деятельности в объективных условиях реальных ситуаций. Давая обзор основных тенденций лингвистической науки последних десятилетий XX века, М.Е. Тикоцкий отмечал: «Наблюдается решительный поворот от изучения языка как замкнутой системы к комплексному его рассмотрению в самых разнообразных связях и функциях. Новый период в развитии языкоznания можно охарактеризовать как эпоху макролингвистики. Если ранее главные усилия были направлены на исследование внутреннего строения языка, его системы (микролингвистика), то на современном этапе язык рассматривается как целостная структура в ее отношениях к различным сферам социальной, материальной и духовной жизни» [Цікоцкі, 2002, с. 3].

Вектор собственных исследований М.Е. Тикоцкого полностью соответствовал обозначенной тенденции и во многом предопределял ее. Ученый стремился рассматривать текст в связи с объективной ситуацией, породившей его, и влиянием, которое он способен оказывать и оказывает на эту ситуацию. «Настоящая публицистика начинается там, где есть мысль, где ведется поиск причин тех или иных общественных и экономических явлений» [Тикоцкий, 1972, с. 52]. М.Е. Тикоцкий обоснованно считал публицистику видом общественно-политической ли-

тературы и утверждал, что «главным недостатком классического лингвистического подхода к анализу текстов, в частности текстов средств массовой информации, является изучение языка без учета разнообразия жанров и их особенностей» [Цікоцкі, 1971, с. 25]. Такой подход «дает только внешнее представление о предмете и искажает перспективу его рассмотрения» [Цікоцкі, 1971, с. 26].

Идеи М.Е. Тикоцкого получили развитие и соответствующее времени переосмысление в работах современных белорусских медиалингвистов. Так, В.И. Ивченков пишет: «Процесс познания текста, его производства, планирования, проектирования и понимания базируется на основном постулате медиатекстовой реализации: на тесной связности вербального акта и социального действия» [Ивченков, 2014]. Такое понимание сущности медиийного текста логически приводит к следующему выводу: «Можно сказать, что в роли социального процессора журналистский текст служит формированию общества в целом, играя при этом связующую роль в жизни коммуникантов» [Ивченков, 2014].

Целью исследования является анализ содержательных и прагматических характеристик белорусского публицистического текста в диахронно-синхронном аспекте, а также выявление через призму когнитивной теории обработки дискурса динамики развития медиаречи в контексте важнейших событий национальной истории.

Теоретическую базу исследования составили работы Т. ван Дейка, К. Коттер, В.И. Ивченкова, О.В. Лущинской, Б. Тошовича, Н.И. Клушиной, Т.В. Чернышовой, Л.А. Рождественской [Дейк ван, 2013; Cotter, 2020; Ивченков, 2018; Лущинская, 2019; Тошович, 2015; Клушина, 2018; Чернышова, 2020; Рождественская, 2019] и др.

Результаты исследования

Логика исторической трансформации белорусского публицистического текста (под этим понятием мы подразумеваем публицистический текст на белорусском языке) определяется конкретными событиями и этапами развития белорусской нации. На этом пути он выступал средством непосредственного влияния на объективное состояние вещей, а иногда — и действенным инструментом конструирования реальности. «Белорусская литература никогда не была имманентной, т.е. обособленной от реальности, от жизни, у нее не было возможности это себе позволить. По сути, она всегда выглядела как явление синкретичное, неотделимое от общественных потребностей» [Гніламёдаў, Мікуліч, 2017, с. 131]. Со времен первых летописей определяющим фактором текстообразования выступали социальные обстоятельства и со-

ответствующие им задачи, для решения которых создавалась конкретная текстовая единица. Ярко выраженная функциональная направленность определяла основные принципы текстовой организации — способы изложения и структурирования информации, характер построения логики содержательно-композиционных связей, способы выражения авторского отношения к явлениям действительности, арсенал художественных приемов, состав речевых средств, адекватных коммуникативным обстоятельствам, целевой аудитории и т.д.

Черты публицистической манеры изложения отмечались уже в первых оригинальных общевосточнославянских памятниках письменности. Истоки текстов, имевших первоочередной целью донесение информации и формирование у читателя определенного отношения к ней, берут начало во времена распада Киевской Руси. Среди них «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона (середина XI в.), «Сказание о Борисе и Глебе» (XI–XII вв.), «Повесть временных лет» (начало XII в.), «Слово о полку Игореве» (XII в.), «Житие Евфросинии Полоцкой», «Житие Авраамия Смоленского» (XII–XIII вв.) и др. Политическое противостояние, междуусобные военные конфликты, внутригосударственные противоречия обострили необходимость в осмыслинии и прагматической интерпретации исторических событий, а также — в выражении соответствующего отношения к ним. Указанные произведения свидетельствуют о начале формирования системы способов конструирования текстов в связи с их функциональным назначением.

Споры историков, философов, культурологов и филологов о целях создания средневековых летописей не утихают до нашего времени. В научной литературе высказывались мнения о юридическо-правовой [Лихачев, 1979], дидактико-образовательной [Лихачев, 1947; Мирзоеев, 1976], морально-религиозной [Килунов, 1988] и даже беллетристической [Орлов, 1945] функции летописных памятников. Доминирующим, однако, является мнение о социальной прагматике древней светской исторической литературы: «значительным стимулом развития летописания являлась общественно-политическая жизнь, борьба отдельных групп» [Насонов, 1945, с. 290]. Известный советский и российский культуролог и литературовед Я.С. Лурье отмечает, что структурно-содержательные особенности летописного жанра определялись его «публицистическими и историческими целями» [Лурье, 1970, с. 48], а сами произведения «были рассчитаны не на потомков, а на современников» [Лурье, 1970, с. 45].

Несмотря на незначительное влияние, которое объективно могли оказать существовавшие в единичных экземплярах древние рукописи-

ные произведения на преимущественно неграмотное большинство населения, очевидно, что в силу тогдашних представлений о сакральности письменности на них возлагалась важная функция легитимизации существующей власти, подтверждения правомерности ее действий. Властные корпорации видели в письменных произведениях функциональный инструмент реализации политического процесса, средство удержания и дальнейшей передачи власти, а значит — сохранения стабильности всей государственной системы.

Публицистичность как принцип текстовой организации произведений белорусской литературы и как инструмент влияния на объективную реальность более полно проявилась в XVI–XVII веках. Как и в древний период, фактором ее актуализации стала потребность в решении острых общественно-политических вопросов. Становление отечественной публицистической манеры письма происходило в рамках полемики по спорным вопросам взаимоотношений католической и православной церквей на белорусских землях.

Первые памятники полемической литературы отражали споры относительно трактовки тех или иных фрагментов церковных текстов и в содержательно-стилистическом плане представляли собой своеобразные научные трактаты. В середине XVI века жанр полемики получил новую жизнь. Религиозно-идеологическое противостояние католицизма и православия на этнических белорусских землях, последствия Брестской унии (1596 г.) стали причиной появления старобелорусских текстов, посвященных национально-религиозным проблемам Великого княжества Литовского и Речи Посполитой. Во многих из них критируются попытки насильственного навязывания черт католического религиозного обряда, звучит предупреждение о том, что пренебрежение интересами православной части населения может привести к религиозному и национальному антагонизму и, как следствие, к внутреннему и внешнеполитическому кризису. Занимая активную гражданскую позицию, защищая культурные и политические интересы населения белорусских земель во времена Реформации и Контрреформации, авторы комментариев к богослужебным текстам, памфлетов, обращений, открытых писем, трактатов, воззваний и других форм тогдашней общественной коммуникации отстаивали право народа на религиозное самоопределение, поднимали вопросы организации деятельности церкви как социального института. Также в этих текстах, прямо или косвенно, затрагивались острые проблемы экономической эксплуатации, национального угнетения и т.д. Белорусская полемическая литература

эпохи Ренессанса окончательно сформировала представление о тексте как о форме идеологической борьбы и интеллектуальном оружии.

Авторские тексты Ф. Скорины, полемические произведения Л. Карповича, М. Смотрицкого, А. Филиповича и др. расширили спектр функциональных возможностей белорусского текста, сделали его эффективным средством воплощения нарративов, направленных на реальные преобразования: конструкцию (или деконструкцию) общественных процессов, консолидацию общества на основе общих ценностей, формирование социальной базы социально-политических концепций и ее мобилизацию в моменты определяющих исторических событий. Стремление авторов точно воплотить мысль с помощью распространенных на территории Беларуси языковых средств и быть при этом максимально доказательными и убедительными способствовало совершенствованию содержательно-формальной стороны текстов.

Литературные памятники XVI–XVII веков свидетельствуют о существенном прогрессе в развитии белорусской публицистики. Характеризуя функциональную специфику современных журналистских текстов, В.И. Ивченков отмечает, что публицистическая речь должна руководствоваться следующими задачами: «информируя, доказывать правдивость того, о чем сообщается, … и, воздействуя на эмоциональное состояние, завоевать симпатии, склонить на свою сторону» [Іўчанкаў, 2017, с. 7]. Названные целевые установки определяли и вектор развития процесса текстотворчества в рамках полемического дискурса. Решая актуальные вопросы религиозной практики, белорусский текст в это время совершенствует свои художественно-языковые и коммуникативно-прагматические возможности, начинает приобретать черты сложного многоуровневого интеллектуального феномена, способного реализовывать свои иллютивные и перлокутивные возможности в масштабах социума.

По мнению Ю.М. Лотмана, писатель, выбирая форму коммуникации (стиль, жанр, художественное направление и т.д.), «выбирает язык, на котором он собирается разговаривать с читателем» [Лотман, 1970, с. 27]. Тектонические социальные и экономические сдвиги в середине XIX века определили соответствующие историческим обстоятельствам формы обращения к населению белорусских земель. Накануне и после выхода судьбоносного манифеста 1861 года «О Всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей» популярным средством общественной коммуникации стали так называемые «беседы» (бел. гутаркі) — беллетризованные художественно-публицистические произведения с ярко выраженным

ной социальной направленностью. Их значимость для отечественной публистики переоценить невозможно: в условиях, когда белорусское слово было вытеснено из официального общественного употребления, они придали народно-разговорному языку статус средства общенациональной коммуникации и заложили базовые принципы формирования отечественного социально-политического текста и информационного пространства в целом. Воплощая основные черты публицистических произведений, «беседы» в оригинальном формально-содержательном виде удовлетворяли запрос общества на аналитические и дискуссионные материалы, посвященные насущным проблемам политической и экономической жизни. Они в доступной форме раскрывали сущность изменений, способствовали формированию точки зрения белорусского крестьянства на эти изменения.

Обусловленные потребностями времени и историческими обстоятельствами языковые черты «бесед», а также присущая им текстовая презентация взаимоотношений адресанта и адресата речи (как персонально или социально близких людей) в полной мере нашли продолжение и развитие в текстах газеты «Мужыцкая праўда». Тесно связанная с личностью известного белорусского революционера-демократа и публициста Кастуся Калиновского, повстанческая газета стала значимым событием в развитии белорусского публицистического текста как акта прямого социального действия. Тексты газеты поднимали самые острые вопросы времени: критиковали политику царизма во всех сферах общественной жизни, разоблачали грабительскую сущность манифеста 1861 года. Возвышая голос против национального, социального и экономического угнетения, газета заявляла о белорусской нации как об одном из субъектов текущих исторических процессов. Однако наиболее масштабным результатом публицистической деятельности К. Калиновского было утверждение необходимости добиваться права на самоопределение белорусской нации. Кастусь Калиновский стал тем, кто впервые со времен Великого княжества Литовского вернулся к идеи восстановления белорусской государственности. Эта идея заняла центральное место в общественно-политической тематике изданий начала XX века. В 1906 году начала выходить газета «Наша доля». Уже в первом номере, в программной статье «Да чытачоў» («Читателям»), коллектив издания четко декларировал стремление работать в направлении создания независимого белорусского государства. «Содержание газеты строилось так, чтобы показать, как живет белорусский народ и что Северо-Западный край функционирует как самостоятельный социально-экономический регион» [Дорошёнок, Коршук,

2022, с. 35]. Фактически, каждая передовая статья газеты была значимой вехой в развитии отечественной публицистики. Статьи «Што будзе» («Что будет») и «Даход расейскага цара» («Доход российского царя») значительно подняли стандарты белорусской аналитики, а резонансная статья «Як мужыку палепшыць сваё жыццё» («Как крестьянину улучшить свою жизнь»), напечатанная во втором и третьем номерах, стала настоящей инструкцией по созданию союзов крестьян и рабочих для борьбы за свои гражданские права.

В первое десятилетие XX века задачи белорусских средств массовой коммуникации совпадали с задачами национально ориентированных общественных деятелей, а часто сами издания становились общественными деятелями. Площадкой, где шло обсуждение наиболее злободневных проблем, стали полосы газеты «Наша ніва». На ее страницах велась дискуссия по самым важным вопросам как современности, так и прошлого: публикуются главы книги «Краткая история Беларуси» В. Ластовского, начинается острая полемика с шовинистическими политиками и изданиями, в которой отстаивается мысль о самостоятельности белорусского народа, его праве на развитие собственного языка и культуры. Газета чутко реагирует на актуальные события, однозначно формулируя свое отношение к ним: например, решительно осуждает еврейские погромы и другие проявления социальной ненависти, утверждая, что в Беларуси всегда мирно жили представители разных народов и конфессий.

Первые два десятилетия советской власти, без преувеличения, можно назвать началом строительства белорусского государства в новых исторических условиях. Периодические издания стали эффективным инструментом этого процесса. Значимым событием в формировании системы белорусских средств массовой информации стала деятельность первой советской белорусскоязычной газеты «Дзянніца». В условиях немецкой оккупации она начала издаваться в начале 1918 года в Петрограде. Редакция газеты поддерживала и развивала идею создания белорусской государственности, объясняла читателям основные задачи белорусов в деле укрепления завоеваний Октябрьской революции и достижения самоопределения республики, была средством организации и координации борьбы с оккупантами. «Дзянніца» публиковала информацию из Беларуси, характер подачи которой и авторские комментарии разоблачали лживую и грабительскую сущность оккупационной власти. Авторитет издания в значительной степени был обусловлен личностью редактора — известного белорусского общественного деятеля, писателя и публициста Дмитрия Жилуновича. Он был ав-

тором программных статей, посвященных государственному устройству («Аб нацыянальным руху», «Наши задачи» и др.). Произведения Д. Жилуновича имели ярко выраженный аналитический и научно-теоретический характер и оказали существенное влияние на ход политического процесса в Беларуси.

Вектор функциональной направленности белорусской публицистики времен Великой Отечественной войны очевиден. Передовые статьи изданий военного времени поддерживали пламя борьбы против фашизма, доносили мысль о неизбежном освобождении белорусской земли от гитлеровских оккупантов. Особое место в процессе развития белорусскоязычного публицистического текста занимает деятельность фронтовой газеты «За Савецкую Беларусь», которая выходила с июля 1941 года по декабрь 1942 года. Ее ответственным редактором был известный белорусский писатель Михась Лыньков, а в редакционную коллегию входили Янка Купала, Якуб Колас, Петрусь Бровка, Максим Танк, Кузьма Чёрный и другие известные литераторы и общественные деятели. Отличительной чертой газеты стали новости партизанского движения в Беларуси, глубокая аналитика по вопросам международного положения. Такие материалы расширяли ракурс взгляда читателя на события, формировали представление о борьбе белорусов в партизанских отрядах и в Красной Армии как о вкладе в мировую борьбу с фашизмом.

Основным итогом первых послевоенных десятилетий в республике стало успешное преодоление последствий войны. Важную роль в этом играли белорусская печать и радиовещание, ставшие важным фактором конструирования социально-экономических процессов и преобразований. Магистральным направлением отечественной публицистики в этот период стало решение актуальных вопросов народного хозяйства. В 1950-х годах это были вопросы восстановления и роста объемов производства, выработки в необходимом количестве электроэнергии для промышленных предприятий и сельского хозяйства. В 1960-х годах в фокус внимания белорусских публицистов попала проблема демографии белорусской деревни, отток молодежи в город, в 1970-х — вопросы жилищной политики и градостроительства. «Социальная информированность граждан способствовала формированию сознательного отношения населения к процессам и событиям, происходившим в республике и в советской стране. Не всегда общественность могла влиять на принятие конкретных решений по вопросам организации внутренней жизни и внешней политики, они чаще всего принимались в высших партийных инстанциях, однако население оценивало их важность и объективность. Поэтому в республике установилась общая консоли-

дированная обстановка, и между властью и обществом не возникало противоречий» [Слуга, 2009, с. 176].

Процессы демократизации советского общества во второй половине 1980-х годов стали причиной коррекции социального статуса средств массовой коммуникации и существенно повлияли на принципы публицистической деятельности. «СМИ, которые до этого времени были рупором однопартийной системы, стали трибуной плюрализма мнений, важным фактором демократических реформ» [Дорошёнок, Коршук, 2022, с. 94]. Гласность как определяющий принцип перестройки сделала открытыми для обсуждения в прессе такие острые проблемы, как авария на Чернобыльской атомной электростанции и ее последствия для Беларуси, репрессии против национальной научной и творческой элиты в 1930–1950-х годах и др. Расширение тематического спектра отечественной публицистики способствовало росту интереса к истории Беларуси, национальной культуре и языку, что в итоге подготовило идеологическую базу для провозглашения суверенитета Республики Беларусь. Приобретя ярко выраженный национальный характер, публицистическая деятельность белорусских журналистов, литераторов, политиков в конце 80-х — начале 90-х годов XX века формировала белорусскую идентичность, популяризировала родной язык, историю, культуру, определяя таким образом основные черты государственной идеологии.

Сегодня аналитические, дискуссионные тексты социальной направленности не утратили своей роли и по-прежнему являются одним из важнейших средств формирования государственной политики. Современная белорусская публицистика во всем разнообразии своих форм выполняет консолидирующую функцию, решает политические, экономические и социально-культурные задачи в соответствии с запросом общества и государства. Доказательством этого являются законодательные акты, регулирующие механизм непосредственного взаимодействия средств массовой коммуникации и государства. Так, Указ Президента Республики Беларусь № 630 от 5 декабря 1997 г. «О реагировании должностных лиц на критические выступления в государственных средствах массовой информации» (с 3 декабря 2024 г. в результате актуализации с учетом современных тенденций развития информационной сферы излагается в новой редакции) определяет порядок совместных действий редакций государственных СМИ и органов власти, направленных на выявление и ликвидацию проблем, о которых сообщается в общественно значимой информации. Согласно указу, редакции государственных изданий должны «информировать государственные органы, государственные организации об опубликованных (размещенных)

этими редакциями в отношении таких органов и организаций в государственных средствах массовой информации и (или) на интернет-ресурсах, владельцами которых являются редакции государственных средств массовой информации, критических материалах в письменной форме или в виде электронного письма» (Указ Президента Республики Беларусь, 2024). В свою очередь, руководители государственных органов в пределах компетенции должны обеспечить «рассмотрение информации, распространяемой государственными средствами массовой информации и (или) государственными интернет-ресурсами опубликованных (размещенных) критических материалов; принятие мер по ликвидации нарушений законодательства, сведения о которых сообщаются в критических материалах, а также при наличии оснований привлекать виновных лиц к дисциплинарной ответственности; направление сведений о результатах рассмотрения конкретных опубликованных (размещенных) критических материалов, а также о принятых мерах в редакцию государственных средств массовой информации, направившую сообщение, в течение 15 дней со дня, следующего за днем получения сообщения о таких материалах» [Указ Президента Республики Беларусь, 2024]. Кроме того, государственные органы в пределах компетенции должны осуществлять мониторинг общественно значимой информации, публикуемой в государственных СМИ или соответствующих интернет-ресурсах. Как отмечается, «предусмотренные Указом нормы позволят усилить взаимодействие госорганов, СМИ и экспертного сообщества по информированию населения, в том числе о проблемных вопросах и путях их решения» [Об изменении Указа Президента Республики Беларусь, 2024].

Заключение

На протяжении своего исторического развития — от первых летописей до контента современных медиапорталов — белорусский публицистический текст неразрывно связан с реальными событиями жизни страны и народа. За каждым тематическим сдвигом, за каждой жанровой чертой, за каждым элементом структуры отечественной публицистики стоят конкретные факты или судьбы людей в определенную историческую эпоху. Совершенствуя арсенал содержательно-тематических и коммуникативно-прагматических средств, социальная литература шла по пути увеличения масштаба общественной значимости своих задач. В качестве сущностного ядра информационного дискурса отечественная публицистика по праву стала функциональным средством общественных преобразований и, шире, полноценным социальным

конструктором, который сегодня определяет направления развития белорусского государства.

Библиографический список

- Гніламёдаў У.В., Мікуліч М.У. Літаратура. Гісторыя. Свядомасць: гісторыка-літаратурны нарыс. Мінск: Беларуская навука, 2017. 387 с.
- Дорошёнок П.Л., Коршук В.В. Белорусская журналистика (1563–2021). Минск: БГУ, 2022. 135 с.
- Дейк Т.А. ван. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 344 с.
- Ивченков В.И. Роль стилистики в изучении журналистского текста как социального действия // Медиалингвистика. 2014. № 1 (4). Электронный ресурс: <https://medialing.ru/rol-stilistiki-v-izuchenii-zhurnalistskogo-teksta-kak-socialnogo-dejstviya/>
- Іўчанкаў В.І. Стылістычныя прыярытэты ўчора і сёння: вытокі творчай спадчыны прафесара М. Я. Цікоцкага // Стылістыка: мова, майленне і тэкст: зборнік навуковых прац. Мінск: Адукацыя і выхаванне, 2017. С. 5–14.
- Ивченков В.И. Медиадискурс современности: стилистические приоритеты и экстралингвистические факторы // Актуальные проблемы стилистики. 2018. № 4. С. 71–76.
- Килунов А.Ф. К вопросу о морализме древнерусской летописи // Отечественная общественная мысль эпохи Средневековья: Историко-философские очерки. Киев: Наукова думка, 1988. С. 141–147.
- Клушина Н.И. Медиастистика. М.: Флинта, 2018. 184 с.
- Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979. 352 с.
- Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М. ; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. 499 с.
- Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 385 с.
- Лурье Я.С. Проблемы изучения русского летописания // Пути изучения древнерусской литературы и письменности. Л.: Наука, 1970. С. 43–48.
- Лущинская О.В. Дискурсный анализ как научный метод исследования конвергентных средств массовой коммуникации // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Сер. 1. Филология. 2019. № 6 (103). С. 28–35.

Мирзоев В.Г. Социальная функция истории1: (По «Повести временных лет») // Вопросы историографии и методологии истории : сб. статей. Ростов /нД.: Ростов. гос. пед. ин-т, 1976. С. 3–41.

Насонов А.Н. О русском областном летописании // Известия АН СССР. Серия истории и философии. 1945. Т. 2. № 4. С. 290–292.

Орлов А.С. Древняя русская литература XI–XVII веков. М. ; Л.: Изд-во АН СССР, 1945. 340 с.

Рождественская Л.А. Дискурс современных русскоязычных медиа: лингвокультурологический аспект. М.: Флинта, 2019. 288 с.

Слука А.Г. Беларуская журналістыка. У 3 ч. Ч. 3. Мінск: БДУ, 2009. 399 с.

Тикоцкий М.Е. Проблемы языка и стиля публицистического произведения : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Минск, 1972. 54 с.

Тошович Б. Интернет-стилистика. М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. 238 с.

Цікоцкі М.Я. Стылістыка публіцыстычных жанраў. Мінск: Вышэйшая школа, 1971. 288 с.

Цікоцкі М.Я. Стылістыка тэксту. Мн.: Бел. Навука, 2002. 223 с.

Чернышова Т.В. Факты, мнения, оценка: социально значимая информация и способы ее организации в дискурсе журналистского расследования // Медиалингвистика. 2020. Т. 7. № 3. С. 343–356. <https://www.doi.org/10.21638/spbu22.2020.306>

Cotter C. News Talk: Investigating the Language of Journalism. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. 294 p.

Источники

Об изменении Указа Президента Республики Беларусь (корректируется Указ № 630 от 05.12.1997) : Указ № 452 от 03.12.2024. Электронный ресурс: <https://president.gov.by/ru/documents/ukaz-no-452-ot-3-dekabra-2024-g>

Указ Президента Республики Беларусь № 452 от 03.12.2024. Электронный ресурс: https://president.gov.by/fp/v1/378/document-thumb_61378_original/61378.1733301972.942532ce5b.pdf

References

Gnilamedau U.V., Mikulich M.U. Literature. History. Consciousness: a historical and literary essay, Minsk, 2017, 387 pp. (In Belarusian).

Doroshchenok P.L., Korshuk V.V. Belarusian journalism (1563–2021), Minsk, 2022, 135 pp. (In Russian).

Dijk T.A. van. Discourse and Power: Representation of Dominance in Language and Communication, Moscow, 2013, 344 p. (In Russian).

Ivchenkov V.I. The Role of Stylistics in the Study of Journalistic Text as a Social Action. *Medialingvistika* = Medalinguistics, 2014, no. 1(4). Retrieved from: <https://medaling.ru/rol-stilistiki-v-izuchenii-zhurnalistskogo-teksta-kak-socialnogo-dejstviya/> (In Russian).

Iuchankau V.I. Stylistic priorities yesterday and today: the origins of the creative heritage of Professor M.Ya. Tsikotsky. *Stylistyka: mova, maullenne i tekst: zbornik navukovykh prats* = Stylistics: language, speech and text: a collection of scientific works, Minsk, 2017, pp. 5–14. (In Belarusian).

Ivchenkov V.I. Mediadiskurs sovremennosti: stilisticheskie prioritety i ekstralinguisticheskie factory. *Aktual'nye problemy stilistiki* = Actual issues of stylistics, 2018, no. 4, pp. 71–76. (In Russian).

Kilunov A.F. On the issue of moralism in the ancient Russian chronicle. *Otechestvennaya obshchestvennaya mysl' epokhi srednevekov'ya: Istoriko-filosofskie ocherki* = Domestic social thought of the Middle Ages: Historical and philosophical essays, Kiev, 1988, pp. 141–147. (In Russian).

Klushina N.I. Mediastilistika, Moscow, 2018, 184 p. (In Russian).

Likhachev D.S. Poetics of Old Russian Literature, Moscow, 1979. 352 pp. (In Russian).

Likhachev D.S. Russian Chronicles and their Cultural and Historical Significance, Moscow, Leningrad, 1947, 499 pp. (In Russian).

Lotman Yu. M. The structure of a literary text, Moscow, 1970, 385 pp. (In Russian).

Lur'e Ya.S. Problems of studying Russian chronicles. *Puti izucheniya drevnerusskoy literatury i pis'mennosti* = Ways of studying ancient Russian literature and writing, Leningrad, 1970, pp. 43–48. (In Russian).

Lushchinskaya O.V. Diskursnyy analiz kak nauchnyy metod issledovaniya konvergentnykh sredstv massovoy kommunikatsii. *Vestnik Minskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* = Bulletin of Minsk State Linguistic University, ser. 1, 2019, no. 6 (103), pp. 28–35. (In Russian).

Mirzoev V.G. The social function of history: (Based on the Tale of Bygone Years). *Voprosy istoriografii i metodologii istorii: Sbornik Statey* = Questions of historiography and methodology of history, Rostov-on-Don, 1976, pp. 3–41. (In Russian).

Nasonov A.N. About Russian regional chronicles. *Izvestiya AN SSSR. = Proceedings of the USSR Academy of Sciences*, 1945, vol. 2, no. 4, pp. 290–292. (In Russian).

Orlov A.S. Ancient Russian Literature of the 11th–17th Centuries, Moscow, Leningrad, 1945, 340 pp. (In Russian).

Rozhdestvenskaya L.A. Discourse of modern Russian-language media: linguocultural aspect, Moscow, 2019, 288 p. (In Russian).

Sluka A.G. Belarusian journalism, vol. 3, Minsk, 2009, 399 p. (In Belarusian).

Tikotskiy M.E. Problems of the language and style of a journalistic work. Abstract of Philol. Doct. Diss. Minsk, 1972. (In Russian).

Toshovich B. Internet-stilistika, Moscow, 2015, 238 p. (In Russian).

Tsikotski M.Ya. Stylistics of journalistic genres, Minsk, 1971, 288 p. (In Belarusian).

Tsikotski M.Ya. Text Stylistics, Minsk, 2002, 223 pp. (In Belarusian).

Chernyshova T.V. Facts, opinions, assessment: socially significant information and ways of organizing it in the discourse of journalistic investigation. *Medialingvistika* = Medalinguistics, 2020, vol. 7, no. 3, pp. 343–356. (In Russian).

Cotter C. News Talk: Investigating the Language of Journalism, Cambridge, 2020, 294 p.

List of Sources

On Amending the Decree of the President of the Republic of Belarus (Decree No. 630 of December 5, 1997 is being amended). Decree No. 452 of December 3, 2024. Retrieved from: <https://president.gov.by/ru/documents/ukaz-no-452-ot-3-dekabra-2024-g> (In Russian).

Decree of the President of the Republic of Belarus No. 452 of December 3, 2024. Retrieved from: https://president.gov.by/fp/v1/378/document-thumb_61378_original/61378.1733301972.942532ce5b.pdf (In Russian).

МИФОЛОГИЧЕСКИЙ РАССКАЗ В СИСТЕМЕ МИФОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ: ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ЖАНРА

В.А. Черванёва

Ключевые слова: мифологическая проза, мифологический рассказ, быличка, фольклорный жанр

Keywords: mythological prose, mythological story, bylichka, folklore genre

DOI: [https://doi.org/10.14258/filichel\(2025\)4-09](https://doi.org/10.14258/filichel(2025)4-09)

Введение

Мифологическая проза, являясь частью устноречевого дискурса носителей традиции, представляет собой текстовый массив, неоднородный в самых различных отношениях, — он включает тексты разной жанрово-речевой природы, с самыми разнообразными содержательными, формальными и прагматическими характеристиками. Обычно в континуум этих текстов включают былички, бывальщины, легенды, предания (исторические, топонимические и т.д.), страшные рассказы («страшилки»), описания ритуальных практик, ритуальные предписания и запреты, рассказы о снах и др. Полного, точного и исчерпывающего списка жанров в настоящее время не существует, более того, этот список постоянно пополняется и расширяется: современная тенденция развития фольклористики такова, что все большее количество типов устной словесности попадает в поле зрения фольклористов и осмысляется как предмет изучения методами этой науки [Неклюдов, 2018, с. 11].

Общими чертами всех текстов, объединяемых термином «мифологическая проза», помимо сходного для всех фольклорных текстов признака — устной природы и формы бытования, являются следующие:

- 1) содержание — мифологическое, в котором получают выражение мифологические представления и верования носителей традиции;
- 2) форма — прозаическая;
- 3) модальность — реальная, подразумевающая установку на достоверность описываемого.

Этими характеристиками и исчерпывается все сходство текстов мифологической прозы. Разнородность же текстов, объединяемых этими признаками, очевидна для исследователей, тем не менее в науке пока

нет удовлетворительной и исчерпывающей типологии, описывающей их различия.

Методологическая база, материал, методы и результаты исследования

Среди всех разновидностей мифологических текстов наибольшим вниманием исследователей были отмечены былички — «краткие народные рассказы о встрече человека с нечистой силой, имеющие установку на достоверность» [Толстой, 1995, с. 278]. Термин «быличка», введенный в научный оборот братьями Б. М. и Ю. М. Соколовыми в начале XX века и, как известно, «подслушанный» ими у крестьян [Сказки и песни Белозерского края, 1915, с. LX], в отечественной фольклористике является наиболее распространенным и часто используемым наименованием для устных рассказов о встрече человека с потусторонними существами.

До середины прошлого века наряду с термином «быличка» для обозначения мифологических рассказов использовались термины «быль», «бывальщина», «бывальщик», «досюльщина» и др., без дифференциации обозначаемых ими понятий. В 1960-е годы Э.В. Померанцева в своих работах разделила понятия «быличка» и «бывальщина» [Померанцева, 1968, 1985]. Она определила быличку как рассказ о конкретном случае, основанный на народных верованиях. По ее мнению, былички напоминают свидетельские показания о необычных случаях и представляют собой «суверные мемораты» [Померанцева, 1985, с. 174]. В отличие от бывальщин — оформленных, законченных традиционных историй (фабулотов), былички характеризуются бесформенностью, единичностью и отсутствием обобщения. Ключевым критерием разграничения этих жанров является источник информации, а дополнительными отличительными признаками — степень разработанности сюжета, традиционность формы и самостоятельность бытования в устной традиции, что обусловлено характером связи содержания текста с личным опытом конкретных людей (см. подробно анализ этих речевых форм мифологических текстов в [Черванёва, 2020]).

Разграничение текстов на мемораты (рассказы о личном опыте) и фабулаты (пересказы чужих мистических историй) восходит к работе Карла фон Зюдова [Sydow, 1948], в настоящее время оно приобрело общепринятый характер [Разумова, 1993; Новик, 2004, с. 266; Криничная, 2001; Зуева, Кирдан, 2002, с. 182–185 и др.]. Обращение исследователей мифологических текстов в первую очередь к критерию источника информации продиктовано, очевидно, ощущением его важности

в связи с достоверным характером мифологической прозы — вернее, с декларированием достоверности.

Дифференциация мифологической прозы в последующих исследованиях производилась по разным основаниям — учитывались особенности прагматики, наличие или отсутствие сюжета, место и время описываемых событий, характер установки на достоверность, характер источника информации. Рассмотрим некоторые попытки построить типологию мифологических текстов.

Е.С. Новик, основываясь на анализе фольклора сибирских народов, предложила систематизировать жанры мифологической прозы по ряду взаимосвязанных параметров и выделила три основных жанровых категории: *миф* — *предание* — *быличка*. Они противопоставлены по параметрам времени действия (времена первотворения — квазисторическая эпоха — настоящее или недавнее прошлое), места действия (космос — родовая территория — конкретное место), типа персонажа (демиург — предок или богатырь — конкретный человек), характера финальной ситуации (состояние природы и культуры в целом — состояние отдельных элементов ландшафта или конкретного рода — объяснение событий в жизни рассказчика) [Новик, 1986, с. 39–40]. Четкая и структурно логичная типология текстов, построенная Е.С. Новик, однако, не охватывает все тексты, которые по указанным выше трем признакам (мифологическое содержание, прозаическая организация и установка на достоверность) могут быть отнесены к мифологической прозе. Точнее сказать, эта типология учитывает лишь тексты сюжетные, относительно обособленные от ситуации общения, бытующие в традиции как некоторая текстовая данность. За рамками этой системы оказываются тексты описаний обряда, ритуальные предписания, тексты поверий и другие малые текстовые формы с интерпретирующей функцией.

Система жанров мифологической прозы, разработанная Е.Е. Левкиевской на полесском текстовом материале, с учетом результатов включенного наблюдения предполагает охват вербальной традиции во всем речевом разнообразии. Исследовательница ввела понятие мифологического текста, существенными признаками которого являются демоно-логическое содержание, установка на достоверность, реализация мифологической информации в тексте в виде закрепленной в общественной памяти семантической модели и в форме одного из жанровых вариантов текста [Левкиевская, 2006, с. 150–151]. Мифологический текст, по Е.Е. Левкиевской, представляет собой инвариантную сущность, получающую реализацию в различных речевых формах. Исследователь-

ница выделила и описала четыре таких жанровых формы воплощения традиционной мифологической информации в речи: *быличку, поверъе, дидактическое высказывание и обращение к мифологическому персонажу*. Прагматический критерий, положенный в основу классификации Е.Е. Левкиевской, дал возможность по-иному взглянуть на систему жанров устной мифологической прозы (прежде всего наиболее важным представляется квалификация природы этих жанров как речевого феномена). Последовательное применение прагматического критерия к более широкому массиву мифологической прозы позволяет включить в свою сферу и не учтенные Е.Е. Левкиевской тексты (см. анализ речевого жанра «личной интерпретации» в [Черванёва, 2017]).

Итак, зафиксируем на данном этапе рассмотрения проблемы тот факт, что, с какой бы методологической установкой ни подходил исследователь к описанию жанрового состава мифологической прозы, как ключевой и основной тип текста в этой системе определяются краткие сюжетные тексты о взаимодействии человека с миром сверхъестественного. Из всего набора используемых в настоящий момент в фольклористике терминов — *быличка / бывальщина, мифологический меморат / фабулат, мифологический рассказ* — более предпочтительным представляется последний.

Термин *мифологический рассказ* соответствует несколько более широкому понятию, чем традиционная *быличка* (рассказ демонологического содержания «о встрече человека с нечистой силой» [Толстой, 1995, с. 278]), поскольку позволяет охватить более широкий круг текстов, отражающих мифологические представления носителей традиции.

Рассмотрим более подробно признаки текстов указанного жанра, начиная с *содержательного*.

Определения мифологического нарратива (былички, бывальщины, мифологического рассказа), используемые в науке, характеризуют его содержание, во-первых, как описание *конкретного* случая, во-вторых, как описание случая, имеющего *мистическую* природу.

Так, Э.В. Померанцева определила быличку как «рассказ о конкретном случае, базирующийся на верованиях и связанных с ними повери-ях» [Померанцева, 1968, с. 285]. И.А. Разумова [1993, с. 4–5] и Л.Н. Виноградова [2004, с. 11], давая определение былички, также сделали акцент на конкретном характере описываемого в тексте события (ср.: «рассказ о конкретном случае, иллюстрирующий определенные демонологические верования» [Виноградова, 2004, с. 11]). Сходное понимание рассматриваемого термина прослеживается в работах Е.С. Но-вик — исследовательница указывала, что в основе фабулы былички

лежит конкретный случай, и называет в качестве основного признака жанра статус рассказчика как участника или очевидца описываемых событий [Новик, 2004, с. 266]. А.А. Иванова отмечает, что быличка, в отличие от поверья, «привязывает события к конкретным людям, месту и времени, о чем обычно сообщается в начале повествования» [Иванова, 2004, с. 71].

Цитаты сходного содержания можно умножать, поскольку относительно конкретного характера описываемого события как важнейшего жанрового признака былички среди исследователей наблюдается единодушие. Расхождения же касаются определения этого критерия как основного. Так, Е.Е. Левкиевская указывает, что для былички «важно не то, что это рассказ о конкретном случае контакта с мифологическим явлением», а то, что это «рассказ о личной форме познания „иномирного“, индивидуально переживаемом опыте такого контакта (даже если это не собственный, а чей-то чужой опыт, пересказанный со слов очевидца), репрезентирующем частную семантическую модель познания, в отличие от поверья, которое представляет собой суммируемый коллективный опыт, общественное знание о мифологическом явлении, опирающееся на общую семантическую модель» [Левкиевская, 2006, с. 183–184].

Отметим, что, независимо от акцентов, расставляемых в определениях быличек теми или иными учеными, все они не противоречат представлению о том, что это рассказ о *личном* опыте взаимодействия с иномирным пространством и его агентами. Как правило, чаще всего под конкретным случаем, описываемым в быличке, понимается описание встречи, контакта человека с мифологическим персонажем, относящимся к сфере демонологии [Толстой, 1995, с. 278; Мифологические рассказы, 1987, с. 381; и др.].

Однако границы мифологического рассказа, полагаем, должны быть определены шире, и вот почему. Прежде всего, далеко не во всех текстах с мифологическим содержанием описывается собственно контакт человека с «потусторонним». Например, тексты о людях со сверхъестественными способностями (колдунах, ведьмах, злахарях и др.), как правило, имеют другую повествовательную структуру — значительный массив составляют нарративы, которые описывают необычное поведение этих персонажей, характеризуют их способность совершать сверхъестественные действия или же просто отмечают факт наличия магического специалиста в той или иной местности. Ср.: *У нас есть тут вот женищина, она может так сделать, как говорица, или приколдововать, или отколдовывать* (инф. ЕИН, Кречетово-Шильда-Мостовая, 1995); *Вот*

в Кречетове у нас был такой [пастух] высокий мужчина. Он знал. Он вон только выгонит коров и сам пойдёт домой. Дома всё делает, делает, опять выходит на это же место, протрубил только трубой, коровы все одна за одной потянулись (инф. КАЕ, Бор-Давыдово, 1996); Это я вот училась в техникуме когда, у нас с Мезени была девчонка. И вот она говорит, что у них там, в Мезени у них там вопище народ колдовской, там колдун на колдуне. Там вопище вот могут тебе порчу навести моментом (инф. КВИ, Казаково, 1998)¹.

Кроме того, далеко не во всех текстах мифологических рассказов вообще присутствует демонический персонаж. Эту особенность отметила Л.Н. Виноградова, указывая «на рассказы о добывании цветка папоротника, о заклятых кладах, святочных гаданиях, предзнаменованиях, о вещих снах и так называемых обмираниях, которые устойчиво соотносятся с быличками, но не содержат сведений о нечистой силе» [Виноградова, 2004, с. 12].

Выходят за рамки узкого определения также тексты, описывающие события, не выходящие за рамки естественного порядка вещей, но содержащие их мифологическую трактовку. Ср. пример подобного текста с устойчивым мифологическим мотивом: рассказчица наряжает мифологическим смыслом событие, произошедшее незадолго до смерти мужа, — в ее окно попыталась залететь птица: У меня вот перед хозяином. Ему... умереть, дак птичка там... в комнату поступала да и... а недолго да и он... у нево инфаркт сердца и он помер (инф. ФМС, Саунино-Кипрово, 1999).

Мифологические тексты об умерших далеко не всегда однозначно соотносятся как с понятием «демонологического», так и «потустороннего». Например, в рассказах о явлении покойников во сне ничего собственно мистического не происходит, так как описываемое в сновидении не декларируется как реальность — мистическим смыслом это событие наполняет его интерпретация со стороны рассказчика.

Следует отметить, что границы жанра мифологического рассказа определяются и пониманием характера мистического компонента в его содержании. Понятие «сверхъестественного», «мистического» — в общеязыковом, а не в философском смысле² — прилагается к явлениям, получающим объяснение не через рациональное познание, а че-

¹ Примеры приводятся из архива Лаборатории фольклористики РГГУ (весь материал записан в Каргопольском районе Архангельской области).

² См. значения соответствующих лексем в словарях современного русского языка [БТСРЯ; Ефремова, 2000; Лопатин, Лопатина, 1998; МАС; Ожегов, Шведова, 1994].

рез опору на предварительные установки и допущения. Именно такого рода события, явления и интерпретации составляют содержательную основу анализируемых текстов.

«Сверхъестественный», «мистический» компонент содержания мифологических рассказов отмечается всеми без исключения исследователями устной традиции. Э.В. Померанцева, характеризуя содержание жанра былички, использует слова «сверхъестественный», «потусторонний», «мистический», «необыкновенный», «необъяснимый», «страшный», «жуткий» [Померанцева, 1968, с. 286; 1985, с. 174]. Н.И. Толстой пишет о событии былички как о раскрытии «чего-то невидимого, сокровенного, потустороннего», но при этом «никак не вымыщенного, фантастического, а лишь сверхъестественного» [Толстой, 1995, с. 279]. Л.Н. Виноградова указывает категорию мистического «в качестве одного из важнейших жанровых признаков суеверных рассказов» [Виноградова, 2004, с. 12], в функции которой входит обеспечение устойчивого содержательного и структурного единства всей этой группы текстов народной культуры. И.А. Разумова говорит о том же, называя главной смысловой оппозицией былички бином «посюсторонний / потусторонний» как вариант реализации противопоставления «свой / чужой» [Разумова, 1993, с. 100], причем важно то, что мифологический персонаж воспринимается рассказчиком и слушателями как сверхъестественный, что, собственно, и обуславливает появление эмоций страха, ужаса, удивления. Е.Е. Левкиевская в предлагаемом ею определении мифологического текста-инварианта охарактеризовала «сверхъестественный», «потусторонний» компонент содержания как «демонологический» [Левкиевская, 2006, с. 150].

Собственно говоря, это традиционный подход к определению былички. Именно такое понимание содержания — **мистического как демонологического** — встречаем в работах братьев Соколовых («о представителях темной, нечистой силы» [Сказки и песни Белозерского края, 1915, с. LVIII]), Н.Е. Ончукова («рассказы из области чудесного, преимущественно касающиеся верований в невидимый мир злых или безразличных к человеку духов, чертей, леших, водяных и пр.» [Ончуков, 1998, с. 35]). Это же подчеркивается и в современных определениях жанра.

Однако полагаем, что более последовательным и релевантным реальному содержанию и состоянию традиции будет подход с широким толкованием мистического компонента в содержании текстов, включающим описание **любого личного опыта** взаимодействия человека с областью потустороннего. В таком случае в корпус мифологических рассказов попадут тексты и об умерших разного статуса, и о видениях

сакральных персонажей, и о предзнаменованиях и т.д. — независимо от того, как квалифицирует говорящий описываемое явление: как сакральное (религиозное) или демоническое.

В чем видится обоснованность такого подхода?

Проблема демаркационной линии между мифологическим и немифологическим в текстах устной традиции имеет несколько вариантов решения в науке. Первый — принять как мифологическое все то, что не вписывается в материалистические и рациональные способы описания мира. При таком подходе в категорию мифологического автоматически попадают все тексты, описывающие «потустороннее» (то, что чувствено не воспринимается) как реальность, т.е. все устные рассказы, содержание которых основывается на верованиях, — и демонологического, и религиозного характера. Второй подход предполагает разделение текстов по характеру содержания: мифологическими называются только демонологические рассказы, а тексты, в которых описываются сакральные персонажи христианства (например, рассказы о чудесах, о святых), выводятся за пределы мифологических. В целом второй подход более традиционен и практически закрепился в науке, хотя теоретически не обосновывается. Однако полагаем, что, во-первых, методологически он не оправдан и, во-вторых, не соответствует реальному состоянию традиции.

Так, еще в советской фольклористике было принято деление несказочной прозы о чудесном, потустороннем на былички и легенды в зависимости от оценки статуса персонажа — демонологического или сакрального. Ср.: «Языческие представления о мифических существах и людях, наделенных сверхъестественными способностями, отразились в другом жанре, который народ называет словом „были“, „былички“, „бывальщины“. Это рассказы, отражающие народную демонологию. В большинстве случаев это рассказы страшные: о леших, русалках, домовых, мертвцах, привидениях, заклятых кладах и т.д.» [Пропп, 1998, с. 33]. И далее: «Представления, связанные с государственной религией дореволюционной России, т.е. с православием, составляют предмет другого жанра, а именно легенды» [Там же, с. 34]. Обратим внимание, кто является персонажами легенд по В.Я. Проппу: «Действующими лицами народной легенды являются различные персонажи Ветхого и Нового Завета, как Адам и Ева, Ной, Соломон, пророки, Христос и его апостолы, как, например, Юда, а также святые, как Никола, Егорий, Касьян и др. К этому жанру относятся также рассказы о великих грешниках, которые раскаялись и стали подвижниками, о пустынниках, о всякого рода подвигах благочестия» [Там же].

Итак, в основу противопоставления двух жанров положена оценка потусторонних персонажей как сакральных или демонологических. Однако различие между быличками и легендами гораздо глубже, и оно не ограничивается только данным признаком.

В статье [Черванёва, 2021] подробно было рассмотрено расхождение в характере субъектной организации этих жанров. Рассказчик в быличке, как правило, передает свой собственный опыт взаимодействия с потусторонним персонажем, тогда как в легендарных текстах, которые имеет в виду В.Я. Пропп, нарратор экзегетический, и его позиция находится за пределами повествуемой истории. Пересечение признаков, по которым производится классификация текстов, возникает в случае рассказов о контактах людей с христианскими сакральными персонажами. В таких текстах (к ним относятся, например, описания видений, рассказы о вещих снах, предзнаменованиях, опытах молитвенно-го обращения к святым и т.п.) позиция рассказчика ничем не отличается от позиции нарратора в демонологическом рассказе, и место таких текстов в устной традиции остается неясным: исследователи либо избегают их классифицировать, либо относят одновременно к быличкам и легендам (например, Ю.М. Шеваренкова использует термин «легенда-быличка» [2003; 2004]), либо называют их легендами на основании сакрального характера «потустороннего» персонажа (как в работах А.П. Липатовой [2019; 2020]).

Вторая причина, по которой ставший традиционным для устной прозы содержательный (resp. демонологический) критерий, на наш взгляд, не может быть универсальным основанием для классификации текстов, — это отсутствие противопоставления религиозных (христианских) и демонологических представлений внутри традиции. В реальной дискурсивной практике эти сферы находятся в единстве и взаимосвязаны: в одном и том же тексте могут одновременно находить отражение как демонологические, так и христианские представления (собственно, христианская религия предполагает существование падших духов, и идеологического противоречия здесь нет). В реальной ситуации коммуникации достоверные нарративы о потустороннем не ранжируются в зависимости от «статуса» персонажа — демонологический он или религиозный. Так, С.Б. Адоньева приводит свидетельство информантки из Вологодской области, рассказывающей о «классическом» мифологическом персонаже домашнего пространства «дворовом-доброходушке», что «то, что у нее в деревне зовется доброходушкой, могут назвать ангелом-хранителем» [Адоньева, 2017а, с. 174]. Ср.: «*В город вот поедешь в гости, дак доброходушку*

с собой приглашай. <А как?> А вот: «Батюшка, доброходушка, я поехала, и ты со мной поедь». <Отсюда вот поеду?> Да. <Именно в город если едешь?> Да, да. <Даже если в гости?> Да, в гости. Там тебе меньше напасты нет, он место тебе даст. Да поедешь — опять с собой зови. <То есть куда бы я не ехала, всегда доброходушку надо звать с собой?> Да, да-да-да. <Так это получается, он с тобой постоянно.> Да. <А если в другую страну едешь, то тоже зовёшь с собой?> Ну, тоже надо с собой звать. <А он охраняет как-то?> Да. <А дворовый какой-нибудь есть, дворовой?> Вот это и есть этот, он и есть, это один самый дворовой, ломовой и доброходушка. Это один-то и тут всё. <А там, например, просто на улице какой-нибудь есть тоже хозяин?> А на улице дак это опять ты, у каждого хранитель свой есть, ангел-хранитель, позовешь, и ангел с тобой пойдет. У каждого человека, как человек рождается, так и ангел дается, говорят, у каждого человека он. Ты идешь, и он возле тебя идет, ты его не видишь» (ФА СПбГУ Сям24-6. Интервью записано от Веры Ивановны Головковой (1926 г. р., местной) в д. Пигилинская Сямженского р-на Вологодской обл. 20.07.2005 Ю.Ю. Мариничевой, Д. К. Туминас) [Адоньева, 2017а, с. 173–174].

Единство сакрального и демонологического в народной культуре можно показать на примере представлений об умерших. Амбивалентность мифологического персонажа-покойника, для которого свойственна как демонизация, так и ее отсутствие при приобретении им статуса «родителя», была отмечена многими исследователями славянской традиции [НДП 2012; Левкиевская, 2013, с. 33; Корнина, Штырков, 2001, с. 211–214].

При этом следует иметь в виду, что отсутствие или снижение степени демоничности в осмыслении потустороннего агента, да и вообще, место персонажа на шкале «демоническое / сакральное» не влияет на степень его мифологичности. В рассказах о явлении во сне и наяву покойников («родителей») и сакральных персонажей воплощаются не столько канонические христианские представления, сколько именно народное, вернакулярное осмысление явления. Более того, в народной культуре мифологизации подвергаются все уровни — от демонологического (нечистые духи) до самого высокого сакрального. Представления, характерные для народного православия, для религиозного сознания в его, так сказать, «народном» воплощении в большей своей части мифологичны, фольклорны, являются продуктом процессов осмыслиния и толкования сверхъестественного аспекта бытия в народной устной традиции, а не книжной канонической.

Таким образом, осмысление мифологического исключительно как демонологического, полагаем, нерелевантно для народной культуры и неорганично для традиционного дискурса. Все, что квалифицируется говорящим как потустороннее, рационально необъяснимое, сверхъестественное, составляет содержание мифологического рассказа.

Не менее значимый и обязательный параметр текстов этого жанра — конкретность описываемого события, представляемого как личный опыт взаимодействия человека с иномирным явлением, что напрямую связано с модальностью текста. Мифологическим нарративам присуща *установка на достоверность*, предполагающая представление событий текста как реально бывших. С одной стороны, это свойство противопоставляет материал сказкам, с характерной для них установкой на вымысел. Но, строго говоря, по параметру модальности можно провести границу между несказочной прозой и всем тем фольклором, где даже если и не декларируется вымысел (например, в эпосе), то по крайней мере создается, конструируется условный художественный мир (эпический мир, сказочный мир, лирическая ситуация), не совпадающий с хронотопом рассказчика. В таких жанрах вопрос о достоверности изображаемого не ставится, здесь действуют законы художественной, а не бытовой логики.

Связь установки на достоверность с хронотопом мифологического рассказа подчеркивалась многими исследователями [Толстой, 1995, с. 278; Ончуков, 1998, с. 35–39; Разумова, 1993, и др.]. Отметим как наиболее важный момент то, что хронотоп мифологического рассказа соотнесен с говорящим и ситуацией рассказывания — местом и временем. Ср.: «Их время <текстов устной народной прозы> тоже не выделено, оно сливаются с физическим временем рассказчиков и слушателей» [Чистов, 2005, с. 49].

Реальная модальная рамка текстов, создаваемых рассказчиком — реальным лицом, участвующим в коммуникации, сближает мифологические нарративы с бытовыми рассказами, с повседневной речью. Ср.: «В сущности, былички были такой же бытовой информацией, как и сообщение о любой встрече или местном происшествии» [Соколова, 1981, с. 42]. И.А. Разумова говорит о сходстве быличек с бытовыми рассказами о необычных явлениях на формальном уровне — последние существуют «фактически в форме быличек» [Разумова, 1993, с. 4].

Отсутствие структурной самостоятельности текстов мифологической прозы и в связи с этим невыделенность из потока речи, включенность в повседневную коммуникацию, отсутствие эстетической направленности, отсутствие особого художественного хронотопа — эти свой-

ства мифологических нарративов, обусловленные установкой на достоверность, на наш взгляд, наиболее существенны и составляют специфику этого рода традиционной устной словесности.

Но помимо названных признаков обнаруживается еще один параметр рассматриваемых текстов, связанный с их модальностью, который следует особо оговорить, — это *обязательная включенность рассказчика в ситуацию текста*, т.е. существование текста только в рамках канонической речевой ситуации. По Дж. Лайонзу, это естественная ситуация речевого общения в повседневной контактной коммуникации, которая требует нахождения говорящего и адресата в общем времени и пространстве в зоне взаимной видимости и предполагает, таким образом, синхронность передачи и восприятия информации [Lyons, 1977, р. 637]. Фольклорный текст, казалось бы, соответствует этим условиям, так как исполняется устно в присутствии слушателя, синхронно воспринимающего текст. «Как известно, устному тексту <...> коммуникативные условия позволяют жить лишь в процессе исполнения; таким образом, он <устный текст> всегда принадлежит настоящему» [Неклюдов, 2016, с. 7].

Тем не менее, например, ситуацию рассказывания сказки канонической назвать нельзя, и вот почему. В добавление к названным Лайонзом признакам канонической речевой ситуации Е.В. Падучева сформулировала еще одно условие, обозначив его как «нулевое», — это совпадение мира текста и мира коммуникации [Падучева, 1995]. Это условие характерно для разговорной речи, но нарушается в художественном литературном нарративе и в фольклоре в жанрах с установкой на вымысел, где создается особый фольклорный мир («сказочный», «эпический», «лирическая ситуация» и т.п.) и есть место художественной условности.

Но даже в устных текстах с установкой на достоверность, несмотря на наличие «нулевого условия», далеко не всегда речевая ситуация экспликации является канонической. С.М. Толстая предложила добавить еще одно условие каноничности: текст должен создаваться говорящим в процессе коммуникации, а не быть предзаданным до момента речи, как это бывает, например, в обряде [Толстая, 2010, с. 54–55]. Только если говорящий осознает себя «автором» текста, произносит «свою» речь, лишь в этом случае наблюдается подлинно каноническая ситуация, свойственная разговорной речи.

Именно поэтому, на наш взгляд, ситуация экспликации традиционных фольклорных жанров является неполноценной в коммуникативном отношении — неканонической. Это всегда воспроизведение, а не порождение текста, а, кроме того, в жанрах так называемо-

го «классического» фольклора (сказки, песни, былины) мир текста отнюдь не совпадает с реальным миром говорящего — в тексте моделируется условный хронотоп, где разворачиваются описываемые события.

Мифологические рассказы-мемораты же, напротив, демонстрируют соответствие всем перечисленным признакам канонической речевой ситуации. События этих текстов оцениваются как достоверные и реально бывшие, причем рассказчик излагает историю как свой собственный опыт. Одновременно содержание мифологических меморатов укладывается в традиционные рамки (что и позволяет относить их к фольклорным явлениям), а значит, можно говорить о воспроизведении рассказчиком традиционной модели. Однако в нарративах личного опыта воспроизводится именно модель, а не уже существующий текст, как это происходит в классическом фольклоре, — услышанном и пересказанном.

Описанное свойство мифологических нарративов — включенность рассказчика в ситуацию текста — наблюдается, разумеется, и в устных рассказах в повседневной коммуникации, в нарративах личного опыта, биографических нарративах (*lifestories*), семейных нарративах и др., активно изучаемых в настоящее время в том числе как фольклорный материал (см., например, исследования И.А. Разумовой [2001], И.В. Утехина [2006], С.Б. Адоньевой [20176], М.Г. Матлина и М.П. Чередниковой [Голод 1941–1945 гг. в устных рассказах..., 2017], Н.В. Дранниковой [2019], коллективные монографии [Адоньева и др., 2017; Русский Север, 2017] и др.). В этих нарративах также имеется установка на достоверность сообщаемого, тексты создаются своими авторами-говорящими в устной форме в процессе реальной коммуникации, и ситуация их бытования также, безусловно, является канонической, как и в случае с мифологическими рассказами.

Заключение

Подведем итоги.

Как известно, основными критериями определения жанровой природы фольклорного текста являются соотношение формы и содержания, а также социально-бытовая функция и особенности бытования текста [Чистов, 2005, с. 47]. Для мифологического рассказа, как мы установили, свойственны следующие значения этих трех параметров: 1) форма — повествовательная прозаическая слабо структурированная; 2) содержание — мистическое с установкой на достоверность; 3) ситуация бытования — каноническая речевая ситуация. Чтобы показать специфику мифологических нарративов среди других типов уст-

ной прозы, уместно провести их сопоставление по основным, на наш взгляд, параметрам (см. табл.).

Параметры сопоставления жанров устной народной прозы

	Мифологические рассказы	Повседневная коммуникация (устные истории, нарративы личного опыта)	Несказочная проза (легенды, предания)	Сказки о демонологических персонажах
Мистическое (традиционное) содержание	+	-	+	+
Установка на достоверность	+	+	+	-
Включенность рассказчика в ситуацию текста (каноническая ситуация)	+	+	-	-

В этой таблице отражены наиболее существенные признаки мифологического рассказа. Первый признак (мистическое содержание) соответствует *содержательному параметру* мифологического нарратива, остальные два (установка на достоверность, включенность рассказчика в ситуацию текста) составляют *коммуникативный параметр* мифологического текста. Кроме того, при описании мифологического рассказа уместно выделить *структурный*, или *формальный*, *параметр*, который находит выражение в нарративной прозаической форме текста, однако все приведенные в данной таблице жанры не противопоставлены по структурному параметру, а напротив, объединены им.

Библиографический список

Адоньева С.Б. Метафизика повседневности и священное / Первичные знаки / Назначенная реальность. СПб.: Проповский центр, 2017. С. 171–192.

Адоньева С.Б. Полнота повседневности / Первичные знаки / Назначенная реальность. СПб.: Проповский центр, 2017. С. 11–46.

Адоньева С.Б., Веселова И.С., Мариничева Ю.Ю., Петрова Л.Ф. Первичные знаки / Назначенная реальность. СПб.: Проповский центр, 2017. 334 с.

БТСРЯ — Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 1998. Электронный ресурс: <http://gramota.ru/slovare/info/bts/>

Виноградова Л.Н. Былички и демонологические поверья: границы фольклорного текста // Живая старина. 2004. № 1. С. 10–14.

Дранникова Н.В. «Нас везли целый месяц в телячьих вагонах»: воспоминания потомков спецпереселенцев в повествовательной традиции архангелогородцев // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 3 (180). С. 8–16. <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2019.302>.

Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. М.: Русский язык, 2000.

Зуева Т.В., Кирдан Б.П. Русский фольклор. М.: Флинта: Наука, 2002. 400 с.

Иванова А.А. Поверье и быличка как жанровые стратегии сохранения и передачи мифологической информации // Традиционная культура. 2004. № 1. С. 70–74.

Кормина Ж.В., Штырков С.А. Мир живых и мир мертвых: способы контактов (два варианта северорусской традиции) // Восточнославянский этнолингвистический сборник. Исследования и материалы. М.: Индрик, 2001. С. 206–231.

Криничная Н.А. Русская народная мифологическая проза: в 3 т. Т. 1. СПб.: Наука, 2001. 580 с.

Левкиевская Е.Е. Полесские представления о ходячем покойнике // Живая старина. 2013. № 1. С. 33–35.

Левкиевская Е.Е. Прагматика мифологического текста // Славянский и балканский фольклор. Вып. 10: Семантика и прагматика текста / отв. ред. С.М. Толстая. М.: Индрик, 2006. С. 150–214.

Липатова А.П. «Это не побасенка, а правда»: к вопросу о достоверности легенды // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2020. Т. 3. № 3. С. 28–65. <https://doi.org/10.28995/2658-5294-2020-3-3-28-65>

Липатова А.П. Вариативность легенды. М.: РГГУ, 2019. 215 с.

Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Русский толковый словарь. М.: Русский язык, 1998. 834 с.

МАС-Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981–1984.

Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / сост. В.П. Зиновьев. Новосибирск: Наука, 1987. 400 с.

НДП — Народная демонология Полесья: Публикации текстов в записях 80–90-х годов XX века / сост.: Л. Н. Виноградова, Е. Е. Левкиевская. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. Т. II: Демонология умерших людей. 800 с.

- Неклюдов С.Ю. К читателю // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2018. Т. I. № 1–2. С. 11–14.
- Неклюдов С.Ю. Темы и вариации. М.: Индрик, 2016. 520 с.
- Новик Е.С. К типологии жанров несказочной прозы Сибири и Дальнего Востока // Фольклорное наследие народов Сибири и Дальнего Востока. Горно-Алтайск: Б. и., 1986. С. 36–48.
- Новик Е.С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме. Опыт сопоставления структур. М: Восточная литература, 2004. 302 с.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1994. 928 с.
- Ончуков Н.Е. Сказки и сказочники на Севере // Ончуков Н.Е. Северные сказки. СПб: Тропа Троянова, 1998. Т. 1. С. 26–52.
- Падучева Е.В. В.В. Виноградов и наука о языке художественной прозы // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1995. Т. 54. № 3. С. 39–48.
- Померанцева Э.В. Жанровые особенности русских быличек // История, культура, фольклор и этнография славянских народов: VI Международный съезд славистов (Прага, 1968). Доклады советской делегации. М.: Наука, 1968. С. 274–292.
- Померанцева Э.В. Русская устная проза. М.: Просвещение, 1985. 272 с.
- Пропп В.Я. Поэтика фольклора. М.: Лабиринт, 1998. 352 с.
- Разумова И.А. Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. М.: Индрик, 2001. 376 с.
- Разумова И.А. Сказка и быличка (Мифологический персонаж в системе жанра). Петрозаводск: Карельский НЦ РАН, 1993. 109 с.
- Русский Север. Выпуск 1. Идентичности, память, биографический текст. К 95-летию К.В. Чистова : сб. науч. ст. / ред.-составитель Т.Б. Щепанская. СПб.: МАЭ РАН, 2017. 356 с.
- Сказки и песни Белозерского края / Записали Борис и Юрий Соколовы. М.: Отд. рус. яз. и словесности Имп. Акад. наук, 1915. XVI, CXVIII, 666 с.
- Соколова В.К. Изображение действительности в разных фольклорных жанрах (на примере соотношения преданий с историческими песнями и быличками) // Русский фольклор. Т. XX. Фольклор и историческая действительность. Л.: Наука, 1981. С. 35–44.
- Толстая С.М. Семантические категории языка культуры: Очерки по славянской этнолингвистике. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. 368 с.

Толстой Н.И. Былички // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 1 (А–Г). М.: Международные отношения, 1995. С. 278–280.

Утехин И. Устные рассказы о блокадном опыте: свидетельства разных поколений // Антропологический форум. 2006. № 5. С. 325–344.

Черванёва В.А. «Антропологический поворот» в фольклористике: взгляд на классификацию устной прозы в свете новой парадигмы // Шаги/Steps. 2021. Т. 7. № 2. С. 136–155. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-2-136-155>

Черванёва В.А. Между быличкой и сказкой: лингвистические маркеры жанра // Вестник славянских культур. 2020. Т. 56. С. 101–114. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2020-56-101-114>

Черванёва В.А. Речевые жанры мифологического текста: субжанр личной интерпретации // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2017. № 1. С. 76–78.

Чистов К.В. К вопросу о принципах классификации жанров устной народной прозы // Фольклор. Текст. Традиция. М.: ОГИ, 2005. С. 44–52.

Шеваренкова Ю.М. Исследования в области русской фольклорной легенды. Н. Новгород: РАСТРНН, 2004. 214 с.

Шеваренкова Ю.М. Легенды-былички как жанровая разновидность фольклорной легенды // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Филология. 2003. № 1. С. 52–57.

Lyons J. Semantics. Cambridge: Cambridge University Press, 1977. Vol. 2. 897 p.

Syдов C.W. Kategorien der Prosa-Volksdichtung // Carl Wilhelm von Syдов. Selected Papers on Folklore. Copenhagen: Rosenkilde and Bagger, 1948. Р. 60–88. Голод 1941–1945 гг. в устных рассказах русского сельского населения Ульяновского Поволжья / сост., вступит. ст. М.Г. Матлин, М.П. Чередникова. Ульяновск: УлГПУ, 2017. 84 с.

References

Adon'eva S.B. Metaphysics of Everyday Life and the Sacred. *Pervichnyye znaki / Naznachennaya real'nost'* = Primary Signs / Assigned Reality, St. Petersburg, 2017, pp. 171–192. (In Russian).

Adon'eva S.B. The Fullness of Everyday Life. *Pervichnyye znaki / Naznachennaya real'nost'* = Primary Signs / Assigned Reality, St. Petersburg, 2017, pp. 171–192. (In Russian).

Adon'eva S.B., Veselova I.S., Marinicheva Yu.Yu., Petrova (Matvievskaya) L.F. Primary Signs / Assigned Reality, St. Petersburg, 2017, 334 p. (In Russian).

Chervaneva V.A. Speech genres of mythological text: subgenre of personal interpretation. *Vestnik VGU* = Bulletin of Voronezh State University, 2017, no. 1, pp. 76–78. (In Russian).

Chervaneva V.A. Between mythological stories and folktales: linguistic markers of genre. *Vestnik slavianskikh kul'tur* = Bulletin of Slavic Cultures, 2020, no. 56, pp. 101–114. (In Russian).

Chervaneva V.A. The anthropological turn in folklore studies: A look at the classification of oral prose in the light of a new paradigm. *Shagi/Steps*, vol. 7, no. 2, pp. 136–155. (In Russian).

Chistov K.V. On the Principles of Classifying Genres of Oral Folk Prose. Chistov K.V. *Fol'klor. Tekst. Traditsiya* = Folklore. Text. Tradition, Moscow, 2005, p. 44–52. (In Russian)

The famine of 1941–1945 in the oral stories of the Russian rural population of the Ulyanovsk Volga region, Ulyanovsk, 2017, 84 p. (In Russian).

Great Dictionary of Russian language, St. Petersburg, 1998. Retrieved from: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/> (In Russian).

Dictionary of the Russian language: in 4 vols, Moscow, 1981–1984. (In Russian).

Drannikova N.V. “They transported us for a whole month in cattle cars”: Memories of the descendants of special settlers in the narrative tradition of Arkhangelsk residents. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* = Proceedings of Petrozavodsk State University, 2019, no. 3, pp. 8–16. (In Russian).

Efremova T.F. New dictionary of the Russian language. Explanatory and word-formation, Moscow, 2000. (In Russian)

Ivanova A.A. Belief and bylichka as genre strategies for preserving and transmitting mythological information. *Traditsionnaya kul'tura* = Traditional Culture, 2004, no. 1. pp. 70–74. (In Russian)

Kormina Zh.V., Shtyrkov S.A. The World of the Living and the World of the Dead: Methods of Contact (Two Variants of the Northern Russian Tradition). *Vostochnoslavyanskiy etnolinguisticheskiy sbornik. Issledovaniya i materialy* = East Slavic Ethnolinguistic Collection. Research and Materials, Moscow, 2001, pp. 206–231. (In Russian).

Krinichnaya N.A. Russian Folk Mythological Prose, vol. 1, St. Petersburg, 2001, 580 p. (In Russian).

Levkievskaya E.E. Pragmatics of the Mythological Text. *Slavyanskiy i balkanskiy fol'klor* = Slavic and Balkan Folklore, iss. 10: Semantics and Pragmatics of the Text, Moscow, 2006, pp. 150–214. (In Russian).

Levkievskaya E.E. Polesie Ideas about the Walking Dead. *Zhivaya starina* = Living Antiquity, 2013, no. 1, pp. 33–35. (In Russian).

- Lipatova A.P. *Variability of the Legend*, Moscow, 2019, 215 p. (In Russian)
- Lipatova A.P. "This is not a fable, but the truth": on the issue of the reliability of the legend. *Fol'klor: struktura, tipologiya, semiotika* = Folklore: structure, typology, semiotics, 2020, vol. 3, no. 3, pp. 28–65. (In Russian).
- Lopatin V.V., Lopatina L.E. *Russian explanatory dictionary*, Moscow, 1998, 834 p. (In Russian).
- V.P. Zinoviev (Ed.). *Mythological stories of the Russian population of Eastern Siberia*, Novosibirsk, 1987, 400 p. (In Russian).
- Vinogradova L.N., Levkivskaya E.E. (Ed.). *Folk demonology of Polesia: Publications of texts in records of the 80–90s of the XX century*, vol. 2, Moscow, 2012, 800 p. (In Russian).
- Neklyudov S.Yu. *Themes and variations*, Moscow, 2016, 520 p. (In Russian).
- Neklyudov S.Yu. To the reader. *Fol'klor: struktura, tipologiya, semiotika* = Folklore: structure, typology, semiotics, 2018, vol. 1, no. 1–2, pp. 11–14. (In Russian).
- Novik E.S. To the typology of genres of non-fairy-tale prose of Siberia and the Far East. *Fol'klornoenasledieniarodovSibiriidal'negoVostoka* = Folklore heritage of the peoples of Siberia and the Far East, Gorno-Altaisk, 1986, pp. 36–48. (In Russian).
- Novik E.S. *Ritual and folklore in Siberian shamanism. An attempt to compare structures*, Moscow, 2004, 302 p. (In Russian).
- Onchukov N.E. *Fairy tales and storytellers in North*. Onchukov N.E. *Severnyeskazki* = Northern Tales, vol. 1, St. Petersburg, 1998, pp. 26–52. (In Russian).
- Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Explanatory dictionary of the Russian language*, Moscow, 1994, 928 p. (In Russian).
- Paducheva E.V. Vinogradov and the Science of the Language of Fiction. *Izvestiya RAN. Seriya literaturyiyazyka* = Bulletin of the Russian Academy of Sciences, 1995, vol. 54, no. 3, pp. 39–48. (In Russian).
- Pomerantseva E.V. *Genre Features of Russian Bylichkas. Istorya, kul'tura, fol'klor i etnografiya slavyanskikh narodov* = History, Culture, Folklore, and Ethnography of the Slavic Peoples, Moscow, 1968, pp. 274–292. (In Russian).
- Pomerantseva E.V. *Russian Oral Prose*, Moscow, 1985, 272 p. (In Russian).
- Propp V.Ya. *Poetics of Folklore*. Moscow, 1998, 352 p. (In Russian).
- Razumova I.A. *Fairy tale and bylichka*, Petrozavodsk, 1993, 109 p. (In Russian).
- Razumova I.A. *Secret knowledge of the modern Russian family. Everyday life. Folklore. History*, Moscow, 2001, 376 p. (In Russian).

Shchepanskaya T.B. (Ed.). Russian North. Identities, memory, biographical text. On the 95th anniversary of K.V. Chistov, iss. 1, St. Petersburg, 2017, 356 p. (In Russian).

Shevarenkova Yu.M. Legends-bylichki as a Genre Type of Folklore Legend. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* = Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky, 2003, no. 1, pp. 52–57. (In Russian).

Shevarenkova Yu.M. Research in the Field of Russian Folklore Legend, N. Novgorod, 2004, 214 p. (In Russian).

Fairy tales and songs of the Belozersk region. Recorded by Boris and Yuri Sokolov, Moscow, 1915, XVI, CXVIII, 666 p. (In Russian).

Sokolova V.K. Depiction of reality in different folklore genres (based on the relationship between legends and historical songs and tales). *Russkiy fol'klor* = Russian folklore, vol. 20, Leningrad, 1981, pp. 35–44. (In Russian).

Tolstaya S.M. Semantic categories of language of culture: Essays on Slavic Ethnolinguistics, Moscow, 2010, 368 p. (In Russian)

Tolstoy N.I. Bylichki *Slavyanskie drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar'* = Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary, vol. 1, Moscow, 1995, pp. 278–280. (In Russian).

Utehin I. Oral stories about the siege experience: testimonies of different generations. *Antropologicheskiy forum* = Anthropological forum, 2006, no. 5, pp. 325–344. (In Russian).

Vinogradova L.N. Bylichki and demonological beliefs: the boundaries of the folklore text. *Zhivayastarina* = Living Antiquity, 2004, no. 1, pp. 10–14. (In Russian).

Zueva T.V., Kirdan B.P. Russian folklore, Moscow, 2002, 400 p. (In Russian).

Sydow C.W. Kategorien der Prosa-Volksdichtung. Selected Papers on Folklore, Copenhagen, 1948, p. 60–88.

Lyons J. *Semantics*, vol. 2, Cambridge, 1977, 897 p.

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННАЯ СТРУКТУРА СТИХОТВОРЕНИЯ Н.П. ГРОНСКОГО «АНГЕЛ СЕВЕРА»: МЕЖДУ ВЕЧНОСТЬЮ И БЫТИЕМ

Г.М. Маматов

Ключевые слова: Н. Гронский, северный миф, пространственно-временная структура, литература русского зарубежья, русская поэтическая традиция

Keywords: N. Gronsky, northern myth, space and temporal structure, literature of the Russian émigré, Russian poetical tradition

DOI: [https://doi.org/10.14258/filichel\(2025\)4-10](https://doi.org/10.14258/filichel(2025)4-10)

B ведение

Статья посвящена исследованию пространственно-временной структуры миниатюры Н.П. Гронского «Ангел Севера».

Поэзия представителя первой волны русского зарубежья Н.П. Гронского нечасто привлекала внимание исследователей. На данный момент известна лишь статья Д.В. Токарева, посвященная пьесе «Из жизни Спинозы» [Токарев, 2019]. Такая малоизученность его лирики является бесспорным упущением в современной эмигрантологии. Прежде всего, это связано с самобытной «северной мифологией» в творчестве Гронского, отличающей его от других поэтов-эмигрантов первой волны и заслуживающей пристального изучения. Необходимо отметить, что в поэзии Гронского можно говорить о центральности категорий пространства и времени, что доказывает наблюдение М.И. Цветаевой: «Где же, господа, неизбежное эмигрантское убожество тем, трагическая эмигрантская беспочвенность? Всё здесь — почва: благоприобретённая, пешком исхоженная почва Савойи, почва медонских римских дорог, и в крови живущая отечественная почва тверской земли, и родная, финляндская, и библейская — Сиона и Синая, и небесная, наконец — Валгаллы и авионов» [Цветаева — Гронский, 2004, с. 229]. В данном утверждении Цветаева проницательно выделяет, что поэт создал немало мифологизированных «топологических сверхтекстов» (термин Н.Е. Меднис [2003, с. 10]), как известных в русской литературе, так и практически не возникавших на ее страницах, что представляет несомненный научный интерес.

В особенности это касается «северного текста» или, как пишут Н.В. Барковская и Д.В. Токарев, «северного мифа» поэта, который

базируется на традиции Серебряного века. Обратимся к следующему тезису Н.В. Барковской: «Устремлённость к Северу связывалась с духовной вертикалью, а путешествие на Север представляло духовным странствием, выходом из кризиса, поиском абсолюта и свободы духа. В крайнем своём проявлении тяготение к Полюсу есть тяготение к смерти. <...> „Младшие“ символисты в своём творчестве стремились не за пределы мира реального, а к преображению действительности и рождению нового человека. Север представлял в их произведениях территорией инициации, важной частью посвятительного пути, солярным миром» [Барковская, 2018, с. 201–202]. Для модернистов, в частности, для акмеистов и символистов, основные мифы, связанные с Гипербореей, Атлантидой и Скифией, выражают их идею о России как наследнице великих северных цивилизаций, в чем она противопоставлялась остальной Европе, которая рассматривалась ими как воплощение южных романских империй Греции и Рима [Токарев, 2019, с. 203]. Гронский наследует традиции в том, что он создает миф о России-Гиперборее: «Но горы, послушайте только: внизу юг (греческий орех, тополь — для меня это Крым 1917-го года), повыше какие-то границы, границы и Россия — север России: ель, берёза, ольха, и рожь, и рябина и осина, а выше выше моя родина Финляндия: ель, ель, ель, вереск, вереск, камень, лишай, мох; а еще выше — тоже Россия, но та Россия гиперборейцев: скалы, лёд, снег, а после — ничего — небо». При этом нельзя не выделить, что Д.В. Токарев относит к мифологической России-Гиперборее и другие типичные в культуре северные пространства: «Это Россия викингов, финских племен, легендарного града Китежа и святых отшельников. Другой России Гронский просто не знал, и его память о ней питалась скорее коллективными мифами, нежели личным опытом» [Токарев, 2019, с. 202]. Токарев выделяет, что создаваемый Гронским северный миф соотносится с темой потерянной родины, которую сам поэт покинул в детском возрасте во времена Гражданской войны. По мысли исследователя, все «северные» пространства, в которых развертываются действия стихотворений и поэм Гронского, куда входят берега Ледовитого океана, Финляндия, Швеция, Ливония, Валгалла, Голландия, Альпы и Древняя Русь, являются проекцией покинутой Отчизны. Бессспорно, данная мысль справедлива, что доказывается благодаря обращению к корпусу произведений поэта, в чём творчестве экзистенциальный кризис эмигранта, стремящегося к обретению родной земли и грезящего о ней на «чужих берегах», находит очень четкое отражение («Музу горных стран», «Воспоминание», «Россия», «Эльдорадо»).

Результаты исследования

В творчестве Гронского встречаются произведения, где северный миф связан не только с темой покинутой Родины, но и с экзистенциальными и религиозными мотивами, размышлениями об историческом процессе и роли личности в развитии эпохи, отчего данные стихотворения отличаются сложностью при интерпретации и имеют несколько смысловых пластов. Образцом такой философской лирики становится миниатюра «Ангел Севера», во многом отразившая поэтические и эстетические идеалы Гронского. Данное стихотворение было написано в мае 1933 года в Брюсселе и опубликовано посмертно в книге «Стихи и поэмы», изданной в Париже в издательстве «Парабола» в 1935 году. Приведем текст стихотворения целиком:

«Снега, снега — священные, седые...»

Леса стран Севера — священные седые:

Кумирни древние языческих племён.

Ливонии равнины ледяные,

Руины замков рыцарских времён.

Спят мёртвым сном в соборах паладины

В священных латах, в орденских плащах.

— Всё стало рунами, когда легло в руины,

И вечностью, когда распалось в прах.

Вас сторожит, с мечом, исполнен думы,

Из синих льдов, из царства звёздных зим

Хранитель Севера сам ангел стран угрюмых,

Один в снегах крылат и недвижим.

(Николай Гронский. Стихи и поэмы. 1935. С. 124).

Композиция миниатюры, на наш взгляд, во многом обусловлена особенностями пространственно-временной структуры. Она делится на три смысловые части. Первая (строфа № 1) — прелюдия к основному лирическому сюжету, представляющая собой зимний пейзаж; вторая часть (строфа № 2) — описание сна-смерти рыцарей в соборе, погружение в прошлое, что противопоставлено первой части, где действие развертывается в настоящем. Второй катрен, в свою очередь, делится на две смысловые части, что обусловливает синтаксическую паузу между стихами № 2 и 3. Первое двустишие возможно рассматривать как продолжение описания пространства в первой строфе, в дан-

ном случае речь идет о сужении художественного мира от открытых просторов лесов к закрытым пространствам соборов-гробниц. Второе двустишие допустимо трактовать как смысловой центр, в котором содержится главная тема стихотворения: воинский подвиг во имя Христа, дарующий бессмертие и вечность, превращающий кратковременное бытие в «руны и символы». Третья часть (строфа № 3) посвящена Ангелу Севера. Композиционная «неровность» второй строфы компенсируется «ровностью» первой и финальной строф, а четкая синтаксическая пауза, маркированная тире между вторым и третьим стихами, делит стихотворение на две ровные части. Учитывая одинаковое количество стихов перед и после этой паузы (6 стихов с обеих сторон) и то, что первая и третья строфы посвящены описаниям, действие которых разворачивается в настоящем, второй катрен, посвященный прошлому, можно трактовать как композиционно-смысловую сердцевину стихотворения. Возможно предположить мысль о стремлении автора к пропорциональности структуры миниатюры. Таким образом, «Ангел Севера» представляет собой композиционно законченный трехчастный текст, строящийся по схемам: Завязка — Кульминация — Развязка; Описание — Сюжет — Описание. Еще одной особенностью композиции может быть рассмотрение ее как кольцевой, что создается благодаря смыслу и синтаксическим особенностям стихотворения. Закольцованность произведения также соотносится с его пространственно-временной структурой, что можно представить в виде двух схем: Настоящее — Прошлое — Настоящее и Открытый мир — Закрытое пространство — Открытый мир.

Следует рассмотреть эпиграф, который в измененном виде повторится в первом стихе «Снега, снега — священные, седые». Данная строка взята из поэмы Гронского «Михаил Черниговский и Александр Невский», из главы, посвященной погибшим во время Ледового побоища с русским войском крестоносцам:

*Лик припечатан при Ижоре:
Был княжеский удар копья!
Хмур за седым Варяжским морем
Угрюмый родич короля.*

*Тиха над Оденом суровым
Зима, одни леса шумят.
Сон о побоище ледовом
Монахи помнят и молчат.*

*Молчат о том, как на поляне,
От льдов побоища вдали,
Бискуп и Божие дворяне
Тела товарищей нашли.*

*Покрыты ордена плащами,
Лежали меченосцы в ряд,
Глядели мёртвыми глазами
И в их зрачках горел закат.*

*Смерть — над крестами роковыми —
Бог, тишина и страх лесов.
Храпели кони под живыми
И пятались от мертвецов.*

*Лежали строем паладины,
И страх замёрз у них в глазах.
Ни человечий, ни звериный
Не виден след был на снегах.*

*Страшна страна: кругом глухие
Темны леса оснежены.
Снега — священные, седые,
Снега и тайна тишины.
(Там же, с. 137–138).*

В поэме паладины воспринимаются как исторические враги, захватчики, напавшие на Русь. Важным моментом является мотив зрения: на глазах погибших рыцарей отразился ужас кровавой битвы. В стихотворении «Ангел Севера» паладины «спят мёртвым сном», глаза их закрыты. Меняется и темпоральная структура: в поэме действие развертывается буквально через некоторое время после событий на Чудском озере. В «Ангеле Севера» лирический герой находится в Ливонии уже через много веков после событий, описанных в поэме. Мотив сна в стихотворении связан с уходом в вечность, обретением бессмертия и преодолением времени. В обоих произведениях подчеркивается связь рыцарей с Богом, их священный долг: в «Михаиле Черниговском» паладины названы «Божиими дворянами». В обоих случаях поэт подразумевает, что усопшие воины фанатично преданы христианской вере. В обоих произведениях также возникает Ангел Севера, причем в поэме под ним подразумеваются разные герои. Прежде всего это Хранитель священных снежных стран:

«И ветер стран священных Севера / Снежит Брабанта города / И в синих странах, странах вечера, / Звенят, как струны, провода. / <...>/ Над градом поднят меч архангела, / Маяк зажёг свою свечу; / Сижу один, рисую ангелов / И арфы с ликами черчу» [Николай Гронский. 1935. С. 130–131].

В поэме возникают и Ангелы России, которыми становятся князья, защищавшие отечество от врагов: «Почтимте же — челом склонимся долу — Двух ангелов Российских страны, / Понеже ближе не стоят к престолу / И серафимов тайные чины»; «Сей Дух палящ, как уголь кадила, / Сей смертный Ангела достиг: / Прими — Святого Михаила, / Небесных сил Архистратиг!»; «Иль чудо озера Чудского: / Снега и льды и битвы пыл? / Творил ли он молитвы слово / Или в безмолвье с Богом был? / — Всей жизни дни твои святые / Для мига этого ты жил: / Между костров, в орде Батыя, / Как ангел Севера, ты был» (Там же, с. 133, 137, 141). Факт наличия повторяющихся образов и мотивов (меч, Ангел Севера, снег, северные страны) допускает предположение, что стихотворение является продолжением поэмы. При этом концепция пространства в анализируемом произведении изменена. В поэме слово «страна» имеет старославянское значение «сторона», т.е. часть света. Северные страны — это цивилизация, в которую, исходя из анализа других стихов и писем Гронского, входят и Скандинавия, и Ливония, и даже Альпы¹. Во многом Гронский следует заветам Серебряного века, в его поэзии появляются норманны, варяги и скифы, представлявшиеся в культуре модерна предками восточных славян [Солнцева, 2010]. В отличие от них, ливонские рыцари в стихотворении и поэме никак не связаны с Россией. Другим важным моментом является то, что в «Ангеле Севера» герой находится на «противоположном берегу». Возможно, что ливонские ледяные пустыни и суровые леса осмыслены как, с одной стороны, враждебный герою мир, а с другой стороны, как пространство эмиграции, в котором герой чувствует себя потерянным и лишенным родной земли.

¹ Пространство северной цивилизации у Гронского возникает довольно часто в мифологических ипостасях, примером чего служит поэма «Валгалла» (1932): «Престол Отца — творенья дым — туманы, / Лик кротости, лик тиходи был Сын... / Се в царство севера, — в полуночные страны / Приносит Царство Духа серафим. / О кротости, о тиходи, о Духе... / Недвижны каменели лица скальдов, / Как лики женские на арфах их резных, / И струны арф звенели скальдам: — Бальдур! / Блаженный Бог священных стран весны» (Николай Гронский. 1935. С. 92).

Стоит выделить, что развитие пространственной структуры в стихотворении близко фольклорному приему «ступенчатого сужения образов», характерному для народных песен [Соколов, 1926]. Этот прием заключается в переходе от широкого пространства к более узкому². В стихотворении это происходит в первых шести стихах: от лесов Севера (сторона света) к равнинам Ливонии (конкретная страна), к руинам замков (открытое пространство) и старинным соборам-гробницам (сужение до закрытого локуса). С седьмого стиха начинается обратный процесс «ступенчатого расширения пространства»: от соборов к бескрайнему северу, причем оно расширяется до бесконечности и в высоте, и в широте: «*Из синих льдов, из царства звёздных зим*», «*из стран угруемых*». Несмотря на это расширение, действие в третьей строфе по смыслу фокусируется в одной точке: в месте, где находится Ангел. Другим важным моментом является соединение реального и иреального миров, вся пространственная структура стихотворения строится на двоемирье (Северные страны Ангела и равнинны Ливонии), а также на пространстве прошлого и настоящего: Ливония как крупная страна на Балтийском море с ее рыцарскими орденами относится к прошлому, а снежная равнина-пустыня с руинами замков — к настоящему.

Схожие особенности можно наблюдать и при анализе временной структуры стихотворения. Наиболее простая ее трактовка сводится к цепочке настоящее — прошлое — вечность. Следует отметить близость категории темпоральности в «Ангеле Севера» романтической традиции, а именно к мотиву стремления к божественной вечности: «идеальная жизнь есть жизнь в любви, в творчестве <...>, в Боге (“божество” опять же не только метафорично; бесконечное у романтиков — это мир Бога, а значит, мир абсолюта — абсолютной истины, абсолютного добра, абсолютной красоты; бесконечное религиозно). Идеальная жизнь это и есть жизнь, потому что жизнь вне бесконечного, вне идеала, вне “ты”, жизнь в конечном — не жизнь <...> бесконечное подобно точке, в которой сфокусировано Всё, и это означает, что каждый компонент бесконечного расширен до бесконечного, есть бесконечное, поэтому-то и лексика, образующая романтический текст, есть синонимическая лексика» [Федоров, 1986, с. 6]. Слава и подвиги рыцарей даровали им бессмертие и преодоление пространственно-временного кон-

² Ср. с русской народной песней из сборника А.К. Лядова: «Снега белые пушистые / Покрывали все поля; / Одно лишь не покрыли: / Горя лютого моего. / Среди поля есть кусточек, / Одинёшеньек стоит, / Его ветки клонят к земле, / И листочков нет на нём» (А.К. Лядов. Сборник русских народных песен. 1898. С. 12).

тинуума и обретение абсолютного божественного совершенства. Образом, воплощающим христианскую запредельность, является Ангел-Меченосец, высшее воплощение духовного мужества и силы. Таким образом, пространственно-временная структура выстраивается в виде следующей схемы (рис. 1 и 2):

Рис. 1. Пространственная структура «Ангела Севера»

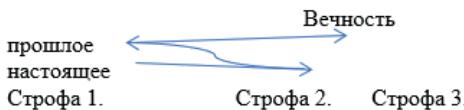

Рис. 2. Темпоральная структура «Ангела Севера»

В обоих случаях наблюдается восходящая траектория. Герой и Ангел находятся в определенный момент в одной пространственной точке в конкретное мгновение думы, однако метафизический план, задаваемый этой рефлексией, возвышает их ввысь, в плоскость трансцендентного, где отсутствуют какие-либо земные категории, в том числе и категория смерти, мотив преодоления которой экзистенциален. Пространство снежной пустыни («Ливонии равнина ледяная») в романтизме символизировал душевную пустоту героя [Янушкевич, 2015]. В русском зарубежье первой волны данная проблема особенно актуальна в связи с потерей родины и попыткой осознать себя в чужом мире. В экзистенциальной философии Н. Бердяева, смерть — это «врата в вечность», которой в стихотворении становится «царство звёздных зим»: «Только христианство прямо смотрит в глаза смерти, признает и трагизм смерти, и смысл смерти и вместе с тем не примиряется со смертью и побеждает ее. <...> Человек и смертен и бессмертен, он принадлежит и смертоносному времени и вечности, он и духовное существо, и существо природное. Смерть есть страшная трагедия, и смерть че-

рез смерть побеждается Воскресением» [Бердяев, 1993, с. 233]. В стихотворении сильна именно христианская символика. Рыцари, отдавшие свою жизнь во имя Христа, видятся как мужественные герои, чье дело никогда не превратится в прах. Их мученичество дарует им бессмертие и славу, возвышающую их над земным бытием.

В данном случае необходимо отметить соединение двух противоположных в поэзии тем: кратковременность человеческого бытия и цивилизации и бессмертия, даруемого верой. Неувядаемая слава рыцарского и христианского подвига противопоставлена сиюминутному существованию человеческой цивилизации. Руины замков и средневековых городов, расположенные в поросших лесами снежных пустынях, возможно, также отсылают к поэзии романтизма («Озимандия» П.Б. Шелли) и Г.Р. Державина, чьему творчеству Гронский посвятил свою диссертацию, которую он писал в Брюссельском университете: «Конец 1933 года и 1934 год он готовил под руководством проф. Legras тезу о Державине. Ранняя смерть прервала предпринятую им работу» [Гронский, 1936, с. 6]. В данном случае речь идет о стихотворении «Река времён в своём стремленьи...» (1816): «Река времён в своём стремленьи / Уносит все дела людей / И топит в пропасти забвенья / Народы, царства и царей» [Державин, 1957, с. 360]. Данное произведение сам Гронский неоднократно цитирует в других своих произведениях («Сион и Синай»). В то же время в «Ангеле Севера» можно говорить о связи с традиционной для русской поэзии темой «нерукотворного памятника». Это подчеркивается и использованием alexandrijских стихов (1–2 в первой строфе, № 3 — во второй и третьей), которыми написаны знаменитые произведения Г.Р. Державина и А.С. Пушкина. Рассмотрим стихи «Всё стало рунами, когда легло в руины, / И вечностью, когда распалось в прах» — оба стиха представляют собой почти идентичные метафорические конструкции и объединены параллелизмом (когда легло в руины — когда распалось в прах). В данных стихах возникают мотивы бессмертия и вечного величия рыцарской эпохи, где торжествовали благородство, честь и доблесть. Угадывается связь с «Памятниками» Державина и Пушкина: великие дела во имя добродетели и духовного идеала и творческое наследие поэта обретают бессмертие, в отличие от материальных ценностей:

Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный,
Металлов тверже он и выше пирамид;
Ни вихрь его, ни гром не сломит быстротечный,
И времени полёт его не сокрушит.

Так! — весь я не умру, но часть меня большая,
От тлена убежав, по смерти станет жить,
И слава возрастёт моя, неувядая,
Доколь славянов род вселенна будет чтить
(Гавриил Державин. Стихотворения. 1957. С. 233).

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не заростет народная тропа,
Вознесся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.

Нет, весь я не умру — душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит —
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пинг.
(Александр Пушкин. Стихотворения. 1954. Т. 1. С. 526).

Однако у Гронского истинная цель в жизни не только поэта, но и человека, является служение Богу, готовность пожертвовать во имя веры и религиозных ценностей собственной жизнью. Нельзя не отметить и использование основных тропов, которые описывают пространственно-временную структуру стихотворения. Прежде всего отметим лексические повторы, соединяющие первую и вторую строфы: «священные леса» — «священные латы». Пространство средневековой Ливонии и ее слава сакральны для героя, как и подвиги ее рыцарей, отправившихся на смерть во имя христианской веры. Выделим и другой повтор, объединяющий эти катрены: *руины замков* — «когда легло в руины». Допустимо говорить о нарастании количества смыслов в слове «руины» от прямого значения (руины города, башни, замка, камено-ломни) к переносному, связанному с эсхатологическими мотивами (руины средневековой Ливонии, разрушенной войнами).

Из тропов, также описывающих пространственно-временную структуру стихотворения, можно выделить эпитеты и метафоры. Историческое прошлое связано с сакральностью и божественностью, на что указывают эпитеты «седые» и «священные», относящиеся к красоте и вечности лесов, которые описаны как «*Кумирни древние языческих племён*». Леса воспринимаются как храм, где свершались поклонения силам природы. В то же время помимо священных лесов в первой строфе возникают «ледяные равнины», что подчеркивает безжизненность реального пространства, на котором находятся руины замков рыцар-

ских времен и которое герой видит перед собой. Это мир реальный, существующий в настоящем, которое враждебно герою. Данной действительности помимо вечной и прекрасной Природы противопоставлена трансцендентная родина Ангела Севера, названная «царством звездных зим». Данная метафора связана с божественными космическими просторами: вечными и идеальными.

Исходя из проведенного анализа, можно отметить, что в стихотворении противопоставлены реальный и ирреальный миры, а также настоящее и прошлое и настоящее и вечность. Данное противопоставление реализовано не только на мотивно-образном уровне, но также благодаря особенностям поэтического синтаксиса и морфологии. Выделим прежде всего специфическое «глагольное движение». В миниатюре возникают две «грамматические оппозиции». Во-первых, противопоставление по категории времени: настоящее-невременное в глаголах «сторожит» и «спят» противоположно прошедшему в глаголах, которые по смыслу связаны с падением и смертью («пал», «распалось»). Во-вторых, оппозиция предельного («стало», «распалось», «легло») и непредельного («спят», «сторожат») способов глагольного действия. Грамматические особенности связаны с противопоставлением вечности и скоротечности. Не менее важно развитие категории действия, основополагающей для глагола, которая в стихотворении имеет очень специфические воплощения.

Первая строфа представляет собой «безглагольный» катрен, в котором акцентируется внимание на объектах восприятия. Это четверостишие состоит из двух сложных бессоюзных предложений, первое из которых делится на простое двусоставное с составным именным сказуемым с опущенным глаголом-связкой, а второе разделено на два назывных. Во второй строфе синтаксическая структура изменена. Если в первой строфе подлежащее стояло вначале каждой строки и после него следовали сказуемые, выраженные полными прилагательными, и определения, то первый стих второй строфи начат со сказуемого и окончен подлежащим, переставленным из начала в конец: «*Спят мёртвым сном в соборах паладины*». Вторая строфа состоит из двух заключенных синтаксических конструкций, представляющих собой усложненные простые предложения. В отличие от предыдущего катаэна, во втором поэт использует четыре сказуемых, выраженных глаголами: «спят паладины»; «всё стало (рунами), легло, распалось». Необходимо отметить и большую экспрессивность данной строфы, в отличие от первой, что реализовано благодаря использованию инверсий. Третья строфа представляет собой бессоюзное сложное предложение,

как и первая. В этой инверсивной конструкции глагол возникает лишь в первом стихе: «*Вас сторожит, с мечом, исполнен думы*». И здесь начинается движение к «утрате глагольности», к постепенному переходу от динамики к статике, намеченному в первой строфе, причем достигнуто это парадоксально благодаря использованию сказуемых, выраженных кратким причастием «*исполнен*» и краткими прилагательными «*крылат*» и «*недвижим*», а также выделенной оппозиции настоящего-временного и прошедшего-свершившегося. Подчеркивается полное отсутствие движения, абсолютно статичное состояние не только Ангела, но и всего окружающего его мира, но прилагательное «*крылат*» имеет несколько иной смысл: Ангел недвижим, но он способен взлететь в случае опасности, грозящей оберегаемому им Северу. Во второй части этого предложения в последнем стихе возникает составное-именное сказуемое («*Один в снегах крылат и недвижим*»), которое появляется в первом стихе первой строфы, что закольцовывает стихотворение на синтаксическом уровне, что согласуется с идеями о кольцевом обрамлении внутренней композиции лирических стихотворений В.М. Жирмунского [Жирмунский, 1921, с. 69]. Закольцованность стихотворения реализована также на мотивном уровне благодаря начинаящей и оканчивающей произведение теме снега. Все это соотносится с пониманием реального мира как разрушенного и мертвого, противопоставленного в своей статичности как сфере прошлого, так и «звездному» Космосу Ангела, и сну рыцарей. Морфологическая структура стихотворения отличается разнообразием, вариативностью и экспрессией. Это подчеркивается специфическим использованием глагольных конструкций и кратких прилагательных, создающих анти-действие, статику, причем построено это использование глагольных форм можно рассмотреть в вид цепочки статика — динамика — статика, причем тенденция к безглагольности соотносится с рефлексией героя, его погружением в раздумья об истории и вечности на фоне статичного зимнего пейзажа.

Заключение

Пространственно-временная структура стихотворения Н.П. Гронского «Ангел Севера» имеет ряд определенных особенностей. Во-первых, она строится на противопоставлении нескольких категорий: Прошлое — Настоящее, Настоящее — Вечность; Реальность — Сон; Земной мир — Звездный Космос, идеальное пространство Ливонии — мертвая реальность. Данные оппозиции связаны с религиозными идеями Гронского. Истинная цель в жизни человека представляет собой свершение подвига во имя веры и духовных убеждений, прохождение мучениче-

ского пути Христа. В стихотворении противопоставлены священные деяния рыцарей, боровшихся во имя веры, и человеческое бытие, кратковременное и беспомощное перед безжалостным потоком времени. С этим связаны и аллюзии к русской поэтической традиции, в частности к «Реке времён» Г.Р. Державина, и «Памятникам» поэта-классициста А.С. Пушкина, в которых искусство и духовная деятельность творца бессмертны и противопоставлены мимолетной жизни человека.

Миниатюру Гронского возможно трактовать и в соотнесенности с «северным мифом» поэта. С одной стороны, стихотворение связано с поэмой об Александре Невском, где рыцари-меченосцы представлены как враги русского народа, с другой стороны, пространственно-временная структура лишь опосредованно связана с Россией. Действие стихотворения развертывается в Ливонии среди руин замков и германских соборов, что может быть символическим воплощением темы эмиграции, «чужого берега», где герой чувствует свое духовное одиночество, экзистенциальный кризис, ибо пространство, окружающее его, описано как мертвое и ледяное, лишенное всякого движения и жизни. Данная статичность проявляется и благодаря особенностям поэтической морфологии и синтаксиса. В стихотворении обнаруживается тенденция к безлагольности, создающая статичную картину оледеневшего мира. Этому противопоставлена рефлексия над прошлым перед увиденными руинами замков и соборами-гробницами, где «спят» рыцари, чьей подвиг вечен и побеждает смерть.

Библиографический список

Барковская Н.В. Север как «иное» пространство в русском модернизме // Проблемы исторической поэтики. 2018. Т. 16, № 1. С. 189–206.

Бердяев Н.А. О назначении человека. М.: Республика, 1993. 383 с.

Жирмунский В.М. Композиция лирических стихотворений. СПб.: ОПОЯЗ, 1921. 112 с.

Меднис Н.Е. Сверхтексты русской литературы. Новосибирск: Издво НГПУ, 2003. 170 с.

Соколов Б.М. Экскурсы в область поэтики русского фольклора // Художественный фольклор. 1926. № 1. С. 30–53.

Солнцева Н.М. Скиф и скифство в русской литературе // Историко-культурное наследие: Ученые записки Орловского государственного университета. 2010. № 4. С. 147–159.

Токарев Д.В. Державин в гостях у Спинозы: мистика и поэтика Сева-ра в «Сценах из жизни Спинозы» Николая Гронского // *Scando-Slavica*. 2019. № 65. С. 192–211. <https://doi.org/10.1080/00806765.2019.1672093>

Федоров Ф.П. Пространственно-временная организация стихотворения А.С. Пушкина «К***» («Я помню чудное мгновенье») // Пушкин и русская литература : сб. науч. трудов. Рига. Изд-во Латвийского государственного университета им. П. Стучки. 1986. С. 4–15.

Цветаева М.И., Гронский Н.П. Несколько ударов сердца: письма 1928–1933 годов. М.: Вагриус, 2004. 321 с.

Янушкевич А.С. Русская романтическая монтанистика 1810–1830-х гг. как имагологический и компаративистский текст // Имагология и компаративистика. 2015. № 2 (4). С. 5–19.

Источники

Гронский Н.П. Стихи и поэмы. Париж: Парабола, 1935. 215 с.

Державин Г.Р. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1957. 472 с.

Лядов А.К. Сборник русских народных песен. Лейпциг: Изд-во М.П. Беляева, 1898. 40 с.

Пушкин А.С. Стихотворения ; в 2 т. Т. 1. М., 1954.

References

Barkovskaya N.V. Nord as “another” space in the Russian Modern. *Problemy istoricheskoy poetiki* = Problems of Historical Poetics, 2018, 16 (1), pp. 189–206. (In Russian).

Berdyaev N.A. About the appointment of a person, Moscow, 1993, 383 p. (In Russian).

Mednis N.E. “Supertexts of Russian Literature”, Novosibirsk, 2003, 170 p. (In Russian).

Sokolov B.M. Excuses in the territory of the poetic of Russian folklore. *Hudozhestvennyj fol'klor* = Art folklore, 1926, no 1. pp. 30–53. (In Russian).

Solntseva N.M. Scythian and Scythianism in the Russian literature. *Istoriko-kul'turnoe nasledie: Uchyonye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta* = Historical and cultural heritage: Scientific notes of the Oryol State University, 2010, no. 4, pp. 147–159. (In Russian).

Tokarev D.V. Derzhavin Visits Spinoza: Mysticism and Poetics of the North in Nikolai Gronsksy’s “Scenes from the Life of Spinoza”. *Scando-Slavica*, 2019, no. 65, pp. 192–211. <https://doi.org/10.1080/00806765.2019.1672093> (In Russian).

Tsvetaeva M.I., Gronskij N.P. A Few Heartbeats: Letters from 1928–1933, Moscow, 2004, 321 p. (In Russian).

Fyodorov F.P. Space and temporal structure of the A.S. Pushkin's poem «К***» ("I remember a wonderful moment"). *Pushkin and Russian literature* = Pushkin and Russian literature, Riga, 1986, pp. 4–15. (In Russian).

Yanushkevich A.S. Russian romantic montanistic 1810–1830-s as imagology and comparative text. *Imagologiya i komparativistika* = Imagology and Comparative Studies, 2015, no. 2 (4), pp. 5–19. <https://doi.org/10.17223/24099554/4/1>. (In Russian).

Zhirmunskij V.M. Composition of lyric poems, St. Petersburg, 1921, 112 p. (In Russian).

List of Sources

Gronskij N.P. Verses and poems. Paris, 1935. 215 p. (In Russian).

Derzhavin G.R. Poems. Leningrad, 1957. 472 p. (In Russian).

Lyadov A.K. Complete of Russian folk songs. Leipzig, 1898. 40 p. (In Russian).

Pushkin A.S. *Stikhotvoreniya v 2 t. T. 1.* [Poems in 2 vols. Vol. 1.]. Moscow, 1954. (In Russian).

«ЛИШНИЙ ЧЕЛОВЕК» КАК «НОВЫЙ СВЯТОЙ» (ГЕРОЙ РОМАНА А. ИВАНОВА «ГЕОГРАФ ГЛОБУС ПРОПИЛ»*)

М.В. Ларина

Ключевые слова: А. Иванов, «Географ глобус пропил», лишний человек, трикстер, новый святой

Keywords: A. Ivanov, The Geographer Drank His Globe Away, superfluous man, trickster, new saint

DOI: [https://doi.org/10.14258/filichel\(2025\)4-11](https://doi.org/10.14258/filichel(2025)4-11)

Введение

В образе главного героя романа А. Иванова «Географ глобус пропил» запечатлелись основные тенденции процесса переосмысливания типа «лишнего человека» литературой рубежа XX–XXI веков: от обращения к канонической классике до постпостмодернистских исканий новой идеологической парадигмы. Сам писатель отрицает принадлежность Служкина к «лишним людям», определяя Географа как «героя своего времени». А. Иванов отмечает, что роман создавался в условиях социально-политической нестабильности 1990-х годов, когда общество испытывало глубочайшую потребность в устойчивости. Так появился Географ, живущий в соответствии с идеалом, что роднит его не с Рудиным, а с князем Мышкиным¹. Вместе с тем наличие у персонажа идеала не исключает возможности классификации его как «лишнего человека». Образ «Идиота» Ф.М. Достоевского учёные традиционно рассматривают именно в рамках этой литературно-типологической модели. Так, Е. В. Никольский отмечает: «Быть „лишним“ на практике означает не столько быть выше всех в нравственном и духовном плане

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23–18–00408, <https://rscf.ru/project/23-18-00408/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского.

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation № 23–18–00408, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00408/>; Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky.

¹ Алексей Иванов. Последний патриот // ivanproduction.ru [официальный сайт]. Электронный ресурс: <http://ivanproduction.ru/intervyu/poslednij-patriot.html> (дата обращения: 11.12.2024).

<...> сколько постоянно оставаться непонятным. Окружающие <...> будут видеть в нем смутьяна-бунтовщика или сумасшедшего и пресекать любые попытки добиться понимания. Само существование „лишнего“ конфликтно, потому что обычные люди ощущают свою неполноценность рядом с ним, — однако они не склонны видеть в этом стимул к самосовершенствованию, поскольку воспринимают идеи через форму их подачи, а „лишнего человека“ — через призму его телесного и психического облика. Поэтому они стараются вытолкнуть своего антагониста за пределы социума, в бездну одиночества» [Никольский, 2017, с. 9].

Методы и материалы исследования

В настоящем исследовании центральным объектом анализа стал роман Алексея Иванова «Географ глобус пропил» в его авторской редакции 2005 года. Этот художественный текст рассматривается как представительный пример трансформации типа «лишнего человека» в условиях постсоветской эпохи, демонстрирующий синтез традиционного литературного архетипа с героем трикстерской парадигмы.

В качестве материалов для анализа использовался широкий корпус литературоведческих текстов, охватывающих проблематику «лишнего героя», духовного одиночества, аскезы, социальной инаковости и феномена трикстера. Среди них — монография А.Ю. Мережинской, обосновывающая эстетическую парадигму переходного культурного периода [Мережинская, 2001]; исследования Н.В. Ковтун о трикстере в современной русской прозе [Ковтун, 2022; 2023; 2024]; обобщающая статья М.Н. Липовецкого [Липовецкий, 2009]; работа Е.В. Никольского, в которой исследуются внутренние противоречия «лишнего человека» [Никольский, 2017]; а также труды А.С. Подковальниковой, А.К. Костяхиной [Подковальникова, Костяхина, 2016], М. В. Загидуллиной и А.А. Фаустова [Загидуллина, Фаустов, 2008], предлагающие разные интерпретации литературной эволюции лишнего героя на современном этапе.

Особую ценность в качестве материалов исследования представляют публичные высказывания самого автора — А. Иванова, размещенные на официальном сайте и в интервью «Комсомольской правде», где писатель прямо обозначает идеологическую позицию своего героя. Также были учтены критические рецензии и публикации в Lifejournal и научной периодике, позволяющие проследить восприятие образа Географа в профессиональной и читательской среде.

Методологическая рамка исследования основывается на междисциплинарном подходе, объединяющем литературный анализ, культу-

рологические и философские интерпретации. Компонентный анализ использован для структурного изучения образа Виктора Служкина. Особого подхода в этом контексте требуют неоднородные характеристики героя, изображенного одновременно как герой-идеолог и как трикстер. Сравнительно-типологический метод позволил проследить параллели между Служкиным и каноническими «лишними людьми» русской литературы — Рудиным, Обломовым, князем Мышкиным. Эта стратегия показала, как А. Иванов актуализирует классический тип героя сквозь призму новых историко-культурных реалий. Методом интертекстуального анализа раскрывается система авторских отсылок к классическим и современным произведениям, в том числе к роману «Идиот» Ф.М. Достоевского, произведениям И.С. Тургенева, С. Лема и Венички Ерофеева. Историко-культурный контекстуальный анализ послужил для реконструкции эстетических и социологических реалий 1990-х годов — как на уровне портрета героя, его биографии, так и через топику перехода и социальной турбулентности эпохи. Герменевтический и дискурсивный анализ был применен к ключевым эпизодам романа — школьной линейке, походу, сценам любовных конфликтов — с целью выявления философских интенций автора, включая мотив аскезы, отказа от социальной игры и поиска «совершенной любви». Лингвостилистический анализ позволил исследовать особенности языка и речевых характеристик героя: оксюморон имени, самоирония и ироническая подача философских идей, что усиливает трикстерскую модель поведения и механизм обесценивания трагического. Социологически-публицистический метод базировался на изучении интервью, рецензий и критических откликов на роман с целью отразить восприятие образа Географа читательской общественностью и выявить степень решения авторской задачи представления героя как новой формы «святости».

Объединение этих методологических инструментов обеспечило многоуровневое исследование не только образа Географа, но и трансформации архетипа «лишнего человека» в контексте постсоветской реальности. Это дало возможность выявить лежащую в основе романа синтетическую художественную структуру, где сочетания оппозиций трагизма и юмора, идеологии и разрушающей иронии, одиночества и любви формируют новую антропологическую парадигму.

Результаты исследования

Образ Служкина представляет собой переосмыщенную фигуру «лишнего человека», отражающую специфику литературы 1990-х годов.

К «лишним» героям относили Я.О. Глембоцкая², А.С. Подковальникова [Подковальникова, Костякина, 2016], М.В. Загидуллина, А.А. Фаустов [Загидуллина, Фаустов, 2020] и др. Эпиграфом к роману служит фраза из «Кибериады» С. Лема: «Это мы — опилки». Высказывание задает ключевую тональность текста, одновременно помещая «Географа» в ряд произведений о «маленьких людях» и отсекая попытки искать скрытый подтекст (достаточно вспомнить, что у Лема тайная полиция дотошно исследует изделия конструкторов Трурля и Клапауция, подвергая досмотру даже опилки, но обнаруживает лишь бирку: «Это мы — опилки»). Авторская ставка на реализм объясняется стремлением выявить «героя времени»: так появляется образ неудавшегося ученого Виктора Служкина, который теряет работу и сталкивается с глубокими социальными трудностями и личными неурядицами. При этом вместо полного разлада с собой и жизнью герой выстраивает систему моральных ориентиров, утверждает собственный идеал.

Имя Географа уже несет в себе двойственность: с одной стороны, «Виктор» — «победитель», с другой — уменьшительная фамилия «Служкин». Подобное несоответствие прослеживается и в том, как воспринимают героя окружающие. В глазах жены Нади он — «алкоголик, нищий, шут гороховый, да еще и бабник в придачу» (Алексей Иванов. 2021. С. 206). Мнение супруги находит отклик у большинства других персонажей.

С первых страниц задается кризисное состояние героя: изменение социальной роли, которое прослеживается в названиях глав (от «Глухонемого козлища» к «Географу»), крушение семейной жизни — Служкин лишается супружеской постели и вынужден обитать на диване; постоянные столкновения со школьной системой. Позже сам Географ декларирует свое положение «между» всеми крайностями, отказываясь играть по правилам социальной игры: «Конечно, никакой я для отцов не пример. Не педагог, тем более — не учитель. Но ведь я и не монстр, чтобы мной пугать. Я им не друг, не приятель, не старший товарищ и не клевый чувак. Я не начальник, я и не подчиненный. Я им не свой, но и не чужой. Я не затычка в каждой бочке, но и не посторонний. Я не собутыльник, но и не полицейский. Я им не опора, но и не ловушка, и не камень на обочине. Я им не нужен позарез, но и обойтись без меня они не смогут. Я не проводник, но и не кло-

² Глембоцкая Я. Плохой хороший человек (о Викторе Зилове и Викторе Служкине) // Lifejournal [интернет-портал]. Электронный ресурс: <https://dramsb.livejournal.com/29545.html>

ун. Я — вопрос, на который каждый из них должен ответить» (Алексей Иванов. 2021. С. 355)³.

Несмотря на это, автор не изображает героя вне социокультурного контекста и исторической эпохи. Служкин и его ближайшее окружение представляют собой поколение, появившееся на свет в конце 1960-х годов. Федосеенко среди признаков «лишнего человека» выделяет «пределную затемненность прошлого» [Федосеенко, 2008, с. 128]. В классических текстах это часто означает отсутствие у героя воспоминаний, тогда как в романе «Географ глобус пропил» подобная «неотчетливость» скорее отображает дух времени. Прошлое героев — заключительные годы брежневского «застоя», и лишь после смерти Брежнева в памяти Географа начинают оживать фрагменты школьных лет.

Ретроспективная линия сюжета является своеобразным «зеркалом» повествования об актуальных событиях: в рассказе о юности, точно так же, как и в перипетиях настоящего, «личная история» переплетается с «большой историей» страны и даже оттесняет ее на второй план. Масштаб глобальных явлений относительно жизни маленького человека придает им призрачный, фиктивный характер. Повороты истории не только не умаляют «маленьких трагедий», но заостряют их.

Уже в детстве очерчиваются характеры героев. Маленький Витя Служкин, скоморох и грубиян, восстает против школьного формализма. Реагируя на известие о смерти Брежнева, он остро чувствует историческую нестабильность, «как черная пустота, разведая, растекается над страной, и все зло, что раньше было крепко сковано и связано, освободилось и теперь только выжидаet» (Алексей Иванов. 2021. С. 110). В то же время для Будкина похороны главы государства — не такое печальное событие, так как эта смерть ненадолго избавляет героя от страха: пока американский президент находится в СССР, «они атомную войну-то не начнут» (Алексей Иванов. 2021. С. 119). Служкин остree Будкина и других ребят чувствует фальшь школьной системы, частью которой он невольно станет во взрослом возрасте. Показателен эпизод траурной линейки. Само мероприятие навевает лишь скуку, а военрук, от которого испуганный Витя ждет ободряющих слов, отправляет мальчика сообщить директрисе о протекшей канализации.

В «школьных эпизодах» констатируется зарождающаяся «лишность» Служкина. Поэт и балагур, в школе он не находит применения своим талантам, сталкивается с непониманием со стороны учителей. В сохра-

³ Здесь и далее страницы цитирования указаны в скобках по изданию: Иванов А. Географ глобус пропил. М.: Альпина нон-фикшн, 2021. 412 с.

нившихся в памяти фрагментах Витя живет в квартире один: родители в отъезде. Отношения с девушками у него не складываются, при этом в классе Витя выполняет роль клоуна. «Оторван от коллектива», как обозначат состояние героя на совете дружины. Подобная «неприкаянность» останется его отличительной чертой и во взрослом возрасте.

Служкин — перспективный ученый — в результате коллапса системы утратил свою профессиональную нишу. Научная работа теряет свою актуальность — теперь на первый план выходит простая борьба за выживание. Положение «лишнего» специалиста обостряется еще и узкой направленностью образования героя: на собеседовании он называет ботанику, зоологию, анатомию, общую биологию и органическую химию как возможные дисциплины для преподавания, но устроиться по своему профилю ему едва ли удастся. Авторская ирония заключается в том, что герой вынужден преподавать экономическую географию страны, экономика которой развалилась, а география меняется на глазах⁴. Итак, Географ — «лишний человек» и с социальной, и с исторической точки зрения: он остается одиноким и отверженным близкими, жена уходит к его лучшему другу. Безысходное одиночество Служкина коренится не только в отвергнутости и предательстве, обстоятельствах, традиционно присущих романтическому герою, но и в осознании Географом собственной исключительности, избранности и, как следствие, болезненной сосредоточенности на себе.

Идеал Служкина — «жить как святой»: «Я для себя так определяю святость: это когда ты никому не являешься залогом счастья и когда тебе никто не является залогом счастья, но чтобы ты любил людей и люди тебя любили тоже. Совершенная любовь, понимаешь? Совершенная любовь изгоняет страх» (с. 277). Любовь — один из важнейших аспектов создания образа «лишнего человека». Как отмечает Н. Г. Федосеенко, в ситуации любви традиционные романтические элементы значительно трансформируются: романтическое в образе «лишнего» героя приобретает комический оттенок; неспособность полюбить все-таки оказывается тайной, потенциально сохраняющей высший романтический смысл [Федосеенко, 2008, с. 128]. «Неспособность любить» у Географа трансформируется в принцип «никому не быть залогом счастья». Выстроенная в романе система женских образов иллюстрирует путь героя в этом контексте [Ларина, 2024, с. 164].

⁴ Глембоцкая Я. Плохой хороший человек (о Викторе Зилове и Викторе Служкине) // Lifejournal [интернет-портал]. URL: <https://dramsiib.livejournal.com/29545.html>

Отношения Служкина с женщинами сплетены в сложный узел. Надю, жену, пытающуюся сохранять брак ради их общей дочери, Географ отпускает к Будкину. Саша Рунева, его «несложившаяся любовь», видит в Служкине лучшего друга и обращается к нему за советом в романтических делах. При этом Саша со школьных лет любит Будкина. Ветка, одноклассница Будкина и Служкина, пытается превратить Географа в своего любовника. Кира Валерьевна — учительница немецкого, любовница Будкина и мимолетное увлечение Служкина — тоже не задерживается в его сердце. Особняком стоят Маша, ученица, в которую влюбляется Географ, и Лена, его первая любовь. Однако каждый раз, когда близость становится возможной, Служкин предпочитает сбежать и утешаться алкоголем [Ларина, 2024, с. 165]. А. Иванов объясняет эту особенность героя следующим образом: «Его пьянство — реакция на обстоятельства. Он пьет не от тоски, не от счастья и не от беспыходности. Он пьет тогда, когда надо совершить подłość, а ему не хочется этого делать. Служкин заменяет подłość свинством. Он не гордый, он не встанет в позу и не будет обличать, он смиленно нажрется и самоустранился от дурного поступка»⁵. Мотив «побега в пьянство» как вариант аскезы и «неучастия в жизни» встраивает Географа в один ряд с другими героями, от Венички Ерофеева, Алиханова С. Довлатова до Петровича В. Маканина⁶.

Цепь взаимоотношений Служкина с женщинами так или иначе связана с его «идеологическим оппонентом» Будкиным. Пара «Служкин — Будкин» выступает современной версией классической дихотомии «Обломов — Штольц». Для Будкина наивысшая ценность и главное положительное качество — «умение жить». Как и Географ, он декларирует независимость от окружающих, но под этим понимает способность организовать комфортное материальное существование. Будкин окру-

⁵ Писатель Алексей Иванов: «Географ не алкаш, он пьет, когда надо совершить подłość» // Комсомольская правда [официальный сайт]. Электронный ресурс: <https://www.perm.kp.ru/daily/26157/3045610/>

⁶ См: Лугарич В.Д. Опьянение советским прошлым в современном русском романе: от реставрации до рефлексии, от тотальности до руин // Зборник Матице Српске за славистику 103. Нови Сад: Матица Српска. Одељење за књижевност и језик., 2023. С. 215–230; Ковтун Н. In vino veritas, или Об особенностях винопития в Кызыле и Париже (версия Р. Сенчина) // Зборник Матице Српске за славистику 103. Нови Сад: Матица Српска. Одељење за књижевност и језик, 2023. С. 271–286; Ковтун Н. Между Байроном и зайцем, или Образ Пушкина в зеркале Заповедника С. Довлатова // Matica Srpska Journal of Slavic Studies. 2024. № 105. С. 103–123.

жен обожательницами, но никого из них не любит по-настоящему: ему нужна женщина, ценящая именно его навык «умело жить», а не жизнь как таковую. Служкин же, подобно классическому «лишнему человеку» Обломову, ставит во главу угла саму жизнь и человека в ее потоке:

«... придиши их, как свиней, да и все.

— Не могу я, как ты не понимаешь! Я человека ищу, всю жизнь ищу — человека в другом человеке, в себе, в человечестве, вообще человека!.. Так что же мне, Будкин, делать? Я из-за них даже сам человеком стать не могу — вот сижу тут, пьяный, а обещал Татке книжку почитать!.. Ну что делать-то? Доброта их не пробивает, ум не пробивает, шутки не пробивают, даже наказание — и то не пробивает!.. Ну чем их пробить, Будкин?..

— Чем черепа пробивают, — хихекал Будкин» (с. 209).

Именно появление Будкина в качестве нового соседа окончательно разрушает семейную жизнь Служкина. Примечательно, что Географ сам приводит друга домой, знакомит с женой, советует ей Будкина в качестве новой любви. Такая разрушительная «деятельность» Служкина противопоставляется мертвой рутине школьной жизни, вне школы же — примитивности ценностных ориентиров окружающих его людей и внешней безнадежности существования.

Не находя себе места в современном обществе, Географ стремится на природу. Герой бежит от школы с ее истлевшими прописными истинами и от Слова: «Мне кажется, писать — это грех. Писательство — греховое занятие. Довершил листу — не донесешь Христу. Поэтому, какой бы великой ни была литература, она всегда только учила, но никогда не воспитывала. В отличие от жизни» (с. 226). Такой «школой жизни», своеобразным обрядом инициации для Служкина и его учеников становится поход. Главы, повествующие о походе, написаны от первого лица. Служкин, напившийся, чтобы не выгонять Градусова, из «командиров» разжалован в «Географа» — с этого момента он становится сторонним наблюдателем. В данной роли Географ остается и в кульминационный момент, когда с обрыва следит, как его ученики самостоятельно проходят порог. Герой — не только «ненадежный рассказчик», периодически проваливающийся в пьяное забытье, но и ненадежный «помощник», если использовать ролевую терминологию, разработанную В. Проппом. Вместо того чтобы указывать путь, Географ отправляет учеников в плавание «без руля и без ветрил», лишь иногда претендуя на то, что контролирует ситуацию.

Характерный для литературы о «лишнем человеке» мотив скитания реализуется специфически. С самого начала ясно, что поход от-

клоняется от маршрута: герои проезжают нужную станцию. В завершение пути, когда Служкин вместе с Машей отправляется на поиски деревни, становится очевидным, что дорога Географа не имеет определенного конечного пункта: в деревне их никто не пускает на постой, а «отцы» в это время самостоятельно отправляются переплывать Долган. Сцена в пекарне раскрывает суть похода. Служкин отказывается от любви к Маше, потому что «*тогда все мое добро оказалось бы просто свинством*» (с. 391).

Он нарушает свой принцип — становится «залогом счастья» для юной девушки, однако Географ не присваивает ее любовь, отпускает, тем самым обретая внутреннее равновесие и осознание собственного предназначения. «*Мы проплыли по этим рекам — от Семичеловечьей до Рассохи — как сквозь утробу этой земли, — от древних капищ, до концлагерей. Я лично проплыл по этим рекам, как сквозь свою любовь, — от мелкой зависи в темной палатке до вечного покоя на пороге пекарни. И я чувствую, что я не просто плоть от плоти этой земли. Я — малое, но точное ее подобие. Я повторяю ее смысл всеми извилинами своей судьбы, своей любви, своей души. Я думал, что устроил этот поход из любви к Маше. А оказалось, что я устроил его просто из любви. И может, именно любви я и хотел научить отцов — хотя ничему я не хотел учить. Любви к земле, потому что легко любить курорт, а дикое половодье, майские снегопады и речные буреломы любить трудно. Любви к людям, потому что легко любить литературу, а тех, кого ты встречаешь на обоих берегах реки, любить трудно. Любви к человеку, потому что легко любить херувима, а Географа, бивня, лавину, любить трудно. Я не знаю, что у меня получилось. Во всяком случае, я, как мог, старался, чтобы отцы стали сильнее и добре, не унижаясь и не унизая» (с. 390). Так в произведении актуализируется «сюжет Лабиринта», переживание кризиса провоцирует необходимость в движении, смене ситуации [Ковтун, 2023, с. 276]. Эпизоды похода показывают, что к «поступку» герой как истинный «лишний человек» не готов: он самоустраняется от руководства учениками, бросает их в трудную минуту, отказывается от Маши. Но, возможно, «поступком» (по М. Бахтину) Служкина парадоксальным образом и становится его рефлексия [Ларина, 2024, с. 167]?*

Заключение

В заключение важно отметить, что, несмотря на внешний непрентабельный вид и социальную неустроенность, Служкин представляет перед читателем как фигура глубоко многогранная и притягатель-

ная, «яркая, своеобразная, сложная и занимательная личность»⁷, в которой сочетаются черты мыслителя и поэта, блестящего рассказчика и романтика, хранителя исторической памяти и Географа не по профессии, а по призванию, по способу восприятия мира. Его история — не столько набор фактов биографии, сколько философия, самобытный способ взаимодействия с реальностью, где география становится метафорой духовного поиска. Именно поэтому каждое взаимодействие с Географом для учеников оборачивается подлинным Событием, моментом взросления, пробуждения, формирования собственной идентичности.

Служкина можно охарактеризовать как «лишнего человека» конца XX века, но его образ не замыкается в проблематике трагического одиночества или социальной маргинальности. Героя спасает способность к самоиронии, к смеху над собой и над абсурдностью окружающего мира. Трикстерские черты Географа — умение обесценивать трагизм, превращать драму в игру, боль в рассказ — одновременно и способ выжить, и знак жизненной силы, витальности. Не отказываясь от страданий, он умеет с ними мириться, сосуществовать, превращая превратности судьбы в источник творчества.

В этом смысле герой выступает носителем традиционной для русской литературы философии надежды. Образ Географа реализуется как попытка найти точку опоры в эпоху неустойчивости, увидеть будущее. В отличие от классических «лишних людей» XIX века, погруженных в меланхолию и бездействие, в отличие от интеллектуалов XX века, потерянных на периферии исторических катастроф, Служкин наделен рядом ролей, рассчитанных на перспективу: свидетель времени и его интерпретатор, воспитатель, способный передать ученикам опыт внутреннего выбора. Потребность в подобном герое на рубеже столетий обусловлена необходимостью перехода от отчаяния к надежде, от внутреннего распада к возможности нового смысла.

Библиографический список

Загидуллина М.В., Фаустов А.А. Аватары «лишнего человека» в современном литературном и гуманитарном пространстве // Челябинский гуманитарий. 2020. № 2 (51). С. 37–55.

Ковтун Н.В. In vino veritas, или Об особенностях винопития в Кызыле и Париже (версия Р. Сенчина) // Зборник Матице Српске за слав-

⁷ Ребель Г.М. Уроки Географа // ivanproduction.ru [официальный сайт]. Электронный ресурс: <http://ivanproduction.ru/literoturovedenie/uroki-geografa.html>

виистику 103. Нови Сад : Матица Српска. Одељење за књижевност и језик., 2023. С. 271–286.

Ковтун Н.В. Трикстер как герой нашего времени. На материале русской прозы второй половины XX–XXI века. М.: ФЛИНТА; Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева, 2022. 409 С.

Ковтун Н. Между Байроном и зайцем, или Образ Пушкина в зеркале Заповедника С. Довлатова // Matica Srpska Journal of Slavic Studies. 2024. № 105. С. 103–123.

Ларина М.В. Образ героя времени в русской и немецкой прозе рубежа XX–XXI веков : дис. ... канд. филол. н. Екатеринбург, 2024. 242 с.

Липовецкий М. Трикстер и «закрытое» общество // Новое литературное обозрение. 2009. № 6 (100). С. 224–245.

Лугарич В.Д. Опьянение советским прошлым в современном русском романе: от реставрации до рефлексии, от тотальности до руин // Зборник Матице Српске за славистику 103. Нови Сад: Матица Српска. Одељење за књижевност и језик, 2023. С. 215–230.

Мережинская А.Ю. Художественная парадигма переходной культурной эпохи: русская проза 80–90-х годов XX века. Киев: Киевский университет, 2001. 433 с.

Никольский Е.В. Еще раз о проблеме «Лишнего человека» в русской классической литературе // Art Logos. 2017. № 2 (2). С. 7–22.

Подковальникова А.С., Костяхина А.К. Эволюция типа лишнего человека в романе А. Иванова «Географ глобус пропил» // Инновации в науке. 2016. № 3–2 (52). С. 124–128.

Федосенко Н.Г. И.С. Тургенев: к вопросу о «лишнем человеке» // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2008. № 3–2. С. 125–132.

Источник

Иванов А. Географ глобус пропил. М.: Альпина нон-фикшн, 2021. 412 с.

References

Fedoseenko N.G. I.S. Turgenev: To the Question of The Unnecessary Man. *Vestnik SPBGU. Yazyk i literatura* = Bulletin of St. Petersburg State University, 2008, no. 3–2, pp. 125–132. (In Russian).

Kovtun N. Between Byron and the Hare, or Pushkin's Image in the Mirror of S. Dovlatov's Preserve. *Zbornik Matice Srpske za slavistiku* = Matica Srpska Journal of Slavic Studies, 2024, no. 105, pp. 103–123. (In Russian).

Kovtun N.V. Trickster as a Hero of Our Time. On the material of the Russian Prose of the Second Half of the XX–XXI Century. Moscow, 2022. 409 pp. (In Russian).

Kovtun N.V. In Vino Veritas, Or on The Peculiarities of Wine-Drinking In Kyzyl And Paris (Version by R. Senchin). *Matitsa Serbskaya Zhurnal slavistiki* = Matica Srpska Journal of Slavic Studies, 103, 2023, pp. 271–286. (In Russian).

Larina M.V. The image of the hero of time in Russian and German prose at the turn of the 20th and 21st centuries. Thesis of Philol. Cand. Diss, Ekaterinburg, 2024. (In Russian).

Lipovetsky M. Trickster and the Closed Society. *Novoe literaturnoe obozrenie* = New Literary Observer, 2009, vol. 100, no. 6, pp. 224–245. (In Russian).

Lugarich V.D. The Intoxication of the Soviet Past in the Contemporary Russian Novel: From Restoration to Reflection, from Totality to Ruins. *Zbornik Matitse Srpske za slavistiku* = Proceedings of the Matitsa Srpska for Slavic Studies, 103. Novi Sad, 2022, pp. 215–230. (In Russian).

Merezhinskaya A.Yu. Artistic Paradigm of the Transitional Cultural Era: Russian prose of the 80–90s of the XX century, Kiev, 2001, 433 pp. (In Russian).

Nikolskii E.V. Once again on the Problem of the “Unnecessary Man” in Russian Classical Literature. *Art Logos*, vol. 2, no. 2, pp. 7–22. (In Russian).

Podkovalnikova A.S., Kostyakhina A.K. The Evolution of The Type Of The Unnessesery Man In The Novel By A. Ivanov “The Geographer Drunk His Globe Away”. *Innovatsii v nauke* = Innovation in Science, vol. 52, no. 3–2, pp. 124–128. (In Russian).

Zagidullina M.V., Faustov A.A. Avatars of the “Unnecessary Human” in Contemporary Literary and Humanitarian Space. *Chelyabinskii gumanitarii* = Humanitarian of Chelyabinsk, vol. 51, no. 2, pp. 37–51. (In Russian).

Source

Ivanov A. The Geographer Drunk His Globe Away, Moscow, 2021, 412 p. (In Russian).

ОСОБЕННОСТИ И РОЛЬ СИНЕСТЕТИЧЕСКИХ ВКЛЮЧЕНИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ ДЖ. ХАРРИС

О.В. Каркавина

Ключевые слова: синестезия, художественный текст, восприятие, перцептивный модус, синестетический перенос

Keywords: synesthesia, literary text, perception, perceptual mode, synesthetic transfer

DOI: [https://doi.org/10.14258/filichel\(2025\)4-12](https://doi.org/10.14258/filichel(2025)4-12)

Введение

Природа феномена синестезии и механизмы его функционирования вызывают интерес у представителей разных научных направлений и школ. Явление синестезии рассматривается как гуманистичными, так и естественными науками. Оно является объектом исследования в психологии, философии, медицине, лингвистике, литературе, роведении. Тем не менее попытки всестороннего изучения и описания данного явления с позиции разных научных направлений не привели к появлению единого, удовлетворяющего всех исследователей толкования данного феномена. В самом общем смысле под синестезией понимается «факт возникновения при раздражении какого-либо органа чувств не только соответствующего ему ощущения, но одновременно ощущения, соответствующего другому органу чувств» [Новая философская энциклопедия, 2000, с. 352].

Методы и материалы исследования

В рамках данной работы явление синестезии рассматривается с лингвистической точки зрения как метафорический процесс, посредством которого одна чувственная модальность описывается или характеризуется в терминах другой, например: warm (cold) colours. Исследование выполнено на материале литературно-художественного текста. Такого рода тип речевого произведения позволяет изучить потенциал исследуемого феномена в экспрессивно-изобразительном и экспрессивно-выразительном представлении художественного мира автора, выражении его мировоззрения и отражении поэтической картины индивидуального авторского сознания.

Целью настоящего исследования является анализ особенностей функционирования синестетических включений в творчестве современной британской писательницы Дж. Харрис. Объектом исследования выступают синестетические сочетания слов, коррелирующие с пятью перцептивными модусами (зрением, слухом, осязанием, вкусом, обонянием). Предметом исследования является место синестетических включений в идиостиле исследуемого автора и их роль в реализации художественного замысла. Материалом для анализа послужили три романа исследуемого автора: «Пять четвертинок апельсина» (*“Five quarters of the orange”*), «Шоколад» (*“Chocolat”*), «Ежевичное вино» (*“Blackberry wine”*), в которых презентация явления синестезии в виде разнообразных синестетических включений является стилистической авторской доминантой. Входя в состав «Трилогии о еде», данные произведения наполнены миром волшебных запахов и вкусовых ощущений, способных порождать самые разнообразные по своей природе ассоциации: осязательные, слуховые, зрительные.

Актуальность настоящего исследования связана с важностью изучения вопроса полимодальности и интермодальности человеческого восприятия. Такого рода особенности, характерные для человека ощущающего, чувствующего, переживающего, могут оказывать влияние как на процесс создания литературно-художественного текста автором, так и на его восприятие читателем. Понимание природы этих процессов актуально для полноценной и глубокой интерпретации литературного произведения. Научная новизна проведенного исследования заключается в том, что в его рамках впервые описываются средства актуализации сферы синестезии в языке художественной прозы Дж. Харрис, синестезия рассматривается как компонент идиостиля писательницы.

Результаты исследования

Феномен синестезии интересовал философов и ученых с древних пор. Первое упоминание о данном явлении встречается еще в философских трактатах Востока и Древней Греции. Еще Аристотель отмечал возможность наслаждения чувственных восприятий друг на друга, результатом которого является «физиологический синкетезис чувственных впечатлений» [Цит. по Али Фарис, 2017, с. 3]. Немецкий мыслитель И.Г. Гердер считал, что с помощью лишь одного органа чувств невозможно понимание сути явления. Схожей точки зрения придерживался и Э. Кант, который высказывал предположение о полимодальном характере восприятия. Таким образом, уже в ранних философских трудах фигурируют понятия психофизиологических процессов ощущения

и восприятия, которые позже составили предмет изучения психологии. По сравнению с ощущением восприятие имеет более сложную природу. В его основе лежит «синтез различных ощущений, отражение предмета или явления при его непосредственном воздействии на рецепторные поверхности органов чувств» [Маклаков, 2011, с. 208]. В процессе отражения окружающей действительности перцептивные системы начинают взаимодействовать друг с другом. Ощущения, возникающие у человека как результат работы той или иной перцептивной системы, налагаются одно на другое, создавая многогранный, но целостный образ. В этом и состоит суть явления синестезии, под которым в психологии традиционно понимается «такое слияние качеств различных сфер чувствительности, при котором качества одной модальности переносятся на другую, разнородную, например, при цветном слухе качества зрительной сферы на слуховую» [Рубинштейн, 1998, с. 192].

В фокусе внимания ученых находится и процесс актуализации явления синестезии в речи. Способность человека к полимодальным ощущениям находит свое отражение в языке в виде синестетических (интермодальных) сочетаний слов. В лингвистике не существует единого определения синестезии в языке, ее проявления достаточно многообразны. Синестезия как лингвистический термин чаще всего обозначает языковые универсалии, фиксирующие межчувственную связь словесно. В большинстве работ отмечается образный характер синестетических языковых образований, а синестезия рассматривается как троп или стилистическая фигура, которая связана с межчувственными переносами и сопоставлениями [Берестовская, 1997; Клюев, 1999; Смолина, 2009; Филиппова, 2010]. По мнению А.Н. Смолиной, уникальные авторские речевые синестетические метафоры «обладают большей выразительностью, создают более яркие и оригинальные образы», а синестезия является «своеобразным стилистическим маркером, который открывает читателю особенности мировосприятия и мироощущения писателя или поэта, его индивидуальное видение окружающей действительности» [Смолина, 2009, с. 103].

Следствием значительного интереса к изучению синестезии как лингвистического феномена является большое количество работ в этой области и разнообразие подходов к описанию данного явления. В лингвистических исследованиях предметом анализа становятся структурно-семантические особенности синестетических номинаций [Чибисова, 2011; Левчина, 2002]; рассматриваются синестетические сочетания слов в разных типах дискурса: художественном [Бардовская, 2003; Прокофьева, 2007, Яницкая, 2009], маркетинговом [Чибисова, 2011], искус-

ствоведческом [Агапова, 2019]; номинации синестетических ощущений исследуются как компонент идиостиля писателей, как стилистический прием, определяющий выразительность и образность исследуемых текстов [Кривенкова, 2005; Житков, 1999; Комина, 2006; Савинова, 2010, и др.]. Внимание исследователей также может быть сконцентрировано на описании определенного модуса перцепции и его отражении в языке: ольфакторного [Молодкина, 2009; Зыховская, 2016], вкусового, осязательного [Гутова, 2005; Чалей, 2016]; слухового, зрительного [Прокофьева, 2007]. Существуют исследования, в которых феномен синестезии рассматривается с позиции когнитивного подхода [Баева, Фомин 2018]. Их авторы изучают когнитивные модели образования синестетических сочетаний, анализируют различную степень когнитивной маркированности таких сочетаний и описывают их с точки зрения информативности и семантической емкости.

Большинство исследователей сходится во мнении о том, что синестетические образования имеют метафорическую природу. Такое свойство синестетических сочетаний можно объяснить тем, что «комбинируемые друг с другом в рамках синестетического образования лексемы являются несочетаемыми относительно своей исходной перцептивной области соотнесения» [Черняева, 2012, с. 78]. В подобных метафорах происходит перенос названия с одного ощущения на другое, которое в каком-то отношении схоже с первым.

Изучение явления синестезии также предполагает анализ направленности синестетических переносов. По мнению большей части исследователей, синестетические переносы осуществляются по направлению от «низших» к «высшим»: осязание → вкус → запах → слух → зрение. Но встречаются и другие точки зрения на этот вопрос. Например, К. Классен [Classen, 1993] считает возможной такую схему работы органов чувств: слух → зрение → запах → вкус → осязание. Ш. Дэй [Day, 1996] в своих исследованиях пользуется этой же схемой, но с включением в нее дополнительного компонента ‘температура’, который занимает промежуточное положение между запахом и вкусом. По мнению Н.А. Баевой, А.А. Фомина [Баева, Фомин, 2018, с. 114], чаще всего можно встретить перенос из низких сфер восприятия — тактильной, вкусовой, ольфакторной — в высокие сферы — слух и зрение. Чем выраженнее сенсорная дистанция между сферами восприятия, тем выше степень маркированности синестетических сочетаний. Однако довольно частотными являются и переносы в рамках одной сферы сенсориума: высокой (зрение → слух, слух → зрение) и низкой (вкус → запах → обоняние в разных направлениях). В данном случае речь идет в основном

о лексикализованных, т.е. закрепленных словарем, сочетаниях с низкой степенью маркированности. По мнению Ю.Н. Молодкиной [Молодкина, 2009], самой распространенной моделью межчувственных переносов является модель слух → осязание. Меньшее распространение получили модели слух → вкус, зрение → осязание. Остальные вариации переносов распространены достаточно редко.

Обратимся к материалу исследования и посмотрим, какие модели синестетических переносов встречаются в текстах исследуемого автора, опишем функции синестетических включений в анализируемых произведениях и определим их место в идиостиле Дж. Харрис.

Анализ синестетических включений, полученных методом сплошной выборки из трех романов писательницы, позволяет сделать вывод о том, что наиболее задействованной сферой в процессе синестетических переносов является ольфакторная сфера, т.е. сфера обонятельных ощущений (44,5%). Она может являться как исходным, так и конечным пунктом данных процессов. Такое широкое распространение ольфакторных метафор в исследуемых текстах не случайно. Все три романа так или иначе затрагивают тему приготовления и потребления пищи и напитков. Как заметно уже по названиям произведений, сфера кулинарии занимает особое место в творчестве писательницы и выполняет ряд важных функций в исследуемых текстах: она определяет развитие сюжетной линии, служит средством характеристики персонажей, является источником ярких образов и национального колорита, участвует в создании эмоциональной выразительности текста. Неотъемлемой характеристикой пищи является ее запах. При восприятии запаха сознание человека способно восстановить целостный образ объекта, издающего этот запах, или воссоздать ситуацию, с которой так или иначе этот запах может ассоциироваться. Восприятие запаха может сопровождаться целым рядом разнородных ассоциаций: вкусовых, тактильных, зрительных, слуховых, что объясняется способностью мозга устанавливать полимодальные связи. Благодаря такой способности запах идентифицируется, наделяется характеристиками, свойственными другим модусам перцепции, определяется и выделяется на фоне огромного разнообразия других запахов.

Исходными пунктами переноса в рамках выделенных в ходе анализа ольфакторных синестетических сочетаний стали «зрение» (17% от общего количества синестетических словосочетаний), «осознание» (15,5%) и «вкус» (12%). Среди зрительных образов, сопровождающих процессы восприятия персонажами запахов, особое место занимают цветовые ассоциации. Так, в романе «Ежевичное вино» большое вни-

мание уделяется описанию запаха и вкуса домашних вин, приготовленных стариком-садоводом, лучшим другом главного персонажа Джей Макинтоша. Эти вина можно считать отдельными действующими лицами романа, так как они меняют судьбу главного героя. Их неповторимый вкус и запах оживляют воспоминания Джейя, вдохновляют его возобновить писательскую деятельность и возрождают в нем желание заново открывать то, что для него действительно важно. Восприятие запаха вин через ассоциации с цветом золота (*'A rich golden scent of hot sugar and syrup reached his nostrils'*), солнечного света (*'A scent like distilled sunlight filled the room'*), пурпурным цветом (*'The purple scent was thick, almost cloying'*) свидетельствует о положительных эмоциях персонажа. Тогда так другие цветовые ассоциации, например, с красным цветом, могут говорить о его переживаниях и тревоге: *'...the wine itself calling, its hot bright scent distressing the air, rising like a column of red smoke, a signal, perhaps, or a warning'*. В моменты переживания отрицательных эмоций (страха, негодования, грусти) персонажи воспринимают запахи через зрительные ассоциации с темными цветами. Так, например, запах кофе, который приносит воспоминания о давно прошедшей юности, наполненной печальными событиями, ассоциируется у Фрамбуаз (главной героини романа «Пять четвертинок апельсина») с черным цветом: *'Its smell is bitterly nostalgic, a black burnt-leaf smell with a hint of smoke in the steam'*. Запах полной опасностей реки Луары у той же героини ассоциируется с цветом ночи: *'... the water smells of night'*. Аналогичные ассоциации возникают у кюре Рейно, главного персонажа романа «Шоколад», с запахом шоколадных кондитерских изделий в лавке Вианн, которые дурманят его своим сладким ароматом. Не в силах справиться со своим желанием их попробовать, что запрещено во время Великого поста, он испытывает негодование и злость: *'The smell of chocolate, though expected, is startling. The darkness seems to have intensified it so that for an instant the smell is the darkness, folding around me like a rich brown powder, stifling thought'*.

Примерно такой же по распространенности в анализируемых текстах является группа синестетических переносов направления осознание → запах. Основная масса таких образований представлена семами со значением ‘температура’ (горячий, теплый). Прилагательное ‘warm’ чаще всего используется для описания приятных для персонажа запахов, связанных с позитивными ощущениями и ассоциациями: запахом теплой кожи маленькой дочери (*'She smells of smoke and frying pancakes and warm bedclothes on a winter's morning'*), запахом молодой привлекательной женщины (*'I can smell her perfume, a caress of lavender, the warm*

spicy scent of her skin). Прилагательное ‘hot’ в зависимости от описываемой ситуации и восприятия ситуации персонажем может иметь как положительную, так и отрицательную коннотацию. Процесс приготовления свежей, сытной, горячей пищи может восприниматься как приятный (как со стороны того, кто готовит, так и со стороны того, кто может отведать эти блюда): ‘*We came on the wind of the carnival. A warm wind for February, laden with the hot greasy scents of frying pancakes and sausages and powdery-sweet waffles...*; ‘*My door, slightly open, emits a hot scent of baking and sweetness*’. Запахи горячей вкусной пищи могут ассоциироваться и с отрицательными эмоциями, что мы наблюдаем со стороны кюре Рейно, которого они раздражают, так как пробуждают аппетит, желание попробовать запретной во время Великого поста пищи: ‘*The air is hot and rich with the scent of chocolate. ... I recall that I have not breakfasted this morning*’.

Некоторые синестетические образования могут сочетать несколько видов переносов. Так, например, в предложении, описывающем внешность молодой девушки ‘*She smelt of biscuit and cut grass, the wonderful warm, sweet scent of youth*’, представлена ольфакторная метафора с переносом сразу из двух сфер: осязания и вкуса. Что касается чистых вариантов переноса вкус → запах, они также имеют большое распространение в текстах анализируемых произведений. Несмотря на то что сферы вкуса и запаха тесно связаны, синестетические образования с их участием также достаточно выразительны и интересны для рассмотрения. Понятные запахи в большинстве своем ассоциируются с чем-то действительно вкусным и вызывают положительные ассоциации и эмоции: ‘*the air was ... ripe and sweet like the juice*’, ‘*biscuity smell of old sweat*’ (о запахе любимого давно умершего отца); соответственно, неприятные запахи описываются через вкусовые ощущения, которые человеку не нравятся, и поэтому служат для описания отрицательного опыта и переживаний: ‘*I could smell the grief on him, a sour tang like earth and mildew*’ (сопереживание горю соседа после смерти его любимой собаки).

Сфера вкуса также служит источником переноса на другие чувственные области: зрение (14% от общего количества синестетических образований) и слух (10%). Это значит, что визуальные и аудиальные образы представлены через вкусовые ощущения. Логика, лежащая в основе выбора лексем с семантикой вкуса, проста. Как правило, использование автором слов и словосочетаний, указывающих на приятные вкусовые ощущения (‘*chocolate-eyed, sugared smile, chocolate-coloured earth, sweetly wailing notes*’ и др.), служит созданию положительных образов и, напротив, единицы, описывающие неприятные вкусо-

ые ощущения (*'a tight sour smile, vinegary expression, the words were harsh as salt in my mouth'* и др.), участвуют в создании отрицательных образов. Так, например, только что вспаханная земля, которую видит через окно поезда Джей Макинтош, персонаж романа «Ежевичное вино», ассоциируется у него с шоколадом, и здесь, очевидно, акцент не только на ее цвете, но и в целом на тех приятных ощущениях, которые испытывает персонаж при виде тех мест, куда он так давно хотел попасть: *'He could see fields and farms from the carriage, orchards and ploughed chocolate-coloured earth'*. Персонажи, общение с которыми неприятно героине романа «Шоколад», описываются с помощью прилагательных *'sour'* и *'vinegary'*: *'Reynaud gave a tight, sour smile, as if his first glimpse of my daughter confirmed every one of his suspicions about me'*; *'Caro looks at me with a vinegary expression'*. Недовольный, резкий голос матери, делающей замечание своей дочери Фрамбуаз (роман «Пять четвертинок апельсина»), которая сутулится за обеденным столом, сравнивается с терпкостью незрелого крыжовника: *"Don't slouch, for God's sake." Her voice was tart as an unripe gooseberry.*

И, пожалуй, еще одним видом межчувственных переносов, заслуживающим нашего внимания, является перенос в области высокой сферы сенсориума: зрение → слух. Данный вид переноса предполагает описание слуховых ощущений через зрительные образы (*'my voice rose like a red kite'*, *'words like spilled cards'*, *'a string of bright notes like Christmas lights'*). В анализируемом материале такого плана образования составили 10% от общего количества синестетических включений. Так, например, слабость голоса Арманды, героини романа «Шоколад», которая пережила диабетическую кому, описывается через образ тонкого кружева: *"Scared you, did I?" Her voice was lace-thin*. Наделение винной бутылки человеческими качествами в романе «Ежевичное вино» делает ее способной издавать звуки, присущие человеку, а восприятие этих звуков персонажем сопровождается зрительными ассоциациями: *'A red chuckle from the bottom of the bottle. Jay opened his eyes again, uneasy, certain that someone was watching him'*. Ассоциация с красным цветом в данном случае является признаком тревоги, растерянности, дискомфорта.

Менее 7% от общего объема синестетических сочетаний составили межчувственные переносы с воздействием сферы осязания как в качестве исходного, так и конечного пункта. Тактильные ощущения могут проецироваться на сферу слуха (*'greasy-sounding German'*, *'the silky sounds of the water'*, *'the silky silence of the river'*) и зрения (*'cold, light eyes'*, *'the water looked oddly silky'*, *'velvet-cheeked'*), и, напротив, зрительные образы могут служить основой для описания тактильных ощущений (*'the*

fatigue was like a sparkling gray blanket). На других типах межчувственных переносов (запах → зрение, зрение → вкус) мы отдельно останавливаться не будем, так как в анализируемом материале они представлены единично (менее 2%).

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Метафорические синестетические образования в творчестве современной британской писательницы Дж. Харрис можно считать своеобразным стилистическим маркером, раскрывающим читателю специфику авторского мировосприятия, особенности индивидуального видения автором окружающей действительности. Сфера гастрономии, определяющая содержание, особенности развития сюжетной линии, индивидуальные характеристики персонажей в исследуемых произведениях объясняют факт наличия в них большого количества синестетических включений, коррелирующих с перцептивными модусами ‘запах’ и ‘вкус’, являющимися неотъемлемыми характеристиками пищи. Помощью апелляции к обонятельным и вкусовым ощущениям автору удается создавать сложные зрительные образы, детализировать аудиальные и тактильные ощущения персонажей. Большую часть выделенных синестетических сочетаний составили образования с переносом из низшей сферы сенсориума в высшую и наоборот (62,5%). Как говорилось ранее, многие исследователи считают такие варианты наиболее выразительными и стилистически маркированными. Проведенное исследование позволяет разделить это мнение. Подобные синестетические включения действительно способны добавить тексту образности, сделать его выразительным и живым, эмоционально насыщенным. Задействование автором других перцептивных модусов и переносов, осуществляемых только в рамках низшей или высшей сферы сенсориума, также стилистически значимо, поскольку приводит к формированию в сознании читателя полимодального образа описываемого объекта, а значит, к его комплексному восприятию.

Библиографический список

Агапова О.В. Синестезия во французском искусствоведческом курсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2019. Т. 12. Вып. 9. С. 294–298.

Али Фарис Хассун Али. Синестезийная метафора в русской классической прозе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж. 2017. 19 с.

Баева Н.А., Фомин А.А. Модели синестетических сочетаний слов и их маркированность (на материале романов Терри Пратчетта) // Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки. 2018. Т. 20. № 3 (178). С. 111-122.

Бардовская А.И. Интегративный подход к синестезии // Слово и текст: психолингвистический подход. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2003. Вып. 1. С. 5-10.

Берестовская Д.С. Слово, цвет и звук как воплощение «закона всеобщей аналогии» (из наблюдений над образом крымского пейзажа) // Культура народов Причерноморья. 1997. № 1. С. 35-39.

Гутова Н.В. Семантический синкетизм вкусовых и осязательных прилагательных в языке и художественном тексте : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2005. 20 с.

Житков А. В. Особенности организации функционально-семантического поля восприятия запаха в произведениях И. А. Бунина // Слово в языке, речи и тексте : материалы научной конференции. Екатеринбург, 1999. С. 27-30.

Зыховская Н. Л. Ольфакторий русской прозы XIX века : автореф. дис. ... доктора филол. наук. Екатеринбург, 2016. 40 с.

Клюев Е.В. Риторика. Инвенция. Диспозиция. Элокуция. М.: ПРИОР, 1999. 272 с.

Комина Э.В. Синестезийные опыты в творчестве В. Набокова : автореф. дис. ... канд. философ. наук. М., 2006. 20 с.

Кривенкова И.А. Синестезия как языковое явление (На материале художественной прозы М.А. Шолохова) // Текст. Структура и семантика. М.: СпортАкадемПресс: МГОПУ, 2005. С. 201-205.

Левчина И.Б. Об особенностях семантической структуры синестетических прилагательных // Герценовские чтения. Иностранные языки. СПб., 2002. С. 47-50.

Маклаков А. Г. Общая психология. СПб.: Питер, 2011. 351с.

Молодкина Ю.Н. Синестетические номинации запаха в лингвистике большого корпуса (на материале американских художественных текстов) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. СПб., 2009. № 101. С. 169-172.

Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2000-2001.

Прокофьева Л.П. Звуко-цветовая ассоциативность: универсальное, национальное, индивидуальное : монография. Саратов: Изд-во Саратовского медицинского ун-та, 2007. 280 с.

Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер Ком, 1998. 192 с.

Савинова А.Г. Музыкальный код в художественной прозе Н.В. Гоголя: образ колокола и колокольчика // Вестник Томского государственного университета. Томск Изд-во ТГУ, 2010. № 333. С. 17–20.

Смолина А. Н. Синестезия как троп метафорического типа // Журнал Сибирского Федерального университета. Гуманитарные науки. 2009. Т. 2. С. 101–108.

Филиппова Г.Н. Исследование синестезии в немецкой и русской лингвистической литературе // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. Архангельск: Помор. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2010. № 11. С. 231–235.

Чалей О.В. Комплексное восприятие вкусовых ощущений в художественном дискурсе // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. М., 2016. № 2 (22). С. 49–55.

Черняева А. Ю. Синестезия как объект междисциплинарных исследований // Сборник научных трудов SWORLD. 2012. № 1. С. 77–85.

Чибисова Е.А. Функционирование синестетических метафор в рекламном и поэтическом текстах // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2011. № 3. С. 125–129.

Яницкая Н.И. Метонимические симультанные синестезии в английской и русской поэзии романтизма // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. Архангельск: Помор. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2009. № 10. С. 255–259.

Classen C. *Worlds of sense*. London and New York, 1993. 142 pp.

Day S. Synesthesia and Synaesthetic Metaphors // Psyche: An Interdisciplinary Journal of Research on Consciousness. 1996. № 2 (32). Электронный ресурс: https://www.researchgate.net/publication/215974628_Synesthesia_and_synaesthetic_metaphors

Список источников

Харрис Дж. Шоколад. М.: Эксмо, 2021. 752 с.

Harris Joanne. Blackberry wine. Электронный ресурс: <https://www.rulit.me/books/blackberry-wine-read-248013-67.html>

Harris Joanne. Five Quarters of the Orange. Электронный ресурс: https://royallib.com/book/Harris_Joanne/Five_Quarters_of_the_Orange.html

Harris Joanne. Five Quarters of the Orange. Электронный ресурс: https://royallib.com/book/Harris_Joanne/Five_Quarters_of_the_Orange.html

References

- Agapova O.V. Synesthesia in French Art History Discourse. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* = Philological sciences. Questions of theory and practice, Tambov, 2019, vol. 12, iss. 9, pp. 294–298. (In Russian).
- Ali Faris Khassun Ali Synesthetic Metaphor in Russian Classical Prose. Abstract of Philol. Cand. Diss, Voronezh, 2017. (In Russian).
- Baeva N.A., Fomin A.A. Patterns of Synesthetic Word Combinations and Their Markedness (Based on Terry Pratchett's Novels). *Izvestiya UrFU. Seriya 2. Gumanitarnye nauki* = Proceedings of Ural Federal University. Series 2. Humanities, 2018, vol. 20, no. 3 (178), pp. 111–122. (In Russian).
- Bardovskaya A.I. Integrative Approach to Synesthesia. *Slovo i tekst: psicholingvisticheskiy podkhod* = Word and text: psycholinguistic approach, Tver', 2003, iss. 1, pp. 5–10. (In Russian).
- Berestovskaya D.S. Word, Color and Sound as Embodiment of the 'Law of Universal Analogy' (From Observations on the Image of the Crimean Landscape). *Kul'tura narodov Prichernomor'ya* = Culture of the Peoples of the Black Sea Region, 1997, no. 1, pp. 35–39. (In Russian).
- Gutova N.V. Semantic Syncretism of Gustatory and Tactile Adjectives in Language and Literary Text. Abstract of Philol. Cand. Diss, Novosibirsk, 2005. (In Russian).
- Zhitkov A.V. Features of the Organization of the Functional-Semantic Field of Odor Perception in the Works of I. A. Bunin. *Slovo v yazyke, rechi i tekste: Materialy nauchnoy konferentsii* = Word in language, speech and text: Materials of a scientific conference, Ekaterinburg, 1999, pp. 27–30. (In Russian).
- Zykhovskaya N.L. The Olfactory in 19th Century Russian Prose. Abstract of Philol. Doct. Diss, Ekaterinburg, 2016. (In Russian).
- Klyuev E.V. Rhetoric. Invention. Disposition. Elocution. Textbook for universities. Moscow, 1999. 272 p. (In Russian).
- Komina E.V. Synesthetic Experiences in the Works of V. Nabokov. Abstract of Philol. Cand. Diss, Moscow, 2006. (In Russian).
- Krivenkova I.A. Synesthesia as a Linguistic Phenomenon (Based on the Literary Works by M.A. Sholokhov). *Tekst. Struktura i semantika: Dokl. X mezhdunar. konf.* = Text. Structure and semantics: Report. X international conf., Moscow, 2005, pp. 201–205. (In Russian).
- Levchina I.B. On the Features of the Semantic Structure of Synesthetic Adjectives. *Gertsenovskie chteniya. Inostrannye yazyki: Materialy konferentsii* = Herzen readings. Foreign languages: Conference materials, St. Petersburg, 2002, pp. 47–50. (In Russian).

Maklakov A.G. General Psychology. St. Petersburg, 2011. 351 pp. (In Russian).

Molodkina Yu.N. Synesthetic Nominations of Smell in the Linguistics of a Large Corpus (Based on American Literary Texts). *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* = Izvestia of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen, St. Petersburg, 2009, no. 101, pp. 169-172. (In Russian).

New Philosophical Encyclopedia: In 4 vols. Moscow, 2000-2001. (In Russian).

Prokof'eva L.P. Sound-Color Associativity: Universal, National, Individual: Monograph. Saratov, 2007. 280 p. (In Russian).

Rubinshteyn, S.L. Fundamentals of General Psychology. St. Petersburg, 1998. 192 p. (In Russian).

Savinova A.G. Musical Code in Fiction by N.V. Gogol: the Images of the Great and Small Bells. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of Tomsk State University, Tomsk, 2010, no. 333, pp. 17-20. (In Russian).

Smolina A.N. Synesthesia as a Trope of Metaphorical Type. *Zhurnal Sibirskogo Federal'nogo universiteta. Gumanitarnye nauki* = Journal of the Siberian Federal University. Humanities, 2009, no. 2, pp. 101-108. (In Russian).

Filippova G.N. Research on Synesthesia in German and Russian Linguistic Literature. *Vestnik Pomorskogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye i sotsial'nye nauki»* = Bulletin of the Pomor University. Series: Humanities and Social Sciences, Arkhangelsk, 2010, no. 11, pp. 231-235. (In Russian).

Chaley O.V. Complex Perception of Taste Sensations in Artistic Discourse. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta.* = Bulletin of the Moscow City Pedagogical University, Moscow, 2016, no. 2 (22), pp. 49-55. (In Russian).

Chernyaeva A.Yu. Synesthesia as an Object of Interdisciplinary Research. *Sbornik nauchnykh trudov SWORLD* = Collection of Scientific Works SWORLD, 2012, no. 1, pp. 77-85. (In Russian).

Chibisova E.A. Functioning of Synesthetic Metaphors in Advertising and Poetic Texts. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo universiteta ekonomiki i finansov* = Izvestia of the St. Petersburg University of Economics and Finance, 2011, no. 3, pp. 125-129. (In Russian).

Yanitskaya N.I. Metonymic Simultaneous Synesthesia in English and Russian Poetry of Romanticism. *Vestnik Pomorskogo universiteta* = Bulletin of the Pomor University, Arkhangelsk, 2009, no. 10, pp. 255-259. (In Russian).

Classen C. Worlds of sense. London and New York, 1993, 142 p.

Day S. Synaesthesia and Synaesthetic Metaphors. Psyche: An Interdisciplinary Journal of Research on Consciousness, 1996, no. 2 (32). Retrieved from: https://www.researchgate.net/publication/215974628_Synaesthesia_and_synaesthetic_metaphors

List of Sources

Harris Joanne. Chocolate, Moscow, 2021, 752 p.

Harris Joanne. Blackberry wine. Retrieved from: <https://www.rulit.me/books/blackberry-wine-read-248013-67.html>

Harris Joanne. Five Quarters of the Orange. Retrieved from: https://royallib.com/book/Harris_Joanne/Five_Quarters_of_the_Orange.html

Harris Joanne. Five Quarters of the Orange. Retrieved from: https://royallib.com/book/Harris_Joanne/Five_Quarters_of_the_Orange.html/

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

НАУЧНЫЙ И УЧЕБНЫЙ ДИСКУРСЫ В АСПЕКТЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ИЗОТОПИИ

О.С. Григорьева

Ключевые слова: связность текста, цельность текста, семантическая изотопия, тождественность значений, гипо-гиперонимия

Keywords: text coherence, text integrity, semantic isotopy, identity of meaning, hypo-hyperonymy

DOI: [https://doi.org/10.14258/filichel\(2025\)4-13](https://doi.org/10.14258/filichel(2025)4-13)

Bведение

Коммуникативное общение имеет дискурсивную природу, данный подход определен функциональной направленностью изучения языка в рамках современной антропоцентрической парадигмы.

Дискурсы реализуются с помощью различных текстов, таким образом, тексты можно рассматривать как материальное воплощение дискурсов.

В данной статье материалом исследования являются тексты научного и учебного дискурсов в жанровых разновидностях «учебное пособие» и «монография». Учебное пособие и монография, выбранные для анализа и сопоставления, подготовлены преподавателями Кемеровского государственного университета Е.А. Кранзевой «Гендерная социология» и монография «Организация работы с молодежью: междисциплинарная интеграция теории и технологий», изданная под ред. А.А. Зеленина, М.С. Яницкого на основе рассмотрения параметра семантической изотопии (далее — СИ).

Целью исследования является определение наличия или отсутствия трансформации параметра «семантическая изотопия» при взаимодействии научного и учебного дискурсов.

Методы исследования

В исследовании применены метод научного описания и прием сопоставительного анализа исследуемых текстов. Рассматривая текст определенного дискурса как коммуникативную единицу, мы обращаемся к та-

ким базовым его параметрам, как связность и цельность, которые присущи любому тексту. Связность текста лингвисты представляют как двухуровневую. Первый уровень когерентности текста представлен грамматическими зависимостями: субSTITУцией, темпоральной структурой. Данный уровень связности анализируется в рамках одного предложения (микроструктуры). Второй уровень определяется в содержательных взаимосвязях, которые охватывают целые фрагменты текста и сквозной нитью проходят через весь текст (макроструктура) [Филиппов, 2003].

История вопроса

Понятие семантической изотопии (СИ), введенное А. Греймасом, описывает семантическую структуру текста. Изотопия, по А. Греймасу [Greimas, 1966], есть связь значений, из которой проистекает новое значение. Семантическая изотопия изучалась, помимо А. Греймаса, А. Н. Безруковым, А. Е. Бочкаревым, Л. П. Воскобойниковой, Р. Н. Жаворонковой, З. А. Игиной, Е. А. Макарченко, К. А. Филипповым, Е. В. Филипповой, И. В. Хацько, Н. А. Шехтманом, К. Э. Штайн; К. Э. Штайн, Д. И. Петренко [Безруков, 2018; Бочкарев, 2008; Воскобойникова, 2019; Жаворонкова, 2002; Игина, 2016; Макарченко, 2006; Филиппов, 2003; Филиппова, 2004; Хацько, 1998; Шехтман, 1972; Штайн, 1996; Штайн, Петренко, 2001] и др. В рамках лингвосинергетики и лингвистической детерминистики процессы формирования нового значения в тексте рассматривались Н.Д. Головым [Голов, 1998, 1998а].

Результаты исследования

Исследователи К.Э. Штайн и Д.И. Петренко определяют термин изотопия таким образом: «...термин изотопия, введенный А. Греймасом, служит для обозначения повторов тождественных элементов (структурных, семантических) в тексте в синтагматическом плане. В парадигматическом плане изотопия также прослеживается уже как появление семантического признака и его воспроизведение в семантическом пространстве текста» [Штайн, Петренко, 2001].

В основном исследования категории семантической изотопии проводились относительно художественных текстов. Но многие важные параметры семантики текста, например, когерентность, когезия и адекватность восприятия текста — характерны и актуальны для любого текста, и их также перспективно в научном смысле рассматривать через призму семантической изотопии, в частности, и на примере текстов научного и учебного дискурсов.

Содержательные связи в тексте между отдельными лексемами выходят за рамки грамматических зависимостей, формирующих первый

уровень текста; данные лексемы имеют одинаковые семы, пронизывают весь текст (фрагменты текста) и образуют «изотопическую сеть», т.е. действуют на макроуровне текста. Иными словами, параметр изотопия основан на явлении «семантической эквивалентности» и проявляется в следующих видах: «1) тождественности значений (как это происходит, например, при простом повторе лексемы в тексте); 2) синонимии, т.е. схожести значений; 3) гипо-гиперонимии, т.е. на связи значений более высокого и подчиненного порядков; 4) антонимии, т.е. противоположности значений (при наличии обязательной общей точки соотнесения); 5) парафраз, т.е. описательных значений, и 6) проформ, т.е. опосредованного выражения изотопии посредством местоимений (в широком смысле этого слова)» [Филиппов, 2003, с. 260–261].

Для текстов научного и учебного дискурсов, характеризующихся высокой степенью ригоризации, характерны СИ вида «тождественности значений» и высокая «плотность» изотопической цепи [Филиппов, 2003, с. 9]. Продемонстрируем данное положение на примере анализа текста учебного пособия «Гендерная социология» автора Е.А. Кранзеевой. В данном учебном пособии семантической лексемой является «гендер» и ее деривационное образование «гендерный», также выделяется цепочка лексем, обладающих общими семантическими признаками: гендер — биологический пол — мужской пол — женский пол — полоролевые отношения — маскулинность — феминность. Анализ лекций 1–2 под общим заголовком «Понятие гендера: междисциплинарный взгляд. Основные социологические трактовки гендера» (с. 5–14) из рассматриваемого пособия следующий: текст лекций разделен на 40 абзацных членений, из них в 28 абзацах взаимосвязанность основана на простом повторе лексемы «гендер», «гендерный», что составляет 70% от всего текста лекций и подтверждает высокую «плотность» изотопической цепи; лишь 30% текста приходится на другие лексемы из выделенной цепочки.

Лекция 3 анализируемого учебного пособия имеет заголовок «Гендерная социализация», текст лекции структурирован посредством абзацного членения на 27 фрагментов, из них в 16 фрагментах используются эквивалентные лексемы «гендерная социализация» и «гендерная идентичность», являющиеся базовой структурой социальной идентичности. Изотопическая цепочка текста данной лекции: гендерная социализация — гендерная идентичность — социальная идентичность — первичная социализация — вторичная социализация — гендерная дисфория — гендерные характеристики — гендерные роли — гендерное становление. «Плотность» изотопической цепи составляет 59,3%.

Исследователь Е.А. Макарченко утверждает: «Обращаясь … к сопоставлению категорий цельности и связности, можно утверждать, что последняя является скорее категорией формально-логического плана, реализующей линейную, синтагматическую связанность, обязательную для всех видов текстов, тогда как цельность следует считать категорией понятийно-психологического плана, обеспечивающей вертикальную парадигматическую связанность текста» [Макарченко, 2006, с. 164]. С опорой на данное утверждение нами рассмотрена линейная, синтагматическая, связность текста (назовем ее горизонтальной). «Вертикальная парадигматическая связанность текста» относится к категории цельности текста и также строится на семантической изотопии, основанной на повторяемости семантических элементов. Данные повторы, обеспечивая взаимосвязь блоков, составляющих текст, формируют «изотипическую сеть», позволяющую выстраивать структуру текста, — назовем ее вертикальной: «Структурная целостность текста и его компонентов (блоков) является внешним выражением внутренней смысловой целостности» [Макарченко, 2006, с. 164].

В рассматриваемом учебном пособии «Гендерная социология» вертикальная структурная целостность организована следующим образом:

- Понятие гендера: междисциплинарный взгляд. Основные социологические трактовки гендера.
- Гендерная социализация.
- Гендерное неравенство и стратификационная специфика гендера.
- Гендерная дискриминация в сфере занятости. Профессиональная гендерная сегрегация, ее виды.
- Гендерное разделение семейно-бытовых ролей и домашнего труда.
- Гендер и политика.
- Гендерные стереотипы в традиционных религиях (Кранзеева, 2011, с. 3).

Изотопию, вычленяемую в структурной целостности текста по вертикали, можно отнести к виду гипо-гиперонимии, так как понятие «гендер» включает в себя все рассмотренные гендерные аспекты: социальные, профессиональные, семейно-бытовые, политические, религиозные.

Также с целью выявления влияния СИ на организацию текста монографии на горизонтальном и вертикальном уровнях был проведен анализ коллективной монографии «Организация работы с молодежью: междисциплинарная интеграция теории и технологий» под редакцией А.А. Зеленина и М.С. Яницкого. Раздел монографии 1.1 под заголовком «Государственная молодежная политика Российской Федерации и практика ее реализации на региональном уровне» (с. 5–21) представляет собой 65 вза-

имосвязанных текстовых блоков. Из них в 49 текстовых блоках «скрепами», обеспечивающими горизонтальную взаимосвязанность текста, является базовая лексема «молодежная политика», заявленная в заглавии раздела и маркированная в тексте аббревиатурой «МП» (молодежная политика). «Плотность» изотопической сети составляет 75,4%, вид СИ — тождественность значений. Изотопическая цепочка данного раздела монографии весьма пространная: социализация молодежи — молодежная политика (МП) — профессиональная подготовка молодежи — занятость молодежи — самоценность молодежи — ювентология как наука о молодежи — возрастные границы понятия «молодежь» — молодежные проблемы — актуальные проблемы молодежи — МП и ООН — МП и право — МП и государственные и общественные институты — государственная и общественная МП — МП в европейских странах — дефиниция понятия «МП» — система параметров МП — модели МП в зарубежных странах — МП и органы государства за рубежом — общественные и государственные структуры МП — общественно-государственные службы помощи молодежи — модели МП за рубежом и в России — уровни эффективности МП — структура понятия эффективности МП — определение понятия «эффективности МП» — система оценки эффективности МП — система критериев оценки эффективности МП — проблема выработки критериев оценки эффективности МП — предложенная модель оценки эффективности МП — технология реализации МП — дефиниция понятия «механизмы реализации МП» — основные механизмы реализации МП — факторы, влияющие на реализацию МП — объективные и субъективные факторы, влияющие на реализацию МП — проблемы в формировании эффективной модели МП — содержательный анализ государственной МП РФ — описание проблем МП (демографические, здоровья, социально-политической активности, девальвации базовых ценностей, трудоустройства, жилья) — осознанная стратегия в сфере МП — проектный подход в реализации МП — учет региональной специфики в реализации государственной МП — практика реализации МП в Кемеровской области — модель МП Кузбасса, действующая с 2006 г. — самореализация молодого человека — основная цель региональной модели МП — практическая реализация МП в Кузбассе в виде целевых программ — основные направления и конкретные технологии региональной МП — показатели эффективности региональной МП — критерии оценки эффективности региональной МП — результаты реализации региональной модели МП — эффект от единства теории, методологии и практики МП — возможность реализации региональной модели МП в других регионах и федеральном центре.

Внутритекстовое развитие на основе многократного повторения одинаковых или близких смысловых единиц приводит к формированию семантической изотопии, релевантно отражающей возникновение текстового целого.

Цельность анализируемого текста по вертикали обеспечивается повтором «генеративной» семантической единицы «*работа с молодежью*», заявленной в заглавии монографии: *Общие принципы и государственно-правовые основы работы с молодежью — Социологические и психологические основы работы с молодежью — Социальные и психологические технологии работы с молодежью* (Организация работы с молодежью..., 2012, с. 326); и соответствует семантической изотопии гипо-гиперонимического вида.

Сопоставление смысловых единиц СИ учебного и научного дискурсов выявило их неодинаковую распространенность: в учебном дискурсе они представлены одним или двумя словами, в научном — распространенными словосочетаниями. В смысловых единицах СИ текстов научного дискурса более подробно представлены семантические аспекты, что соответствует природе научных исследований: объективно и полно анализировать объект, предмет, явление и т.д., подвергшиеся рефлексии ученого.

Заключение

Подведем итоги.

Проведенное исследование параметра «семантическая изотопия» показало следующее:

- СИ способствует процессу текстопорождения, текст строится не по алгоритму простого сложения слов — это коммуникативная деятельность автора, строящего свое высказывание с учетом системных значений языковых единиц: лексических (макроуровень) и грамматических (микроуровень);
- СИ является решающим показателем когерентности текста (вертикальный уровень) и когезии текста (горизонтальный уровень);
- СИ обуславливает адекватное понимание текста: семантические связи, основанные на отношениях СИ, проходят через весь текст, а при смысловом восприятии — и через сознание реципиента, способствуя пониманию текста [Хацько, 1998];
- для текстов научного и учебного дискурсов свойственна СИ вида «тождественности значений» (на горизонтальном уровне) и гипо-гиперонимического вида (на вертикальном уровне), а также высокая «плотность» изотопической цепи.

Библиографический список

Безруков А.Н. Факторы семантической изотопии литературно-художественного дискурса // Нижневартовский филологический вестник. 2018. № 2. С. 81–86.

Бочкарев А.Е. Изотопия как способ оформления субстанции содержания // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Языкоzнание. 2008. С. 77–86.

Воскобойникова Л.П. Интерпретация текста на основе понятия «изотопия» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 6. С. 364–368.

Голев Н.Д. Деривация и мотивация как формы оязыковленной детерминации: инварианты и варианты // Очерки по лингвистической детерминологии и дериватологии русского языка. Барнаул, 1998. С. 65–84.

Голев Н.Д. К основаниям деривационной лексикологии русского языка: лексико-деривативные контексты как форма проявления деривационной энергетики текста и слова в тексте (проблемы, задачи, перспективы) // Очерки по лингвистической детерминологии и дериватологии русского языка. Барнаул, 1998а. С. 13–33.

Жаворонкова Р.Н. Семантическая изотопия как средство связи в тексте // Лесной вестник. Филология. 2002. № 3. С. 25–27.

Игина З.А. Текстовая изотопия: языковой механизм реализации тематики // Критика и семиотика. 2016. № 1. С. 44–59.

Макарченко Е.А. Роль контекстуальных синонимов в обеспечении связности текста // Вестник СамГУ. 2006. № 10/2 (50). С. 162–169.

Хацько И.В. Семантические факторы адекватного восприятия текста : дис. ... канд. филол. наук. М., 1998. 153 с. Электронный ресурс: <http://www.dissercat.com/content/semanicheskie-faktory-adekvatnogo-vospriyatiya-teksta#ixzz4aqbBm2KM>

Филиппова Е.В. Семантическая изотопия «еда» в художественном тексте (на материале малой прозы 60–80-х годов XX века) : дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2004. 199 с.

Филиппов К.А. Лингвистика текста: курс лекций. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2003. 336 с.

Шехтман Н.А. О семантическом повторе // Стилистика романо-германских языков: материалы семинара / Уч. зап. ЛГПИ им. А.И. Герцена. Л., 1972. Т. 491. С. 189–192.

Штайн К.Э. Изотопическая симметрия в поэтическом тексте // Проблемы лингвистической семантики : материалы межвуз. научн. конф. 18–19 окт. 1996 г. Череповец: Изд- во ЧГПИ им. А.В. Луначарского, 1996. С. 111–120.

Штайн К.Э., Петренко Д.И. Симметрия в поэтическом тексте // Принципы и методы исследования в филологии: Конец XX века: Научно-методический семинар «Textus» : сб. статей. СПб.; Ставрополь: СГУ, 2001. Вып. 6. С. 9–25. Электронный ресурс: https://ozlib.com/819294/literatura/klara_ernovna_shtayn_denis_ivanovich_petrenko_simmetriya_poeticheskem_tekste?ysclid=mi2uj8rtlb293311378

Greimas A. — J. Semantique structurale. Recherche de methode. P.: Larousse, 1966. 262 c.

Список источников

Кранзеева Е.А. Гендерная социология : учебное пособие. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2011. 91 с.

Организация работы с молодежью: междисциплинарная интеграция теории и технологий : коллективная монография / под ред. А.А. Зеленина, М.С. Яницкого. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2012. 328 с.

References

Bezrukov A.N. Factors of Semantic Isotopy in Literary and Artistic Discourse. Nizhnevartovskiy filologicheskiy vestnik = Nizhnevartovsk Philological Bulletin, 2018, no. 2, pp. 81–86. (In Russian).

Bochkarev A.E. Isotopy as a Way of Formalizing the Substance of Content. Izvestia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena = Bulletin of the A.I. Herzen Russian State Pedagogical University. Language Studies, 2008, pp. 77–86. (In Russian).

Filippov K.A Text Linguistics: A Course of Lectures, 2003. 336 p. (In Russian).

Filippova E.V. The Semantic Isotope of "Food" in a Fiction Text (Based on Short Fiction from the 1960s-1980s). Abstract of Philol. Cand. Diss. Stavropol, 2004, 199 p. (In Russian).

Golev N.D. Derivation and Motivation as Forms of Linguistic Determinism: Invariants and Variants". Ocherki po lingvisticheskoi determinologii i derivatologii russkogo jazyka = Essays on Linguistic Determinology and Derivatology of the Russian Language, Barnaul, 1998, pp. 65–84. (In Russian).

Golev N.D. Derivation and Motivation as Forms of Linguistic Determinism: Invariants and Variants". Ocherki po lingvisticheskoy determinologii i derivatologii russkogo jazyka = Essays on Linguistic Determinology and Derivatology of the Russian Language, Barnaul, 1998a, pp. 13–33. (In Russian).

- Greimas A.-J. Semantique structurale. Recherche de methode, 1966, 262 p.
- Igina Z.A. Textual Isotopy: The Linguistic Mechanism of Topic Realization. Kritika i semiotika = Critique and Semiotics, 2016, no. 1, pp. 44–59. (In Russian).
- Khats'ko I.V. Semantic Factors of Adequate Text Perception. Abstract of Philol. Cand. Diss. Moscow, 1998. (In Russian).
- Makarchenko E.A. The Role of Contextual Synonyms in Ensuring Text Coherence. Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Samara State University, 2006, no. 10/2 (50), pp. 162–169. (In Russian).
- Shekhtman N.A. On Semantic Repetition. Stilistika romano-germanskikh yazykov: materialy seminara = Stylistics of Romano-Germanic Languages: Seminar Materials, 1972, vol. 491, pp. 189–192. (In Russian).
- Shtayn K.E. Isotopic Symmetry in Poetic Text. Problemy lingvisticheskoy semantiki = Problems of Linguistic Semantics, Cherepovets, 1996, pp. 111–120. (In Russian).
- Shtayn K.E., Petrenko D.I. Symmetry in the Poetic Text. Printsipy i metody issledovaniia v filologii: Konets XX veka: Nauchno-metodicheskiy seminar «Textus» = Principles and Methods of Research in Philology: The End of the 20th Century: Scientific and Methodological Seminar "Textus", St. Petersburg; Stavropol', 2001, iss. 6, pp. 9–25. Retrieved from: https://ozlib.com/819294/literatura/klara_ernovna_shtayn_denis_ivanovich_petrenko_simmetriya_poeticheskem_tekste?ysclid=mi2uj8rtlb293311378 (In Russian).
- Voskoboynikova L.P. Text Interpretation Based on the Concept of “Isotopy”. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues, 2019, vol. 12, iss. 6, pp. 364–368. (In Russian).
- Zhavoronkova R.N. Semantic Isotopy as a Means of Coherence in the Text. Lesnoi vestnik. Filologiya = Forest Bulletin of Samara State University. Philology, 2002, no. 3, pp. 25–27. (In Russian).

List of Sources

- Kranzeeva E.A. Gender Sociology: A Textbook, Kemerovo, 2011, 91 p. (In Russian).
- Organization of Work with Youth: Interdisciplinary Integration of Theory and Technology, ed. by A.A. Zelenin, M.S. Yanitskii. Kemerovo, 2012. 328 p. (In Russian).

СЕМИОТИЧЕСКИЕ ТИПЫ ИНТЕРНЕТ-МЕМОВ: КЛАССИФИКАЦИЯ И СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

С.В. Лопухов

Ключевые слова: интернет-жанр, мем, полисемиотические мемы, вербальные мемы, креолизованные мемы

Keywords: internet genre, meme, polysemiotic memes, verbal memes, creolized memes

DOI: [https://doi.org/10.14258/filichel\(2025\)4-14](https://doi.org/10.14258/filichel(2025)4-14)

Введение

Интернет-дискурсу мы обязаны возникновением особых жанров, существующих только в условиях глобальной сети.

Ряд российских и зарубежных исследователей [Клушкина, 2020; Shepherd, 1998] выделяют их в особую группу интернет-жанров — устойчивых форм текста, существующих исключительно в информационном поле цифровой сети и обладающих чертами, несовместимыми с классическими формами текста: высокой конвергентностью и мультимодальностью (способностью сочетать визуальный, вербальный и звуковой контент).

Термин «жанр» используется здесь в традиционном определении устоявшейся формы текста [Тертычный, 2019, с. 12], где под текстом подразумевается любой взаимосвязанный ряд знаков. Данная семиотическая трактовка понятия текста Ю.М. Лотманом [1992] оказалась идеально применимой к новейшим жанрам глобальной сети.

Среди интернет-жанров наиболее популярным у пользователей и вызывающим интерес лингвистов является жанр мема. Понятие мема восходит к научно-популярной работе британского публициста Р. Докинза [Dawkins, 1976], в которой под ним подразумевался «культурный код», способный распространению путем репликации — размножению в новых вариантах. Хотя Докинз писал не об интернет-жанре, а о единице культурной информации, новый термин оказался идеально применим к жанру, в середине 2000-х возникшему в эпоху глобальной сети. В этимологии термина, как утверждает Докинз, заложено указание на распространение в разных вариациях при сохранении неизменяемой части, объединяющей все вариации общим подобием (греч. μῆμα (мимия) — подобие). Под влиянием работы Докинза возникло новое междисциплинарное направление — меметика, представители

которого отмечали такие черты, как вирусная скорость распространения [Rushkoff, 1996] и простота [Brodie, 1996].

Когда в глобальной сети появилась новая устойчивая форма текста, характеризуемая смеховой идеей и двусоставностью (наличием неизменяемой и изменяемой частей), интернет-пользователи, знакомые с меметикой, быстро окрестили новый жанр «мемом». Термин проник и в научный филологический дискурс: одним из первых российских ученых, поднявших проблему исследования мема, стал М.А. Кронгауз. Он объяснил мем как «любую, но короткую информацию (слово или фразу, изображение, мелодию и т.п.), мгновенно и неожиданно ставшую модной и воспроизводящуюся в интернете, как правило, в новых контекстах или ситуациях» [Кронгауз, 2012].

Опираясь на исследования интернет-жанров Н. И. Клушиной и А. В. Николаевой [Клушина, 2020], в данной работе мы предлагаем использовать определение мема, предложенное нами ранее [Лопухов, 2023]: мем — это смеховой мультимедиальный текст, основанный на комичной идее и содержащий неизменяемый компонент — инвариант и изменяемый — вариант.

Мемы размножаются в сети в различных вариативных версиях при сохранении неизменяемой части (инварианта). Инвариантная часть является жанрообразующей и предварительно знакомой пользователю, а вариативная — несет новую информацию.

Приведем пример вариативности мема (пример 1), в котором представлено 4 вариации мема «Неверный парень»¹: инвариантной частью выступает фотография с комичной идеей: в нем обыгрывается тема неверности в паре²), а вариативной — различные информативные подписи.

Таким образом, уникальность мема — в способности распространяться во множестве вариативных версий при сохранении инвариантной основы и идеи конкретного мема. Отметим важность понимания указанной «двусоставности» мема, поскольку в быту и даже в академической сфере мемами иногда называют все комические изображе-

¹ Неверный парень. Электронный ресурс: [https://yandex.ru/images/search?family=ye
s&from=tabbar&text=%D0%BD%D0%B5%D0%B2%D0%B5%D1%80%D0%BD%D1%88%D0%B9%D0%BF%D0%B0%D1%80%D0%B5%D0%BD%D1%8C%D0%BC%D0%B5%D0%BC](https://yandex.ru/images/search?family=yes&from=tabbar&text=%D0%BD%D0%B5%D0%B2%D0%B5%D1%80%D0%BD%D1%88%D0%B9%D0%BF%D0%B0%D1%80%D0%B5%D0%BD%D1%8C%D0%BC%D0%B5%D0%BC)

² «Неверный парень со стокового снимка оказался идеальным олицетворением борьбы с соблазнами, которые имеются у каждого». Электронный ресурс: <https://www.sobaka.ru/lifestyle/technology/61007?ysclid=mht6388mgn552595516>

ния, бытующие в сети [Smirnova, Denissova, Svitichetal, 2020, р. 156]. Такой подход совсем не раскрывает исследуемый жанр и его жанрообразующий признак — размножение в разных вариациях, в то время как на этот признак указывает даже обозначающий его термин [Dawkins, 1976, р.192].

Пример 1. Вариации мема «Неверный парень»

Как считают Н.И. Клушкина и А.В. Николаева [2020], в основе этого уникального жанра лежит явление прецедентности. Основоположник теории прецедентности в лингвистике Ю.Н. Караполов определяет прецедент как значимый для широкой аудитории текст, характеризуемый многократной референтностью [Караполов, 2010, с. 216]. Многие мемы отсылают к прецедентным текстам (всемирно известным фильмам, например, трилогии Питера Джексона «Властелин колец»), и кроме того, любой мем сам по себе становится прецедентом по факту популярности и многократной референтности его инвариантной части (в то время как вариантная является носителем новой информации).

Мемы поддаются различной классификации: по тематике, авторской интенции, поджанрам сообщений, которые доставляются пользователю, и т.д. Однако самой фундаментальной классификацией является разделение по семиотическим типам (на основе знаковых систем). Ю.В. Щурина также называет эту классификацию «по способу выражения» [Щурина, 2014, с. 87]. Дифференциация по данному критерию встречается в большинстве русскоязычных исследований, авторы ко-

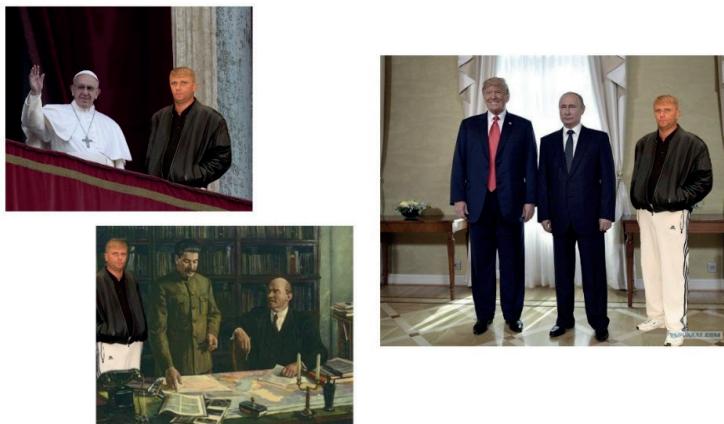
торых ставят себе задачу классифицировать жанр [Щурина, 2014; Марченко, 2019; Клушкина, 2020].

Довольно полную классификацию по данному признаку дает С. А. Шомова в своей монографии, посвященной мемам [Шомова, 2019]. Она выделяет вербальные, визуальные, смешанные и аудиальные мемы.

Взаимосо существование семиотических типов мемов как предмет исследования

Проиллюстрируем на примерах дифференциацию мемов по способу их выражения.

1. Визуальные мемы. Данный тип представляют элементы изображений, несущие смеховую идею и размножающиеся посредством новых вариантов изобразительных обрамлений. Один из старейших мемов русскоязычного сегмента глобальной сети этого типа — «Свидетель из Фрязино»³. Инвариантом выступает фото «сурогата мужчины в белоснежных спортивных штанах и кожаной куртке»: смеховая идея — гипертрофированная отстраненность; вариантом могут быть любые визуальные фоны (пример 2):

Пример 2. Визуальный мем «Свидетель из Фрязино»

³ Свидетель из Фрязино. Электронный ресурс: [https://yandex.ru/images/search?family=ye...s&from=tabbar&lr=213&text=%D1%81%D0%B2%D0%B8%D0%B4%D0%B5%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%20%D0%B8%D0%B7%20%D1%84%D1%80%D1%8F%D0%B7%D0%B8%D0%BD%D0%BE%20%D0%BF%D1%83%D1%82%D0%B8%D0%BD](https://yandex.ru/images/search?family=yes&from=tabbar&lr=213&text=%D1%81%D0%B2%D0%B8%D0%B4%D0%B5%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%20%D0%B8%D0%B7%20%D1%84%D1%80%D1%8F%D0%B7%D0%B8%D0%BD%D0%BE%20%D0%BF%D1%83%D1%82%D0%B8%D0%BD)

2. Вербальные мемы. Этот тип представлен фразами, выражениями и отдельными словами, отвечающими жанровым характеристикам мема (смеховая идея и способность размножаться в вариативных версиях при сохранении инвариантной части). От вышеописанных визуальных мемов вербальные отличаются видимым отсутствием вариантной части и могут создать ошибочное впечатление статичности. Применительно к данному типу мы полагаем уместным говорить о вариантной части как новом контексте для употребления инвариантной фразы согласно смеховой идеи. При этом исходная фраза не всегда статична и может в некоторых случаях подвергаться изменению.

Пример — мем «Это другое»⁴. Инвариантом является фраза с идеей высмеивания двойных этических стандартов в политике и распространяющаяся в разном новостном контексте. Вариантами являются разные контекстные ситуации употребления фразы. Изначально она использовалась для высмеивания двойных стандартов сторонников российской оппозиции, но контекст быстро расширился: фраза стала инструментом высмеивания любых политических взглядов, а со временем — высмеивания любой непоследовательной риторики, например, в области гендерных стереотипов «Мужчинам можно, а женщинам нельзя — это другое».

Отличительной чертой вербальных мемов является возможность их репликации не только через мультимедийные средства, но и, например, в устной речи. Кроме того, вербальные мемы могут быть легко встроены в любой преимущественно словесный текст, формат которого не предполагает использование изображений, — статью, новостную заметку, публичное выступление. В качестве примера приведем новостную заметку из газеты «Коммерсантъ», в названии которой «Денег нет, но вы езжайте»⁵ автор отсылает читателя к мему «Денег нет, но вы держитесь». Смеховая идея исходного мема — чиновник пытается успокоить недовольный народ. Пример того, как журналист «Коммерсанта» использует в своем тексте данный мем, напоминает о прецедентной природе исследуемого жанра. Даже если мем не основан на самостоятельном прецеденте, он сам становится прецедентом по факту многократной референтности, почему отсылки к ме-

⁴ Это другое. Электронный ресурс: https://cyclowiki.org/wiki/%D0%92%D1%8B_%D0%BD%D0%B5_%D0%BF%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D1%82%D0%B5,_%D1%8D%D1%82%D0%BE_%D0%B4%D1%80%D1%83%D0%B3%D0%BE%D0%B5

⁵ Денег нет, но вы езжайте. Электронный ресурс: <https://www.kommersant.ru/doc/4512624>

мам в медиа и становятся не менее популярны, чем отсылки к произведениям литературы или кино.

В жанрах публичной коммуникации могут быть использованы мемы разных семиотических типов, однако именно вербальные встраивают-ся в большинство текстов проще всего.

3. Аудиальные мемы. Этот тип представлен звуковыми рядами и мелодиями, несущими смеховые идеи и распространяющимися в разных контекстах. Примером может служить звук падающей металлической трубы⁶.

4. Смешанные мемы. Данный тип выражается посредством более чем одной знаковой системы. Внутри этого типа уместно выделить два подтипа, поскольку они существенно различаются:

1) креолизованные мемы: это мультимедиальные тексты, сочетающие в себе изображение и надпись. Обычно инвариантом является изображение, несущее смеховую идею, а вариантом — различные надписи к изображению, позволяющие исходному образу размножаться. Пример — мем «Неверный парень» (пример 1), который мы для наглядной характеристики всего жанра мема привели во вступительной части статьи;

2) видеомемы — подвижные изображения со звуком и смеховой идеей. Данный подтип выражается визуально и аудиально. Пример — «DirectedbyRobertB. Weide»⁷, где инвариант — короткий ролик с белыми титрами на черном экране и характерной мелодией, а вариантами выступают различные комичные происшествия, показываемые перед экраном с титрами.

5. Полисемиотические мемы. Данным термином предлагаем называть особый тип мемов, распространяющихся отдельно в разных семиотических типах, однако имеющих единый инвариант и общую смеховую идею.

Основанием для выделения этого «сверхтипа» являются случаи «миграции» мемов из одного семиотического типа в другой и дальнейшее существование в нескольких сразу. В качестве примера можно привести ранее описанный мем «Это другое». Изначально возникший как вербальный, он со временем обрел визуальную часть (пародию на заставку кинокомпании *20 CenturyFox*) и стал распространяться как в вербальном, так и креолизованном виде. Другой пример — появившийся в 2024 году

⁶ Звук падающей металлической трубы. Электронный ресурс: https://vk.com/video-26546605_456261961

⁷ Directed by Robert B. Weide. Электронный ресурс: https://vk.com/video-189202826_456239052

мем «Турецкий стрелок»⁸. В примере 3 слева представлен визуальный вариант, а справа — креолизованный (вербально-визуальный).

Пример 3. Мем «Турецкий стрелок»

Результаты исследования

Задача нашего исследования — выяснить, какие семиотические типы мемов являются наиболее популярными среди пользователей русскоязычной сети. Эмпирической базой для сбора материала выступила подборка мемов, полученная методом устного опроса. Количество участников опроса — 26 человек. Возраст — 23–27 лет, гендерное соотношение эквивалентное. Участникам было предложено назвать три любимых мема. В итоге было названо 64 разных мема (остальные мемы в подборке повторялись). Анализ полученных результатов позволил сделать следующие выводы.

80% полученных мемов принадлежат к смешенному типу, а именно — креолизованному подтипу, т.е. в них сочетается изображение и текст.

9% принадлежат к полисемиотическому типу. Из них 8% могут выражаться вербально либо креолизованно. 1% мемов данного типа существует параллельно в креолизованном и визуальном типах.

8% представляют собой вербальные мемы.

2% принадлежат к смешенному типу, а именно к подтипу видеомемов.

1% относится к аудиальным мемам.

Популярность креолизованных мемов была ожидаемой: поверхностное наблюдение с позиции пользователя говорит о том, что данный подтип смешанных мемов встречается в сети чаще всего. Вероятно, креолизованные мемы отличаются высокой популярностью из-за

⁸ Турецкий стрелок. Электронный ресурс: <https://memepedia.ru/tureckij-strelok/>

возможности быстро донести много информации, поскольку такие мематексты выражаются посредством двух знаковых систем.

В то же время другой подтип смешанных мемов — **видеомемы** заметно менее любимы пользователями, чем креолизованные. Видеомемы также выражаются посредством нескольких знаковых систем и несут много информации, и их сравнительно меньшая популярность требует дополнительного объяснения. Можно предположить, что креолизованные мемы выгодно отличаются большей скоростью восприятия и лаконичностью, чем видеомемы.

Существенной популярностью пользуются **вербальные** мемы. Собственно вербальные составляют 8%, а полисемиотические, распространяющиеся в том числе вербально, — 9%. Примечательно, что мемы из последнего подтипа, полученные в ходе опроса, все изначально появились в креолизованном виде, но со временем стали распространяться и вербальным путем. Например, мем 2024 года «Гоол!», на первых порах своего существования бывший креолизованным, с инвариантом в виде карикатуры быстро стал и вербальным (теперь он распространяется и вербально, и креолизованно по отдельности).

Популярность вербальных мемов и то, что многие креолизованные мемы со временем становятся и вербальными (т.е. полисемиотическими), объясняется возможностью их распространения посредством устной речи и встраиванием в другие, преимущественно словесные, формы коммуникации.

Сравнительно невысокую популярность **аудиальных** мемов можно объяснить их выражением через знаковую систему, посредством которой пользователь получает относительно мало информации.

Заключение

Таким образом, пользователи предпочитают типы мемов, содержащие больше информации, но одновременно лаконичные и легко воспринимаемые.

Подчеркнем важность введения в академический дискурс нового термина «полисемиотические мемы». Считаем данный термин необходимым дополнением к тезаурусу исследователей главного интернет-жанра. Пользователям известны многие примеры «миграции» мемов из одного семиотического типа в другой либо распространение в нескольких типах сразу. Как показало проведенное эмпирическое исследование, мемы с данной семиотической характеристикой пользуются спросом среди интернет-пользователей: они уступают в популярности лишь креолизованным мемам. Кроме того, термин «полисемиотические мемы» позво-

ляет описать процесс распространения мемов в пространстве интернета наиболее полно и помогает понять ход проникновения образцов популярного интернет-жанра за пределы глобальной сети, в том числе — в бытовую речь и традиционные журналистские жанры.

Библиографический список

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Издательство ЛКИ. 2010. 264 с.

Клушина Н.И. Введение в интернет-стилистику. М.: Флинта. 2020. 240 с.

Кронгауз М.А. Мемы в Интернете: опыт деконструкции // Наука и жизнь. 2012, с. 127–132. Электронный ресурс: https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/431893/Memy_v_internete_optyt_dekonstruktsii

Лопухов С.В. Смеховые интернет-жанры в современном коммуникативном пространстве // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика, 2023, № 3. С. 129–132. Электронный ресурс: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/phyloglog/2023/03/2023-03-30.pdf>

Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М.: Гнозис, 1992. 273 с.

Марченко Т.В. Интернет-мем как феномен медиакоммуникации: типологические характеристики и потенциал прецедентности // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе : сб. науч. трудов. Вып. 16. Орел: Орловский государственный институт культуры, 2019. С. 209–220.

Тертычный А.А. Жанры периодической печати. М.: Аспект-Пресс. 2019. 320 с.

Шомова С.А. Мемы как они есть. М.: Аспект Пресс. 2019. 136 с.

Щурина Ю.В. Интернет-мемы: проблема типологии // Вестник Череповецкого государственного университета. 2014. № 6. Электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-memmy-problema-tipologii/viewer>

Brodie R. Virus of the Mind. Integral Press. 1996.

Dawkins R. The selfish gene. Oxford University Press. 1976.

Rushkoff D. Media Virus: Hidden Agendas in Popular Culture // Ballantine Books. 1996.

Shepherd M., Watters C. The evolution of cybergenres // of the Thirty-First Hawaii International Conference on System Sciences, Kohala Coast, HI, USA, 1998.vol.2. Pp. 97–109.

Smirnova O.V., Denissova G.V., Svitich L.G., Lin C., Steblovskaia S.B., Antipova A.S. Psychological and Ethnocultural Sensitivities in the Perception of COVID-19 Memes by Young People in Russia and China //

Psychology in Russia: State of the Art № 13(4).2020. Pp. 148–167. Электронный ресурс: https://psychologyinrussia.com/volumes/pdf/2020_4/Psychology_4_2020_148-167_Smirnova.pdf

References

- Karaulov Y.N. Russian language and linguistic personality, Moscow, 2010, 264 pp. (In Russian).
- Klushina N.I., Nikolaeva A.V. Introduction to the internet stylistics, Moscow, 2020, 240 pp. (In Russian).
- Krongauz M.A. Memes on the Internet: experience of deconstruction. *Nauka iz zhizn'* = Science and Life, 2012, pp. 127–132. Retrieved from: https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/431893/Memy_v_internete_opyt_dekonstruktii (In Russian).
- Lopuhov S.V. The laughter Internet genres in the modern communication space. *Vestnik Voronezhsko gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of Voronezh State University, 2023, no. 3, pp. 129–132. (In Russian).
- Lotman Y.M. Culture and explosion, Moscow, 1992, 273 p. (In Russian).
- Marchenko T.V. Internet meme as a phenomenon of media communication: typological characteristics and the potential for precedent. *Zhanry i tipy teksta v nauchnom i medijnom diskurse* = Genres and types of text in scientific and media discourse, 2019, p. 209–220. (In Russian).
- Shchurina Y.V. Internet memes: the problem of typology. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of Cherepovets State University, 2014, no. 6 (59). (In Russian).
- Shomova S.A. Memes as they are, Moscow, 2019, 136 pp. (In Russian).
- Tertychnyj A.A. Genres of the periodical press, Moscow, 2019, 320 pp. (In Russian).
- Brodie R. Virus of the Mind, Integral Press, 1996.
- Dawkins R. The selfish gene, Oxford University Press, 1976.
- Rushkoff, D. Media Virus: Hidden Agendas in Popular Culture, Balantine Books, 1996.
- Shepherd M., Watters C. The evolution of cybergenres. *Proceedings of the Thirty-First Hawaii International Conference on System Sciences*. Kohala Coast, HI, USA, 1998, vol.2, pp. 97–109.
- Smirnova O.V., Denissova G.V., Svitich L.G., Lin C., Steblovskaia S.B., Antipova A.S. Psychological and Ethnocultural Sensitivities in the Perception of COVID-19 Memes by Young People in Russia and China. *Psychology in Russia: State of the Art*, 13(4), 2020, pp. 148–167. Retrieved from: https://psychologyinrussia.com/volumes/pdf/2020_4/Psychology_4_2020_148-167_Smirnova.pdf

ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО: ОТ ПЕРЦЕПЦИИ К ТВОРЧЕСТВУ

Е.Ю.Сафонова, Е.П. Селезнева

Ключевые слова: художественный образ, литература, фольклор, русский как иностранный, авторская сказка

Keywords: artistic imagery, literature, folklore, Russian as a foreign language, authorial fairy tale

DOI: [https://doi.org/10.14258/filichel\(2025\)4-15](https://doi.org/10.14258/filichel(2025)4-15)

Bведение

Одним из значимых поворотов в развитии педагогики и методики преподавания стал отказ от идеи изоморфизма содержания предмета господствующей научной теории. Во второй половине XX века сциентистские представления уступили место культурологической концепции, согласно которой содержание образования изоморфно человеческой культуре и направлено на формирование вектора развития личности в культурном поле. В методике преподавания иностранных языков, в том числе и русского, стала общепризнанной идея неразрывной связи языка и культуры и, соответственно, необходимости преподавания языка в контексте культурологических реалий, особенно художественной литературы. Для современного этапа развития методики важен переход от информационно-объяснительной технологии обучения к деятельностно-развивающей, обеспечивающей формирование палитры soft skills и личностных качеств выпускника. Активные методы обучения направлены на стимулирование познавательной, практической и творческой деятельности, интерактивность и самостоятельность, что обеспечивает развитие критического мышления, формирование профессиональных компетенций, повышение учебной мотивации и т.д.

Теоретическая база, методы и материалы исследования

В статье рассматривается вопрос специфики художественного образа с эстетической и гносеологической позиций, раскрываются богатые дидактические и воспитательные возможности литературы и фольклора. Особое внимание уделяется разным формам использования художественных образов в преподавании русского как иностранного: от простых, перцептивных, до творческих. Мир русской культуры в сознании студента-иностраница, начинающего изучать русский язык, должен иметь концептуальную, этическую основу и философскую глубину, которые в концентрированном виде содержатся в русской литературе, полно представляющей всю русскую ментальность.

Исследование выполнено в русле рецептивной эстетики, коммуникативно-дискурсивной парадигмы, теории межкультурной коммуникации. Цель исследования — рассмотреть возможности использования художественного образа на занятиях по русскому языку как иностранному на подготовительном отделении Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета. Занятия с иностранными обучающимися, выстроенные на основе использования художественных образов, способны выполнять интегрирующую роль в становлении личности будущего специалиста и его индивидуального пути приобщения к русской культуре.

В исследовании применялись общенаучные методы анализа, систематизации, дедукции, а также частнонаучные — лингвистического описания, педагогического проектирования, семиотического и мотивного анализа.

Для понимания дидактического и воспитательного потенциала литературы, особенностей педагогического процесса, в котором изящная словесность выступает как «мост» к языку, овладению коммуникативной компетенцией, обратимся к специфике художественного образа.

Художественный образ — конкретно-чувственная форма воспроизведения некой реальности в эстетических целях, основное средство создания «второй реальности» искусства [Кормилов, 2000, с. 327]. Как категория эстетики, художественный образ характеризует особый, присущий только искусству способ освоения и преобразования действительности. В образе неразрывно связаны, слиты воедино объективно-познавательное и субъективно-творческое начало.

Посредством вымысла автор обобщает факты реальности, воплощает свой взгляд на мир. Здесь важно помнить о полигенетическом характере художественной образности, исключающей прямое жизнепо-

добие или однозначное установление прототипов. Фантазия и принципы художественного обобщения и типизации характеризуют специфику художественного мышления как чувственно-эмоционального, ассоциативного. Автор переносит предмет, лицо или явление из привычной реальности и обычного восприятия в сферу нового восприятия, т.е. семантически их изменяет, что приводит к появлению аллегории, символа, гротеска и т.д. Формы «первойчной» реальности (окружающий мир) воспроизводятся писателем избирательно и так или иначе преображаются, трансформируются, в результате чего возникает внутренний мир произведения.

На рисунке 1 представлена созданная и описанная М.Ю. Лотманом модель перцепции художественного текста, т.е. процесса восприятия художником окружающего мира и его трансформации в художественном произведении, а затем его восприятия и интерпретации читателями [Лотман, 1970, с. 16, 30, 61].

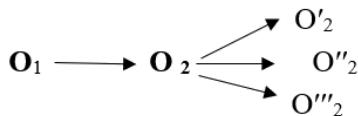

Рис. 1. Модель перцепции (создания и интерпретации) художественного произведения, где O_1 — объективный мир, O_2 — вторичная реальность художественного мира произведения, O'_2 , O''_2 , O'''_2 — бесконечное множество интерпретаций читателей

Взаимодействие автора и читателя посредством художественного произведения происходит на когнитивном, эмоциональном и духовных уровнях. Специфика восприятия художественного образа читателем определяется индивидуальными особенностями личности, ее темпераментом, личностным опытом, возрастом, полом, национальностью, религиозной принадлежностью, культурным и социальным контекстом и т.д. Непосредственное чувственное восприятие художественного текста в момент чтения впоследствии дополняется процессами осмыслиния и оценки.

Обобщая сказанное, подчеркнем, что специфика художественного образа определяется по отношению к двум сферам: реальной действительности и процессу мышления.

1. Художественный образ наделен чувственной достоверностью, пространственно-временной протяженностью, предметной закончен-

ностью и самодостаточностью. Но образ не смешивается с реальными объектами, ибо ограничен рамкой условности.

2. Художественный образ — это не реальный, а идеальный объект. Он не просто отражает, а обобщает действительность, раскрывает в единичном, приходящем сущностное и вечное. Он нагляден, но сохраняет чувственную целостность.

3. Художественный образ не только отражает и осмысливает действительность, но и творит новый мир. С одной стороны, образ — результат деятельности воображения, в нем запечатлевается возможное, желаемое, предполагаемое, с другой — творческое преобразование реального материала — не пассивное воспроизведение, а активное отражение.

В художественном образе должен состояться переход от чувственного обобщения через мыслимое обобщение к вымышенной действительности в ее чувственном воплощении. Художественный образ — результат обобщения, типизации, облеченный в конкретно-индивидуальную форму. Здесь уместно вспомнить слова Г.В.Ф. Гегеля о том, что художественный образ — специфичное представление некой общей идеи, часто абстрактной, в чувственно-единичной форме (Георг Вильгельм Фридрих Гегель, Т. 1. 1968. С. 44). Соответственно, важными чертами художественного образа являются максимальная емкость содержания, обобщенность, экспрессивность, самодостаточность.

«Чудо» искусства слова состоит в превращении языка в литературу, сообщения, информации — в произведение, в продукт, создание художника. Особенностью художественной литературы, по словам Е. Г. Эткинда, является «напряженная сжатость мысли и эмоций, а значит, и языка», и в этом заключается «важнейшее свойство поэзии как словесного искусства» [Эткинд, 1963, с. 4]. По словам ученого, «звуковые особенности слов и их сочетаний, интонация, синтаксис — все приобретает резко повышенную выразительность» [Там же, с. 202]. Следовательно, образность литературы состоит не в отдельных тропах или синтаксических фигурах, а в соподчиненности каждого слова, каждого элемента произведения некой сверхзадаче, направленной на эстетическое освоение всего богатства мира.

Принципиальную значимость имеет суггестивный характер художественной образности, сочетающей рациональное, эмоциональное и эстетическое воздействие.

По смысловой обобщенности выделяются следующие виды художественных образов: индивидуальные, характерные, типические, образы-мотивы, топосы, архетипы и симулякры.

Важность, ценность и большой потенциал использования художественной образности в преподавании РКИ обусловлены целым рядом причин.

Во-первых, опросы и мониторинги выпускников вузов на протяжении многих лет свидетельствуют о том, что основные образовательные программы во всем объеме доступны лишь трети студентов — особенно если речь идет об обучении иностранцев. Этую проблему качества образования невозможно решить и с помощью коррекционных курсов русского как иностранного, поскольку целесообразнее и результативнее была бы индивидуальная работа с преподавателем, что трудно выполнимо. Во-вторых, современная эпоха тотальной цифровизации, высоких технологий, массмедиа, искусственного интеллекта опасна отрывом обучения от воспитания и национальной культуры, мозаичностью знания, клиповым мышлением. Дистанцирование преподавателя от студента, где субъект-субъектные отношения часто опосредованы гаджетами, позволяет в полной мере оценить традиционные формы обучения, где происходили подлинные «встречи» ученика и учителя, а в процессе диалога рождалось vox viva — живое слово, «живое знание» (термин П.И. Зинченко). В-третьих, образ играет значимую роль не только в сфере художественного творчества, но и в реальной жизни. Специфика когнитивных процессов заключается в том, что созданием образа как продукта синтеза, результата, презентанта, «слепка» познания завершается каждый его этап.

Конечно, в представлении образ доминирует над словесной оболочкой; в понятии, напротив, словесная оболочка превалирует над образом. Кроме того, человек обладает способностью к синестезии, т.е. когнитивный процесс предполагает «перевод» сигналов одной сенсорной модальности в другую, когда информация, полученная с одного канала восприятия, автоматически дополняется другими, например, при прочтении слова «море» задействованы визуальный и звуковой каналы, но сознание достраивает тактильные, обонятельные и вкусовые ощущения на основе всего накопленного опыта индивида. В результате такой сенсорной проекции создается многогранный образ, воспроизводящий максимально полную и точную модель окружающего мира. А в художественном образе словесная оболочка и образ объединены, гармонично слиты воедино благодаря наличию еще и ценностного смысла.

В современных исследованиях по специфике восприятия образно-художественного текста настойчиво звучит мысль о заключенной в структуре произведения интерактивности, обратной связи

с читателем-адресатом. Так, В.В. Прозоров вводит в науку идею психолого-филологической триады *внимания — соучастия — открытия*, маркирующей фазы-ступени восприятия и обеспечивающей «читательское продвижение от внешнего к внутреннему в тексте, проникновение вглубь текста» [Прозоров, 2024]. По его мнению, внутритекстовое взаимодействие автора и адресата реализуется через три уровня интерактивности: «Осмысленное и прочувствованное чтение, которое способствует пробуждению активного читательского *внимания*, обнаружение эмоционально-интеллектуального *соучастия* и заключенного в тексте итогового *открытия*, является верным залогом надежности и состоятельности общения с художественным текстом» [Прозоров, 2024, с. 34]. Такое формо-содержательное единство обеспечивает многозначное и многоступенчатое художественно-образное восприятие, полноценный диалог автора и читателя, единство интеллектуально-познавательной и эмоциональной-оценочной деятельности.

Еще в 2000-х годах теоретик школьного образования главный научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН профессор В.Ю. Троицкий предостерегал, что «утрачивая образное видение, сознание людей превращается в хаос, в руины, из которых торчат шипы обнажившейся и безнадежно запутанной интеллектуальной архитектуры» [Троицкий, 1996, с. 23]. Следует признать, что кризис образования произошел именно потому, что в нем слишком много безобразной информации и слишком мало смыслообразов [Тарасова, 2003а, с. 14]. Напомним, что слова «образ» и «образование» являются однокоренными. Да и слово «университет» (от лат. universus — целый, весь) этимологически указывает на всеобъемлющий характер университета как центра знаний, с одной стороны, и на цельность, органичность картины мира выпускника вне зависимости от специальности — с другой.

Широко известный в 2000-х годах философ и культуролог Г.Д. Гачев ввел понятие «мыслеобраз», пытаясь подчеркнуть его интегрирующий характер, принадлежность миру науки и искусства. По его мнению, строгая научная истина, рассудочная логика, представленная в виде «мыслей-частиц», «мыслей-атомов», нуждается в дополнении: «мысль-поле», «мысль-волна», где преобладают ассоциативная и художественно-образная логика¹. Если вспомнить древние традиции

¹ Подробнее об этом см. следующие книги: Гачев Г.Д. Книга удивлений, или Естествознание глазами гуманитария, или Образы в науке. М.: Педагогика, 1991; Гачев Г.Д. Наука и национальная культура (гуманитарный комментарий к естествознанию). Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского ун-та, 1993.

восточной и античной культуры, то там процесс «единения человека с природой и космосом» [Буданов, 1994, с. 18] предполагал привнесение в науку этических и даже эстетических категорий. Тем более что передовой опыт ведущих университетов мира подтверждает высокую результативность синтеза научного и художественного освоения действительности. В университетах Японии для технических специальностей в 1990-е годы были введены специальные курсы научной фантастики и фэнтези, подобный опыт широко использовался и в США при подготовке специалистов, способных моделировать будущее.

Похожие инициативы проводились и в отечественных вузах. Например, еще с 90-х годов XX века в Новосибирском государственном университете кафедрой истории, культуры и искусств Гуманитарного института для студентов технических специальностей проводились курсы по истории литературы, культуры, музыки. Сейчас в НГУ реализуются общеуниверситетские факультативные дисциплины, которые дают возможность студентам выбрать направление изучения «по сердцу», вне зависимости от профиля подготовки. Среди таких курсов есть, например, «Основы программирования для непрофильных направлений», «Квантовая механика с нуля», а также «Малая история Франции», «История мистических и эзотерических учений», «Клоунада для саморазвития» и др.² Такие курсы поощряют свободу выбора индивидуальной траектории обучения и личностного развития, дарят уникальный опыт общения студентов и преподавателей всех специальностей.

В Национальном исследовательском ядерном университете МИФИ в 2025 году введен новый элективный курс для студентов 1–2 года обучения «Физика и инженерная мысль в произведениях отечественной научной фантастики», который читает кандидат исторических наук, доцент Анастасия Симова³. В программу включены произведения Ф. Дмитриева-Мамонова, Ф. Булгарина, В. Одоевского, А. Толстого, М. Булгакова, А. Богданова, А. Беляева, И. Ефремова, братьев Стругацких, С. Лукьяненко и др. Предполагается, что будущим российским инженерам научная фантастика поможет развить мышление и способность мыслить креативно в непривычной обстановке. Кроме того, та-

² Перечень всего репертуара курсов можно посмотреть на сайте <https://tech.nsu.ru/additional-courses>, там же размещено и актуальное расписание курсов факультативов НГУ на осенний семестр. URL: <https://docs.google.com/spreadsheets/d/1x657E8I212njL6Jg5VSyJhudJg0sI7jw/edit?gid=443888990#gid=443888990>

³ <https://www.mk.ru/science/2025/07/17/v-rossiyskom-tehnicheskem-vuze-vvodyat-predmet-fantastika.html?ysclid=mg0sxt6z9k671015766>

кой элективный курс будет способствовать формированию корпоративного культурного кода, развивая профессиональную идентичность.

Введение таких элективных курсов отвечает вызовам времени. В современных высокотехнологичных компаниях появились новые специалисты — визионеры-футуристы, которые прогнозируют, как могут в реальности выглядеть те или иные инновации. Американским фантастом Брюсом Стерлингом создано даже особое направление — дизайн фикшн, смысл которого заключается в том, чтобы дать словесное выражение какой-то идеи в виде литературного произведения, а после посмотреть, как на нее реагирует общество.

Не менее, а на наш взгляд, даже более востребовано использование художественного образа в преподавании русского языка как иностранного для обучающихся Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета. Для представителей творческих специальностей — будущих градостроителей, архитекторов, дизайнеров — особенно важно понимать специфику художественного образа, богатство его интерпретации разными респондентами, контекстное восприятие, осознание культуры как целостной во множестве разнообразных проявлений — жанровых, стилистических, индивидуально-авторских, эпохальных и т.д. Изучение литературы позволит глубже понимать русскую культуру и ментальность, чаще использовать художественные произведения в выборе темы художественно-творческой деятельности, осознать взаимосвязь литературы с содержанием профессиональных модулей «Технология», «Материаловедение», «Основы композиции», «Проектирование» и др. Отдельного разговора заслуживает тема важности риторических компетенций, культуры речи, навыков деловой коммуникации в подготовке выпускника СПбГАСУ, на развитие которых катастрофически не хватает выделенных аудиторных часов.

По мнению М.С. Каган и С.И. Высоцкой, «художественное освоение действительности выступает как синкретическое единство пяти основных видов человеческой деятельности: познавательной, ценностно-ориентационной, художественной, преобразовательной, коммуникативной» [Высоцкая, 1981, с. 19].

В процессе занятий с использованием литературного творчества формируются не только знания, но и оценочное отношение, ценностно-смысловая и мировоззренческая структура личности. Использование литературы в преподавании позволяет развивать эмоционально-образные качества студента: его воображение, фантазию, эмпатию, образность, чуткость к противоречиям, склонность к творческому сомнению.

нию; формировать рефлексивно-оценочные умения, этические установки; корректировать эмоционально-волевую структуру личности. Содержащаяся в литературных произведениях нравственная позиция автора благотворно влияет на развитие личности обучаемого, осуществляя корректировку самооценки нравственного поведения студента, участвуя в его самовоспитании.

В процессе преподавания русского как иностранного художественная литература может быть использована в разных формах.

1. **Выразительное чтение.** На самых ранних этапах знакомства с русским языком и культурой **поэзия** позволяет уловить ритмико-мелодический строй русской речи. В качестве материала для таких упражнений продуктивно использовать также и фольклорные произведения: пословицы, потешки, прибаутки, заклички и т.д.

2. **Заучивание стихов наизусть** — очень эффективный методический прием для усвоения лексики, норм сочетаемости, синтаксических и интонационных конструкций русского языка в его литературной разновидности. Многократное повторение лучших образцов лирики позволяет иностранцам постичь национальные архетипы, концепты, особенности характера и т.д. Декламационные навыки студентов хорошо зарекомендовали себя во внеаудиторной работе, в подготовке к участию в различных конкурсах всероссийского и международного уровней, на праздниках внутри университета.

3. Еще одной эффективной формой работы с литературными образами в процессе преподавания РКИ видится **исполнение романсов** на стихи русских классиков. Разумеется, не все иностранные учащиеся готовы и способны к этому виду творчества, но, когда под чутким руководством преподавателя такой интерес проявляется, результат радует.

4. **Анализ и обсуждение художественного текста.** Литературное произведение предполагает богатство интерпретаций. В момент «встречи с текстом» и появления эмоционального отклика даже плохо или неговорящие иностранные студенты чаще всего начинают выражать свою точку зрения, чтобы передать смысл прочитанного преподавателю и сокурснику, поделиться чувствами. Поэтому интерпретация литературного произведения — эффективный способ ликвидации языкового барьера.

5. Пожалуй, самым простым способом знакомства с русской литературой для иностранца является **книга для чтения**, содержащая адаптированные тексты. В.Н. Маглыш и Ю.В. Сутугинене справедливо отмечают, что «в переводе с греческого *chrestomatheia* как раз и означает „полезное знание“. Объем **хрестоматии** дает возможность собрать в од-

ной книге необходимое многообразие принадлежащих разным авторам литературно-художественных текстов, из совокупности которых только и можно составить максимально избавленную от упрощенных мифологем и близкую к достоверности картину национального бытия» [Маглыш, Сутугинене, 2010, с. 166]. По мысли авторов, преимущество хрестоматии как учебной книги заключается в форме представления материала: «не в нарративно-назидательной, но в образно-художественной форме, чем обеспечивается формирование личности по оптимальному вектору — от образно-конкретного эстетического начала к отвлеченно-общим этическим принципам нравственной и духовной жизни» [Маглыш В.Н., Сутугинене Ю.В., 2010, с. 166]. Когда хрестоматия тематически близка профилю специальности и вуза — это ее дополнительное преимущество. Так, например, хрестоматию «Пути-дороги России» авторы презентуют «в качестве эффективного средства учебно-воспитательной работы» Петербургского государственного университета путей сообщения.

6. Изучение русской литературы происходит не только на аудиторных занятиях, но и в рамках воспитательной и внеаудиторной работы. **Посещение литературных экспозиций** петербургских музеев и мемориальных квартир А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского, Н.А. Некрасова, А.А. Ахматовой, А.А. Блока и др., литературных маршрутов героев произведений усиливает познавательный интерес студентов к русской культуре. Широки возможности проведения Дней поэзии, литературных гостиных, посвященных как отдельным периодам (например, «Поэты золотого века», «Серебряный век русской литературы»), так и отдельным персонажам. Такая работа обогащает внутренний мир студентов, прививает навыки ораторского мастерства и художественной декламации.

7. Достаточно популярной формой художественного освоения иностранцами русской литературы становится **инсценировка классического произведения**. Часто такое творчество происходит через межкультурную коммуникацию, когда инофоны волей-неволей привносят элементы своей культуры в произведения русских классиков, что придает ей свежесть, новизну, а порой ироническое прочтение.

8. Наконец, изучение образцов русского устного фольклора и словесности венчается попыткой **создания собственного художественного текста** на русском языке. Студентам из Китая традиционно нравится писать по-русски хокку, представители других культур чаще выбирают синквейн, стихотворение в прозе или даже «Письмо современ-

ной(ому) Татьяне / Евгению Онегину» на продвинутом этапе обучения. На подготовительном курсе студенты по желанию могут написать авторскую сказку.

Результаты исследования

В ноябре 2024 года слушателям подготовительного отделения СПбГАСУ было предложено принять участие во «Всероссийском лингвистическом конкурсе сказок на иностранном языке», организованном Институтом лингвистики и межкультурной коммуникации Иркутского национального исследовательского технического университета. Основная цель конкурса — повышение уровня владения иностранным языком. Поскольку слушатели подготовительного факультета вуза являются иностранными гражданами, то речь в данном случае идет о русском как иностранном. В первом туре студентам было необходимо придумать сказку на тему «Рождественские каникулы в моем учебном заведении», оригинально оформить работу и разместить печатный текст и фотографию оформленной сказки в электронном образовательном ресурсе организатора конкурса.

Следует отметить, что подобные задания особенно интересны будущим архитекторам, поскольку связаны с процессом творческого самовыражения. Действительно, конкурс такого типа стимулирует творческое мышление, развивает навыки визуального представления идеи, что особенно ценно для соответствующих специалистов. Развитие творческой компетенции студентов на уроках иностранного языка уже становилось предметом исследования ученых [Дмитриева, 2024].

Задание придумать сказку и креативно ее оформить помогает развивать умение работать с нарративом и визуальными образами, что важно и для создания концептуальных решений, учитывающих культурные и социальные аспекты. В данном контексте для формирования различных компонентов коммуникативной компетенции иностранных учащихся в научных работах обосновывается целесообразность работы со сказками на занятиях по русскому языку как иностранному [Шарова, 2022; Евдокимова, Балтаева, Исхарова, 2020]. Далее, размещение работы на электронном образовательном ресурсе формирует навыки цифровой коммуникации, востребованные в современном архитектурном образовании и практике. Кроме того, тема «Рождественские каникулы в моем учебном заведении» способствует развитию у студентов эмпатии и умения отражать атмосферу места и событий, контекст и настроение среды.

Учитывая вышеперечисленное и основную цель конкурса, преподаватели СПбГАСУ посвятили несколько занятий чтению и обсуждению образцов русской народной и авторской сказки, анализу ее структуры и языковым особенностям, сравнению русских сказок с примерами из родных культур студентов и т.д. В научной литературе многократно описывались специфика и сложности работы со сказками в иноязычной аудитории, обосновывалась важность формирования общечеловеческих ценностей добра, взаимопомощи, милосердия (см., например, [Лузарева, 2025; Рожнова, 2022]). После этого иностранные слушатели подготовительного отделения занялись написанием собственных — авторских — сказок. Работы студентов порадовали разнообразием сюжетов, проработкой образов героев, оригинальными идеями и вниманием к деталям. Особо выделим сочинение студентки из Колумбии Паулы Андреа Родригес Серрано.

СЕМЬЯ В СОЗВЕЗДИЯХ

Ты когда-нибудь чувствовал, что Рождество обладает своим собственным теплом? Тем, которое исходит не от каминов или гирлянд, а от эха смеха и сияния, которое другие оставляют в нашем сердце. Это тепло — настоящее чудо, но иногда, чтобы его почувствовать, нужно искать его там, где меньше всего ожидаешь.

Так начинается история Сабаны, маленькой звезды, которая оставила свою созвездие. Её небо, её мир были далеко. Она одиноко парила в тёменном и холодном пространстве, её свет почти погас. Она пыталась вспомнить, каково это — сиять, но с каждым разом это становилось всё труднее.

Однажды ночью, странствуя в огромной тишине, Сабана наткнулась на что-то необычное: маленькое деревце из теней. Его ветви были тонкими и грустными, будто несли на себе тоску тысяч зим. Сабана посмотрела на него с нежностью; оно было, как и она, одинокое и погасшее.

— Что ты делаешь здесь, совсем одно? — спросила она, усаживаясь на его ветви.

Деревце не ответило, но его листья задрожали, будто понимали её грусть. Сабана закрыла глаза и попыталась найти что-то внутри себя. Она вспомнила смех, который освещал её путь, добрый голос и тепло дальнего объятия. Из этих воспоминаний родился золотой шар, который она повесила на ветви. Тусклый свет мягко коснулся деревца.

— Может быть... если я поделюсь с тобой своим светом, мы оба сможем засиять, — прошептала она.

С каждым тёплым воспоминанием появлялись новые украшения: красный бантик возник из жеста помощи, колокольчик, звучавший как общий смех, и блестящая снежинка с нежностью доброго взгляда. Ветви начали освещаться, но чего-то всё ещё не хватало. Пустота в её сердце оставалась, и деревце, её отражение, всё ещё не могло засиять полностью. Сабана села рядом, позволяя своим слезам течь.

Когда ей казалось, что она совсем одна, небо наполнилось шёпотом. Это другие звёзды, следившие за её путешествием, приблизились, неся свои искорки.

— Ты не одна, — говорили они с теплотой.

Одна соседняя звезда подарила ей голубой шар, сиявший как дом. Другая сплела серебрянную нить, которая пела, как защитное объятие. Даже самые маленькие звёзды поделились своим светом, наполнив деревце тёплым и ярким сиянием.

Сабана почувствовала, как холод в её груди исчезает, и из глубины её сердца родилась золотая звезда — сильная и тёплая. Она поместила её на вершину дерева, и в том же миг огромный свет озарил небо.

Деревце светилось не только для Сабаны, но и для всех близлежащих звёзд, освещая созвездия и создавая мост тепла между сердцами. В ту ночь, под деревцем, сияющим как чудо, Сабана поняла одну вещь: она оставила свой прежний мир, но нашла новый. Мир, где огоньки переплетаются, где тепло разделяется, и где Рождество — это обещание, что мы всегда можем найти дом в сердцах других.

Пока звёзды пели, а деревце озаряло небо, Сабана поняла, что большие никогда не будет одна.

Условиями конкурса определялась традиционная трехчастная композиция сказки (начало повествования, основная часть и заключение — счастливый рождественский конец). Студентка не только выполнила это требование, но и превзошла его, сочинив текст оригинальной жанровой природы. С одной стороны, текст действительно авторский, так как в испанском эпосе (как и в западноевропейском, восточном и русском) подобный сюжет отсутствует. С другой стороны, «Семья в созвездиях» наследует традицию святочного рассказа, жанровый канон которого сформировался в первой трети XIX века в Англии в творчестве Ч. Диккенса и получил развитие в текстах Г.Х. Андерсена, а в России — у Н. Полевого, Н.С. Лескова, Ф.М. Достоевского и др. Святочный рассказ предполагает следующие обязательные элементы: хронологическая приуроченность событий от Рождества до Крещения, элемент чудесного, фигура рассказчика, наличие героя-ребенка и нравственный урок,

мораль, которая венчает произведение. В сказке Паулы Андреа Родригес Серрано все структурные элементы точно соблюдены.

В основе ее произведения лежит ярко выраженный художественный образ, основанный на развернутой анимистической метафоре поиска тепла и света Рождества через символы звезд и деревца. Главный образ сказки — маленькая звезда Сабана, которая символизирует одиночество и внутренний поиск. Ее путешествие — метафора духовного пути и преодоления внутренней пустоты. Звезда — традиционный символ света, надежды, души, что усиливает эмоциональную глубину рассказа. Свету Сабаны противопоставляется образ деревца из теней как символ одиночества и тоски зимы. Мы наблюдаем, как через взаимодействие рождается новый свет — символ возрождения и надежды. И тут автор следует традиции святочного рассказа, искусно сопрягая темы человеческой души, памяти, доброты и любви к ближнему.

Мотив света и тьмы проходит через весь текст: холод и темнота отражают внутреннее состояние героини, тогда как тепло и сияние — символы поддержки, взаимопомощи и праздничного духа. Украшения на деревце (золотой шар, красный бантик, колокольчик, снежинка) выполняют функцию символов воспоминаний, добрых поступков и важных эмоций. Они не просто декор, а элементы, оживляющие пространство и наполняющие его смыслом.

Мы понимаем, что в своей сказке студентка с помощью образа Сабаны — маленькой звезды, вынужденной покинуть свое созвездие и оказавшейся в холодном и темном пространстве, — метафорически передала свои личные трудности и страхи, связанные с переездом в далекую страну. Тема одиночества и поиска тепла и поддержки отражает ее собственное эмоциональное состояние в процессе адаптации. Путь Сабаны, ее стремление найти свет и соединиться с другими звездами символизирует преодоление изоляции и обретение новой «семьи» и нового дома через взаимопомощь и дружбу. Таким образом, сказка становится не просто рождественской историей о преображении героя и разрешении духовного кризиса, но и глубокой аллегорией личного опыта, что придает работе искренность и эмоциональную значимость.

Сам процесс написания сказки становится чудесным, выполняя терапевтическую функцию. В сказке значимы не только сюжет и заглавная метафора «Семья в созвездиях», но и поэтика деталей. Особенно хочется остановиться на семантике имени маленькой звезды. Поделимся, что далеко не сразу символика номинации была разгадана преподавателями. Первоначально мы полагали, что это реальное женское имя,

которое имеет несколько версий происхождения: 1) Сабана происходит от названия древнего народа сабинян; 2) от арамейского «мудрая» или «неприхотливая»; 3) от тюркского «выносливая» или «сильная». Но настораживал такой факт, что такого женского имени у испанцев нет. Однако все оказалось более просто и одновременно более символично. В переводе с испанского лексема *sabana* означает *лист, листок, равнина*, что создает многогранный символический подтекст. Так авторская сказка обретает многомерность и богатство интерпретаций: это не только анимистическая метафора света и душевного тепла маленькой звезды, которая озаряет мир; но и метафора вегетативная и колористическая: лист — символ обновления, роста, жизни, дерево обретает листву и новое рождение, новую семью и полноту бытия. Анимистическая метафора Сабаны, которая возвращает из царства теней однокое дерево, наполняет мир светом и красотой, становится символом путешествия, метафорой духовного пути.

Важно, что центральная развернутая метафора текста окружена и другими тропами: встречаются, например, олицетворение «звезды пели», перифраз «деревцо озаряло небо», метафора «мост тепла между сердцами» и др., создавая эстетическое воздействие на читателя, гармонизируя его внутренний мир во взаимоотношениях с далекими и близкими.

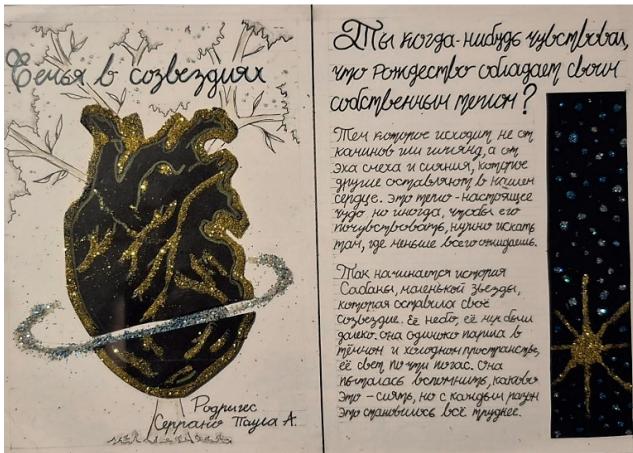
Подчеркнем, что в эстетике словесного творчества среди других художественных тропов метафоре принадлежит особое место. Она способна сопрягать по принципу сходства или контраста артефакты и явления, принадлежащие разным частям бытия. Логико-гносеологический и дидактический статусы метафоры в диссертационных исследованиях рассматривали И.А. Дмитриева и О.В. Гаучи [Дмитриева, 2000; Гаучи, 2007]. За метафорой стоит творческое озарение, образное прозрение, инсайт, вдохновение, «квантовый скачок», пронзающий смысловые слои Универсума [Тарасова, 2003а, с. 9], «без метафоры не обойтись в познании, поскольку она „удлиняет руку интеллекта“, расширяя сознание изнутри, а не извне» [Тарасова, 2003 б, с. 28]. Поэтому О. Тарасова справедливо называет метафору эффективной дидактической моделью. «Метафора наделяет человека способностью порождать новые смыслы: “смысл нельзя дать, его нужно найти”» [Высоцкая, 1981, с. 9]. Создание и «выращивание» в процессе со-творчества индивидуальной метафоры позволяет осуществить главную миссию преподавания: «„просветить“ человека, приобщить его к полноте культуры» [Ортега-и-Гассет, 2003, с. 49]. Кроме того, в тексте очевидно влияние философской сказки Антуана де Сент-Экзюпери «Маленький

принц», написанной в 1943 году летчиком-пацифистом, вынужденным участвовать в мировой войне. Автор признавался, что эта книга стала рефлексивно-терапевтическим инструментом, способом познания, сохранения личности и преодоления кризиса: «Для меня летать и писать — одно и то же. Главное — действовать, главное — найти себя» [Ваксмахер, 1967, с. 43]. Своей светлой, грустной и мудрой сказкой-притчей Экзюпери защищал неумирающую человечность, живую искру в душах людей. Как известно, писатель посвятил произведение своему лучшему другу Леону Верту.

Глубокий символизм философской сказки-притчи, сильное авторское начало, как бы раздаивающееся на голоса ребенка и взрослого, мощный автопсихологизм французского автора узнаваемы и в сказке «Семья в созвездиях». Образ освещдающего планету Фонарщика аллюзивно соотносится с главной героиней текста — маленькой звездой Сабаной. Знаменитые афоризмы Сент-Экзюпери: «Принц был маленький, но у него было большое сердце...», «Ты навсегда в ответе за тех, кого приручил»; «Зорко одно лишь сердце, самое главное глазами не увидишь»; «Когда он зажигает свой фонарь — как будто зажигается еще одна звезда или цветок. Это по-настоящему полезно, потому что красиво», «Светильники надо беречь: порыв ветра может их погасить»; «Ну что, дорогой читатель, а у вас есть свои собственные звезды на небе?» — словно «просвечивают» и в сказке Паулы Андреа Родригес Серрано, создавая единое пространство культуры.

Хочется добавить, что Паула оказалась единственной студенткой в группе, которая написала свою сказку от руки, сопроводив ее семьью рисунками, по сути, создавая мини-книжку, где словесный и визуальный тексты усиливают друг друга, а каждая деталь имеет глубокое значение. В таком оформлении произведения также узнаем претекст — «Маленький принц» А. де Сент-Экзюпери. Обратим особое внимание на титульную картинку, центром которой становится золотое сердце, создающее вокруг себя серебристую орбиту — особое пространство света и гармонии. И от этого огромного сердца произрастают корни дерева и устремленные ввысь ветви с зеленою кроной, наглядно воплощающая метафору счастливой семьи. Другие рисунки художницы продолжают рождественскую анимистически-астральную и ботаническую темы: это звезды, разноцветное (синее, красное, зеленое) свечение деревца, цветок и бабочка. Отметим, что и сам рукописный текст, начиная с третьей страницы, разукрашен блестками, символизирующими чудо рождения дружбы и любви. Кроме того, трудно переоценить богатую палитру возможностей для послетекстовой рабо-

ты [Кулибина, 2015] с созданным в процессе совместного творчества текстом — от обсуждения, комментирования речевых особенностей и усовершенствования отдельных фраз, работы с тропами и синтаксическими фигурами до визуального сопровождения сказки в виде рисунка и анализа получившегося креолизованного текста, выразительного чтения по ролям, инсценировки и т.д. Значимо и воспитательное воздействие учебной сказки, позволяющей деликатно гармонизировать отношения внутри группы.

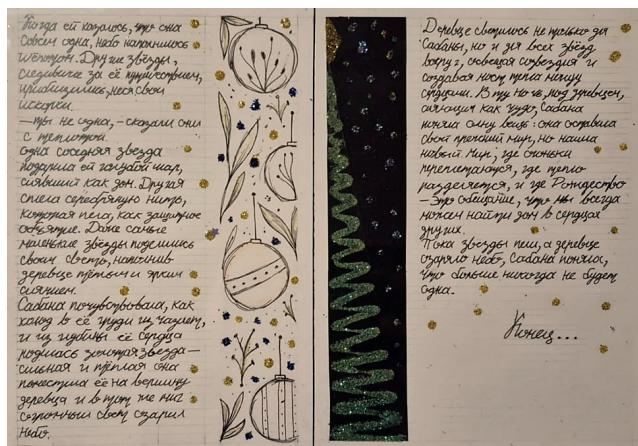

Рис. 2. Паула Андреа Родригес Серрано. Семья в созвездиях

Однако следует отметить, что для получения такого результата необходим чуткий преподаватель, заинтересованный в личностном росте студентов, открытый обмену эмоциональными состояниями, готовый вести себя «терапевтически», «размыкая» языковые, ментальные и психологические преграды и «зажимы». Можно сказать, что в нашем случае опыт написания и оформления сказки оказался сродни сказкотерапии. Сказка дала возможность обратиться к внутреннему личному опыту, выявить скрытые в бессознательном чувства и стремления, переосмыслить жизненные события и увидеть возможные пути решения проблем (см. также [Репницын, 2020; Колкая, 2024]). По сути, педагог должен уметь центрироваться на студенте, на том, что для него значимо, умело и гармонично соединять в своей деятельности экспертную, исследовательскую, фасilitаторскую и функцию эмоциональной поддержки. Стоит ли говорить о том, что такой совместный опыт работы над созданием текстов приоткрыл для преподавателя завесу личных переживаний и эмоций учащихся, выраженных через художественные образы, подчеркнул значимость творчества как средства выражения внутреннего мира и дал возможность глубже понять переживания студентов, что важно для дальнейшего профессионального взаимодействия.

Заключение

Таким образом, художественный образ — это вторичная семиотическая система, модель реальности, созданная автором с помощью особых выразительных средств, присущих литературе как виду искусства. В художественном образе органично сочетаются чувственно-конкретное и обобщенное, символическое. Литература благодаря использованию художественного образа синтезирует мир, позволяя его познавать емко, целостно, гармонично, способствуя всестороннему развитию личности. Дидактические и воспитательные возможности изящной словесности широки и многообразны, как и формы использования литературной образности в процессе преподавания РКИ. По нашему глубокому убеждению, занятия с иностранными студентами, выстроенные на основе использования художественных образов, способны выполнять интегрирующую роль в становлении личности будущего специалиста и его индивидуального пути приобщения к русской культуре.

Творческие задания, направленные на продуцирование художественного текста, позволяют быстро достичь конечной цели обучения — сформировать высокий уровень коммуникативной компетенции иностранного студента во всех сферах общения, умение реализовывать сложные интенции (контактоустанавливающие, информационные, оценочные и др.). Диалог преподавателя и студента в процессе со-творчества помогает осуществлять синтез воспитательного и обучающего, логического и образного, рационального и иррационального, формировать эмоциональные и мировоззренческие доминанты личности студента, его эстетический вкус, прививать любовь и уважение к русскому языку, выполняя интегрирующую функцию в процессе обучения.

Библиографический список

Буданов В.Г. Концепция естественно-научного образования гуманитариев: эволюционно-синергетический подход // Высшее образование в России. 1994. № 4. С. 16-21.

Ваксмахер М.Н. Французская литература наших дней: книга очерков. М.: Художественная литература, 1967. 216 с.

Высоцкая С.И. Особенности отражения науки в содержании учебных предметов эстетического цикла // Новые исследования в педагогических науках. 1981. № 1. С. 19-22.

Гаучи О.В. Роль метафоры в дискурсе обучаемого : дис ... к. пед. н. 13.00.02. М., Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина, 2007. 203 с.

Гегель Г.В.Ф. Эстетика: в 4 т. Т. 1. М.: Искусство, 1968. 312 с.

Дмитриева Е.В. Развитие творческой компетенции студентов архитектурных специальностей в процессе изучения иностранного языка / Е.В. Дмитриева // Мир науки. Педагогика и психология. 2024. Т. 12. № 6. Электронный ресурс: <https://mir-nauki.com/PDF/135PDMN624.pdf>

Дмитриева И.А. Метафора как способ познания: логико-гносеологический статус : дис ... к. филос. н. Якутск, Якут. гос. ун-т им. М.К. Аммосова, 2000.

Евдокимова А.Г., Балтаева В.Т., Исхакова А.Р. Из опыта использования русских сказок на занятиях по русскому языку как иностранному // Современные проблемы науки и образования. 2020. № 1. Электронный ресурс: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=29571>

Колкая Ю.Н. Сказкотерапия как современное направление арт-терапии для профилактики и коррекции тревожности // Вестник науки. 2024. № 6 (75). Т. 1. С. 1257-1263. Электронный ресурс: <https://www.vestnik-nauki.ru/article/15325>

Кормилов С.И. Образ художественный // Современный словарь-справочник по литературе / сост. и научн. ред. С.И. Кормилов. М.: Олимп: Изд.-во АСТ, 2000. С. 327-332.

Кулибина Н.В. Зачем, что и как читать на уроке. Методическое пособие для преподавателей русского языка как иностранного. СПб.: Златоуст, 2015. 224 с.

Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 387 с.

Лузарева В.О. Использование сказок на уроках русского языка как иностранного // Образование и воспитание. 2025. № 4 (56). С. 14-16. Электронный ресурс: <https://moluch.ru/th/4/archive/288/10056moluch>

Маглыш В.Н., Сутугинене Ю.В. Хрестоматия по русской литературе для студентов железнодорожных вузов как средство учебно-воспитательной работы // Наука и культура России : материалы VII Международной научно-практической конференции, посвященной Дню славянской письменности и культуры памяти святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, Самара, 24-25 мая 2010 г. Самара, 2010. С. 165-168.

Ортега-и-Гассет Х. Миссия университета // Alma mater. 2003. № 7. С. 44-54.

Прозоров В.В. О системных признаках интерактивности словесно-художественного текста // Филология и человек. 2024. № 1. С. 24-37.

Репницын Г.М., Ерыкалова С.П. Сказкотерапия — современное направление психотерапии, психологии, педагогики // Международный

студенческий научный вестник. 2020. № 5. Электронный ресурс: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=20297>

Рожнова Е.П. Особенности работы с художественным словом на уроках русского языка как иностранного в аудитории учащихся из стран Средней Азии // Проблемы преподавания русского языка как иностранного в современном вузе: традиции, новации и перспективы. Электронный сборник научных статей: к 75-летнему юбилею кафедры русского языка МГИМО МИД России. М.: МГИМО-Университет, 2022. С. 261–270.

Тарасова О. Метафора как дидактическая модель // Alma mater. 2003 б. № 11. С. 25–29.

Тарасова О. Метафора и функциональная неграмотность // Alma mater. 2003 а. № 1. С. 9–17.

Троицкий В. Филология и воспитание национального самосознания [в вузе] // Alma mater. 1996. № 3. С. 21–27.

Шарова К.А. Русские народные сказки на занятиях по РКИ в контексте формирования коммуникативной компетенции // Электронный сборник трудов молодых специалистов Полоцкого государственного университета им. Е. Полоцкой / редкол.: Ю.Я. Романовский (пред.) [и др.]. Новополоцк: Полоцкий государственный университет им. Е. Полоцкой, 2022. Вып. 43 (113): Образование. Педагогика. С. 63–64.

Эткинд Э. Поэзия и перевод. М.; Л.: Советский писатель, 1963. 432 с.

References

Budanov V.G. The Concept of Natural Science Education for Humanities Students: An Evolutionary-Synergetic Approach. *Vysshee obrazovanie v Rossii* = Higher Education in Russia, 1994, no. 4, pp. 16–21. (In Russian).

Vaksmaher M.N. Contemporary French Literature: A Collection of Essays, Moscow, 1967, 216 pp. (In Russian).

Vysotskaya S.I. Features of Science Reflection in the Content of Aesthetic Cycle Subjects. *Novye issledovaniya v pedagogicheskikh naukah* = New Research in Educational Sciences, 1981, no 1, pp. 19–22. (In Russian).

Gauchi O.V. The Role of Metaphor in the Discourse of Learners. Thesis of Ped. Cand. Diss. Moscow, 2007. 203 p. (In Russian).

Hegel G.W.F. Aesthetics, vol. 1. Moscow, 1968. 312 p. (In Russian).

Dmitrieva E.V. Development of Creative Competence in Students of Architectural Disciplines in the Process of Learning a Foreign Language. *Mir nauki* = World of Science, 2024, vol. 12, no. 6. Retrieved from: <https://mir-nauki.com/PDF/135PDMN624.pdf> (In Russian).

Dmitrieva I.A. Metaphor as a Means of Cognition: Logical-Epistemological Status. Thesis of Philosoph. Cand. Diss. Jakutsk, 2000. (In Russian).

Jetkind Je. Poetry and translation, Moscow-Leningrad, 1963, 432 p. (In Russian).

Evdokimova A.G., Baltaeva V.T., Ishakova A.R. From the Experience of Using Russian Fairy Tales in Russian as a Foreign Language Classes. *Sovremennye problemy nauki i obrazovanija* = Modern Problems of Science and Education, 2020, no. 1. Retrieved from: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=29571> (In Russian).

Kolkaja Ju.N. Fairy tale therapy, as a modern direction of art therapy for the prevention and correction of anxiety. *Vestnik nauki* = Bulletin of Science, no. 6 (75), vol. 1, pp. 1257-1263. Retrieved from: <https://www.вестникнауки.рф/article/15325/> (In Russian).

Kormilov S.I. Artistic image. Modern dictionary-reference book on literature, Moscow, 2000, pp. 327-332. (In Russian).

Kulibina N.V. Why, what and how to read in the lesson, St. Petersburg, 2015. 224 p. (In Russian).

Lotman Ju. M. Structure of the artistic text, Moscow, 1970, 387 p. (In Russian).

Luzareva V.O. The use of fairy tales in Russian lessons as a foreign language. *Obrazovanie i vospitanie* = Education and upbringing, 2025, no. 4 (56), pp. 14-16. Retrieved from: <https://moluch.ru/th/4/archive/288/10056moluch> (In Russian).

Maglysh V.N. Sutuginene Ju.V. A textbook on Russian literature for students of railway universities as a means of educational work, Samara, 2010, pp. 165-168. (In Russian).

Ortega-i-Gasset H. University Mission. 2003, no. 7, pp. 44-54. (In Russian).

Prozorov V.V. On the systemic signs of interactivity of a verbal and artistic text. *Filologija i chelovek* = Philology&Human, 2024, no. 1, pp. 24-37. (In Russian).

Repnitsyn G.M., Erykalova S.P. Fairy tale therapy is a modern direction of psychotherapy, psychology, pedagogy. *Mezhdunarodnyj studencheskij nauchnyj vestnik* = International Student Scientific Bulletin, 2020, no 5. Retrieved from: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=20297> (In Russian).

Rozhnova E.P. Features of working with an artistic word in the lessons of Russian as a foreign language in an audience of students from Central Asia. *Problemy prepodavaniija russkogo jazyka kak inostrannogo v sovremennom vuze: tradicii, novacii i perspektivy* = Problems of teaching Russian as a foreign language in a modern university: traditions, innovations and prospects, Moscow, 2022, pp. 261-270. (In Russian).

Sharova K.A. Russian folk tales in RCT classes in the context of the formation of communicative competence. *Jelektronnyj sbornik trudov molodyh specialistov Polockogo gosudarstvennogo universiteta imeni Efrosinii Polocko* = Electronic collection of works by young specialists of the Polotsk State University named after Euphrosyne of Polotsk, Novopolock, 2022, no. 43 (113), pp. 63–64. (In Russian).

Tarasova O. Metaphor and functional illiteracy. *Alma mater*, 2003a, no. 1, pp. 9–17. (In Russian).

Tarasova O. Metaphor as a didactic model. *Alma mater*, 2003, no 11, pp. 25–29. (In Russian).

Troickij V. Philology and education of national identity [at the university]. *Alma mater*, 1996, no. 3, pp. 21–27. (In Russian).

ЛЮДИ. ФАКТЫ. СОБЫТИЯ

ТАМ, ГДЕ ВОЛГА ВПАДАЕТ В КАСПИЙСКОЕ МОРЕ: ОБЗОР XXIII МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ОНОМАСТИКА ПОВОЛЖЬЯ»

Н.В. Бубнова

Ключевые слова: имя собственное (оним), ономастика, «Ономастика Поволжья», Астрахань

Keywords: proper name (onym), onomastics, «Onomastics of Volga Region», Astrahan’

DOI: [https://doi.org/10.14258/filichel\(2025\)4-16](https://doi.org/10.14258/filichel(2025)4-16)

Аксиома «Волга впадает в Каспийское море» в филологической среде стала широко популярной благодаря рассказу А.П. Чехова «Учитель словесности», в котором учитель истории и географии Ипполит Ипполитыч «или молчал, или же говорил только о том, что всем давно уже известно». В 2025 году участники Международной научной конференции «Ономастика Поволжья» провели очередную научную встречу на астраханской земле, где Волга впадает в Каспийское море. По формату, задуманному основателем конференции Владимиром Андреевичем Никоновым (1904–1988), последнее время она ежегодно перемещается из одного поволжского города в другой: Уфа, Йошкар-Ола, Казань, Ярославль, Тверь, Арзамас, Ульяновск, Великий Новгород, Кострома, Оренбург, Элиста, Рязань, Саратов. Председатель постоянно действующего оргкомитета конференции В.И. Супрун отмечает: «Ономатологи Поволжья (России и зарубежья. — Н.Б.) давно мечтали о проведении своей научной встречи в Астрахани, замечательном городе в низовьях великой русской реки с его интересной историей. Но за прошедшие 58 лет после проведения первой конференции „Ономастика Поволжья“ в Ульяновске все никак не удавалось выбрать Астрахань местом научного форума. Основатель конференции В.А. Никонов (1904–1988) в 1967 или 1968 году на круизном теплоходе плавал от Москвы до Астрахани и обратно и несколько часов провел в этом городе. 18–22 сентября 1967 года была проведена первая научная встреча

ча поволжских ономатологов в Ульяновске, была намечена следующая в Горьком, далее были определены другие города Поволжья, но Астрахань пока не входила в этот список» [Супрун, Лаптева, 2025, с. 10].

Тем не менее 1–3 октября 2025 года Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева принял традиционную научную профильную конференцию «Ономастика Поволжья». Следует отметить, что астраханские ученые достаточно активно исследуют различные разряды ономастической лексики: антропонимы [Копылова, 2016], топонимы [Васильева, 2010], [Кирокосьян, 2007], эргонимы [Курбанова, 2015] и др.

В различных формах работы в конференции приняли участие 142 исследователя, в том числе ономатологи из пяти академических институтов: Института лингвистических исследований РАН, Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН, Института языкоznания РАН, Института славяноведения РАН. География участников снова оказалась обширной и включила в себя:

32 российских города: Астрахань, Великий Новгород, Волгоград, Вологда, Воронеж, Донецк, Екатеринбург, Калининград, Кострома, Краснодар, Липецк, Магадан, Махачкала, Москва, Нальчик, Нижний Новгород, Новосибирск, Оренбург, Пенза, Петрозаводск, Ростов-на-Дону, Рязань, Самара, Санкт-Петербург, Саратов, Смоленск, Тюмень, Улан-Удэ, Уфа, Элиста, Якутск, Ярославль;

7 зарубежных городов: Минск, Витебск (Республика Беларусь), Петропавловск, Уральск (Республика Казахстан), Карши, Самарканд (Республика Узбекистан), Ашхабад (Республика Туркменистан).

Наибольшую активность традиционно проявили ономатологи из Москвы (15 участников из разных организаций) и Санкт-Петербурга (11 участников), из провинциальных городов — Астрахань и Волгоград (по 8 участников), Краснодар и Смоленск (по 6 участников), Махачкала (5 участников), Уфа (4 докладчика), по три докладчика приняли участие в конференции из Воронежа, Горловки, Пензы, Рязани, Самары и Ярославля.

На торжественном открытии конференции с приветственными словами выступили: начальник Управления научной и инновационной политики Астраханского государственного университета им. В.Н. Татищева Е.В. Давыдова, председатель постоянно действующего оргкомитета конференций «Ономастика Поволжья» В.И. Супрун, директор Института языка и литературы Северо-Казахстанского университета им. М. Козыбаева Е. В. Сабиева. Кроме того, и.о. декана факультета фи-

логии и журналистики Астраханского государственного университета им. В.Н. Татищева М.Л. Лаптева зачитала поступившие в адрес конференции приветствия почетного профессора Витебского государственного университета им. П.М. Машерова А.М. Мезенко и президента МАПРЯЛ и РОПРЯЛ В.И. Толстого.

Открытие XXIII Международной научной конференции «Ономастика Поволжья»
(АГУ им. В.Н. Татищева, 1 октября 2025 года)

В рамках конференции были проведены пленарные и секционные заседания. На первом пленарном заседании было заслушано пять докладов, рассматривающих разнообразные аспекты ономастических исследований:

«Индикаторы мерянской топонимии и этноязыковые ареалы (по следам многолетних дискуссий) (д. филол. н., член-корреспондент РАН С.А. Мызников, Институт славяноведения РАН); «Астрахань в названиях — город-сад» (д. филол. н., проф. И.Н. Кайгородова, Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева).

«Полисемиотические „микротексты“ в топонимическом ландшафте города» (д. филол. н., проф. М.В. Голомидова, Уральский федеральный университет); «Формирование луганских агионимов-оиконимов как части русского сакрального ономастикона» (к. филол. н., доц. О.В. Шкуран, Российский университет дружбы народов); «Законы языковой экономии и экспрессии в русской ойконимии» (д. филол. н., проф. В.И. Супрун, Волгоградский государственный социально-педагогический университет).

На секционных заседаниях были заслушаны и обсуждены доклады, позволившие показать все разнообразие ономастических исследований: рассматривались как общие теоретические и методические аспекты ономастики, так и актуальные проблемы изучения имен собственных отдельных разрядов (антропонимов, топонимов и микротопонимов, литературных имен, урбанизмов, эргонимов и др.). Впервые в рамках работы данной профильной конференции была сформирована секция, на которой докладчиками рассмотрены особенности функционирования имен собственных в искусстве, науке и средствах массовой информации.

На заключительном пленарном заседании заслушали доклады, ориентированные преимущественно на популяризацию ономастических знаний: «Имена собственные в идиолекте будятинина» (д. филол. н., проф. В. М. Калинкин, Донецкий государственный университет); «Антрапонимический ландшафт современной Астрахани» (д. филол. н., проф. М. Л. Лаптева, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева); «Способы введения естественных и искусственных имен героев в ономастический текст (на примере произведений Е. Г. Водолазкина)» (к. филол. н., доц. Н. В. Ланге, Смоленский государственный медицинский университет); «Лингвистический ландшафт Самары: ономастические особенности и культурные аспекты» (д. филол. н., доц. Э. А. Гашимов, Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева).

Культурная программа конференции традиционно отличалась разнообразием. В первый день проведения конференции участники совершили увлекательную прогулку по центру Астрахани (с посещением местного Кремля и Белого города). Во второй день работы участникам была предложена экскурсия в музейно-культурный центр «Дом купца Г.В. Тетюшинова» (двухэтажный деревянный особняк, выполненный в традиционном русском стиле, украшенный изысканной деревянной резьбой и широкой галереей), экспозиция в котором интерактивная: участников конференции встретили не обычные экскурсоводы, а одетые согласно канонам XIX века прежние владельцы дома, каждый из которых радушно рассказал о себе, своих занятиях и обязанностях. В заключительный день проведения конференции состоялась выездная экскурсия в открытый в 2005 году Региональный культурный центр им. Курмангазы Сагырбаева (1823–1896), считающийся в настоящее время символом социально-культурных обменов и экономического сотрудничества и совместной просветительской работы России и Казахстана. Экскурсия в Региональный культурный центр пре-

доставила уникальную возможность участникам конференции, которых встретили как самых дорогих гостей (хлебом-солью и баурсаками), познакомиться с культурой, традициями и обычаями народов, проживающих на Нижней Волге.

В завершение работы конференции были подведены итоги, принята резолюция и объявлены место и время проведения XXIV Международной научной конференции «Ономастика Поволжья»: Самара, сентябрь 2026 года.

Передача знамени Международной научной конференции «Ономастика Поволжья»
(АГУ им. В.Н. Татищева, 3 октября 2025 года)

Участники XXIII Международной научной конференции «Ономастика Поволжья» отметили высокий уровень ее подготовки и проведения. Оргкомитет традиционно рекомендовал всем участникам способствовать распространению ономастических знаний: публиковать научные и научно-популярные работы, проводить спецкурсы по проблемам ономастики, выступать в средствах массовой информации. Оргкомитет конференции заключил: «За 58 лет проведения конференций „Ономастика Поволжья“ появились устойчивые традиции научной встречи. Возник своеобразный клуб постоянных участников конференции, в который каждый год вливаются новые лица. Ономастика по-прежнему остается востребованной и актуальной наукой в нашей стране и в мире. Научная конференция „Ономастика Поволжья“ занимает важное ме-

сто в исследовании проблем имен собственных, которые необходимы человеку для полноценной коммуникации, ориентации в окружающем пространстве и обществе» [Супрун, Лаптева, 2025, с. 11]. Проведение очередной конференции «Ономастика Поволжья» снова доказало, что имена собственные — уникальные единицы языка: для специалистов-ономатологов они всегда раскрывают новые возможности и направления исследований, а для носителей языка заключают в своем содержании интереснейшую информацию о жизни народа.

Библиографический список

Васильева Е.А. Историческая топонимия Астраханской области XVI–XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2010. 23 с.

Кирокосьян М.А. Топонимический словарь Астраханской области. Астрахань: Астрахань: ин-т повышения квалификации и переподготовки, 2007. 75 с.

Копылова Э.В. Имя и время: два века истории имен астраханцев (1800–2000 гг.). М. ; Астрахань: КноРус ; Астрахань. ун-т, 2016.

Курбанова М.Г. Эргонимы современного русского языка: семантика и прагматика : автореф. дис. ... канд. филол. н. Волгоград, 2015. 24 с.

Супрун В.И., Лаптева М.Л. Предисловие // Ономастика Поволжья : материалы XXIII Международной научной конференции. Астрахань: Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, 2025.

References

Vasil'eva E. A. Historical toponymy of the Astrakhan region of the XVI–XX centuries. Abstract of History Cand. Diss, St.Peterburg, 2010, 23 p. (In Russian).

Kirokos'yan M.A. Toponymic dictionary of the Astrakhan region, Astrakhan, 2007, 75 p. (In Russian).

Kopylova E.V. Name and Time: two centuries of the history of Astrakhan names (1800–2000). Moscow, Astrakhan, 2016. (In Russian).

Kurbanova M. G. Ergonyms of the modern Russian language: semantics and pragmatics. Abstract of Philol. Cand. Diss. Volgograd, 2015, 24 p. (In Russian).

Suprun V.I., Lapteva M.L. Foreword. *Onomastika Povolzh'ya = Onomastics of the Volga region*, Astrahan, 2025. (In Russian).

РЕЗЮМЕ

SUMMARY

В.С. Савельев. Часть речи, представляющая движение духа человеческого кратко. Целью исследования стало установление способов номинации объектов внутреннего мира человека, выражаемых междометиями, в ранних грамматиках русского языка. Материалом исследования послужили грамматики и учебные пособия XVIII — начала XIX веков, а также античные и европейские грамматики. Были использованы описательный и сравнительный методы исследования. В результате выявлены обозначения, восходящие к терминологии античных авторов и европейских грамматистов — *движения духа* или *движения души* (*душевые движения*), соотносимые с латинским *animotus*, и *страсты* (*прострастия*), соотносимые с (*animi*) *affectus*. Установлено, что в до-ломоносовских грамматиках используется слово *страсты*, а начиная с «Российской грамматики» М.В. Ломоносова наряду с ним употребляются сочетания *движение духа* и *движения души*; появление терминов *ощущения* и *чувствования* связано с работами Н.Н. Греч и А.Х. Востокова; современный термин *эмоции* сохраняет традиции XVIII века, изначально выражая значение *движения* (духа / души).

V.S. Savel'ev. Part of Speech Presenting Movement of the Human Spirit Briefly. The aim of the study was to establish the methods of nominating objects of the human inner world, expressed by interjections, in early grammars of the Russian language. The research material was grammars and textbooks of the 18th — early 19th centuries. Descriptive and comparative research methods were used. As a result, some terms were identified that go back to the terminology of ancient authors and European grammarians — *движения духа* or *движения души*, correlated with the Latin *animi motus*, and *страсты*, correlated with (*animi*) *affectus*. It was established that the word *страсты* is used in pre-Lomonosov grammars, and starting with M. V. Lomonosov's "Russian Grammar," along with it, the combinations *движение духа* and *движения души* are used; the emergence of the terms *ощущения* и *чувствования* is associated with the works of N.N. Grech and A.Kh. Vostokov; the modern term *эмоции* preserves the traditions of the 18th century, originally expressing the meaning of *движения* (духа / души).

Т.В. Сивова. Цветовая визуализация косточковых растений: цвет сливы (опыт полидискурсивного исследования). Цель исследования — на материале текстов различных дискурсов (лексикографического, художественного, рекламного и др.) реконструировать сегмент цветовой концептосферы флористического пространства русского языка на примере колористических дескрипций сливы. В результате исследования, осуществленного с применением описательно-аналитического, функционально-семантического метода, метода контекстуального анализа, элементов сопоставительного, а также направленного ассоциативного эксперимента: 1) установлен количественный состав значимых в цветовой визуализации растения терминов цвета; выявлены доминанты цвета; установлен спектр единичных, несущих отпечаток индивидуально-авторского восприятия, цветоопределений растения; 2) описаны способы расширения цветового спектра лексемами с имплицитным цветом, со значением ‘быть в цвету’ и др., а также способы передачи цветового впечатления; 3) выявлена сочетаемость терминов цвета; 4) раскрыт функциональный потенциал колористических дескрипций сливы; 5) расширен состав зафиксированных лексикографически рекламных терминов цвета, основанных на колористической дескрипции растения, описана сфера их денотации и особенности функционирования.

T.V. Sivova. Color Visualization of Stone Fruits: Plum Color (Polydiscursive Research). The purpose of the study is to reconstruct a segment of the color conceptual sphere of the floristic space of the Russian language using the example of coloristic descriptions of plum, based on the texts of various discourses (lexicographic, artistic, advertising, etc.). As a result of the research, carried out using the descriptive-analytical, functional-semantic method, the method of contextual analysis, elements of comparative analysis, as well as the method of directed associative experiment¹) a quantitative composition of significant color terms in the color visualization of a plant was established; color dominants were identified; a spectrum of individual color definitions of a plant, bearing the imprint of the individual author's perception, was established; 2) the ways of expanding the color spectrum with lexemes with implicit color, with the meaning of ‘to be in bloom’ etc., as well as the ways of conveying color impressions were described; 3) the compatibility of color terms was revealed; 4) the functional potential of coloristic descriptions of plum was revealed; 5) the composition of recorded in dictionaries advertising color terms based on the coloristic description of the plant was expanded, the sphere of their denotation and features of functioning were described.

А.Д. Урюпина, А.Ю. Ильина. Способы образования архитектурных терминов на материале английского и русского языков. В статье рассматриваются способы терминообразования в архитектурной терминологии на материале английского и русского языков. Исследование направлено на выявление структурных и семантических особенностей терминов, используемых в архитектурном дискурсе, с акцентом на продуктивные модели их образования. Методологической основой работы является сопоставительный лингвистический анализ. Материалом послужил корпус из 300 архитектурных терминов, равномерно распределенных между английским и русским языками, отобранных из авторитетных словарей и учебников. Применялись методы классификации по морфологическим, синтаксическим и семантическим признакам, а также количественный анализ продуктивности моделей. Исследование показало, что как в английском, так и в русском языках наиболее продуктивными способами являются морфологический (суффиксация, префиксация, словосложение), синтаксический (терминологические словосочетания) и семантический (специализация значения, метафора, метонимия). При этом выявлены различия в структуре и частотности моделей в зависимости от языковой системы.

A.D. Uryupina, A.Yu. Ilyina. Methods of Forming Architectural Terms Based on the Material of the English and Russian languages. The article discusses the methods of term formation in architectural terminology based on the material of the English and Russian languages. The research aims to identify structural and semantic features of terms used in architectural discourse, with an emphasis on productive models of their formation. The methodological basis of the work is comparative linguistic analysis. The material includes a corpus of 300 architectural terms, evenly distributed between English and Russian, selected from reputable dictionaries and textbooks. Classification methods based on morphological, syntactic, and semantic features, as well as quantitative analysis of model productivity, were used. The study showed that in both English and Russian, the most productive methods are morphological (suffixation, prefix, and word composition), syntactic (terminological phrases), and semantic (specialization of meaning, metaphor, and metonymy). At the same time, differences in the structure and frequency of models were revealed depending on the language system.

М.Г. Ромашин. Образность и метафоричность терминологии в английских научно-технических текстах нефтегазовой отрасли. Статья посвящена явлениям образности и метафоричности терминов нефтегазовой тематики на материале английских научно-технических текстов.

Автор поставил перед собой цель рассмотреть терминосистему нефтегазовой лексики, привести примеры специальных метафорических терминов в английском языке и выполнить их анализ с последующим рассмотрением вариантов перевода на русский язык. Изучение уникальности и особенностей специальной терминологии проводится на материале английских научно-технических текстов нефтегазовой тематики, рассматриваются эквивалентные единицы в русском языке. В работе используются следующие методы: сплошной выборки, компонентного анализа, лингвистического наблюдения, интерпретационного и семантического анализа. В работе выделяются и описываются характерные особенности научно-технических текстов, рассматриваются выразительные средства языка и стилистические приемы. Автор наглядно показывает образность и метафоричность нефтегазовых терминов, приводя примеры из английских научно-технических текстов, сопоставляя термины в английском и русском языках.

M.G. Romashin. Imagery and Metaphoricity of Terminology in English Scientific and Technical Texts of the Oil and Gas Industry. The article is devoted to the phenomenon of the imagery and metaphorical terms of oil and gas on the material of English scientific and technical texts. The author aims to consider oil and gas terminology, to give examples, analyze metaphorical special terms in English and study variants of terms' translation into Russian. The consideration of peculiarities and uniqueness of special terminology are conducted on the material of English scientific and technical texts in oil and gas topic, as well as equivalent units in Russian. The following methods are used: continuous sampling, component analysis, linguistic observation, interpretation and semantic analysis. Characteristic features of scientific and technical texts are highlighted and described; expressive means of language and stylistic techniques are considered. The author illustrates the imagery and metaphors of oil and gas terms, using examples from English scientific and technical texts, comparing terms in English and Russian.

Т.И. Щелок, И.А. Чернова. Семантико-прагматические особенности заимствований тематической рубрики «Kino & Serien» в контексте медиалингвистический парадигмы. Статья посвящена описанию семантических и прагматических особенностей функционирования заимствований в немецких медиатекстах раздела «Kino & Serien» популярного в Германии интернет-портала Bravo.de. Основными методами исследования являются целенаправленная выборка, контекстуальный, словообразовательный и прагматический анализ. Выявлено, что в медиатекстах самым продуктивным языком-источником заим-

ствованной лексики выступает английский или американский английский. Единично представлены слова французского, латинского и греческого происхождения. Англоязычные заимствования подчиняются исконным правилам фонетики и орфографии, проявляя при этом уподобление морфологическим нормам немецкого языка. Зафиксирована принадлежность заимствований к разным тематическим группам. Отмечено, что с позиции семантики заимствованная лексика может обладать более емким значением по сравнению с немецкими синонимами. Прагматическая причина применения иноязычных слов скрывается в реализации принципа экономии.

T.I. Shchelok, I.A. Chernova. Semantic-Pragmatic Features of Borrowings of the Thematic Section «Kino & Serien» in the Context of Media-Linguistic Paradigm. This article describes the semantic and pragmatic features of borrowed words in German media texts from the «Kino & Serien» section of the popular German internet portal Bravo.de. The primary research methods are targeted sampling, contextual, word-formation, and pragmatic analysis. It is revealed that English and American English are the most productive source languages for borrowed vocabulary in these media texts. Words of French, Latin, and Greek origin are also present infrequently. English-language borrowings adhere to traditional phonetic and orthographic rules, while demonstrating similarity to the morphological norms of the German language. The borrowings are identified as belonging to different thematic groups. It is noted that, from a semantic standpoint, borrowed vocabulary may possess a more capacious meaning compared to German synonyms. The pragmatic reason for the use of foreign words lies in the implementation of the principle of economy.

Н.Ф. Акимова. Неофраземы французского молодежного социолекта. Статья посвящена комплексному исследованию фразеологических неологизмов (неофразем) французского молодежного социолекта на основе объединения трех подходов: социолингвистического, антропоцентрического, лингвокультурологического. Целью статьи является определение особенностей молодежных неофразем, обусловленных особенностями менталитета носителей данного социолекта. Исследование проведено на материале 200 неофразем, извлеченных путем сплошной выборки из списков, размещенных на французских сайтах, с применением сопоставительного и структурно-семантического методов. Основные особенности молодежных неофразем, выявленные в результате исследования: краткость; вторичность номинации; высокий процент коммуникативных структурно-грамматических моделей; ги-

перболичность образов; тенденции к ненормативным моделям и к амбивалентности; высокий процент английских заимствований; оценочность; высокая экспрессивность; высокая подвижность. Их основные культурные коды: действие, состояние, качество.

N.F. Akimova. Neophrasemes of the French Youth Sociolect. The article is devoted to a comprehensive study of phraseological neologisms (neophrasemes) in the French youth sociolect and is based on the integration of three approaches: sociolinguistic, anthropocentric, and linguocultural. The aim of the article is to determine the specific features of youth neophrasemes conditioned by the peculiarities of the mentality of speakers of this sociolect. The research was conducted using a corpus of 200 neophrasemes obtained through continuous sampling from the lists available on French websites, applying comparative and structural-semantic methods. The main characteristics of youth neophrasemes identified in the study are brevity; secondary nomination; high percentage of communicative structural-grammatical models; hyperbolic imagery; tendencies towards non-standard models and ambivalence; high percentage of English borrowings; evaluativity; high expressiveness; high flexibility. Their main cultural codes include action, state and quality.

Ю.И. Щербинина. Языковые средства типизации персонажей в англоязычной литературе (на примере архетипа «мудрый старец»). В исследовании рассматриваются языковые средства, с помощью которых в англоязычной литературе создается узнаваемый тип персонажа — мудрец-наставник, соответствующий архетипу мудрого старца. Целью работы является выявление инвариантных и вариативных языковых средств, используемых для репрезентации данного архетипа в художественных текстах. В качестве материала выбраны произведения Дж.Р.Р. Толкина, К.С. Льюиса и Дж.К. Роулинг, где архетип реализуется в образах Гэндалльфа, Аслана и Альбуса Дамблдора соответственно. Анализ демонстрирует, что все три персонажа обладают общими признаками архетипа: мудростью, моральным авторитетом, способностью направлять героя. Эти черты находят отражение в использовании абстрактной и возвышенной лексики, модальных глаголов и страдательного залога, афористичности. В речи каждого персонажа зафиксированы и индивидуальные особенности. Результаты анализа позволяют сделать вывод о существовании устойчивого комплекса языковых средств, характерных для архетипа мудреца-наставника, а также проследить эволюцию его реализации от высокого фэнтези к современной подростковой литературе.

Yu.I. Scherbinina. Linguistic Means of Character Typification in English-Language Literature (a Case Study of the Wise Old Man Archetype). This study explores the linguistic means by which a recognizable character type — the mentor figure corresponding to the archetype of the Wise Old Man — is constructed in English-language literature. The aim of the research is to identify both invariant and variable linguistic tools used to represent this archetype in fictional texts. The analysis is based on works by J.R.R. Tolkien, C.S. Lewis, and J.K. Rowling, where the archetype is embodied in the characters of Gandalf, Aslan, and Albus Dumbledore, respectively. The findings demonstrate that all three characters share core features of the archetype: wisdom, moral authority, and the ability to guide the protagonist. These traits are reflected in their use of abstract and elevated vocabulary, aphoristic speech, modal verbs, and the passive voice. Each character's speech also reflects their individual characteristics. The analysis confirms the existence of a stable set of linguistic features typical of the mentor archetype and traces the evolution of its literary representation from high fantasy to contemporary young adult fiction.

Ю.В. Малицкий. Белорусский публицистический текст: диахронно-синхронный аспект. В статье рассмотрены содержательные и прагматические признаки социальной функциональности белорусского публицистического текста в историческом аспекте, а также дано описание динамики развития его дискурсных характеристик в контексте важнейших событий национальной истории. Под термином «белорусский публицистический текст» понимается белорусскоязычный текст социальной тематики. В статье дается ретроспектива развития белорусского публицистического текста, выделяются его основные целевые прагматические установки в связи с событиями национальной истории, анализируются содержательные средства речевой актуализации признаков социальной функциональности. Логика исторической трансформации белорусского публицистического текста определяется конкретными событиями и этапами развития белорусской нации. На этом пути он выступал средством непосредственного воздействия на объективное положение вещей, а также эффективным инструментом конструирования реальности. Являясь сущностным ядром информационного дискурса, национальная публицистика стала функциональным средством социальных трансформаций и полноценным социальным конструктом, определяющим сегодня направления развития белорусского государства.

Yu.V. Malitsky. Belarusian Journalistic Text: Diachronic-Synchronous Aspect. This article examines the substantive and pragmatic features of the social functionality of Belarusian journalistic texts throughout history, and describes the dynamics of discursive development in the context of key events in national history. The term "Belarusian journalistic journalistic text" refers to Belarusian-language texts on social topics. The article provides a retrospective of the development of Belarusian journalistic texts, highlighting key pragmatic objectives in relation to national historical events, and analyzing the substantive means of verbally actualizing the features of social functionality. The logic of the historical transformation of Belarusian journalistic texts is determined by specific events and stages in the development of the Belarusian nation. Along this path, they have served as a means of directly influencing the objective state of affairs, as well as an effective tool for constructing reality. As the essential core of information discourse, national journalism has become a functional means of social transformation and a full-fledged social construct that determines the current direction of development of the Belarusian state.

В.А. Черванёва. Мифологический рассказ в системе мифологической прозы: подходы к определению жанра. Статья посвящена анализу различных подходов к типологии мифологической прозы, а также месту быличек (мифологических рассказов) в ее системе. Предложена комплексная характеристика мифологического нарратива, учитывающая его содержание, форму и коммуникативные особенности. Объединяющими признаками разнородных мифологических устных текстов (быличек, легенд, преданий) являются прозаическая форма, установка на достоверность и мифологическое содержание. Существующие классификации текстов остаются неполными, поскольку их жанровые границы размыты, а традиция постоянно пополняется новыми формами. При характеристике содержательных особенностей мифологических рассказов особое внимание уделяется вопросу о разграничении демонологических рассказов и текстов, описывающих личный религиозный опыт. Отличительной же характеристикой этого жанра в коммуникативном отношении постулируется их функционирование в рамках канонической речевой ситуации. Наиболее изученным жанром являются былички — краткие рассказы о встрече с потусторонним явлением или персонажем, однако и их определение требует уточнения.

V.A. Chervaneva. Mythological Story in the System of Mythological Prose: Approaches to Defining the Genre. This article analyzes various approaches to the typology of mythological prose and the place of bylichki

(mythological stories) within this system. A comprehensive characterization of mythological narrative is proposed, taking into account its content, form, and communicative features. The unifying features of diverse mythological oral texts (bylichki, legends, and folktales) are prose form, the focus on authenticity, and mythological content. The present classifications of texts remain incomplete, as their genre boundaries are blurred, and tradition is constantly supplemented with new forms. While characterizing the substantive features of mythological stories, special attention is paid to the distinction between demonological tales and texts describing personal religious experience. A distinctive communicative characteristic of this genre is their functioning within canonical speech situations. The best studied genre is bylichki — short stories about encounters with otherworldly phenomena or characters — but their definition also requires clarification.

Г.М. Маматов. Пространственно-временная структура стихотворения Н.П. Гронского «Ангел Севера»: между вечностью и бытием.

Статья посвящена исследованию пространственно-временной структуры миниатюры Н.П. Гронского «Ангел Севера» в сопоставлении с поэмой Гронского «Михаил Черниговский и Александр Невский», посвященной русским князьям. Если в поэме действие развертывается на Руси, то в стихотворении оно происходит «на другом берегу», в Ливонии. Главной темой произведения становится осмысление воинского подвига во имя веры как обретения вечности и бессмертия в умах потомков, что соотносится с традиционной для русской поэзии темой «нерукотворного памятника», представленной в поэзии Г.Р. Державина и А.С. Пушкина. Данный мотив противопоставлен теме сиюминутности человеческого земного бытия, что вводит в стихотворение оппозиции вечности и скоротечности, великого прошлого и настоящего, а также космического и земного. Рассмотрены главные образы миниатюры с опорой на изучение исторического и литературного контекстов, знание которых важно для понимания произведения. Стихотворение Гронского соотносится с северным мифом поэта, который он создавал и в других своих произведениях. Главный мотив в стихотворении — осмысление места человека в мире, а также темы бессмертия духа, религиозные и экзистенциальные мотивы.

G.M. Matatov. The Spatial-Temporal Structure of N.P. Gronsky's Poem "Angel of the North": between Eternity and Being. The article discusses the spatial-temporal structure of the miniature "Angel of the North" by N.P. Gronsky as compared to Gronsky's long poem "Mikhail of Chernigov and Alexander Nevsky" dedicated to the Russian princes. While in the long

poem the action takes place in Rus', in the poem it takes place "on the other shore", in Livonia. The main theme of the work is the insight into the feat of arms as pursuit of eternity and immortality in the minds of descendants, which correlates with the traditional for Russian poetry theme of the "not-made-by-hand monument", presented in the poetry of G.R. Derzhavin and A.S. Pushkin. This motif is opposed to the theme of the immediacy of human earthly existence, which introduces into the poem the opposition of eternity and transience, the great past and the present, as well as the cosmic and the earthly. The main images of the miniature are considered based on the study of historical and literary contexts, knowledge of which is important for understanding the work. This Gronsky's poem is related to the northern myth, which he created in his other works. The main motive in the poem is the understanding of man's place in the world, as well as themes of the immortality of the spirit, religious and existential motives.

М.В. Ларина. «Лишний человек» как «новый святой» (герой романа А. Иванова «Географ глобус пропил»). В статье исследуется специфика репрезентации образа протагониста Виктора Служкина в романе А. Иванова «Географ глобус пропил». В поисках актуального героя автор исходит из потребности создать в постсоветской литературе «нового святого» — личность, твердую в убеждениях, внутренне свободную, не желающую в угоду времени «совершать подлость», жертвуяющую своими интересами ради любви к ближнему. Данная задача усложняется необходимостью отразить в романе жизненные и эстетические реалии 1990-х годов, когда культурной доминантной выступает антигерой трикстерской парадигмы, вследствие чего Виктор Служкин представляет собой специфическую вариацию типа «лишнего человека», выживавшего на сломе эпох. Сохраняя связь с классикой, автор ставит в центр внимания поиск утраченного идеала и формирует пространство для воплощения традиционной в отечественной прозе философии надежды. В новых условиях выживаемость «лишнего человека» определяется умением смеяться над собой: именно трикстерская натура Географа, нивелируя трагизм как таковой, становится спасительным ресурсом. Сделан вывод о нацеленности современной литературы о «лишнем» герое на выявление внутренних констант, позволяющих личности остаться человеком и противостоять духовному упадку вопреки всем жизненным испытаниям.

M.V. Larina. A 'Superfluous Man' as a 'New Saint' (the Character of the A. Ivanov's Novel "The Geography Teacher Drank His Globe Away"). The article examines the specifics of the representation of the image of the

protagonist Viktor Sluzhkin in A. Ivanov's novel "The Geography Teacher Drank His Globe Away". In his search for a relevant hero, the author aims to create a "new saint" in post-Soviet literature: a person who is firm in their convictions, internally free, unwilling to "act low" to please others, and willing to sacrifice their interests for the sake of loving their neighbor. This task is complicated by the need to reflect in the novel the vital and aesthetic realities of the 1990s, when the antagonist of the trickster paradigm is the dominant cultural element, as a result of which Viktor Sluzhkin represents a specific variation of the "superfluous man" type, surviving at the turn of the eras. Maintaining a connection with the classics, the author focuses on searching for a lost ideal and creates space for embodying the philosophy of hope that is traditional in Russian prose. In these new conditions, the survivability of the "superfluous man" depends on the ability to laugh at oneself. It is the trickster nature of the geography teacher that levels tragedy and becomes a saving resource. It is concluded that modern literature about the "superfluous" hero is aimed at identifying the internal constants that allow an individual to remain human and resist spiritual decline despite all life's trials.

О.В. Каркавина. Особенности и роль синестетических включений в художественном мире Дж. Харрис. Статья посвящена анализу особенностей и роли синестетических включений в художественном мире современной британской писательницы Дж. Харрис. Исследование выполнено на материале трех романов автора: «Пять четвертинок апельсина», «Шоколад» и «Ежевичное вино», порождающих обонятельные, вкусовые, осязательные, слуховые, зрительные ассоциации. Они служат основой процесса синестетических переносов, являясь либо их исходным, либо конечным пунктом. Большая их часть в анализируемом материале представлена метафорическими синестетическими образованиями, коррелирующими с перцептивными модусами 'запах' и 'вкус', посредством которых автору удается погрузить читателя в мир гастрономии, который определяет содержание, особенности развития сюжетных линий, индивидуальные характеристики персонажей в исследуемых произведениях. В целом проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что синестетические включения в творчестве Дж. Харрис являются своеобразным стилистическим маркером, раскрывающим читателю специфику художественного мира автора, особенности индивидуального восприятия им окружающей действительности.

O.V. Karkavina. Peculiarities and Role of Synesthetic Inclusions in the Artistic World of Joanne Harris. The article analyzes the peculiarities and role of synesthetic formations in the artistic world of contemporary British

writer Joanne Harris. The research is based on three of the author's novels: "Five Quarters of the Orange", "Chocolat", and "Blackberry Wine". These works generate diverse associations: olfactory, gustatory, tactile, auditory, and visual. They serve as the basis for the process of synesthetic transfers, being either their starting or ending point. The majority of synesthetic inclusions in the analyzed material are represented by metaphorical synesthetic formations, correlating with the perceptual modes of 'smell' and 'taste'. Through the appeal to olfactory and gustatory sensations, the author manages to immerse the reader in the world of gastronomy, which determines the content, the peculiarities of plot development, and the specific features of the characters in the studied works. Overall, the conducted research leads to the conclusion that synesthetic formations in Joanne Harris's works are a distinctive stylistic marker, revealing to the reader the specifics of the author's artistic world and the peculiarities of her individual perception of the surrounding reality.

О.С. Григорьева. Научный и учебный дискурсы в аспекте семантической изотопии. В статье рассмотрены когезия и когерентность текста как результат процесса порождения дискурса через призму семантической изотопии, представляющей семантическую структуру текста. Приведены виды семантической изотопии. Материалом исследования являются тексты научного и учебного дискурсов в жанровых разновидностях «учебное пособие» и «монография», подготовленные преподавателями Кемеровского государственного университета: описаны результаты анализа текстов учебного пособия Е.А. Кранзеевой «Гендерная социология» и монографии «Организация работы с молодежью: междисциплинарная интеграция теории и технологий», изданной под ред. А.А. Зеленина, М.С. Яницкого, на основе рассмотрения параметра семантической изотопии. На основе анализа и сопоставления указанных источников выделяются виды семантической изотопии, характерные для текстов научного и учебного дискурсов, сделан вывод о том, что для текстов научного и учебного дискурсов характерна семантическая изотопия вида «тождественности значений» (на горизонтальном уровне), гипо-гиперонимического вида (на вертикальном уровне), а также высокая «плотность» изотопической цепи.

O.S. Grigorieva. Scientific and Educational Discourses in the Aspect of Semantic Isotopy. The article examines text cohesion and coherence as a result of the discourse generation process through the prism of semantic isotopy, which represents the semantic structure of the text. Types of semantic isotopy are presented. The research material is the texts of scientific and educational discourses in the genre varieties "textbook" and "monograph",

prepared by teachers of Kemerovo State University. The results of the text analysis of E. A. Kranzeeva's textbook "Gender Sociology" and the monograph "Organization of Work with Youth: Interdisciplinary Integration of Theory and Technology", published under the editorship of A.A. Zelenin and M.S. Yanitsky, are described based on the consideration of the parameter of semantic isotopy. Based on the analysis and comparison of the specified sources, the types of semantic isotopy characteristic of the texts of scientific and educational discourses are identified, and the conclusion is made that the texts of scientific and educational discourses are characterized by semantic isotopy of the type of "identity of meanings" (at the horizontal level), hypo-hyperonymic type (at the vertical level), as well as a high "density" of the isotopic chain.

С.В. Лопухов. Семиотические типы интернет-мемов: классификация и сравнительный анализ. Статья посвящена изучению интернет-мема через призму классификации по семиотическим типам. Проблемой исследования стало взаимосо существование указанных типов в интернет-пространстве. Цель — сравнение типов и исследование сравнительной популярности. В теоретической части применялись общенаучные методы анализа и наблюдения. Результатом теоретической работы стало введение нового термина — «полисемиотические мемы». В практической части приводятся результаты эмпирического исследования, проведенного методом устного опроса и анализа полученных данных. Материалом выступила подборка мемов, позволяющая выявить наиболее популярные среди пользователей образцы жанра. Анализ данных показал наибольшую популярность креолизованных мемов (80%), а также сравнительно высокую популярность полисемиотических (9%) и вербальных (8%) мемов. Наименее предпочтительными оказались аудиальные мемы. Из исследования следует вывод о предпочтении пользователями информативных и в то же время лаконичных образцов жанра.

S.V. Lopuhov. Semiotic Types of Internet Memes: Classification and Comparative Analysis. The article considers the study of the Internet meme through the prism of classification according to semiotic types. The coexistence of these types in the Internet has been the problem of the study. The purpose of the study was to compare the types and study comparative popularity. In the theoretical part general scientific methods of analysis and observation were used. The result of the theoretical work was the introduction of the new term — "polysemiotic memes". The practical part presents the results of an empirical study conducted by oral questioning and analysis of the data obtained. The selection of memes serves as material, which allows

us to identify the most popular samples of the genre among users. Data analysis showed the dominant popularity of creolized memes (80%), as well as a relatively high popularity of polysemiotic (9%) and verbal (8%) memes. Audial memes turned out to be the least popular. The study concludes that users prefer informative and, at the same time, concise specimens of the genre.

Е.Ю. Сафронова, Е.П. Селезнева. Художественный образ в преподавании русского языка как иностранного: от перцепции к творчеству. Цель статьи — рассмотреть возможности использования художественного образа на занятиях по русскому языку как иностранному на подготовительном отделении Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета. Занятия с иностранными обучающимися, выстроенные на основе использования художественных образов, способны выполнять интегрирующую роль в становлении личности будущего специалиста и его индивидуального пути приобщения к русской культуре. В исследовании применялись общенаучные методы анализа, систематизации, дедукции, а также частнонаучные — лингвистического описания, педагогического проектирования, семиотического и мотивного анализа. Подробно анализируется случай из практики преподавания русского как иностранного в СПбГАСУ — опыт литературного творчества иностранного студента — написание рождественской сказки. Осмысяются жанровое своеобразие произведения, его сюжет, художественный мир и образная система, рассматриваются развивающие возможности задания такого типа.

E.Yu. Safronova, E.P. Selezneva. Imagery in Teaching Russian as a Foreign Language: from Perception to Creativity. The aim of this article is to explore the possibilities of using imagery in classes of Russian as a foreign language at the preparatory course of Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering. Classes with foreigners, built on the use of imagery, can play an integrative role in shaping the personality of the future specialist and their individual path toward engaging with Russian culture. The research employed general scientific methods of analysis, systematization, and deduction, as well as specific scientific methods such as linguistic description, pedagogical design, semiotic analysis, and motivational analysis. The article provides a case study from the practice of teaching Russian as a foreign language at SPbGASU, specifically focusing on the creative writing of a foreign student — writing a Christmas tale. It explores the unique genre characteristics of the work, its plot, artistic world, and imagery system, while also examining the developmental potential of such assignments. Creative tasks aimed at producing fiction texts allow

for a swift achievement of the ultimate educational goal: developing a high level of communicative competence in foreign students across all areas of communication, as well as the ability to realize complex intentions (such as establishing contact, providing information, making evaluations, etc.).

Н.В. Бубнова. Там, где Волга впадает в Каспийское море: обзор XXIII Международной научной конференции «Ономастика Поволжья». В обзоре описывается круг ономастических исследований, обозначенных на XXIII Международной научной конференции «Ономастика Поволжья», которая состоялась 1–3 октября 2025 года на базе Астраханского государственного университета им. В.Н. Татищева под эгидой Российского общества преподавателей русского языка и литературы. На пленарных и секционных заседаниях были заслушаны и обсуждены доклады, посвященные рассмотрению теоретических и методических аспектов ономастики, а также актуальных проблем наиболее интенсивно развивающихся ее разделов: антропонимики, топонимики, урбанонимики и эргонимики, литературной ономастики. Впервые в рамках работы данной профильной конференции была сформирована секция, на которой докладчиками были рассмотрены особенности функционирования имен собственных в искусстве, науке и средствах массовой информации. В целом в ходе работы конференции были актуализированы приоритетные направления современной ономастики, обозначены дискуссионные вопросы и перспективы исследований.

N.V. Bubnova. Where the Volga Flows into the Caspian Sea: Review of the XXIII International Scientific Conference "Onomastics of the Volga Region". The article describes the range of onomastic studies represented at the XXIII International Scientific Conference "Onomastics of the Volga Region", which was held on October 1-3, 2025 at Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev under the aegis of the Russian Society of Teachers of Russian Language and Literature. At the plenary session and in workshops reports were heard and discussed on theoretical and teaching aspects of onomastics, as well as on the topical issues of its most intensively developing branches: anthroponymy, toponymy, urbanonymy and ergonymy, literary onomastics. For the first time, as part of the work of this specialized conference, a section was formed where the speakers discussed the specifics of the functioning of proper names in art, science and the media. In general, the priority areas of modern onomastics were updated, controversial issues and research prospects were identified in the course of the conference, the priority areas of modern onomastics were updated, controversial issues and research prospects were identified.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 2025 ГОД

Статьи

М.И. Абдыжапарова, Е.П. Каргаполов, Т.В. Федосова. Образ леса в метафорических моделях авторской картины мира Владимира Волковца (1)

Е.И. Абрамова, Е.Д. Павлычева. Метафора дерева в политическом дискурсе США (2)

Н.Ф. Акимова. Неофраземы французского молодежного социолекта (4)

Г.В. Ануфриева. Тропеическая система в идиостиле Е.Д. Айпина (на материале романа «В поисках Первоземли») (3)

С.В. Беликов. Эргонимы в городском ономастическом пространстве Харбина и перспективы их использования при обучении русскому языку как иностранному (1)

Е.В. Валюлина. Роль медиаинтеграционной модели в цифровой трансформации информационного пространства (на примере Алтайского государственного университета) (2)

Ван Чуньму. Сопоставление музыкально-исполнительской терминологии в русском и китайском языках (3)

О.Н. Григорьева, Гаоюань Хао. Фразеология смелости и трусости в современном русском языке и в произведениях А.С. Пушкина (2)

С.А. Губанов. Эпитетация тишины и молчания в текстах М. Цветаевой (2)

С.В. Доронина, И.Ю. Качесова. Манипулятивные стратегии как компонент речевого воздействия: размышления о статусе коммуникативного явления (2)

А.А. Иванова, О.Ю. Муштанова. Сюжетообразующие мотивы легенд острова Сицилия (1)

О.В. Каркавина. Особенности и роль синестетических включений в художественном мире Дж. Харрис (4)

В.Н. Карпухина, А.А. Мансков. Художественный метод Сигизмунда Кржижановского и Михаила Булгакова: к постановке проблемы (1)

Ю.В. Климук. Терминологический состав макрополя «Геология россыпных и рудных месторождений» терминологии золотодобычи в современном русском языке (3)

В.С. Коваленко. Профессиональные англизмы в общении ИТ-специалистов (на материале опроса тестировщиков) (3)

Ю.М. Коняева. Искусственный интеллект как медийная персона: речевая презентация (3)

А.А. Косарева. Биографии Арлекина и Пьера в Англии и Франции XVIII–XIX веков (3)

Е.А. Косых. Терминология колоризмов в русском языке (3)

М.В. Ларина. «Лишний человек» как «новый святой» (герой романа А. Иванова «Географ глобус пропил») (4)

Е.В. Лебедева. Образ рассказчика в военной публицистике Г.Д. Гренбенникова (на материале публикации 1916 г. «Охвостье») (2)

Лин Цзе. Шолоховские аллюзии и реминисценции в творчестве Чжоу Либо (3)

Г.И. Лушникова, Т.Ю. Осадчая. Рассказы сборника «You Like It Darker» С. Кинга: мистика и реальность (3)

Лю Сыди, Н.Г. Нестерова. Медиаобраз Сибири через призму научных достижений ее регионов: средства языковой презентации (на материале текстов сайта Международной выставки-форума «Россия») (1)

Ю.В. Маликова. Роль пушкинской традиции в организации системы персонажей романа К.Г. Паустовского «Дым отечества» (3)

Ю.В. Малицкий. Белорусский публицистический текст: диахронно-синхронный аспект (4)

Г.М. Маматов. «Ангел Севера» Н.П. Греконского: анализ одного стихотворения (4)

Э.В. Маремукова. Этностереотипизация утверждения и отрицания в разноструктурных языках (1)

Г.В. Напреенко. Озвучивание как интерпретация письменного текста (на материале текстов эссе) (2)

С.М. Пашков. Категория сакральности в контексте образования гомилетических текстов (на материале английского языка) (3)

Т.Г. Рабенко, А.О. Терентьева. Модель распространения неавторизованной информации в виртуальном коммуникативном пространстве (на материале социальной сети «ВКонтакте») (1)

М.Г. Ромашин. Образность и метафоричность терминологии в английских научно-технических текстах нефтегазовой отрасли (4)

М.В. Румянцева. Концепт-колоратив *жёлтый* в художественной картине мира В. Личутиной: многообразие смыслов (3)

В.С. Савельев. Часть речи, представляющая движение духа человеческого кратко (4)

Д.В. Сердюк. Интертекстуальность святочно-рождественских рассказов М. Горького (1)

Т.В. Сивова. Цветовая визуализация косточковых растений: цвет сливы (опыт полидискурсивного исследования) (4)

О.В. Спачиль. Рефлекс свободы в книге А.П. Чехова «Остров Сахалин» (3)

Н.М. Сухих. Веществование и повседневность вещи как приемы художественного воплощения повседневного пространства через предметные детали (по рассказам М.А. Осоргина) (2)

А.Д. Юропина, А.Ю. Ильина. Способы образования архитектурных терминов на материале английского и русского языков (4)

А.Д. Цкриалашвили. Коммуникационные стратегии в политическом PR: на материале предвыборных кампаний в США 2016–2020 и 2020–2024 годов (электоральный цикл) (2)

В.А. Черванёва. Мифологический рассказ в системе мифологической прозы: подходы к определению жанра (4)

И.П. Черкасова. Феномен концептуализации образа Николая Чудотворца и понятия чуда в поэтическом дискурсе (1)

Т.В. Чернышова, Х.Угли Самадов. Функционально-стилевая и эмоционально-экспрессивная градация оценочных значений зооморфизмов в русском языке (3)

Е.С. Кара-Мурза, Т.В. Чернышова. Коммуникативные риски в медиапространстве и их актуализация в образовательном, просветительском и лингвоэкспертном дискурсах (итоги работы пленарной сессии на IX Международной научной конференции «Язык в координатах мас-медиа», 26–29 июня 2025 года) (3)

Е.А. Чистюхина. Лингвокультурный типаж «ленивый человек» как составляющая ценностной картины мира российских немцев (на материале шванков) 1

Н.Ю. Шнякина. Метафорическая модель «личностное развитие — путь» в практике немецкоязычного коучинга (2)

Т.И. Щелок, И.А. Чернова. Семантико-прагматические особенности заимствований тематической рубрики «Kino & Serien» в контексте медиалингвистической парадигмы (4)

Ю.И. Щербинина. Языковые средства типизации персонажей в англоязычной литературе (на примере архетипа «мудрый старец») (4)

Янь Сяолин. Функционально-стилистический подход к преподаванию грамматики русского языка в китайском вузе (реализация категории каузальности в разговорной речи) (2)

Е.В. Яркова. Старообрядческий текст первого тома романа Г.Д. Гребенщикова «Чураевы» и его авторизованного перевода Н.С. Селивановой (2)

Научные сообщения

Е.А. Важина. Основные модели управленческих коммуникаций в российских редакциях СМИ (2)

Е.Е. Волкова. Художественные приемы в творчестве Николая Олейникова: метабола и деконструкция (1)

Т.Н. Гарьковская. О типичных ошибках в интерпретации английского существительного thing русскоязычными студентами (2)

О.С. Григорьева. Научный и учебный дискурсы в аспекте семантической изотопии (4)

А.А. Корниенко, А.И. Кулепин. Пограничье: семиотика забора и ограды в художественном мире Юрия Олеши (2)

С.В. Лопухов. Семиотические типы интернет-мемов (4)

А.В. Марков, О.А. Штайн. Зеркало Гоголя: скрытый мотив книги М.М. Бахтина о Рабле (3)

С.М. Пронченко. Имена собственные в охотничьей прозе А.К. Толстого (1)

Д.Д. Старикова, Л.А. Селина. Психолингвистические особенности восприятия концепта ИДЕАЛЬНАЯ ЛЕКЦИЯ абитуриентами поколения Z (1)

Е.В. Тырышкина. Динамический герой в повести Ю.Н. Тынянова «Восковая персона» (заметки к теме) (1)

М.В. Устинова. Образ перцептивного автора в новостном контенте официального сайта (на материале лингвистического эксперимента) (3)

А.Д. Цкриалашвили. Фрейминг, речевые стратегии и тактики американских политических лидеров (на примере президентских кампаний электорального цикла 2020–2024) (3)

Чжан Хуэйчжэнь. Антон Чехов в творчестве Лу Синя (1)

Чжан Цзин. Слова *новый* и *новенький* в цикле рассказов И.А. Бунина «Темные аллеи»: семантика и функции (1)

Люди. Факты. События

Н.В. Бубнова. «Огней так много золотых на улицах Саратова...»: обзор XXII Международной научной конференции «Ономастика Поволжья» (1)

Н.В. Бубнова. Там, где Волга впадает в Каспийское море: обзор XXIII Международной научной конференции «Ономастика Поволжья» (4)

Проблемы филологического образования

Е.Ю.Сафонова, Е.Ю. Селезнева. Художественный образ в преподавании русского языка как иностранного: от перцепции к творчеству (4)

НАШИ АВТОРЫ

АКИМОВА,
Наталья
Фридриховна

— кандидат филологических наук,
доцент Алтайского государственного педагогического
университета (Барнаул)
E-mail: nfakimova@mail.ru

БУБНОВА,
Нина
Викторовна

— кандидат филологических наук,
доцент Военной академии ВПВО ВС РФ (Смоленск)
E-mail: 85ninochka67@mail.ru

ГРИГОРЬЕВА,
Ольга
Сергеевна

— редактор Центра книгоиздания,
коисполнитель Кемеровского государственного университета
E-mail: gos@kemsu.ru

ИЛЬИНА,
Анна
Юрьевна

— кандидат филологических наук, доцент Российского
университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы
(Москва)
E-mail: ilyina_ayu@pfur.ru

КАРКАВИНА,
Оксана
Владимировна

— доцент, кандидат филологических наук
Алтайского государственного университета (Барнаул)
E-mail: ulyakarkavina@yandex.ru

ЛАРИНА,
Мария
Валерьевна

— кандидат филологических наук; исполнитель
Отдела сопровождения научных проектов
Русской христианской гуманитарной академии
им. Ф.М. Достоевского (Санкт-Петербург)
E-mail: hoboswank@yandex.ru

ЛОПУХОВ,
Семен
Валерьевич

— аспирант Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова
E-mail: semlop@mail.ru

МАЛИЦКИЙ,
Юрий
Вячеславович

— докторант Института языкоznания им. Якуба Коласа
Центра исследований белорусской культуры, языка
и литературы Национальной академии наук Беларусь
(Минск)
E-mail: sp-sm@mail.ru

МАМАТОВ,
Глеб
Максимович

— кандидат филологических наук, преподаватель
Новосибирского государственного технического
университета
E-mail: g.m.mamatov@yandex.ru

РОМАШИН,
Михаил
Геннадьевич

— аспирант Российского университета дружбы народов
им. Патриса Лумумбы (Москва)
E-mail: oilandgasindustry@bk.ru

САВЕЛЬЕВ,
Виктор
Сергеевич

— доктор филологических наук, доцент Московского
государственного университета им. М.В. Ломоносова
E-mail: alfertinbox@mail.ru

САФРОНОВА,
Елена
Юрьевна

— доктор филологических наук, профессор
Санкт-Петербургского государственного
архитектурно-строительного университета
E-mail: esafr@mail.ru

СЕЛЕЗНЕВА,
Елена
Петровна

— кандидат педагогических наук, заведующая кафедрой
межкультурной коммуникации Санкт-Петербургского
государственного архитектурно-строительного
университета
E-mail: intern.spbgasu@mail.ru

СИВОВА,
Татьяна
Викторовна

— кандидат филологических наук, доцент Гродненского
государственного университета им. Янки Купалы (Беларусь)
E-mail: t.sivova@grsu.by

УРЮПИНА,
Анна
Дмитриевна

— ассистент Российского университета дружбы народов
им. Патриса Лумумбы (Москва)
E-mail: uryupina_ad@pfur.ru

ЧЕРВАНЁВА,
Виктория
Алексеевна

— кандидат филологических наук, доцент, ведущий
научный сотрудник Центра типологии и семиотики
фольклора Российского государственного гуманитарного
университета (Москва)
E-mail: viktoriya-chervaneva@yandex.ru

ЧЕРНОВА,
Ирина
Александровна

— кандидат филологических наук, доцент Алтайского
государственного педагогического университета
(Бийский филиал им. В.М. Шукшина)
E-mail: cherr13@rambler.ru

ЩЕЛОК,
Татьяна
Ивановна

— кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков Института гуманитарного образования Алтайского государственного педагогического университета (Бийский филиал им. В.М. Шукшина)
E-mail: tstschelok@rambler.ru

ЩЕРБИНИНА,
Юлия
Игоревна

— кандидат филологических наук, доцент Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
E-mail: y.i.shcherbinina@yandex.ru

Требования к оформлению присылаемых в редакцию материалов

1. Редакция журнала принимает статьи объемом до 45 тыс. знаков с пробелами, научные сообщения — до 25 тыс. знаков с пробелами, другие материалы — до 10 тыс. знаков с пробелами). Для аспирантов — объем не более 20 тыс. знаков с пробелами.

2. Электронные материалы должны быть представлены в формате Word for Windows. Для знаков, отсутствующих в шрифте Times New Roman (для транскрипции, иноязычных примеров и т.д.), используются стандартные распространенные шрифты (Symbol, LucidaSansUnicode). При использовании оригинальных шрифтов их файлы (формат *.ttf — True Type Font) необходимо выслать вместе со статьей приложением к электронному письму. Для создания схем, графиков, иллюстраций используются программы стандартного пакета Microsoft Office; графика должна быть внутри файла.

3. Примеры в тексте статьи оформляются *курсивом*.

4. Примечания к тексту оформляются в виде постраничных сносок и имеют постраничную нумерацию.

5. Библиографическое описание научных изданий (Библиографический список) оформляется с указанием издательства, индекса DOI (при наличии), страниц и вида издания — учебное пособие, монография, сборник и т.п.), количества страниц и приводится в конце работы по алфавиту. Издания на иностранных языках располагаются после изданий на русском языке. Ненаучные издания (нормативные документы, архивные и др. материалы) указываются в отдельной рубрике «Список источников» в конце списка литературы.

6. Ссылки на литературу в тексте даются в квадратных скобках, где указываются фамилия автора, год издания, цитируемые страницы. Например: [Виноградов, 1963, с. 46]. Если в библиографии упоминается несколько работ одного и того же автора и года, то используется уточнение: [Горелов, 1987а]. В списке литературы делается такая же пометка. При цитировании изданий на иностранных языках цитатадается на языке оригинала (при необходимости — с переводом автора статьи). Если цитата дана на русском языке в неавторском переводе, то в библиографическом списке указывается не иноязычный оригинал, а источник, в котором был опубликован перевод. Интернет-источники с изменчивым контентом без указания конкретного материала (кроме электронных изданий, поддающихся библиографическому описанию), блоги, форумы и т.п., а также авторские комментарии помещаются в подстрочных примечаниях (сносках). Ссылка на источник приводимого в качестве иллюстративного материала фрагмента чужого текста дается после примера в круглых скобках: *Надзор за деятельностью банков должен быть в надежных руках* (Независимая газета. 01.02.2016).

7. Статьи следует отправлять в редакцию через электронный портал «Научные журналы АлтГУ» по адресу: <http://journal.asu.ru/pm/information/authors>. К статье прилагается справка об авторе или авторах: фамилия, имя, отчество, место работы (полное название организации с указанием адреса и почтового индекса), должность, ученая степень, ученое звание, служебный и домашний адрес, номера телефонов / факса, электронная почта. **Наличие электронной почты обязательно!**

8. Статьи, оформленные с нарушением приведенных правил или плохо отредактированные, редакцией не рассматриваются.

9. Требования к оформлению текста статьи: 12 кегль, шрифт: Times New Roman, межстрочный интервал одинарный, абзацный отступ — 0,8 см. **Неосновной текст**, предваряющий статью (научное сообщение), состоит из следующих компонентов: и.о. фамилия автора (на русском и английском языках, выделяется полужирным), название (на русском и английском языках, выделяется полужирным), аннотации на русском и английском языках (1000 знаков с пробелами каждая); в аннотации указываются тема, цель, материал, методы, краткие результаты исследования). Далее следует **основной текст статьи**: название (на русском языке, прописными буквами, выравнивание по центру), и.о. фамилия автора (полужирным, курсивом, выравнивание по центру), ключевые слова на русском и английском языках (не более 6-ти на каждом языке, отступы слева и справа по 0,8 см., выравнивание по ширине), собственно текст, Библиографический список литературы (не менее 15 единиц) и References.

К статье прилагается справка об авторе или авторах: фамилия, имя, отчество, место работы (полное название организации с указанием адреса и почтового индекса), должность, ученая степень, ученое звание, служебный и домашний адрес, номера телефонов / факса, электронная почта.

Примечания:

1. Научные тексты, присылаемые аспирантами и соискателями ученой степени кандидата наук, должны отражать основные результаты исследования, соответствовать жанру научного сообщения и сопровождаться рекомендацией кафедры, при которой выполняется диссертационная работа (оформляется в виде выписки из протокола заседания кафедры), отзывом научного руководителя (с оценкой актуальности темы исследования, новизны полученных результатов, их теоретической и практической значимости) и рекомендацией к печати в журнале «Филология и человек». Сопроводительные документы (скрепленные печатью организации) сканируются и высылаются в редакцию по электронной почте.

2. Все материалы публикуются в журнале бесплатно.

Периодическое издание

ФИЛОЛОГИЯ И ЧЕЛОВЕК

№ 4 2025

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Регистрационный номер ПИ № ФС77–81381 от 16.07.2021 г.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Технический редактор Т.Б. Беломестнова
Подготовка оригинал-макета: Д.А. Басманова

Журнал распространяется по подписке
Подписной индекс с 36795 в каталоге Урал-Пресс
Цена свободная

Подписано в печать 05.12.2025.

Дата выхода издания в свет 12.12.2025.

Формат 60×84/16. Гарнитура Minion 3. Бумага офсетная.
Усл.-печ. л. 16,51. Тираж 500 экз. Заказ № 784.

Издательство Алтайского государственного университета
656049, Алтайский край, Барнаул, ул. Димитрова, 66
Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997.

Типография Алтайского государственного университета 656049,
Алтайский край, Барнаул, ул. Димитрова, 66